БИБЛИОТЕКА РЕВОЛЮЦИОННЫХ МЕМУАРОВ «ИЗ ИСКРЫ ВОЗГОРИТСЯ ПЛАМЯ»

ОТ НАРОДНИЧЕСТВА — К МАРКСИЗМУ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ПАРТИИ
ЛЕНИНГРАДСКОГО ОБКОМА КПСС —
ФИЛИАЛ ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА-
ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ СССР
АКАДЕМИИ НАУК СССР

Редакционная коллегия
«Библиотеки
революционных мемуаров»:
С. С. ВОЛК,
В. Н. ГИНЕВ,
М. П. ИРОШНИКОВ,
З. С. МИРОНЧЕНКОВА,
Л. М. СПИРИН,
В. А. ШИШКИН

Ответственный составитель
«Библиотеки
революционных мемуаров»
доктор исторических наук
В. Н. ГИНЕВ

БИБЛИОТЕКА
РЕВОЛЮЦИОННЫХ
МЕМУАРОВ
«ИЗ ИСКРЫ
ВОЗГОРИТСЯ
ПЛАМЯ»

ОТ НАРОДНИЧЕСТВА — К МАРКСИЗМУ

Воспоминания участников
революционного движения
в Петербурге (1883—1894 гг.)

Составители:
доктор исторических наук
И. Н. КУРБАТОВА,
научный сотрудник
дома Плеханова
Т. А. АРКУШЕНКО

Научный редактор
доктор исторических наук
С. С. ВОЛК

Лениздат 1987

63.3(2)51
О-80

Рецензент
доктор исторических наук
Ф. М. Суслова

Воспоминания *И. И. Попова, В. Г. Харитонова, А. И. Ульяновой-Елизаровой, О. М. Говорухина, В. В. Бартенева, М. С. Ольминского* и примечания к ним подготовлены к печати *Т. А. Аркушенко;* воспоминания *А. Л. Брейтфуса, М. И. Бруснева, Л. Б. Красина, В. М. Карелиной, В. С. Голубева, Е. Д. Стасовой* и примечания к ним подготовлены к печати *И. Н. Курбатовой.*

На первом форзаце — маевка брусневской организации на Волковском кладбище в Петербурге в 1892 году. Художник М. Д. Янков.
На втором форзаце — Шлиссельбургская крепость. Фотография

О $\frac{0505000000-195}{М171(03)-87}$ 103—87

© Лениздат, 1987

НА ПЕРЕЛОМЕ

В 80—90-е годы XIX века российское революционное движение шло по двум направлениям — социал-демократическому (марксистскому) и народническому. Социал-демократическое направление с каждым годом крепло и развивалось; народническое, напротив, все более погружалось в пучину противоречий, роковых ошибок, разочарований.

Представители обоих направлений боролись за светлое будущее России, но их идеологи по-разному представляли себе и это будущее, и путь к нему. Поэтому борьба с общими врагами — самодержавием и капитализмом — переплеталась у революционеров двух направлений с ожесточенной идейной полемикой друг с другом, с взаимной борьбой за влияние на интеллигенцию и передовых рабочих. В. И. Ленин писал: «Вся история русской революционной мысли за последнюю четверть века есть история борьбы марксизма с мелкобуржуазным народническим социализмом» [1].

С начала 80-х годов «Народная воля» переживала идейный и организационный кризис. 1 марта 1881 года народовольцы достигли наконец своей заветной цели: царь Александр II был убит. Но взрыв бомб на Екатерининском канале не стал сигналом к народному восстанию. Основные силы «Народной воли» ушли на подготовку террористических актов; ее рабочие и военные кружки оказались неготовыми выступить, в крестьянстве работа почти не велась. Правительство довольно быстро оправилось от первоначальной растерянности и вместо ожидаемых уступок, согласия на введение политических свобод перешло к политике ужесточения репрессий не только против революционеров, но и в отношении любого проявления оппозиционных настроений. На жестком политическом курсе настоял в первую очередь имевший большое влияние на нового царя Александра III его наставник обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 40.

80-е годы XIX века вошли в историю России как период глубокой реакции во всех областях общественной жизни. Об этом времени спустя много лет писал А. Блок в поэме «Возмездие»:

В те годы дальние, глухие,
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла,
И не было ни дня, ни ночи,
А только — тень огромных крыл...

Безрезультатность террора вызвала спад революционных настроений у части народнической интеллигенции, оттолкнула ее от революционных идей. В этой среде получила распространение проповедь легальных «малых дел», будто бы только и возможных в условиях реакции. Расцвело так называемое «либеральное народничество», склонное к примирению с царизмом в надежде на мирную постепенную демократизацию существующего строя.

А перед теми, кого реакция лишь ожесточила, встал вопрос: что делать дальше? Народовольческие программные документы предполагали серию цареубийств, если одного окажется недостаточно для принуждения правительства к выполнению требований революционеров о политических свободах. Но сил для этого не было.

Массовые аресты в 1881—1882 годы сильно ослабили организацию. Был арестован почти весь Исполнительный комитет «Народной воли». Двое из трех оставшихся на свободе его членов — Л. Н. Тихомиров и М. Н. Ошанина — вынуждены были с лета 1882 года жить в Париже. Находившаяся в России В. Н. Фигнер была арестована в феврале 1883 года.

Остатки народовольцев переживали смутное и страшное время. Среди них ходили слухи (потом подтвердившиеся), что в центре организации находится провокатор, который помогает полиции выслеживать революционеров.

В начале 1881 года заведующим агентурой Петербургского отделения по охранению государственного порядка и общественного спокойствия (т. е. «охранки») был назначен майор Г. П. Судейкин — большой мастер полицейских провокаций. Попавших в руки полиции участников подпольных кружков он путем запугивания и посулов принуждал к предательству.

В декабре 1882 года была создана секретная полиция для руководства политическим сыском по всей России, а Судейкина царь назначил ее особым инспектором. В это же время в Одессе был арестован член военного центра «Народной воли» С. П. Дегаев. Во время следствия он проявил слабость и, завербованный Судейкиным, стал осведомителем. На совести Дегаева полный разгром военной организации и арест почти 200 человек. По его доносу была арестована и В. Н. Фиг-

нер. В своих воспоминаниях она написала, как была потрясена, узнав о провокаторской деятельности Дегаева: «Испытать такую измену — значило испытать ни с чем не сравнимое несчастье, уносящее моральную красоту людей, красоту революции и самой жизни... Мне хотелось умереть».

Боязнь разоблачения привела Дегаева в мае 1883 года в Париж, где он признался Ошаниной и Тихомирову в своем предательстве. Условием сохранения ему жизни члены Исполнительного комитета поставили убийство Судейкина. Дегаев вернулся в Россию, однако выполнить данное им в Париже обещание не спешил.

Внутри «Народной воли» тем временем зрел раскол. События 1 марта, не принесшие ожидаемых результатов, вызвали у революционеров естественные сомнения в правильности выбранного пути, в состоятельности тактических установок. Итогом явилось то, что часть народовольцев выделилась из партии и образовала организацию, принявшую название «Молодая партия „Народной воли"». Одним из руководителей ее был П. Ф. Якубович. Члены этой организации считали необходимым пересмотреть некоторые тактические и организационные принципы старой «Народной воли». Они были недовольны строгой централизацией, которая была принята раньше, а теперь давала возможность Тихомирову из-за границы принимать важные решения и требовать их безусловного исполнения, не считаясь с мнением российских членов партии. Такое положение дел приводило к массовым арестам, лишало местных деятелей права на инициативу, наносило огромный ущерб революционной работе.

Не отказываясь от террора, «молодые» считали, что он должен быть направлен непосредственно против эксплуататоров. Фабричный террор — против хозяев фабрик и заводов, аграрный — против помещиков. Причем первостепенное значение отводилось фабричному террору и пропаганде его среди промышленных рабочих.

Таковы были программные установки «молодых», но в главных положениях они мало чем отличались от программы «Народной воли».

В создавшейся ситуации восстановить единство «Народной воли» мог только человек, пользовавшийся авторитетом среди революционеров и имевший опыт подпольной работы. Таким человеком был Герман Александрович Лопатин. Друг К. Маркса и Ф. Энгельса, член Генерального Совета I Интернационала Лопатин был в числе первых переводчиков «Капитала». В ноябре 1870 года он отправился в Россию освобождать из ссылки Н. Г. Чернышевского. Попытка оказалась неудачной. Лопатин сам был арестован и лишь в 1873 году ему удалось бежать.

Будучи по своим убеждениям народником, Г. А. Лопатин не был народовольцем. Однако под влиянием бесед с Энгельсом, который в то время еще продолжал надеяться

на революционный кризис в России и переоценивал реальные возможности «Народной воли», и поддавшись уговорам ветерана народнического движения П. Л. Лаврова, Лопатин решил примкнуть к этой партии, чтобы иметь возможность ее восстановить. В октябре 1883 года он приехал в Россию. Существенным моментом является то, что Тихомиров и Ошанина, опасаясь, что Лопатин откажется от задуманного, не предупредили его о предательстве Дегаева.

Г. А. Лопатин сумел самостоятельно разоблачить провокатора и заставил его организовать убийство Судейкина в декабре 1883 года. Выполнил он и обещание, данное Дегаеву Тихомировым, — переправил его за границу.

В своей краткой автобиографии Лопатин писал, что перед ним стояли задачи: избавиться от агентуры Судейкина — Дегаева в рабочих и студенческих кружках, отправить в безопасные места тех революционеров, о которых уже были сведения в полиции, объединить остатки местных групп, наладить несколько типографий, собрать средства для ведения революционной работы. Такой груз, по его словам, был «чудовищным для единичной личности».

Большую часть «молодых» удалось уговорить объединиться под старым знаменем. Но к позитивным изменениям в деятельности организации это не привело. Кризис народовольчества продолжал углубляться.

В октябре 1884 года был арестован Г. А. Лопатин. Застигнутый врасплох, он не успел уничтожить находившиеся при нем списки революционеров, письма и «рукопись о восстановлении революционной организации, расстроенной действиями С. Дегаева».

Благодаря этим документам полиция схватила почти всех— «старых» и «молодых» — народовольцев и даже лиц, оказывавших им услуги. Лопатин, выступая на суде, объяснял товарищам свою трагическую ошибку: «Я рассчитывал на свою силу и ловкость. И это с моей стороны не было самонадеянностью, потому что прежде мне не раз удавалось во время арестов уничтожать важные письма».

Следствие длилось почти четыре года. Все это время Лопатин и многие другие сидели в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. В мае — июне 1887 года в петербургском военно-окружном суде слушалось дело руководителей организации — 21 человека. Почти все были приговорены к длительным срокам каторги или ссылки, пятеро — к вечной каторге. Этот процесс вошел в историю под названием «процесс 21-го». (О деятельности народовольцев в 1883 — 1884 гг. см.: *Давыдов Ю. В.* Герман Лопатин. Его друзья и враги. М., 1984.)

Г. А. Лопатин был отправлен в Шлиссельбургскую крепость, которую называли «сухой гильотиной». Он мужественно переносил ужасное существование. О своей тюрьме-моги-

ле Лопатин написал стихотворение «Орешек» — так в Древней Руси называли эту крепость:

Гражданской вольности сыны,
Служа ей твердо, без измены,
В защиту прав родной страны
Воздвигли встарь здесь эти стены.

Но новгородский тот орех
Взращенный здесь назло врагам
И больно крепкий, как на грех,
Раскусывать досталось нам...

Оплот свободы в час недоли
Погреб друзей «народной воли»,
В твердыне вольности — рабы...
О ты, ирония судьбы!

В поисках новых путей борьбы российские революционеры все чаще обращали свои взоры к Западной Европе, где в рабочем движении влиятельной силой становился марксизм.

По периодизации В. И. Ленина второй период российского освободительного движения — разночинский, или буржуазно-демократический, — начался приблизительно в 1861 году и завершился в 1895 году, когда наступил пролетарский период[1]. Но в последнее десятилетие разночинского периода, примерно с 1884 по 1894 год, начинается история русской революционной социал-демократии.

В последней четверти XIX века в России сложились объективные условия для возникновения марксистского течения: развитие капитализма в городе и деревне и в связи с этим численный рост пролетариата. В Петербурге и его окрестностях было 19 гигантских по тем временам заводов с числом рабочих свыше 1000 человек. Уже в 1879 году на фабриках и заводах, где работало не менее 100 человек, было занято свыше 79 тысяч рабочих, т. е. 88,8 процента всех петербургских пролетариев. В среднем на одно предприятие приходилось 450 человек. Продолжало, несмотря на репрессии, стихийно развиваться рабочее движение.

К объективным предпосылкам распространения марксизма в России прибавились в 80-х годах и субъективные — накопление теоретических знаний и революционного опыта, кризис народничества.

С отдельными произведениями К. Маркса и Ф. Энгельса прогрессивная русская интеллигенция познакомилась еще в 40-х годах XIX века. Много сделали для ознакомления своих соотечественников с марксизмом народники и примыкавшие к ним ученые и публицисты, которые издали за рубежом отдельные книги и опубликовали в российских журналах рецензии и изложение некоторых произведений основоположников марксизма.

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 93.

В среде народников незнание основных идей «Капитала» Маркса было равно признанию в полном невежестве. Изучали они и другие произведения Маркса и Энгельса, но даже для теоретически более подготовленных, по словам Плеханова, «философско-историческая часть учения Маркса осталась... непрочитанною главою любимой книги».

Народники считали учение Маркса пригодным только для Западной Европы, где гигантскими шагами шло развитие капитализма. «...Для русских социалистов почти тотчас же после появления «Капитала», — писал В. И. Ленин, — главным теоретическим вопросом сделался вопрос о «судьбах капитализма в России»; около этого вопроса сосредоточивались самые жгучие прения, в зависимости от него решались самые важные программные положения» [1]. Народники отказывались признать, что Россия бесповоротно встала на капиталистический путь развития, по их мнению, она шла особым путем и основную роль в ее экономике в дальнейшем должна будет играть крестьянская община.

Этот взгляд безраздельно господствовал среди русских революционеров до 1883 года, до возникновения группы «Освобождение труда».

Группу образовали в Женеве осенью 1883 года пять бывших чернопередельцев: Г. В. Плеханов, В. И. Засулич, П. Б. Аксельрод, Л. Г. Дейч, В. Н. Игнатов. В 1880—1881 годах все они, спасаясь от неминуемых арестов в России, оказались за границей. Имена всех пятерых были широко известны в революционных и демократических кругах России, а приметы — царской полиции, которая безуспешно продолжала искать их в стране в течение всех этих лет.

Особенно популярны были Г. В. Плеханов и В. И. Засулич. Плеханов — оратор на демонстрации у Казанского собора в декабре 1876 года, автор листовок и пропагандист в рабочих кружках Петербурга, теоретик партии «Земля и воля», а после ее раскола — и организации «Черный передел», редактор их центральных органов. Засулич приобрела известность благодаря совершенному ею в январе 1878 года покушению на петербургского градоначальника Трепова. Оправданная судом присяжных, она затем вновь активно участвовала в народническом движении.

Мучительно искали эти революционеры выход из идейного тупика, в котором оказалось русское народничество. С этой целью в феврале 1881 года В. И. Засулич отправила письмо К. Марксу, в котором просила ответить на самый главный вопрос, от которого зависело решение и всех других вопросов: о роли крестьянской общины в России. Несмотря на болезнь, Маркс ответил довольно быстро, причем он написал четыре наброска, прежде чем составил окончательный ответ. Теоретически Маркс допускал, что «община является точкой

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 275.

опоры социального возрождения России», что «она может усвоить его (капиталистического производства. — *И. К.*) положительные достижения, не проходя через все его ужасные перипетии». Но основоположник научного социализма считал, что решение вопроса о будущем развитии России зависит от победы социалистической революции на Западе, а анализ развития экономики России не дает «доводов ни за, ни против жизнеспособности русской общины» [1].

Таким образом, группа русских революционеров, или, как они себя именовали, «бывшие чернопередельцы», должна была сама решать животрепещущие вопросы российской действительности. Осмысление своего опыта революционной работы в России, особенно пропагандистской деятельности среди петербургских рабочих, знакомство с историей и современным состоянием рабочего движения в Западной Европе и глубокое изучение основных произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, большинство которых не было доступно в России, привели их к признанию марксизма единственной пригодной теорией для руководства революционным движением России. Г. В. Плеханов пришел к этому убеждению в 1882 году, когда переводил «Манифест Коммунистической партии» и писал к нему предисловие. Вслед за ним и под его влиянием стали марксистами и остальные члены будущей группы «Освобождение труда».

Плеханов, вспоминая впоследствии это переходное для его мировоззрения время, отмечал, что работа над переводом «Манифеста» составила эпоху в его жизни. Анализируя путь, проделанный им и его единомышленниками к марксизму, он писал: «Теория Маркса, подобно Ариадниной нити, вывела нас из лабиринта противоречий, в которых билась наша мысль под влиянием Бакунина. В свете этой теории стало совершенно понятным, почему революционная пропаганда встречала у рабочих несравненно более сочувственный прием, чем у крестьян. Самое *развитие русского капитализма,* которое не могло не волновать бакунистов, так как оно разрушало общину, приобретало теперь для нас значение новой гарантии успеха революционного движения, ибо оно означало количественный рост пролетариата и развитие его классового сознания».

Группа «Освобождение труда» ставила перед собой следующие задачи: распространение марксизма, критика народничества, разработка важнейших вопросов русской общественной жизни с точки зрения марксизма и интересов трудящихся России.

С самого начала группу постигли тяжкие потери. В 1884 году при попытке переправить в Россию транспорт нелегальной литературы был арестован Л. Г. Дейч. Он был сослан на каторгу в Восточную Сибирь и бежал оттуда лишь в

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд., т. 19, с. 251, 401.

1900 году. В 1885 году скончался от туберкулеза В. Н. Игнатов.

Члены группы «Освобождение труда» перевели на русский язык и издали 15 произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. Среди них — «Манифест Коммунистической партии», «Наемный труд и капитал», «Нищета философии», «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» «Развитие социализма от утопии к науке». Часть произведений была издана в отрывках. В сопровождающих материалах — предисловиях и комментариях — обосновывалась применимость марксистской теории к социально-политическим условиям России, к запросам революционного движения.

В эти же годы членами группы «Освобождение труда» были написаны и изданы произведения, в которых они пропагандировали, защищали и развивали марксизм, учили использовать опыт западноевропейского рабочего движения. Большинство этих работ написал Г. В. Плеханов — теоретик и руководитель группы.

В конце 1883 года в серии «Библиотека современного социализма» группа выпустила брошюру Плеханова «Социализм и политическая борьба». С этой работы началась борьба с идеями народничества за распространение марксизма в России, за создание социал-демократической партии российского пролетариата.

Работу «Социализм и политическая борьба» В. И. Ленин сравнивал с «Манифестом Коммунистической партии». Он писал, что эта брошюра «показала, как именно и почему именно русское революционное движение должно привести к слиянию социализма и политической борьбы, к слиянию стихийного движения рабочих масс с революционным движением, к слиянию классовой борьбы и политической борьбы», он называл эту книгу символом веры российского социал-демократизма [1]. В этой работе Плеханов показал ошибочность народнической теории, утверждавшей, будто в России может произойти сразу же социалистическая революция, и доказал, что сначала надо подготовить буржуазно-демократическую революцию и свергнуть самодержавие. Впервые в русской литературе Плеханов поставил вопрос о диктатуре пролетариата и обосновал необходимость создания партии рабочего класса в России.

Следующая книга Г. В. Плеханова — «Наши разногласия», вышедшая в 1885 году, явилась первой попыткой дать марксистский анализ экономики России. Опираясь на данные последних экономических исследований, Плеханов убедительно показал, что капитализм в России развивается и в промышленности, и в сельском хозяйстве, что сельская община разлагается, что растет число рабочих. Плеханов критиковал народнические взгляды на такие теоретические проблемы, как

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 312, 311.

вопрос о роли личности в истории, о свободе и необходимости, другие вопросы, имевшие большое значение в революционной практике. Опровергая с фактами в руках доводы противников, уличая их в противоречиях, нелогичности, искажении действительности, Плеханов подводил своих читателей к выводу: «Бакунизм и народничество как *революционные* учения отжили свой век».

В конце брошюры, подводя итог, Г. В. Плеханов писал: «Итак, еще раз: *возможно более скорое образование рабочей партии есть единственное средство разрешения всех экономических и политических противоречий современной России.* На этой дороге нас ждут успех и победа; все же другие пути ведут лишь к поражению и бессилию».

Обе брошюры Плеханова удалось сразу же доставить в Россию. Их изучали в революционных кружках социал-демократического и народнического направлений, а также в кружках, не имевших определенного идейного лица.

Обсуждение этих работ, особенно брошюры «Наши разногласия», проходило в ожесточенных спорах. Часть революционеров под влиянием книги отказывалась от народнических взглядов или хотя бы начинала относиться к ним критически. Другие же продолжали упорно отстаивать народнические идеи, обвиняя автора во всех смертных грехах — в отступничестве, предательстве и даже пособничестве царской охранке.

М. Горький в автобиографической повести «Мои университеты» вспоминает, как проходило чтение произведения Г. В. Плеханова в нелегальном кружке в Казани.

«В городе ходила по рукам какая-то волнующая книжка, ее читали и — ссорились. Я попросил ветеринара Лаврова достать мне ее, но он безнадежно сказал:

— Э, нет, батя, не ждите! Впрочем — кажется, ее на днях будут читать в одном месте, может быть, я сведу вас туда. <...>

В углу зажгли маленькую лампу. Комната — пустая, без мебели, только — два ящика, на них положена доска, а на доске — как галки на заборе — сидят пятеро людей. Лампа стоит тоже на ящике, поставленном «попом». На полу у стен еще трое и на подоконнике один, юноша с длинными волосами, очень тонкий и бледный (Н. Е. Федосеев. — *И. К.*). Кроме его и бородача, я знаю всех. Бородатый говорит, что он будет читать брошюру «Наши разногласия», ее написал Георгий Плеханов...

<...> Чтение длится утомительно долго, я устаю слушать, хотя мне нравятся острые и задорные слова, легко и просто они укладываются в убедительные мысли.

Как-то сразу, неожиданно пресекается голос чтеца, и тотчас же комната наполнилась возгласами возмущения:

— Ренегат!

— Медь звенящая!..

— Это — плевок в кровь, пролитую героями.

<...> С подоконника раздается голос юноши:

— Господа, — нельзя ли заменить ругательства серьезными возражениями, по существу?..»

Споры вокруг работ Плеханова продолжались на протяжении всех 80-х годов. В апреле 1885 года петербургские народовольцы сообщали в свой заграничный центр: «Здесь получилась статья Плеханова «Наши разногласия» и произвела сильное впечатление. Конечно, почти все (кроме русских социал-демократов) восстают против способа выражения, но против сути дела мало кто имеет силы спорить с Плехановым».

В 1887 году известная народоволка С. М. Гинзбург писала: «„Наши разногласия", „Социализм и политическая борьба" имеют свое влияние, и влияние сильное, с которым нам придется считаться... я лично видела людей, разбитых его (Плеханова.— *И. К.*) теориями».

Накал идейных споров доходил до того, что некоторые народники даже сжигали «Наши разногласия». Заграничные руководители народовольцев П. Лавров и Л. Тихомиров опубликовали в «Вестнике „Народной воли"» отрицательные рецензии на книги Плеханова.

Члены группы «Освобождение труда» предвидели такую реакцию своих идейных противников. Посылая Ф. Энгельсу «Наши разногласия», В. И. Засулич писала ему 14 февраля 1885 года: «Эта книга, безусловно, вызовет целую бурю против нашей маленькой группы, ведь она нападает на самое любимое и наиболее распространенное учение... на „народничество"». Энгельс, который получал от плехановской группы все ее издания и был хорошо осведомлен о ее деятельности, ответил большим письмом, где, в частности, писал: «Прежде всего, повторяю, я горжусь тем, что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала со всеми анархистскими и несколько славянофильскими традициями своих предшественников. И сам Маркс был бы также горд этим, если бы прожил немного дольше. Это прогресс, который будет иметь огромное значение для развития революционного движения в России. Для меня историческая теория Маркса — основное условие *выдержанной* и *последовательной* революционной тактики; чтобы найти эту тактику, нужно только приложить теорию к экономическим и политическим условиям данной страны» [1].

В. И. Ленин неоднократно писал о значении группы «Освобождение труда» в истории революционного движения России, в истории партии. В 1914 году, через много лет после окончания деятельности группы, он дал ей такую оценку:

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд., т. 36, с. 260.

«Основателем социал-демократии в России является группа «Освобождение труда», возникшая за границей в 1883 году. Литературные произведения этой группы, печатавшиеся без цензуры за границей, стали впервые излагать систематически и со всеми практическими выводами идеи марксизма, которые, как показал опыт всего мира, одни только выражают правильно сущность рабочего движения и его задачи» [1].

В. И. Ленин подчеркивал, что группа «Освобождение труда» лишь теоретически основала социал-демократию», но она «сделала первый шаг навстречу рабочему движению» [2]. Именно поэтому деятельность группы в эмиграции является неотъемлемой частью деятельности революционных организаций в России, в том числе и в Петербурге, на которые она в той или иной степени оказывала идейное влияние.

Революционная мысль в самой России тоже постепенно приобретала марксистское направление. В декабре 1883 года группа бывших народников, в основном чернопередельцев, приняла решение объединиться в организацию. Во главе ее встал студент Петербургского университета болгарин Димитр Благоев. Обладая солидной теоретической подготовкой, организаторскими способностями, революционным темпераментом, он по праву стал признанным руководителем группы, которую в исторической литературе справедливо называют «группой Благоева».

Кроме Д. Благоева в руководящее ядро вошли выпускник Медико-хирургической академии П. А. Латышев и студент университета В. Г. Харитонов. Активное участие в деятельности группы принимали студенты Технологического института А. А. Герасимов, П. П. Шатько, П. П. Аршаулов, слушатель Лесного института В. А. Кугушев. Через год группа насчитывала около 20 человек и примерно 30 сочувствующих.

В 1884 году благоевцы проделали большую работу по созданию рабочих кружков и по вовлечению новых членов. Группа вела пропагандистскую работу во всех районах города: в центре, на Васильевском острове, на Выборгской стороне, за Невской и Московской заставами. Более года этой работой руководил Д. Благоев, которого его соратники охарактеризовали как «неутомимого пропагандиста по натуре».

Сразу после создания организации встал вопрос о выработке программы. В распоряжении исследователей имеется несколько вариантов программы группы Благоева. (Наиболее полный вариант анализирует Ю. З. Полевой в своей монографии «Зарождение марксизма в России». М., 1959.)

Члены группы Благоева заявили о непринятии народнических программных установок. В своем проекте программы благоевцы признавали, что капитализм в России уже завоевал прочное место, причем это рассматривалось как положи-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 95.
[2] Там же, с. 132.

тельный факт. Члены группы пришли к выводу, что Россия находится не накануне социалистической революции, как утверждали народники, а перед буржуазной революцией, после свершения которой и должна начаться борьба за социалистическое преобразование. Но, придя к этим принципиально новым идеям, благоевцы не сумели правильно сформулировать требования буржуазно-демократической и социалистической революции. Нечетко представляли они себе и понятие «рабочий класс», относя к нему не только промышленных рабочих, но и трудящихся крестьян.

Впоследствии Благоев так охарактеризовал свои взгляды в период деятельности в России: «...те социал-демократические воззрения... не могли быть ничем иным, как смесью марксизма с лассальянством и с остатками старых утопических взглядов, которые в то время имели огромное влияние в России». То же самое можно сказать и о проекте программы группы Благоева, где основное место занимали идеи Лассаля и П. Лаврова. Так, в программе появилось положение о надклассовом характере буржуазно-демократического государства, из которого вытекало обращенное к правительству требование организации производительных ассоциаций, представлявшихся благоевцам переходной ступенькой к социализму.

В октябре 1884 года группа Благоева под влиянием успеха германских социал-демократов на выборах в рейхстаг приняла название «Партия русских социал-демократов».

Деятельность «Партии русских социал-демократов» можно разделить на два периода: до связи с группой «Освобождение труда» (декабрь 1883 г. — декабрь 1884 г.) и после установления этой связи (декабрь 1884 г. — март 1887 г.).

В конце 1884 года члены организации познакомились с брошюрой Г. В. Плеханова «Социализм и политическая борьба» и решили установить контакт с заграничными социал-демократами. 15 января 1885 года благоевцы отправили в Париж в «Вестник „Народной воли"» два письма с приложением программы — одно для народовольцев, другое для группы «Освобождение труда». Но народовольцы не передали письмо своим идейным противникам. Тогда благоевцы направили второе письмо, теперь уже в адрес женевской типографии группы «Освобождение труда». В начале марта пришел ответ. Между двумя организациями завязалась переписка, и с этого времени эволюция «Партии русских социал-демократов» шла по линии усвоения идей марксизма под влиянием плехановской группы.

Изучив проект программы «Партии русских социал-демократов», плехановцы, конечно, увидели его теоретическую слабость, эклектизм взглядов. В ответном письме Плеханов подверг проект критике. Но члены группы «Освобождение труда» сумели оценить принципиальное значение создания в России марксистской группы. Получив в апреле 1885 года письмо

от Д. Благоева, в котором он сообщал о деятельности петербургских социал-демократов, Г. В. Плеханов написал П. Б. Аксельроду: «Мы стоим над бездной всяческих долгов и неуплат. <...> Ну, да унывать не нужно. Авось еще нам улыбнется счастье. А что страдаем мы не напрасно — это Вы могли видеть из посланного Вам письма Благоева. Если так, то наша беда — еще полбеды... Прощайте, не поддавайтесь унынию, право же, мы еще расцветем и поедем в Лондон, чтобы явиться по начальству». Начальством Плеханов в шутку называет Ф. Энгельса.

Группа Благоева испытывала крайнюю нужду в марксистской литературе. Вначале необходимые брошюры и статьи размножали на гектографе, но этого было явно недостаточно, и к концу 1884 года была создана первая нелегальная типография.

Большой заслугой петербургских социал-демократов было издание газеты «Рабочий», два номера которой вышли в январе и июле 1885 года.

Члены группы «Освобождение труда» сразу же откликнулись на предложение благоевцев сотрудничать в газете. П. Б. Аксельрод написал статью «Выборы в германский рейхстаг и социально-демократическая партия». Эта тема очень интересовала российских революционеров. Плеханов прислал статью «Современные задачи русских рабочих (Письмо к петербургским рабочим кружкам)», в которой в популярной форме пропагандировал программные положения и задачи марксистской партии в России. Г. В. Плеханов писал, что перед рабочими социал-демократами стоит задача организации тайных кружков, которые должны вести пропаганду и агитацию среди широких рабочих масс и тем самым готовить их к борьбе за завоевание политической свободы. Он призывал революционный пролетариат России к борьбе против самодержавия, к буржуазно-демократической революции, которая даст возможность бороться дальше — за революцию социалистическую. Эти статьи были напечатаны во втором номере газеты «Рабочий».

В. И. Ленин высоко оценил издание газеты: «За 12 лет, с 1883 по 1895 г., едва ли не единственной попыткой создать с.-д. рабочую печать в России было издание в Петербурге в 1885 г. с.-д. газеты «Рабочий», конечно, без цензуры, но этой газеты вышло только 2 номера. Отсутствие массового рабочего движения не давало возможности широко развиться рабочей печати»[1].

Выход второго номера газеты был радостно встречен в Петербурге и в Женеве. Плеханов написал продолжение статьи для следующего выпуска. Но в 1885 году типография была разгромлена, и статья Плеханова увидела свет только в 1934 году.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 95—96.

В феврале 1885 года Д. Благоев был арестован и выслан в Болгарию. Но между ним и петербургскими социал-демократами, которых теперь возглавлял В. Г. Харитонов, шла переписка по программным вопросам. В этом же году Г. В. Плеханов переработал написанную им и изданную в 1884 году «Программу социал-демократической группы „Освобождение труда"». Он дал ей название «Проект программы русских социал-демократов» и учел в ней некоторые замечания благоевцев (какие именно, остается пока неизвестным). Благодаря этому летом 1885 года члены благоевской группы, которая теперь называлась «Петербургская организация Партии русских социал-демократов», приняли плехановскую программу с некоторыми изменениями, о характере которых тоже нет сведений.

Большое значение для идейного формирования благоевцев имело получение ими транспорта нелегальной литературы от группы «Освобождение труда», где была и брошюра Плеханова «Наши разногласия». Весной 1885 года петербургские социал-демократы писали о ней плехановцам: «Если эта книга и не заставит вполне примкнуть к мнениям нашей группы (хотя наблюдалось уж и такое явление), то несомненно, что она даст массу материала для критики народовольской программы, а переработка этой программы положительно необходима в интересах борьбы. Если возможно будет, присылайте этой брошюры побольше, норовите прислать до каникул (каникулы с 1 июня), чтобы можно было разослать по России».

И действительно, благоевцы не только перетянули на свою сторону часть народовольцев, но и предприняли меры к распространению социал-демократических идей в других городах России. На новую ступень была поднята и деятельность среди рабочих. В 1886 году благоевцы организовали рабочее общество «Взаимность», которое объединило около 200 человек.

При помощи группы «Освобождение труда» группа Благоева установила связь с органом немецких социал-демократов «Der Sozial-Demokrat», который выходил тогда в Цюрихе, так как в Германии газета была запрещена. 23 марта 1885 года благоевцы послали европейским социалистам приветственный адрес в связи с исполнявшейся в марте годовщиной революций 1848 года во Франции и Германии, Парижской коммуны и героического акта «Народной воли» — первомартовских событий 1881 года. Немецкая газета опубликовала этот адрес вместе с сопроводительным письмом группы «Освобождение труда», где сообщалось о выходе первого номера газеты «Рабочий», а также содержался анализ взглядов петербургских социал-демократов.

Планы благоевцев о расширении и углублении своей деятельности были погублены повальными арестами в марте 1887 года. Всего за 1885—1887 годы по делу «Партии русских

социал-демократов» было арестовано 30 человек, многих из них без суда сослали в Восточную Сибирь.

Группа Благоева носила переходный характер. Влияние народнических и лассальянских идей сказалось на противоречивости ее теоретических воззрений. Но деятельность организации явилась важным этапом в революционном движении России: благоевцы, опираясь на теоретические произведения группы «Освобождение труда», на практике начали осуществлять переход от народничества к марксизму (см.: *Овсянникова С. А.* Группа Благоева. Из истории распространения марксизма в России. М., 1959; *Андрюшин Е. Н.* Поиск верного пути. Димитр Благоев и первые социал-демократы в России. М., 1981).

Марксизм все глубже проникал в революционные организации, но идеи «Народной воли» еще обладали большой притягательной силой. Этим объясняются и неоднократные попытки возродить народнические организации.

В 1885 году образовалась группа, в которую входили А. Гаусман, Д. Кольцов (Б. А. Гинзбург, впоследствии социал-демократ), Б. Оржих. Гаусман и Кольцов действовали в Петербурге, Оржих организовал типографию в Таганроге. В этой типографии был издан № 11-12 газеты «Народная воля». Члены этой организации считали, что после свержения самодержавия последует период пропаганды в рабочем классе. Таким образом, можно говорить о том, что группа испытывала сильное социал-демократическое влияние.

В 1884—1886 годах в Петербурге существовала военно-революционная организация «милитаристов», в которой объединились представители военно-учебных заведений, служащих военного ведомства, морских офицеров. Свою основную задачу члены организации видели в «подготовлении широких революционных кадров среди командного состава армии и завоевании широких симпатий со стороны солдатской массы. С этой целью велась народовольческая пропаганда среди курсантов Михайловского и Константиновского артиллерийских училищ, Кронштадтского технического военного училища. Пропагандировалась идея о решающей роли офицерства во время восстания. Но некоторые члены организации были ближе к социал-демократической точке зрения, считая, что в революции главная роль принадлежит городским рабочим, а задача военных — не допустить подавления восстания войсками.

Особенно оживилась деятельность организации, после того как в нее вошли воспитанники военно-морского училища во главе с Н. Н. Шелгуновым (сыном писателя Н. В. Шелгунова).

Первоначально членам организации предписывалось «не входить ни в какие отношения с другими политическими партиями», но постепенно «милитаристы» пришли к решению объединить разрозненные военные кружки и установить связь с «Народной волей» и группой Благоева. За объединение с

последней стояло большинство членов организации. Завязав отношения с благоевцами, «милитаристы» стали получать от них издания группы «Освобождение труда».

Организация установила также связи с некоторыми литераторами, в частности с народником С. Н. Южаковым, который составил программу занятий в кружках по социологии, а также с известным историком В. И. Семевским, который, по свидетельству члена организации М. А. Брагинского, «давал руководящие указания, снабжал программами и литературой по изучению русской истории».

Программа военно-революционной организации, выработанная в этот период, свидетельствовала о тяготении ее к марксизму. Но начавшиеся в декабре 1886 года аресты положили конец деятельности «милитаристов». Многие из них были разжалованы и сосланы в Среднюю Азию.

Переходный характер имели взгляды и возникшей в 1886 году группы А. И. Ульянова, несмотря на ее сугубо народовольческое название — «Террористическая фракция партии „Народная воля"». Кроме Ульянова в организацию входили П. Я. Шевырев, И. Д. Лукашевич, С. А. Никонов, О. М. Говорухин, В. В. Осипанов, В. Д. Генералов, П. И. Андреюшкин, М. Н. Канчер, П. С. Горкун и другие. Большинство из них были студентами Петербургского университета.

Наиболее серьезно подготовленным в теоретическом отношении был А. И. Ульянов. Еще до образования группы он в экономическом кружке при университете подверг критическому разбору книгу либерального народника В. П. Воронцова «Судьбы капитализма в России». И. Н. Чеботарев, друг А. Ульянова, живший с ним в одной квартире, впоследствии вспоминал: «Я видел, как широко и глубоко уже тогда Александр Ильич понимал экономические вопросы, и, стоя в своей практической деятельности... на почве народничества, он видел, как быстро развивается в России капитализм, критически относился к идеям В. В. (псевдоним В. П. Воронцова. — *И. К.*) и выражал сомнение в прочности русской общины как базы социального переустройства. Не знаю, может быть, тут сказалось влияние появившейся тогда книги Плеханова «Наши разногласия», о которой я помню отзыв Александра Ильича — „интересная книга"».

То, что А. Ульянов критиковал взгляды Воронцова, считавшего возможным прекращение развития капитализма в России, и положительно относился к «Нашим разногласиям», свидетельствует об его отказе от главного теоретического положения народничества. Ульянов, а также его товарищи по группе Генералов и Осипанов придавали большое значение рабочему движению. Они пришли к выводу, что через рабочие кружки можно оказывать влияние на забастовочное движение. В Галерной гавани на Васильевском острове ими было организовано несколько рабочих кружков. На собраниях велись беседы о положении рабочих в России и на Западе.

А. Ульянов под псевдонимами «Ильич» и «Иннокентий Васильевич» активно участвовал в занятиях с рабочими, используя свое прекрасное знание «Капитала» для популяризации экономических идей марксизма.

К началу 1887 года относится работа А. Ульянова и О. Говорухина над переводом статьи К. Маркса «К критике гегелевской философии права». Предполагалось опубликовать эту статью в задуманной совместно с другой народнической группой серии «Социально-революционная библиотека». Переговоры об этом издании вел с А. Ульяновым Б. А. Гинзбург (Д. Кольцов).

По поручению своих товарищей А. И. Ульянов составил программу «Террористической фракции партии „Народная воля"», в которой попытался объединить принципы «Народной воли» и программные положения группы «Освобождение труда». Включив в программу марксистские выводы о том, что социализм является неизбежным результатом капитализма, а рабочие должны стать ядром социалистической партии, группа А. Ульянова не смогла освободиться от влияния народнических идей, таких, как роль крестьянской общины в будущем социалистическом обществе. В программе отмечалось: «Что касается до социал-демократов, то наши разногласия с ними кажутся нам очень несущественными и лишь теоретическими». Это утверждение не соответствовало действительности: разногласия носили принципиальный характер. Но совершенно очевидно, что группа А. Ульянова сделала серьезный шаг по пути к марксизму.

Однако, несмотря на тяготение к марксизму, А. Ульянов и его товарищи не смогли освободиться от влияния некоторых народовольческих идей, и особенно в области тактики.

Глубоко ошибочным было программное положение группы о том, что для достижения политической свободы и дальнейшего развития революции необходимо вести террористическую борьбу против самодержавия. Систематический террор, по мнению членов группы, должен был привести к дезорганизации правительства, которое вынуждено будет дать политические свободы.

Осуществление своей программы «Террористическая фракция партии „Народная воля"» решила начать с цареубийства. Но довести замысел до конца не удалось. 1 марта 1887 года почти все члены террористической группы были арестованы. Следствие длилось полтора месяца. 15—19 апреля состоялся суд. Канчер, Горкун и Волохов дали подробные показания, остальные подсудимые держались мужественно.

Александр Ильич отказался от защитника и выступил на суде с речью, в которой осудил режим самодержавия, заставивший членов группы пойти на тяжкое деяние — организацию убийства. Он говорил, что у них не было выбора, так как в условиях царской России нет возможности открыто, без насилия бороться за счастье людей. «Среди русского наро-

да, — сказал А. Ульянов в конце своей речи, — всегда найдется десяток людей, которые настолько преданы своим идеям и настолько горячо чувствуют несчастье своей родины, что для них не составляет жертвы умереть за свое дело. Таких людей нельзя запугать чем-нибудь».

8 мая 1887 года П. И. Андреюшкин, В. Д. Генералов, В. С. Осипанов, А. И. Ульянов, П. Я. Шевырев были повешены во дворе Шлиссельбургской крепости. Все они мужественно встретили смерть.

В листовке, выпущенной студентами, в связи с казнью революционеров говорилось: «Мы скажем всей России: смотри, как умеют бороться и умирать твои революционеры! Мы глубоко запечатлеем их славные имена в своих сердцах и будем воспитывать на их примере себя и лучших детей родной страны».

Члены группы «Освобождение труда», отрицательно относясь к тактике террора, тем не менее преклонялись перед героизмом народовольцев 1881 и 1887 годов. Г. В. Плеханов писал в 1892 году в журнале «Социал-демократ»: «Мужество людей вроде Ульянова и его товарищей напоминает нам мужество древних стоиков: вы видите, что при данных взглядах на вещи, при данных обстоятельствах и при данной высоте своего нравственного развития эти люди не могли действовать иначе. Но вы видите в то же время, что их безвременная гибель способна была лишь оттенить бессилие и дряхлость окружающего их общества, что их мужество есть мужество отчаяния».

Заметную роль в истории российской социал-демократии сыграла группа, созданная профессиональным революционером, впоследствии большевиком П. В. Точисским. Возникла эта организация осенью 1886 года. В это время еще существовала «Партия русских социал-демократов» — группа Благоева, но организационной связи между ними не было, хотя история показала, что группа Точисского продолжила дело «Партии русских социал-демократов». Созданный кружок принял название «Общество содействия поднятию морального, интеллектуального и материального положения рабочего класса в России». Входили в него поначалу только интеллигенты: П. В. Точисский, его сестра М. В. Точисская, Д. В. Лазарев, В. В. Лазарева, братья Брейтфусы, Е. А. Данилова, Л. В. Аркадакская. Точисский поступил работать слесарем на Франко-Русский завод и уговорил пойти в рабочие еще нескольких членов «Общества». В 1887—1888 годах к организации присоединились передовые рабочие Е. А. Климанов (Афанасьев), В. А. Шелгунов, И. И. Тимофеев, В. В. Буянов и другие. С февраля 1888 года группа Точисского стала называться «Товарищество санкт-петербургских мастеровых» (об этой организации см.. *Кэкакевич Р. А.* Социал-демократические организации Петербурга конца 80-х — начала 90-х годов. (Кружки П. В. Точисского и М. И. Бруснева). Л., 1960; *Итен-*

берг Б. С. Павел Точисский.— Вопросы истории, 1985, № 9, с. 80—87).

Об уставе и программе «Товарищества» известно в основном из воспоминаний А. Л. Брейтфуса и перлюстраций писем, сделанных охранкой. С самого начала организация складывалась как идейный противник народнических взглядов. Особенно отрицательно относился к идеям утопического социализма П. В. Точисский. Под его влиянием формировалось и мировоззрение других членов «Товарищества». Группа признавала пролетариат ведущей революционной силой, отрицательно относилась к лассальянской идее рабочих ассоциаций и к тактике индивидуального террора. Основой своей деятельности члены «Товарищества» считали пропагандистскую работу среди рабочих. Рабочие кружки были ими организованы почти на всех крупных заводах Петербурга — Александровском, Арсенале, Обуховском, Франко-Русском, на фабриках — «Лаферм», Варгунина.

Ошибочную позицию занимал Точисский по отношению к интеллигенции. Представителям ее он не доверял, считал случайными попутчиками пролетариата в революции. К такому выводу его привел опыт западноевропейского рабочего движения, поскольку часть участвовавшей в нем интеллигенции, добившись с помощью рабочих определенных буржуазных свобод, отрекалась от революционных идей и поворачивалась спиной к пролетариату. С присутствием интеллигентов в «Товариществе» Точисский только вынужденно мирился, считая объединение с ними временным — до создания рабочими своей интеллигенции. Он еще не пришел к сознанию того, что «пролетариат не только вырабатывает свою собственную интеллигенцию, но и берет себе также сторонников из числа всех и всяких образованных людей» [1].

В отличие от благоевцев члены «Товарищества» ошибочно полагали, что впереди не буржуазно-демократическая, а социалистическая революция. Поэтому Точисский считал политическую борьбу на данном этапе ненужной и придавал особое значение организации экономической борьбы рабочих за улучшение их материального положения. В этом можно усмотреть зародыш тред-юнионизма и влияние старых народнических идей.

Но в целом «Товарищество санкт-петербургских мастеровых» стояло на социал-демократических позициях. В 1891 году А. Брейтфус, высланный из России, написал из Берлина письмо группе «Освобождение труда». Он просил опубликовать в журнале «Социал-демократ» сведения о судьбе его товарищей, арестованных по делу «Товарищества», с краткой их характеристикой. Письмо подписано: социал-демократ А. Брейтфус. Тем самым он считал нужным подчеркнуть, что члены «Товарищества» — социал-демократы.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 389.

«Товарищество санкт-петербургских мастеровых» было строго законспирировано. Во главе организации стояло центральное ядро, которое делилось на две части: рабочую и интеллигентскую. Руководил этим ядром староста, избираемый общим собранием действительных членов. Первым старостой был, конечно, П. В. Точисский. Выбирались также библиотекарь и заведующий ссудовспомогательной кассой и кассой помощи политическим ссыльным и заключенным. В общении между собой пользовались только кличками. Строгое соблюдение этих правил объясняет то обстоятельство, что «Товарищество» в течение двух лет не было обнаружено охранкой, а после ареста группы руководителей-интеллигентов полиции не удалось выявить остальных членов и составить полное представление о деятельности организации.

П. В. Точисский был арестован и выслан из Петербурга в феврале 1888 года. Остальные руководители «Товарищества» были арестованы осенью того же года. Поскольку в руках у полиции не было достаточного количества свидетельств обвинения, подсудимые получили сравнительно легкие наказания— от нескольких месяцев до года одиночного заключения с последующим гласным и негласным надзором полиции. Братьев Брейтфус суд постановил «выдворить» за пределы России. В дальнейшем П. В. Точисский вел пропагандистскую работу в разных городах России, участвовал в трех революциях. Погиб в 1918 году на Урале во время эсеровского мятежа.

Рабочие-пропагандисты, входившие в «Товарищество», остались на свободе и продолжили его дело в марксистской группе М. И. Бруснева.

Социал-демократическая организация М. И. Бруснева — «Рабочий союз» — действовала с 1887 по 1893 год. По своему идейному уровню, по размаху практической работы она была наиболее зрелой и организационно сильной социал-демократической организацией из всех, существовавших до создания ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». О деятельности группы Бруснева сохранилось много документов — обширные полицейские дела и значительное количество воспоминаний.

О времени возникновения марксистского центра в Петербурге, с которого начался «Рабочий союз», в научной литературе существуют разные мнения. Наиболее обоснованно этот вопрос освещен в книге А. М. Орехова «Первые марксисты в России. Петербургский «Рабочий союз». 1887—1893 гг.» (М., 1979). Основываясь на архивных материалах, автор доказывает, что в конце 1887 года образовался кружок интеллигентов (Г. В. Петровский, В. Н. Иванов, Г. Родзевич, его жена Ю. Родзевич, Б. Лелевель, А. Косиновский, П. А. Голубев и др.), который начал социал-демократическую пропаганду. Г. Петровский ранее входил в группы Благоева и Точисского, был убежденным противником народовольческих идей. Члены этой вновь созданной организации установили

связи с рабочими кружками, входившими в «Товарищество санкт-петербургских мастеровых», в частности с кружком рабочих Балтийского завода И. И. Тимофеева.

В конце 1889-го — первой половине 1890 года в группу интеллигентов-марксистов вступили студенты М. И. Бруснев, В. С. Голубев, Л. Б. Красин, В. С. Цивиньский, которые активизировали деятельность организации. В воспоминаниях современников и в историко-партийной литературе эта социал-демократическая организация проходит как «группа Бруснева». Сами же члены группы вскоре после образования приняли название «Рабочий союз». Оно соответствовало их цели — организации пропаганды в рабочих кружках для воспитания по примеру немецкой социал-демократии рабочих вожаков, по выражению Бруснева, «будущих русских Бебелей». Этой цели была подчинена и программа занятий в кружках, разработанная интеллигентами во главе с Брусневым, и состав библиотечек, и вся деятельность. Через 10 лет, в 1899 г., В. И. Ленин отмечал: «В то время, как образованное общество теряет интерес к честной, нелегальной литературе, среди рабочих растет страстное стремление к знанию и к социализму, среди рабочих выделяются настоящие герои, которые — несмотря на безобразную обстановку своей жизни, несмотря на отупляющую каторжную работу на фабрике, — находят в себе столько характера и силы воли, чтобы учиться, учиться и учиться, и вырабатывать из себя сознательных социал-демократов, „рабочую интеллигенцию"» [1].

В рядах «Рабочего союза» выросли кадры рабочих-революционеров, которые потом вошли в ленинский «Союз борьбы», стали большевиками, участвовали в революции 1905—1907 годов, Великой Октябрьской социалистической революции (Ф. А. Афанасьев, В. А. Шелгунов, Н. Д. Богданов, В. В. Фомин, Е. А. Климанов (Афанасьев), К. М. Норинский, В. М. Карелина и др.).

Рабочие кружки, созданные брусневцами, имелись почти во всех районах города. Всего их было около 20, в каждом насчитывалось 6—7 человек. В конце 1889 — начале 1890 года организаторы рабочих кружков объединились в Центральный рабочий кружок, а интеллигенты-пропагандисты — в Центральный интеллигентский кружок.

У членов «Рабочего союза» не вызывали сомнений основные положения российской социал-демократической теории: неотвратимое развитие капитализма, ведущая роль пролетариата в революции, необходимость создания в России рабочей партии на основе опыта своих предшественников в России и единомышленников в странах Западной Европы, буржуазно-демократический характер грядущей революции, после которой пролетариат России продолжит борьбу за уничтожение капитализма. Все это впоследствии стало для российских

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 269.

марксистов азбучными истинами, но с каким трудом усваивали их революционеры 80-х годов!

Заслугой «Рабочего союза» были первые шаги по ведению не только пропаганды, но и агитации с позиций социал-демократизма во время забастовок, организация пропаганды среди женщин-работниц, успешное объединение социал-демократических кружков Петербурга, попытки распространить свое влияние на другие города России.

Большим достижением было участие брусневцев в политической жизни страны — составление адреса писателю, революционному демократу Н. В. Шелгунову и участие в манифестации на его похоронах.

Вершиной деятельности социал-демократов в то время была организация тайных маевок. Особо важное значение имела первая в истории революционного движения России маевка 1891 года. Она состоялась 5 мая. Сначала рабочие собирались на берегу речки Екатерингофки, а потом перешли на квартиру Е. А. Климанова (Афанасьева). На собраниях были произнесены речи, в которых ораторы призывали к борьбе против самодержавия и капитализма. Четыре речи — Е. А. Афанасьева, Н. Д. Богданова (он выступил дважды), В. И. Прошина — было решено размножить. Эти выступления отпечатали на гектографе народовольцы М. С. Ольминский и П. М. Земс. В 1892 году они были переизданы этой же группой (брусневцы не имели ни типографии, ни приспособлений для гектографирования, газета, которую они издавали, была рукописной). В этом издании в качестве приложения был опубликован адрес петербургских рабочих Н. В. Шелгунову. Брошюра попала в руки членов группы «Освобождение труда» в то время, когда готовилось отдельное издание воспоминаний Г. В. Плеханова о его участии в рабочем движении во второй половине 70-х годов, которое называлось «Русский рабочий в революционном движении». Плеханов предпослал этим воспоминаниям посвящение: «Лицам, произнесшим речи на собраниях петербургских рабочих, состоявшихся по поводу всемирной демонстрации 1-го мая». Вскоре после этого в Женеве, в серии «Рабочая библиотека», издававшейся группой «Освобождение труда», вышла брошюра под длинным заглавием: «Первое мая 1891 года. Четыре речи рабочих, произнесенные на тайном собрании в Петербурге. С приложением Адреса петербургских рабочих Н. В. Шелгунову и предисловием Г. Плеханова». В предисловии Плеханов писал о задачах социал-демократов в России, о расстановке классовых сил, о трусости либеральной буржуазии. Из анализа речей рабочих-брусневцев он делал вывод: «...русские рабочие требуют *политических прав*. Это значит, что рабочие опередили буржуазию и что все действительно передовые люди должны стать под знамя рабочих».

Высоко оценил и в то же время показал историческую ограниченность деятельности группы Бруснева В. И. Ленин:

«1891-ый год — участие петербургских рабочих в демонстрации на похоронах Шелгунова, политические речи на петербургской маевке. Перед нами социал-демократическая демонстрация передовиков-рабочих при отсутствии массового движения»[1].

Заслугой «Рабочего союза» было и расширение интернациональных связей русских пролетариев. Самым первым актом интернационализма брусневцев является отправка ими двух приветственных адресов венгерским социал-демократам в апреле и ноябре 1890 года: поздравление с 1 Мая и приветствие съезду Социал-демократической партии Венгрии. Эти послания были переданы через писательницу Е. Г. Бартеневу, которая в свое время являлась активной деятельницей Русской секции I Интернационала. Бартенева не состояла членом «Рабочего союза», но оказывала ему большую помощь. Через нее члены этой организации узнали подробности об Учредительном конгрессе II Интернационала, состоявшемся в Париже в 1889 году. Бартенева привезла на этот конгресс приветствие группы русских рабочих и просьбу их, обращенную к Полю Лафаргу, — быть на конгрессе их представителем. Вероятно, Е. Г. Бартенева достала текст протоколов конгресса на немецком языке, с которого был сделан перевод. Брошюра «Международный рабочий конгресс в Париже, состоявшийся в 1889 году» была издана по инициативе группы Бруснева в два приема — в конце 1890 года и в мае 1891 года — литографским способом.

В апреле 1892 года в Лодзи произошла всеобщая забастовка рабочих — «Лодзинский бунт». В петербургских рабочих кружках собрали деньги для лодзинских забастовщиков. В это же время «Рабочий союз» составил и размножил очень важный документ — «Открытое письмо петербургских рабочих польским рабочим». Воззвание написано на высоком идейном уровне и показывает политическое сознание его коллективного автора. Это яркий документ, язык его образный и эмоциональный. Питерские рабочие писали: «Друзья и братья! С биением сердца мы, ваши товарищи с далекой Невы, из этой столицы мрака, рабства и угнетения, из этого логовища царя-деспота, страшного врага всего, что добро, правда, прогресс <...> шлем вам, братья польские рабочие Лодзи и других городов, свой горячий от глубины души привет и сочувствие в вашей борьбе с этим подлым капиталистическим строем!»

В 1891 году брусневцы пытались связаться с группой «Освобождение труда». А в 1892 году в Россию приехал посланец группы С. Г. Райчин. В Москве он встретился с представителями революционных кружков и передал им значительный транспорт литературы. Райчин вел переговоры с Брусневым, который переселился из Петербурга в Москву, и другими ре-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 250.

волюционерами об установлении прочных контактов, об издании за рубежом общими силами газеты «Пролетарий». Но этим планам не суждено было осуществиться, так как полиция к тому времени уже выследила петербургских и московских социал-демократов. В апреле—сентябре 1892 года в Петербурге были произведены массовые аресты, разгромлены Центральный интеллигентский, Центральный рабочий и частично районные кружки.

Однако пропагандистская работа продолжалась, хотя и не в прежних масштабах. Осенью сложился новый Центральный кружок из студентов в основном Технологического института. Часть их ранее входила в «Рабочий союз». В организацию вошли С. И. Радченко, Н. О. Алюшкевич, Г. Б. Красин, К. Окулич и др., из рабочих наиболее известными были И. В. Бабушкин, К. М. Норинский, В. И. Прошин. Кружок наладил связи с рабочими и продолжил работу. Но 3 июня 1893 года новые аресты прекратили существование группы Бруснева.

«Рабочий союз» был идейно выдержанной, сильной и многочисленной организацией. По подсчетам А. М. Орехова, он насчитывал свыше 200 членов: приблизительно 170 рабочих и 46 интеллигентов. Его деятельность подготовила почву для пропаганды и агитации среди питерских рабочих следующим поколениям марксистов.

После июньских арестов 1893 года кружки социал-демократов интеллигентов в Петербурге продолжали действовать. Остатки «Рабочего союза» объединились вокруг С. И. Радченко и Г. Б. Красина. Это был тот кружок студентов-технологов, с которым в ноябре 1893 года установил связь В. И. Ленин. Параллельно существовал кружок П. А. Красикова, куда входили Н. К. Крупская, А. Н. Потресов и др., а также кружок студентов университета, которым руководил П. Б. Струве, уже в то время вставший на путь оппортунистического извращения марксизма, вылившегося через несколько лет в «легальный марксизм». В глубоком подполье продолжали существовать остатки рабочих кружков.

Примерно в это же время (с осени 1891 г. по апрель 1894 г.) в Петербурге действовала народническая организация под названием «Группа народовольцев». В первом составе этой организации были М. С. Александров (Ольминский), А. А. Федулов, А. Ю. Фейт, Б. Л. Зотов, Н. Л. Мещеряков, Е. М. Александрова, М. Я. Сущинский, А. А. Ергин и др. В 1892—1893 годах они издали два номера «Летучего листка „Группы народовольцев"» и «Рабочий сборник» (№ 1). Подготовленный к печати второй номер «Рабочего сборника» был захвачен полицией. В идейном отношении состав группы был очень пестрым. Среди входивших в нее были и люди, близкие к социал-демократам, и ортодоксально-народовольческие элементы, и даже деятели, которых можно было назвать левыми либералами. М. С. Александров (Ольминский)

ранее принимал участие в пропагандистской деятельности группы Благоева и особенно группы Бруснева, активно участвовал в Центральном рабочем кружке этой организации. После выделения в самостоятельную группу народовольцы не порывали с социал-демократами, некоторые из них вели занятия в рабочих кружках под наблюдением социал-демократов. На двух дискуссионных собраниях — в феврале и апреле 1894 года — социал-демократы и народовольцы горячо спорили по программным и тактическим вопросам, но обсуждали и возможности оказания помощи друг другу, в частности издания социал-демократической литературы в типографии народовольцев.

В апреле 1894 года полиция разгромила «Группу народовольцев», но осенью 1894 года она была восстановлена. Во второй состав вошли А. А. Ергин, А. А. Федулов, М. Е. и Г. Е. Тулуповы, П. Н. Лепешинский, Е. А. Прейс, Н. Е. Смирнов, А. С. Шаповалов и др. На теорию и практику этой организации еще большее влияние оказывала марксистская литература, члены группы становились все ближе к социал-демократам. Основное внимание уделялось ими изданию пропагандистской литературы и деятельности в рабочих кружках. В 1895 году были изданы № 3 и 4 «Летучего листка „Группы народовольцев"». В статьях этих номеров, особенно последнего, ощущается влияние марксизма.

В 80—90-х годах идеология крестьянского утопического социализма вступила в полосу глубокого кризиса, который обострялся по мере развития капитализма, стихийного рабочего движения и роста влияния марксизма. Значительная часть народнической интеллигенции переходила на позиции социал-демократизма или была на пути к этому. Но вместе с тем еще большое число интеллигентов, оставаясь народниками, продолжали вести борьбу с самодержавием, шли за это на эшафот, на каторгу и в ссылку. Эти люди по тем или иным причинам не стали социал-демократами, но они были революционерами. Большая часть второго состава «Группы народовольцев» была арестована в декабре 1895 года одновременно с членами ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

80—90-е годы XIX века — период сложных, противоречивых отношений революционеров-народников и революционеров-марксистов. Ожесточенная идейная полемика порой переплеталась с взаимной помощью в конкретных революционных делах. Деятели «Рабочего союза» и других социал-демократических кружков не только полемизировали с народовольцами, но время от времени вступали с ними в союзные отношения, пользовались их помощью при печатании своих изданий и даже привлекали к пропагандистской работе. Но это отнюдь не свидетельствовало о примирении российских социал-демократов с народнической идеологией.

Теоретики народничества, стремясь сохранить свое влия-

ние, усилили в 90-х годах борьбу против марксизма, перенеся ее на страницы доступных им легальных изданий — журналов «Русское богатство», «Вестник Европы», газеты «Неделя» и др. Н. К. Михайловский, В. П. Воронцов, Н. Ф. Даниельсон, С. Н. Кривенко, С. Н. Южаков, Н. И. Кареев в своих работах подвергали критике философские, экономические и политические взгляды русских марксистов. Шла острая борьба за влияние на умы демократической интеллигенции и передовых рабочих.

Наиболее опасным противником был легальный народник Н. К. Михайловский — властитель дум молодежи 60—80-х годов, друг и во многих вопросах единомышленник Н. В. Шелгунова, выступавший вместе с ним против теории «малых дел» и правого крыла либерального народничества. Эрудиция, публицистический талант, теоретические изыскания в области социологии ставили Михайловского на голову выше остальных идеологов народничества.

В своих статьях Михайловский прямо обвинял русских социал-демократов в непонимании ими учения Маркса, которое якобы не может быть применено к самобытному развитию России. Он и другие либеральные народники утверждали, что вывод о победе капитализма в России логически толкает русских марксистов на поддержку капитализма, поскольку в их представлении это неизбежный этап на пути к социализму, настраивает на бездеятельность в революционной борьбе.

Против либеральных народников выступил с обоснованием научных и политических основ социал-демократического движения России В. И. Ленин в работе «Что такое „друзья народа" и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского богатства» против марксистов)». Она была размножена на гектографе летом — осенью 1894 года и изучалась в революционных кружках многих городов России и за границей. Но небольшие тиражи (от 50 до 275 экземпляров) делали книгу малодоступной для широких слоев демократической молодежи, она читалась в основном активными деятелями социал-демократического движения. Поэтому насущной необходимостью становилось выступление в легальной печати.

В декабре 1894 года в Петербурге вышла книга Н. Бельтова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (на обложке 1895 г.). Под псевдонимом Бельтов скрывался Г. В. Плеханов. Тяжеловесное заглавие, эзоповский язык самой книги позволили протащить ее через цензуру. В работе Плеханов не только разоблачал идеи либеральных народников, но развивал и пропагандировал марксизм. Книга имела огромный успех в революционных кругах. Московский социал-демократ С. И. Мицкевич, ознакомившись с книгой в тюрьме, испытал, по его словам, «бурную радость», что «наконец-то марксизм появился в легальной литературе и

притом в такой блестящей форме, как у Бельтова; народники же были возмущены книгой Бельтова за бесцеремонное третирование корифеев народничества, но книга читалась все-таки усердно и многих обратила в марксизм».

В. И. Ленин позднее отмечал, что на книге Бельтова «воспиталось целое поколение русских марксистов»[1].

Критику либерального народничества Г. В. Плеханов продолжил в книге «Обоснование народничества в трудах господина Воронцова (В. В.)», которая вышла в Петербурге в 1896 году. В ней подвергались критике экономические доктрины народничества.

Идейный разгром народничества довершили работы В. И. Ленина «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», «К характеристике экономического романтизма», «Развитие капитализма в России», «От какого наследства мы отказываемся» и другие. В них он дал четкий анализ классовых корней и исторической обусловленности народнической идеологии, переплетения в ней прогрессивных и реакционных черт, показал закономерности и особенности развития капитализма в России, определил задачи революционной борьбы первых русских социал-демократов.

К середине 90-х годов революционное движение в Петербурге и в целом по России подошло к важному рубежу. Те из народовольцев, кто был способен к усвоению марксизма, стали социал-демократами. Кто не мог отрешиться от старых взглядов, вошли в партию «Народное право», стали эсерами или отошли от революционной деятельности.

Завершался период «утробного развития» социал-демократии: была создана теоретическая база русского марксизма в произведениях группы «Освобождение труда», сделаны попытки группы Бруснева вести агитацию во время забастовок, созданы кадры питерских рабочих-марксистов, имевших значительный опыт пропаганды и политических выступлений, разгромлены, в основном, идеи мелкобуржуазного социализма народников.

Приезд В. И. Ленина в Петербург и его деятельность по завершению теоретического разгрома народничества и объединению петербургских марксистов стали началом нового этапа в революционном движении России. Поворот русской общественной мысли к марксизму ознаменовался соединением научного социализма и рабочего движения в деятельности созданного в Петербурге в 1895 году «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», когда «встретились два глубокие общественные движения в России: одно стихийное, народное движение в рабочем классе, другое — движение общественной мысли к теории Маркса и Энгельса, к учению социал-демократии»[2].

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 19, с. 313.
[2] Там же, т. 4, с. 247.

Советская историческая наука в исследовании революционного движения 80-х — первой половины 90-х годов XIX века опирается на ленинскую концепцию истории освободительного движения в России. В работах В. И. Ленина значительное место занимает анализ взглядов и деятельности революционных организаций этого периода. Большое внимание он уделил группе «Освобождение труда», анализу мировоззрения «Народной воли» и критике либерального народничества. Заметный вклад в освещение этого периода внесли члены группы «Освобождение труда», особенно Г. В. Плеханов и В. И. Засулич. Они были активными участниками революционного движения с середины 70-х годов, и их работы, написанные в 80—90-х годах и несколько позднее, приобретают в связи с этим особую ценность, так как являются и мемуарным источником и исследованием.

В современной исторической литературе революционное движение 80-х — первой половины 90-х годов освещено неравномерно. Наибольшее количество работ посвящено деятельности группы «Освобождение труда» и ее руководителя Г. В Плеханова. В советской науке был период, когда исторические и революционные заслуги первой марксистской организации России, вопреки ленинскому отношению к ней, замалчивались или преуменьшались. После постановления ЦК КПСС о праздновании 100-летия со дня рождения Г. В. Плеханова в декабре 1956 года эта односторонность была в основном преодолена. Особенно увеличилось количество исследований истории группы «Освобождение труда» в связи со 100-летием со дня ее основания. В одном из сборников, посвященных этой дате, помещен список работ, вышедших за 1956—1985 годы (см.: Распространение марксизма в России и группа «Освобождение труда». 1883—1903 гг. Л., 1985, с. 259—270).

Истории социал-демократических организаций Петербурга 80-х — начала 90-х годов посвящены несколько книг и статей (см.: *Мицуров В. В., Критский Ю. М.* Российское рабочее и социал-демократическое движение 70-х — начала 90-х годов XIX века в советской исторической литературе: — В кн.: Советская историография классовой борьбы и революционного движения в России. Л., 1967, с. 161—206; *Жуйков Г. С.* Петербургские марксисты и группа «Освобождение труда». Л., 1975). Однако история социал-демократических кружков, существовавших в 1892—1893 годах, исследована все же недостаточно.

Еще больше «белых пятен» в истории народнических кружков. Исследована в основном группа А. И. Ульянова, другие же группы революционных народников до сих пор не получили достаточного освещения в нашей литературе. (О том, что сделано по этой проблеме, см.: *Альтман И. А.* Советская историография революционного народничества 80-х — начала

90-х гг. XIX в.— В кн.: Общественная мысль в России XIX в. Л., 1986, с. 202—214).

Перед советскими историками стоит задача дальнейшего изучения вопросов кризиса народовольческой идеологии, соотношения революционного и либерального народничества, изучения взаимоотношений социал-демократических и народнических кружков 80-х — первой половины 90-х годов XIX века.

Воспоминания, вошедшие в настоящий сборник, написаны в основном в 20-е годы нашего века. Это был период накопления и осмысления материала по истории революционного движения в России. Советские историки организовали сбор воспоминаний остававшихся к тому времени в живых участников событий. Написанное публиковалось в журналах «Былое», «Пролетарская революция», «Красная летопись» и других, в отдельных сборниках.

О деятельности народовольцев в начале 80-х годов, в первую очередь «Молодой партии „Народной воли"», вспоминает И. И. Попов. Автор, ставший впоследствии писателем, пишет ярко, выразительно. Перед читателями проходят образы многих революционеров, в том числе Г. А. Лопатина, П. Ф. Якубовича, В. Н. Фигнер, Н. М. Флерова, В. А. Бодаева и других.

«Партия русских социал-демократов» представлена в сборнике воспоминаниями В. Г. Харитонова. (Воспоминания руководителя организации Д. Благоева неоднократно издавались, см., например: *Благоев Д.* Краткие записки о моей жизни. М., 1981.) После ареста Благоева Харитонов в течение 9 месяцев возглавлял группу. Он рассказывает о своих соратниках, об организации типографии и издании газеты «Рабочий», о связях с группой «Освобождение труда», о судебном следствии над первыми социал-демократами Петербурга.

Воспоминания А. И. Ульяновой-Елизаровой об Александре Ильиче Ульянове написаны с большой художественной силой. События 40-летней давности она вспоминает с позиций марксиста. Ей удалось восстановить довольно полную картину настроений студенчества в то время, процесс формирования мировоззрения А. И. Ульянова, атмосферу в кружке его единомышленников.

Рассказ о деятельности группы А. И. Ульянова дополняют воспоминания О. М. Говорухина. Он пишет не только об Александре Ильиче, с которым был в наиболее близких отношениях, но и о других казненных по делу 1 марта 1887 года: П. И. Андреюшкине, В. Д. Генералове, П. Я. Шевыреве.

К воспоминаниям Говорухина вплотную примыкают записки А. Л. Брейтфуса о подготовке им покушения на петербургского градоначальника П. А. Грессера и знакомстве в связи с этим с А. И. Ульяновым.

Впоследствии Брейтфус разочаровался в террористической

тактике и стал активным деятелем социал-демократической группы Точисского. Его воспоминания об этой группе — единственные. Они представляют собой ценный источник об ее руководителе — П. В. Точисском, об истории создания группы, ее деятельности, программных установках.

В воспоминаниях В. В. Бартенева дается широкая картина идейных исканий, настроений прогрессивной интеллигенции, в основном студенческой. Он пишет о занятиях в кружках, деятельности землячеств, характеризует круг чтения революционной молодежи, вспоминает о встречах с А. Ульяновым, М. Брусневым, Л. Красиным и другими участниками революционного движения в Петербурге. А. И. Ульянова-Елизарова высоко оценила эти воспоминания: «Статья В. В. Бартенева... младшего на два года современника Александра Ильича по университету — вводит, пожалуй, читателя лучше и полнее, чем какая-либо из встречавшихся нами в литературе, в жизнь молодежи той полосы тяжкого безвременья, в ее психологию».

О группе Бруснева до нас дошло много воспоминаний ее активных участников, причем они написаны не только интеллигентами, но и рабочими. Воспоминания рабочих недавно опубликованы в сборнике «В начале пути. Воспоминания петербургских рабочих. 1872—1897» (Л., 1975), составитель которого — Э. Корольчук снабдила его подробным справочным аппаратом. В нашем сборнике публикуются воспоминания интеллигентов-руководителей «Рабочего союза» — М. И. Брусневa, Л. Б. Красина, В. С. Голубева. Воспоминания рабочей В. М. Карелиной помещены здесь, так как отличаются от опубликованных в сборнике «В начале пути» более подробным изложением событий.

Воспоминания М. С. Ольминского и Е. Д. Стасовой позволяют представить, как формировалась гвардия ленинской партии.

Владимир Ильич Ленин писал, что революционная Россия «марксизм, как единственно правильную революционную теорию... поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы» [1].

Публикуемые воспоминания являются иллюстрацией к этим ленинским словам. Они освещают процесс усвоения идей марксизма передовым отрядом революционных рабочих и вставшей на их сторону интеллигенции.

В середине 90-х годов XIX века завершается разночинский и начинается пролетарский период российского освободительного движения.

И. Н. Курбатова

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 8.

И. И. Попов

МИНУВШЕЕ И ПЕРЕЖИТОЕ

XII

В 1881 году я сблизился с некоторыми лицами, с которыми был неразрывно связан до своего и их ареста. Я вошел в сношения с Центральным кружком С.-Петербургского университета [1] и познакомился с П. Ф. Якубовичем (Мельшиным) [2], тогда юным, болезненным на вид, чрезвычайно живым, даже экспансивным, твердо принципиальным, но в то же время мягким и деликатным в обращении с другими. Он был студентом-филологом, занимался много, но лекции, благодаря революционным делам и литературным занятиям, посещал неаккуратно. Экзамены у него сходили благополучно, и в 1882 году он окончил университет. В литературном отношении, в области изящной литературы, он был среди нас самый образованный человек, ценил Пушкина, к которому мы были равнодушны, преклонялся перед Тургеневым и восхищался Л. Толстым. К Достоевскому относился сдержанно, хотя и признавал в нем громадный литературный талант и считал его даже гениальным... Но «сердце не лежит к нему; в его героях много патологического... Я чувствую художественную правду в его произведениях. Читать же тяжело» — так говорил он о Достоевском.

Среди студенчества имя поэта «П. Я.» в 1881—1882 годах уже пользовалось популярностью, и его стихотворения читались с интересом. П. Ф. Якубович был занят проектом создать легальный студенческий журнал, который должен был объединить передовое студенчест-

во. Наряду с этим проектом он мечтал и о создании нелегальной газеты, которая должна была явиться органом центрального кружка университета, в котором он был одним из руководителей. Эти два задания нас сблизили. Собственный журнал создать не удалось, но Якубович попытался приспособить к намеченной им цели журнал «Русское богатство», издаваемый Бажиной [3]. Вышло несколько книг, и журнал прекратился. Снова он возобновился, но без участия Якубовича, в 1883 году кн. Л. Оболенским, а в 1890-х годах «Русское богатство» перешло в руки В. Г. Короленко, Н. К. Михайловского, Н. Ф. Анненского и других, а потом и самого П. Ф. Якубовича, который работал в журнале до самой своей кончины. О газете было опубликовано в прокламации Центрального кружка университета; к первому номеру уже было все готово, но массовые аресты 1882 года не дали осуществиться плану П. Ф. Якубовича. Журнал «Студенчество» издавался на гектографе в 1882—1883 годах. Вышло пять номеров [4].

В августе 1881 года Я. В. Борисов привел ко мне в институт Н. М. Флерова, студента университета, а через него я познакомился с его приятелем, студентом-юристом В. А. Бодаевым [5]. Оба они окончили Рязанскую гимназию и в 1880 году приехали в Петербург, где, разобравшись в программах партий «Народная воля» и «Черный передел», примкнули к первой. Еще на гимназической скамье они много занимались, вымуштровали себя, выработали в себе чувство ответственности за свои действия, наметили целый план конспиративных правил, которым немало пользовался и я. Оба они поступили на естественный факультет. Но университет для них был не целью, а средством, а потому через два года они перешли на юридический факультет. Оба они были связаны узами тесной дружбы, идейно спелись, хотя Флеров был по характеру более спокойный и более ровный, а Бодаев более экспансивный. Никто из них один без другого не принимал серьезных решений. В университете они вошли в кружок, занимавшийся с рабочими. В состав его входили Л. М. Коган-Бернштейн, П. П. Подбельский и другие. Связь кружка с Исполнительным комитетом поддерживала С. Л. Перовская, которая почти не пропускала заседаний кружка. Флеров и Бодаев знали А. И. Желябова, Г. П. Исаева, А. А. Франжоли, И. Каховского и других. После демонстрации в университете 8 февраля 1881 года [6] и 1 марта

1881 года часть членов кружка перешла на нелегальное положение, кое-кто уехал и пострадал, и кружок распался.

В конце 1881 года Бодаев и Флеров образовали новый кружок, который вошел в партию как «Подготовительная группа партии „Народная воля"».

К этому моменту относится и мое знакомство с Флеровым и Бодаевым. Они процеживали новых людей, всесторонне обсуждая их пригодность для революционного дела,— «процедили» они и меня. Флеров предложил мне взять несколько кружков рабочих. Но 1881/82 учебный год был для меня последним годом в институте. Я был завален работой по выпускным сочинениям, пробным урокам, подготовкой к экзаменам и уклонился от занятий с рабочими до окончания курса в институте, до весны 1882 года.

Но я поддерживал сношения с группой, участвовал в совещаниях с Флеровым и Бодаевым, у меня в институте был склад группы, и я был в курсе дел. Приходилось заниматься и с рабочими. К моменту окончания института мы втроем образовали Центральный комитет группы. После летних арестов (1882 г.) Флеров и Бодаев, продолжая быть народовольцами, стали работать обособленно, признавая такой образ действий при тогдашних условиях наиболее целесообразным в интересах дела. Другим организациям и лицам никому никаких сведений о наших рабочих кружках они не сообщали, хотя каждый из них имел сношения с отдельными, по их выбору, народовольцами. Деловые сношения с партией, когда я окончил институт, велись через меня, а до этого времени, т. е. до окончания курса в институте, систематически я не вел занятий, а являлся в некотором роде «мужем совета» и был в курсе всех дел нашей группы. Моя роль была чисто передаточного характера. Пользуясь тем, что оба мои старших брата преподавали на фабричных и заводских вечерних курсах[7] и вследствие этого у меня было знакомство со многими учителями этих курсов, я просил братьев и учителей обратить внимание на тех или иных рабочих, которых рекомендовали мне Флеров и Бодаев. Благодаря этим связям удавалось пристраивать на курсы рабочих, когда это сделать обычным порядком было уже невозможно. Подобные факты укрепляли авторитет группы среди рабочих. В свою очередь, брат Илья и другие указывали мне рабочих, на которых, по их

мнению, нам следовало обратить внимание. И мы старались войти с ними в сношения. Наши рабочие на курсах пользовались особенным вниманием учителей. Мое знакомство в 1881 году с В. А. Карауловым[8], служившим на патронном заводе, дало нам связи с рабочими этого завода. К моменту моего окончания института наша организация в Петербурге была самой многочисленной и наилучше дисциплинированной среди других рабочих организаций, имела достаточное количество студенческих кружков в высших учебных заведениях. <...>

В нашей работе мы не раз наталкивались на отдельных рабочих, а иногда и на кружки, принадлежащие к «Рабочей группе „Народной воли“» или к «Северному рабочему союзу» и даже к «Земле и воле». Они потеряли связь с партией, но продолжали работать самостоятельно и имели огромное влияние на рабочих. Землевольцы уже были народ пожилой и вполне установившийся. Такие встречи укрепляли в нас веру в возможность передачи революционного дела в руки трудящихся. Вопрос о русском пролетариате в то время у нас еще не возбуждался.

К осени 1882 года наша группа была настолько значительна и прекрасно организована, с собственной гектографией и даже типографией, помещавшейся в чемодане, что перед нами встал вопрос о программе, которую следовало обдумать и сформулировать.

Мы признали, что все революционное дело должно быть передано в руки самого народа и рабочих, а для этого необходимо подготовить и воспитать вполне сознательных и критически мыслящих рабочих, которых, по мере их подготовки, следует вводить в центр группы. Мы наметили несколько рабочих, которых решили объединить в особый кружок, для того чтобы начать заниматься с ними серьезно. Другой подобный же кружок мы наметили для деревни. Мы также признали старый прием «хождения в народ» интеллигенции, отвергнутый еще в 1870-х годах, нерациональным. С народом необходимо связаться через рабочих, из среды которых нужно подготовлять агитаторов для деревни, а потом отправлять их на родину и помогать им устроиться там. В наш Центральный кружок, благодаря дегаевским провалам, из рабочих мы не ввели никого. В деревню, особенно летом, ездило несколько человек.

В связи с деятельностью среди рабочих и в деревне

естественно встал перед нами вопрос о средствах пропаганды и агитации, вопрос о том, как и какими средствами обратить внимание рабочих и крестьянской массы на революционную борьбу. Из личного опыта мы знали, что вопросы политики меньше интересуют рабочих, не говоря уже о крестьянах, чем вопросы хозяйства и экономики.

К политическому террору рабочие, не говоря уже о крестьянах, относились равнодушно; он не всегда был понятен для них, а иногда в широких рабочих массах трактовался в нежелательном направлении. Между тем для успеха революционного дела среди народных масс нужна была пропаганда не только словами, но и фактами. Какие же могли быть факты?

В 1883 году между нами обсуждался вопрос о целесообразности, в целях популяризации в массах, идеи революционной борьбы, экономического террора и даже намечались те исключительные случаи, когда, как нам казалось, возможно было применять этот террор. Нам было известно, что этот вопрос поднимался на Воронежском съезде землевольцев в 1879 году и не встретил там возражений. Конечно, обсуждение вопроса об экономическом терроре имело чисто академический характер. Мы были только местной, петербургской, организацией и не считали себя морально и политически правоспособными начать практиковать этот террор, да для этого у нас не было и сил.

Перейду теперь к нашим занятиям с рабочими. Демагогические приемы при занятиях с рабочими мы считали нецелесообразными, негодными для выработки из рабочих сознательных людей. Демагогия целесообразна в момент революционного разгара, когда нужно нанести удар и не упустить момента. В подготовительный период такие приемы возможны только при стачке или бунте. В занятиях с рабочими демагогия вредна, приучая слушателя к фразе, несерьезному отношению к науке и занятиям. Избегали мы и догматического социализма, а исходили из положений научного социализма, беря за основу К. Маркса и «Примечания» Н. Г. Чернышевского. Если рабочие оказывались дельными, интересующимися, достаточно развитыми людьми, мы начинали заниматься с ними отдельно и знакомили их с историей литературы, основами политической экономии, положением рабочего класса и крестьянства у нас в России и за границей более серьезно, с классовыми

отношениями, с государственным устройством и т. д. Мы были социалистами-народниками; с рабочими мы всегда занимались у них на квартирах, и нас встречали приветливо. Конечно, ходили к ним в костюмах «под рабочего» и назывались псевдонимами, а не собственными именами. Только я не менял ни имени, ни отчества, а назывался Иваном Ивановичем. Очень редких, выдающихся рабочих мы знакомили с некоторыми нашими конспиративными квартирами, а, например, наборщик Никвист стоял близко ко всем нам и бывал у нас.

Рабочие, я не говорю уже о выдающихся, а о массе, с интересом слушали все, что касается их положения, капиталистического строя и иных форм хозяйства. Даже такие отрасли политической экономии, как деньги, кредит и финансы, привлекали их внимание, и рабочие старались уяснить все эти премудрости, задавая нам вопросы. Политика мало интересовала большинство рабочих, зато международная классовая солидарность рабочих, характеристика классов — были наиболее интересными вопросами для рабочих. Не скажу, чтобы самое понятие «класс» у нас выкристаллизовалось так четко, как это было сделано значительно позднее в программе социал-демократов. Рабочих, крестьян и трудовую интеллигенцию мы объединяли в одну группу и противопоставляли ей народившуюся буржуазию, землевладельцев и бюрократию с царем во главе. Пролетариат входил в первую группу, да в России мы его, пожалуй, не особенно принимали в расчет. К либеральной демократии мы относились без вражды, пользовались ее услугами и считали ее нашим союзником в борьбе с царским самодержавием. «Нам с ними еще долго будет по пути». <...>

В наших кружках не только велась политическая и социалистическая пропаганда, но шло и простое обучение грамоте, для чего у нас был достаточный штат учителей. С обучения грамоте рабочих начала в нашей группе свою революционную деятельность Добрускина, впоследствии осужденная на каторгу по процессу Г. А. Лопатина. Кружком грамотности интересовался и С. С. Салазкин, впоследствии директор женского Медицинского института в Петербурге. Салазкин был деятельным членом нашей группы и занимался с рабочими. Я, как получивший специальное педагогическое образование, заведовал кружками, обучающими грамоте. При-

ходилось студентам, курсисткам, врачам, инженерам не только рекомендовать методики, но и самому читать курсы обучения грамоте, счету. Помню, всех заинтересовало мое заявление, что в 4, много — в 6 недель я берусь обучить грамоте, счету и элементарным арифметическим действиям группу в 4—6 человек, при условии ежедневных занятий.

В нелегальных рабочих кружках подобные образцовые уроки было давать невозможно. Ввиду этого ветеринарный врач Карцев, заведовавший петербургскими бойнями, устроил мне у себя на бойнях такую образцовую школу, которую по очереди могли посещать по двое и по трое интеллигентов. Занятия шли по вечерам, но мои ученики, все взрослые мужчины и женщины, служащие на бойнях, стали просить, чтобы я занимался с ними и по праздникам. Учеников было 9 человек. Через полтора месяца все они бегло читали, писали, считали и производили действия над трехзначными числами. Это был, вероятно, единственный пример нелегальной учительской семинарии.

В нашей группе был еще один подобный же пример обучения прикладному искусству. Этим делом занялся художник Езов. Он обучил граверному искусству несколько наборщиков, граверов и давал уроки живописи ученикам различных мастерских, где писались для рынка картины и т. п. Вообще наша группа старалась удовлетворить и практическим запросам, которые являлись у наших рабочих. <...>

С лета 1882 года мы вели работу в контакте с только что тогда организовавшейся группой социал-демократов. Связь с этой группой установилась случайно. Както на заседании нашего Центрального кружка Бодаев сообщил, что на одном из выборгских заводов, как ему передали рабочие, какие-то интеллигенты ведут занятия с рабочими. Мне было поручено выяснить дело. Я оделся «под рабочего» и отправился с одним из наших рабочих на полянку у Ботанического сада, где должен был собраться неизвестный нам кружок.

Я болтал с незнакомыми рабочими, которые прекрасно поняли, что я не рабочий, и недоумевали, зачем я пришел. Рекомендация рабочего, с которым я пришел, была для них достаточной гарантией того, что я не шпион. Но вот пришел интеллигент, и на моем и его лицах, вероятно, появилось удивление. Но ни я, ни он не подали вида, что мы знаем друг друга. По окончании

общей беседы интеллигент предложил мне пройтись с ним, что было совершенно естественно, так как я был новичок и интеллигент обязан был меня изучить.

— Иван Иванович, как вы попали в наш кружок?

— Попал, чтобы познакомиться с вами, точнее — проверить, что за интеллигенты занимаются с рабочими и улавливают наших рабочих, а мы этого не знаем. Согласитесь, Петр Алексеевич, что наше любопытство — законно, мало того, оно требуется правилами конспирации.

— Ну я очень рад, что встретился с вами...

П. А. Латышев, брат моего институтского преподавателя В. А. Латышева, был уже врач. Я встречался с ним и у его брата, и у покойного П. Ф. Архангельского. Я знал, что он причастен к революции, но считал его чернопередельцем. Латышев познакомил меня со своим кружком. Это была небольшая группа социал-демократов, в состав которой кроме Латышева входили болгарин Д. Б. Благоев, позднее лидер болгарских социал-демократов, уральский казак Н. А. Бородин, будущий член I Государственной думы от конституционных демократов, сибиряк М. М. Теселкин, В. Г. Харитонов, Благославов, П. П. Аршаулов, Шатько, кн. Кугушев и другие[9]. Главным организатором группы был Д. Б. Благоев, а теоретиком ее, составившим программу группы, был П. А. Латышев. В то время не было резких отношений между партиями. Наша группа, хотя и стояла на народовольческой платформе, не была автономна. Мы установили контакт и работали с социал-демократами дружно, и если было удобно для дела, то нередко направляли своих рабочих в кружки социал-демократов, а они к нам. Так мы работали до 1885 года. В январе 1885 года благоевская группа выпустила № 1 листка группы «Рабочий» со статьями Г. В. Плеханова и П. Аксельрода и подготовила № 2 листка. Благоев и Латышев редактировали листок, а Харитонов напечатал его. На Бородине лежали сношения с заграницей. В марте 1885 года, когда я уже сидел, группа Благоева — Латышева была разгромлена; Латышева сослали в Вологду, где он умер, а Благоева выслали за границу[10]. С рабочими группы Латышева после их ареста стали заниматься оставшиеся на свободе члены нашей и благоевской групп. Летом благоевцы выпустили в свет № 2 листка.

Таким образом, первой организацией социал-демо-

кратов в Петербурге была не группа «Рабочий», основанная летом 1885 года, а благоевская группа, работавшая в Петербурге с конца 1881 года[11]. Правда, эта группа, как и наша, не имела наименования и не издавала никаких печатных произведений, если не считать двух выпусков листка в 1885 г. Группа признавала социал-демократическую программу, а сами основатели ее — Латышев и его товарищи — называли себя социал-демократами.

В 1881 году в институт поступил сибиряк С. И. Чекулаев. Я уже был на последнем, третьем курсе. Вскоре же я с ним познакомился и сблизился. Чекулаев жил вместе со студентом университета сибиряком А. В. Пихтиным. Оба они занимались химией и имели большую склонность к технике. Посоветовавшись с хладнокровным и спокойным Н. М. Флеровым и выслушав возражения горячего и экспансивного Бодаева, который всегда считал для себя нужным на наших совещаниях возражать, мы решили использовать влечение этих двух молодых людей. Пихтин и Чекулаев великолепно поставили гектографию и замечательно емкую фотографию. Мы издавали в довольно значительном количестве речи участников политических процессов, их портреты, брошюры, а когда в 1882 году в Иркутске был казнен учитель Неустроев, сидевший там в тюрьме и давший генерал-губернатору Анучину пощечину,— его биографию и письмо, написанное перед казнью. Мастерская работала хорошо; наши издания славились, и мы исполняли различные партийные работы. В конце 1882 года у нас явилась еще одна мастерская, даже с небольшим ручным типографским станком, т. е. рамой и валиком. Я познакомился с курсистками С. Обуховской и Гомолицкой и через них с С. А. Андржейковичем. Человек идейный, говоривший на нескольких европейских языках, Андржейкович бросил с 7-го класса гимназию и пошел в революцию. Он был хороший рисовальщик и делал нам виньетки и обложки для брошюр. Между прочим, он написал карандашом портрет Желябова, которого знал лично. Я, встречавший Желябова, сделал некоторые указания Адржейковичу; кое-кто еще внес поправки, Андржейкович снова перерисовал портрет, который вышел удачным, и мы издали его в большом количестве экземпляров. Фотографии Желябова не было, а силуэты, зарисованные на суде, тогда еще не были известны. Таким образом, портрет Желябова,

нарисованный Андржейковичем, был единственным изображением революционера. Андржейкович изучил граверное искусство и технику типографского дела, был недурным наборщиком и оказывал партии большие услуги, о чем скажу ниже. Страдающий острым ревматизмом Андржейкович был [полон] неутомимой энергии и отваги; умел, благодаря сильной воле, преодолевать физическую боль и работать, как здоровый. Большой идеалист, с прекрасным сердцем, Андржейкович напускал на себя скептицизм и доказывал, что из революционеров ценен лишь тот, кем руководит не идеология, а злоба к правящим сферам и даже месть. Впоследствии, в 1889 году, я с ним встретился в Красноярске. Ссылка измучила его. Болезнь приняла острые формы, материально он сильно нуждался, и к своему революционному прошлому С. А. Андржейкович относился иронически, но по существу остался идеалистом. <...>

Весной 1882 года В. А. Караулов ввел меня в состав «Общества помощи политическим ссыльным и заключенным» («Синий крест») [12]. Здесь я познакомился и близко сошелся с С. Е. Усовой, учительницей городской школы, и особенно с А. Н. Шипицыным, который был фактическим секретарем общества. <...> При содействии своих товарищей по институту я собирал относительно большие средства, а главное — удалось организовать систематическую посылку газет, журналов и книг ссыльным.

Таким образом, к моменту окончания курса в институте я уже вплотную вошел в революционные дела. После нас наша институтская группа растаяла. Чекулаев и Борисов вышли до окончания курса. Я и Скворцов кончили курс в институте в 1882 году, причем Скворцов уехал из Петербурга. Я поддерживал сношения с институтом и после, но тогда уже не было никакой группы, и я сносился персонально. Еще некоторое время в институте была квартира для хранения документов, литературы и т. д. К концу 1883 года по конспиративным соображениям пришлось и эти сношения передать другим... Пришлось оставить и многие прежние знакомства, между прочим и наших приятельниц Обуховскую и Гомолицкую, у которых я познакомился с Гриневицким, А. Подбельским, Андржейковичем, Прозоровским и другими поляками. Обе они были типичными курсистками, причем Гомолицкая больше интересовалась науками, но не чуралась и революции. Обуховская же мечтала о ре-

волюции, увлекалась Маратом и Робеспьером, скорбела, что она дворянского происхождения. Гомолицкая, несмотря на знакомства с пролетариатцами, окончила Бестужевские курсы, а Обуховская высылалась несколько раз и умерла, кажется, в ссылке. После института в связи с революционной деятельностью у меня возникли новые связи и знакомства, и между прочим среди сибиряков.

В институте или несколько позднее, не помню, пришлось столкнуться с небольшой группой «милитаристов». У нас в группе были и солдатские кружки, а также сношения с юнкерами военных училищ. И от солдат, и от юнкеров мы узнали, что с ними имеют сношения какие-то интеллигенты, причем назвали их клички, нам неизвестные. При этом юнкера передали нам, что эти интеллигенты, не осуждая партию «Народной воли», а даже одобряя ее петербургские выступления, доказывают, что в России настоящей революции в скором времени не может быть, а вполне возможен захват власти руками военных, через военный переворот. Они говорят, что декабристы упустили «великолепный момент для захвата власти»: они без всяких жертв легко могли арестовать в Зимнем дворце Николая в самом начале дня 14 декабря.

Эти интеллигенты нас заинтриговали, и мы искали случая познакомиться с ними. За это дело взялся осторожный Н. М. Флеров и блестяще выполнил поручение. Мы познакомились с неизвестными интеллигентами и узнали, что это кружок «милитаристов», которые ограничивают свою деятельность исключительно военной средой. Они не прочь организовать кружки среди невоенных, но только для выработки пропагандистов для военных. Они считали себя социалистами, но осуществление социалистического идеала относили к отдаленнейшему будущему, когда «все люди переродятся». Ближайшая же их цель — политический переворот, который может быть произведен только военным восстанием, военным заговором. Рабочие для такого переворота бесполезны и даже могут быть вредны: у них мало дисциплины и повиновения. Организация партии, намеченная «милитаристами», должна была иметь характер организаций карбонариев. Группа была немногочисленна и просуществовала недолго. Она была разгромлена, причем арестовали несколько юнкеров военных училищ Петербурга. Были аресты и среди солдат. Фамилии участ-

ников совершенно исчезли из моей памяти, за исключением Бражникова, ставшего народовольцем и сосланного из Харькова административно на 10 лет на Сахалин.

В начале 1880-х годов существовала небольшая группа, по своей программе как будто бы близкая к «милитаристам»,— группа «немистов». Их было всего несколько человек, и они, кажется, видели единственный выход для водворения социализма в дворцовом перевороте, после которого на престол следует посадить «своего царя», и «свой царь» путем манифестов и декретов введет социализм. У «немистов» не было даже организации, и вообще они не имели никакого значения. Из них помню только Сазонова, имевшего отношение к журналистике, да сестру благоевца кн. Кугушева. Мы относились к ним с большой осторожностью. В партийных кругах говорили, что к «немистам» внимательно относится Судейкин.

В эпоху, пережитую мною в Петербурге, мне пришлось встречаться, я сказал бы, с «дикими» революционерами, т. е. не входившими в состав ни одной из существующих партий и не примыкавшими ни к каким группам, а оказывавшими большие услуги революционному делу вообще. Их нельзя отнести к сочувствующим и помогавшим: революция была для них главной целью их жизни. К таким я отнес бы уже упомянутых мною выше Чекулаева, Пихтина, Шипицына. Был кружок Прозоровского и Ястржембского, составленный исключительно из технологов, кружок молоканина Степанова[13], П. Мануилова, Н. И. Семенова, будущего члена I Государственной думы, и другие. У путейцев наряду с народовольческим кружком, основанным С. П. Дегаевым и С. Ч. Куницким, были и другие кружки, например А. Я. Ауслендера. К одному из них принадлежал кн. Г. З. Андронников, потом перешедший в кружок Куницкого. В Медико-хирургической академии имел с нами сношения кружок Бардаха, впоследствии известного в Одессе бактериолога. На Бестужевских курсах было несколько кружков, и между ними многочисленный кружок Судаковой, Обуховской, Гомолицкой, сестер Трубниковых и др.; к этому кружку имела отношение О. Н. Фигнер. Некоторые из этих кружков занимались самообразованием, другие вели пропаганду среди рабочих, гектографировали и т. д. В университете был еще кружок А. А. Корнилова, Д. Ю. Старынкевича (брата народовольца И. Ю. Старынкевича), Д. И. Ша-

ховского, Ф. и С. Ф. Ольденбург, И. М. Гревса, Крыжановского (потом ушедшего вправо и ставшего товарищем министра внутренних дел) и др.[14]. Этот кружок избегал заниматься политикой; по его инициативе возникло «Научно-литературное общество»[15], председателем которого был О. Ф. Миллер[16]. С правыми организациями он не якшался, а когда в члены его вошли правые, то вскоре были вынуждены уйти из него. Члены кружка, не сочувствуя студенческим волнениям, не уклонялись от них, а в 1882 году, во время поляковской истории[17], были арестованы вместе с другими и уведены в манеж Павловского училища. Этот кружок дал ряд лиц, заявивших себя в общественной жизни, науке и литературе. Революционные кружки оказали много услуг революции и выполняли важные, ответственные поручения. Некоторые из них были принципиальными противниками организации, не считая для себя возможным беспрекословное подчинение дисциплине.

К числу «диких» я отнес бы и В. Л. Бурцева[18], тогда очень юного, живого, веселого, с недоумевающим выражением в глазах студента университета, окончившего курс Уфимской гимназии. Он был «ушиблен» революцией еще в гимназии и приехал в Петербург в достаточной степени распропагандированным не столько другими, сколько чтением. Вначале он окунулся в академические дела и принимал участие в студенческих делах. В ноябре 1882 года, когда университет был оцеплен полицией и жандармами и студентов, собравшихся на сходку в Актовом зале, увели в Павловское военное училище и потом развезли по частям, и он был арестован. Он просидел несколько дней в части вместе с другими, распевал и сочинял на мотив «Ах, дербин, дербин, Калуга, Тула, родина моя» куплеты «Как на третье ноября собралась студентов тьма...» За эти волнения университетский суд наложил на Бурцева какое-то дисциплинарное взыскание. После этих волнений Бурцев ушел в революцию и выполнял много важных поручений. Он и в это время был склонен собирать материалы для истории партии и считал это наиважнейшим для себя делом. В 1884 году Бурцев был арестован, долго сидел, потом был сослан в Восточную Сибирь, откуда в 1888 году бежал, переодетый гимназистом. В Иркутске ему даже «выправили» диплом об окончании гимназии: настолько он был моложав на вид.

Занимаясь революцией, мы не были теми пуритана-

ми, каким я был в переходном возрасте. Мы ходили в театры и посещали вечеринки и студенческие балы. И в театрах, и на вечеринках часто происходили деловые свидания, и под шум веселья велись серьезные переговоры. Вечера и вечеринки иногда были удобны и для агитации — для того чтобы бросить какой-нибудь лозунг, затянуть запрещенную песню и даже сказать речь. Флеров, Бодаев и я избегали таких выступлений, а первые двое совершенно не посещали вечеринок, но другие иногда грешили подобными выступлениями, не только молодежь, а даже и такие солидные люди, как Н. К. Михайловский и Н. В. Шелгунов.

Студенты-медики в декабре 1882 года, в связи с выпуском врачей из Медико-хирургической академии, дали бал в гостинице «Демут». Бал этот среди больших студенческих балов выделялся своей грандиозностью и попал на страницы романа кн. Оболенского.

Залы были переполнены. Среди публики много представителей литературы и общественных деятелей. Были тут и представители революционного мира, между прочим П. Ф. Якубович, братья Н. А. и В. А. Карауловы, С. Е. Усова, С. Н. Кривенко и другие. В. А. Караулов, зная, что П. Ф. Якубович не выступает публично, шутя подбивал его выступить в отдельной комнате, где речи лились без конца и читались революционные стихотворения.

— Бросьте шутить. Я ничего зазорного не вижу в этих выступлениях. Если бы я не занимался более серьезными делами, то, конечно, прочел бы здесь стихотворение, ну хотя бы «Весну», а может быть, и что-нибудь нелегальное.

Говорили преимущественно студенты на тему о высшей школе. Условия высшей школы ухудшались, носились слухи о новом университетском уставе[19]... В высших учебных заведениях вообще было приподнятое настроение.

Довольно поздно на вечер приехали Михайловский и Шелгунов. Они запоздали, потому что обедали у Шелгунова, за столом, который он только что сделал сам. Со всех сторон понеслись возгласы: «Николай Константинович, скажите что-нибудь...», «Михайловский, Шелгунов — речь!»

Михайловский поднялся на стол и сказал в кратких словах о долге народу. «...Но об этом долге студентам, да еще медикам, будущим земским врачам, не приходится напоминать. Выполняя этот долг, не нужно забы-

вать о другом долге, который является долгом чести и без выполнения которого не может быть выполнен настоящим образом первый долг. Вы должны уяснить себе, откуда идут всякие стеснения, ставятся препоны для того, чтобы затормозить правильное развитие общества и держать народ в невежестве. Не отворачивайтесь от этого вопроса; жизнь выдвинет его на первых же шагах вашей деятельности. Углубитесь в него, изучайте и помните не только о ваших обязанностях, но и о долге чести...»

Михайловского сменил Шелгунов, который выразил полную солидарность с речью Михайловского. Студенты качали их обоих и, кажется, вынесли на руках.

— Жидковато,— бросил замечание В. А. Караулов,— можно было бы пояснее...

Якубович недоумевающе посмотрел на него и заметил:

— Я бы на месте Михайловского и этого не сказал бы... Зачем? Он нужнее в «Отечественных записках»...[20]

Якубович был прав.

На другой день Михайловский и Шелгунов были вызваны к градоначальнику и высланы один в Выборг, а другой в Любань[21].

XIII

В июне 1882 года я окончил институт, занял место учителя истории и русского языка в училище Тименкова-Фролова и поселился с матерью, сестрами и младшим братом Николаем на Моховой. В материальном отношении мы были вполне обеспечены. Я получал свыше 100 рублей и ежедневный паек: 3 фунта мяса, муку, масло, сахар и пр. Мог жить в училище, но, ввиду моих революционных дел, я предпочел нанять частную квартиру, отказавшись от казенной под предлогом, что она (2 комнаты) мала... Квартиру я нашел на проходном дворе, выходящем на Сергиевскую и на Моховую, в доме с десятком квартир... Все это было для меня важно в конспиративном отношении, так как революционные дела я считал главной задачей своей жизни. Наша группа была в 1882 году значительно больше и организованнее народовольческой «Рабочей группы». В нашем распоряжении были летучая типография, гектография, фотография и небольшое паспортное бюро. Внешние сношения с «Народной волей» и другими организациями

лежали на мне. Флеров и Бодаев, посвятившие себя исключительно работе среди рабочих, находили нецелесообразным входить в тесные связи с партией, практикующей террор. <...>

Флеров уже тогда имел в своей народовольческой идеологии, как мы называли, провалы. Он интересовался чистой социал-демократической программой. Когда он познакомился с П. А. Латышевым, то мы смеялись, что в лице Латышева пустили в огород козла и он, чего доброго, уведет нашего друга. Впоследствии, в 1890-х годах, когда я встречался с Н. М. [Флеровым], он уже примкнул к социал-демократам. В конце 1882 или в начале 1883 года в наш центр вошел студент-технолог Ф. В. Олесинов, у которого была своя небольшая организация рабочих и свой кружок интеллигентов. Мы четверо — Флеров, Бодаев, Олесинов и я, позднее вошел П. Мануилов — составляли центральный кружок и работали все вместе вплоть до наших арестов.

Желание жить обособленно было твердо, а жизнь нас толкала все ближе и ближе сходиться с «Народной волей». Это сближение шло и прямо через «Александра Ивановича» (псевдоним П. Ф. Якубовича), «Заику» (псевдоним С. А. Иванова), Н. М. Салову и других и косвенно через польскую партию «Пролетариат»[22]. Уже самый факт, что Флеров и Бодаев не только признали, но и возложили на меня представительство для сношений с «Народной волей», да и сами не отказывались от сношений с отдельными народовольцами, говорил о том, что в обособленности нашей группы, в какой она жила до весны 1882 года, была пробита брешь. Новая брешь была сделана представителями в Петербурге «Пролетариата». Мы почти одновременно столкнулись и с этими представителями и с тремя рабочими-поляками, приехавшими из Варшавы. По своей культурности и общему развитию эти рабочие выгодно отличались от наших рабочих. За справками об их революционной порядочности и стойкости пришлось обратиться к пролетариатцам. Через С. Обуховскую, курсистку Онуфрович, студентов А. В. Подбельского и С. А. Андржейковича я был уже знаком с тремя крупными представителями «Пролетариата»: студентом Института путей сообщения С. Ч. Куницким и студентами университета А. Н. Дембским и Ф. Ю. Рехневским. Последнего за большие знания в студенческой среде звали «маленьким Марксом», а его партийная кличка у пролетариатцев была «Круль».

Через них я навел справки о рабочих-поляках и получил благоприятные для рабочих сведения.

До «Пролетариата» среди польских студентов в Петербурге существовали две революционные организации — одна социалистическая, вскоре выданная Родзевичем, а другая — кружки и группы поляков, стоявших на платформе независимости Польши и живших традициями польских восстаний 1831 и 1863 годов. Более правые из этих групп были не прочь восстановить историческую Польшу [23]. Все эти кружки относились отрицательно к социалистам. В 1882 году в Польше организовалась социалистическая партия «Пролетариат». Центральный комитет «Пролетариата» поручил Куницкому, Дембскому, Плосскому и Рехневскому организовать кружки «Пролетариата» и в Петербурге и признал их своими представителями для сношений с «Народной волей». Они энергично принялись за организацию кружков и столкнулись с группами, стоявшими на платформе независимости Польши. Представители этих групп старались «оберечь» от социалистов приезжавшую из Польши молодежь. Социалистически настроенные поляки прозвали эти группы «доезжальней», от слова «доезжать». «Доезжальня» была особенно сильна в Технологическом институте, где шли постоянные дискуссии между пролетариатцами и представителями «доезжальни». Но «Пролетариат» пользовался среди польской учащейся молодежи большими симпатиями, чем «доезжальня». Сочувственно к партии относились и в польском обществе. В. Д. Спасович [24] покровительствовал Куницкому, Дембскому и особенно Рехневскому, которого он ценил очень высоко. В 1883 году организация кружков «Пролетариата» пошла успешно, особенно когда была опубликована программа партии. В половине 1883 года «доезжальня» сошла совершенно на нет, и мы о ней уже больше не слыхали.

Наша группа сблизилась с пролетариатцами в 1883 году, и мы повели работу, можно сказать, сообща: пролетариатцы давали нам пропагандистов для рабочих из своей среды. Личные отношения между нами были приятельские, особенно у меня с Куницким. Программа «Пролетариата» была близка идеологии Н. М. Флерова; он познакомился с Рехневским и любил с ним беседовать, а потом сошелся и с другими пролетариатцами. Мы выполняли и поручения «Пролетариата», особенно летом, когда многие из них уезжали на каникулы.

Отношения между «Народной волей» и «Пролетариатом» были дружеские и даже тесные. В начале 1884 года между обеими партиями был заключен федеративный союз, о чем было объявлено в № 10 «Народной воли». Договор закрепил то, что уже было в жизни.

После 1882 года революционная обстановка в Петербурге была такова, что работать какой-нибудь группе или партии обособленно было невозможно. Июньский (1882 г.) провал в Петербурге, когда была выхвачена головка народовольцев — М. Ф. Грачевский, А. В. Буцевич, А. П. Корба, А. В. и Р. Л. Прибылевы, М. Ф. Клименко и многие другие,— нанес тяжелый удар партии. Многие связи затерялись, и группы, работавшие обособленно от «Народной воли», нередко находили эти связи, и их приходилось передавать оставшимся на воле народовольцам. Нередко люди, затерявшие связь с партией, стремились восстановить ее и обращались к нам. Июньский удар не коснулся нашей группы и поляков. Петербургская же группа «Народной воли» сильно пострадала. В. А. Караулов, П. Ф. Якубович, С. А. Иванов, позднее Н. М. Салова должны были собирать разбитые остатки партии. Это было нелегкой для них задачей. Настроение было неважное, но руководители духом не падали. Правда, иногда минорное настроение прорывалось наружу. Довольно часто мы собирались у В. А. Караулова на Песках, против Таврического сада. За чаем за большим столом усаживались: брат Василия Андреевича — Николай Андреевич, жена Прасковья Васильевна, урожденная Личкус, сестра жены С. М. Кравчинского, тогда еще медичка, П. Ф. Якубович, я и иногда англичанка Е. В. (Лиля) Буль, будущий автор «Овода» *.

— А ваши Флеров и Бодаев все еще сторонятся от нас, как запрокаженных,— пускал реплику Якубович.— Передайте им: ведь пропадем — им же придется принимать за наши дела и собирать крохи.

---

* В 1889 году В. А. Караулов был выслан из Шлиссельбургской крепости в Усть-Уду Иркутской губернии. П. В. Караулова, его жена, тогда уже врач, взяла в Усть-Уде должность фельдшерицы. Проездом к мужу она прожила некоторое время в Иркутске, где вращалась среди ссыльных. Здесь она познакомилась с административно-ссыльным провизором Войничем, который решил бежать из ссылки за границу. П. В. Караулова дала ему адрес англичанки, уже уехавшей в Лондон. Войнич благополучно доехал до Лондона, познакомился с Е. В. Буль, а потом на ней женился [25]. (Здесь и далее в подстрочнике примечания авторов воспоминаний.)

— Ну нет, не пропадем, а еще «повоюем»,— подражая тургеневскому «Воробью»[26], с густым смехом, довольно низким басом говорил В. А. Караулов.

Но в этой реплике не было веселья, не было смеха.

— Василий Андреевич по обязанности службы, в качестве главнокомандующего, собирающего остатки армий, должен высоко держать знамя и, несмотря ни на что, идти вперед,— замечал я.

— Нет, Иван Иванович, сам знаю: гадко вокруг; но не нужно падать духом,— отвечал он мне.

— Да мы и не падаем духом и будем стоять на своих местах до конца,— горячо поддерживал Якубович.

Милая, беззаветно преданная делу П. В. Караулова шутя цыкала на нас, наливая нам чай и угощая вареньем и вкусными печеньями.

— Ну-ну, belle soeur *, не цыкайте,— замечал Н. А. Караулов,— просто люди устали, захотели на курорты отдохнуть.

— Вот и поедем в Италию,— приглашала англичанка, хорошо говорившая по-русски.

— Кто знает, может быть, придется и в Италию, а то и далее,— загадочно произносил Якубович.

Но такое настроение продолжалось недолго; все мы старались встрепенуться и заглушить в сердце червя сомнения. Якубович начинал читать свои или из Бодлера стихи; В. А. Караулов выхватывал место о реформации из статей в хрестоматии Гуревича, которую я ему раньше принес. Прасковья Васильевна и англичанка садились за рояль, а Николай Андреевич иногда подпевал.

В. А. Караулову и Якубовичу принадлежит огромная заслуга: Караулов после июньского разгрома, а Якубович после развала, во время дегаевщины, сохранили остатки партии до приезда из-за границы Н. М. Саловой и Г. А. Лопатина. Несмотря на безвременье, несмотря на судейкинскую провокацию, в партии уцелели силы, энергия, мужество, чтобы ликвидировать дегаевщину по-шекспировски, как Флеров характеризовал после убийства Судейкина этот факт. Все это было возможно только потому, что Якубович, Караулов и С. Иванов, особенно первые два, собрали, восстановили и объединили в Петербурге народовольцев, разбитых в 1882 году и в начале 1883 года, когда влияние Исполнительного комитета было сведено почти на нет и только сноше-

---

* Свояченица (*франц.*).

ния с В. Н. Фигнер говорили об этом комитете. Кто-то пустил крылатое словечко «салонный Исполнительный комитет», вероятно имея в виду собрания у В. А. Караулова; но эти собрания выполнили большую ответственную роль, сохранив партию «Народная воля» еще на два-три года в небывало тяжелое время. Ни Караулов, никто из участников этого кружка никогда не думал присваивать ему наименование Исполнительного комитета. Несколько позднее приехавший из-за границы Г. А. Лопатин, любитель острых словечек и прозвищ, прозвал этот комитет «соломенным». <...>

Пережить дегаевское провокаторство[27] — этот тяжелый крест выпал на долю П. Ф. Якубовича, С. А. Иванова, М. П. Шебалина, К. А. Степурина и всех тех, кто работал в 1883 году и в начале 1884 года. Караулов переживал в Петербурге первые необъяснимые провалы, а затем уехал за границу и в январе 1884 года был принят в Центральную группу, образованную Л. Тихомировым и Ошаниной, а когда вернулся в Россию, то для него причины провалов были уже ясны. Он недолго пробыл в Петербурге и уехал в Киев, где в 1884 году был арестован.

С конца 1882 года мы, не входя в состав партии, работали с «Народной волей»; так работали не только мы, но и пролетариатцы, которые занимались больше народовольческими, чем своими, делами. Дембский шутя говорил мне, что в Петербурге он народоволец, а в Варшаве — пролетариатец. У Ф. Ю. Рехневского весной 1883 года я познакомился с Петром Алексеевичем (С. П. Дегаевым), который, конечно, интересовался и пролетариатцами. Мы друг о друге слыхали, и нас должен был познакомить Александр Иванович (Якубович). Я знал, что Петр Алексеевич занимает видное место в революционной иерархии. Несмотря на это, он на меня произвел неблагоприятное впечатление, от которого я не мог отделаться и при последующих наших встречах. Дегаев упорно избегал смотреть в глаза говорившему с ним: глаза его постоянно бегали; красная сыпь на лбу также не располагала к нему, как и вся его небольшая сутуловатая худощавая фигура. Я передал свое впечатление от встречи с Дегаевым Якубовичу, который пробрал меня, указав, что нельзя придавать значение первому впечатлению, да еще по внешнему виду.

К 1883 году я был уже завален революционными делами. <...>

Весной 1883 года наша группа влилась в «Народную волю» и фактически стала «Рабочей группой партии „Народная воля“», приняв в свои организации рабочие кружки, имевшиеся у партии. Наш центральный кружок стал центральным кружком «Рабочей группы партии „Народная воля“»; Флеров и Бодаев продолжали заниматься исключительно делами группы, но мне и Олесинову приходилось исполнять и другие поручения. Время было тяжелое. Дегаевщина, о которой мы не знали, действовала вовсю. Мы чувствовали, что в верхах организации не все благополучно, что кто-то выдает. Это создавало отвратительное настроение и поселяло недоверие к людям, с которыми мы не были связаны узами давнишней дружбы или длительной работой. Провал в Харькове в феврале 1883 года В. Н. Фигнер [28], а позднее аресты среди военных и моряков поразили нас: [29] мы знали, что В. Н. Фигнер находилась в безопасности. В конце 1882 года в Петербург по ее поручению приезжал Комарницкий и передал нам ее директивы и наказы. Комарницкий подтвердил, что Фигнер вне опасности и ни в коем случае не может провалиться. Мы радовались и за нее и за партию, вождем которой была Вера Николаевна. Тем ужаснее было для нас известие об ее аресте.

Пошли слухи, обратившиеся в уверенность, что В. Н. Фигнер случайно встретилась на улице с рабочим Меркуловым, которого переодетые жандармы водили по улицам с целью встретиться с Фигнер. Он ее и предал.

— Уж больно все это просто. Я убежден, что Меркулов — подставное лицо, а за его спиной стоит кто-то несравненно более важный, чем это ничтожество.

Так рассуждал Н. М. Флеров, когда ему рассказывали подробности ареста В. Н. Фигнер, так в глубине наших мыслей думали и мы, когда вокруг нас выхватывались испытанные борцы, новые жертвы, погибла военная организация. Но мы боялись высказывать свои мысли вслух. К каждому новому лицу, появившемуся среди нас, мы относились с щепетильной осторожностью, граничащей с недоверием, а к приезжим так прямо-таки недоверчиво. Исключение представлял сам Петр Алексеевич (Дегаев), появившийся в Петербурге весной 1883 года.

Приезжает из Варшавы штабс-капитан К. А. Степурин, во всех отношениях прекрасный человек и убежденный, с большим стажем революционер. Но мы его не

знаем. Его явки и рекомендательные письма нам кажутся недостаточно авторитетными. Он видит и чувствует, что мы не верим ему, мы его испытуем, сомневаемся в его порядочности. Все это продолжалось короткое время. Степурин занял соответствующее ему место в партии: он был правой рукой Г. А. Лопатина, был назначен в Центральную группу, которая заменила Исполнительный комитет. Но то недоверие, с которым его вначале встретили в Петербурге, заложило в нем начало того психоза, который в 1885 году привел его к трагическому концу: в Доме предварительного заключения ножом, сделанным из сардиночной коробки, он перерезал вены на руке, опасаясь, что во время сна в бреду может проговориться [30].

Атмосфера в революционных кругах сгущалась: аресты, начавшиеся в начале 1883 года после «бегства» из Одесской тюрьмы Дегаева, к лету участились. После ареста В. Н. Фигнер прекратились и сенсационные слухи, циркулировавшие в обществе. В обществе тогда много говорили о том, что правительство капитулирует и через своих агентов ведет переговоры с Исполнительным комитетом о том, чтобы террор был прекращен, а за это правительство обещает революционерам амнистию, а стране — реформы [31]. Возвращение из ссылки из Вилюйска в Астрахань Н. Г. Чернышевского рассматривалось как первый шаг правительства в направлении уступок требованиям общества. Коронация откладывалась, и царь уже два года сидел на престоле некоронованным и заперся, окруженный явной и тайной полицией, в Гатчине. По этому поводу много острили, Александра III называли «гатчинским пленником». Иностранные юмористические журналы были полны карикатурами. <...>

Кажется, к этому времени относится и нелегальная юмористическая поэма «Как царь Ахреян ходил богу молиться», которую приписывали перу Якубовича, но он от авторства отказывался [32].

Наконец коронация была назначена. В обществе говорили, что революционеры пробрались в Кремль, в Успенский собор, где работают среди подрядчиков и готовят покушение. Был принят целый ряд невероятных предосторожностей, вызванных страхом перед революционерами. Между тем революционеры с трудом могли издать к коронации прокламацию.

Не откликнуться на это событие значило бы для

партии расписаться в полном бессилии, особенно после двух лет реакционной политики нового царя. Собственной типографии не было. Правда, у Кукушкина моста, в Столярном переулке, М. П. Шебалин ставил типографию. Но она еще была, что называется, «ни у шубы — рукав»: пока что была нанята квартира, куда переехал Шебалин, только что обвенчанный с П. В. Богораз. Но там еще не было ни шрифта, ни станка, ни других приспособлений. Наборщик Никвист пытался напечатать прокламацию в академической типографии в 8-й линии. Но здесь сорвалось, и Никвисту пришлось сделаться нелегальным. Шрифт, станок и пр. были у партии; кое-что имелось и у нашей группы. Но не было квартиры, даже для нелегальных. Андржейкович не раз ночевал у меня.

П. Ф. Якубович берег Шебалиных для постоянной типографии и об их квартире молчал. Андржейкович и Паули искали способов отпечатать прокламацию. Правда, иногда возможно было печатать на квартире писателя М. Д. Протопопова (Горшкова), причем набор делался на других квартирах; но на этот раз и квартира Протопопова оказалась почему-то неудобной.

Начало мая... Приехал С. А. Иванов. Сильно заикаясь от волнения, он указывал, что «честь партии требует, чтобы „Народная воля“ отозвалась на коронацию»...

Выручил Андржейкович. Он обошел Петербург в поисках комнаты, которая должна быть абсолютно изолирована, а хозяйка квартиры должна быть «беспросветно глупа». Изолированная комната с «беспросветно глупой хозяйкой» нашлась. «Имущество» нового жильца было перевезено на извозчике в чемодане. Подушкой и одеялом решено было пожертвовать. Устроили «новоселье», на которое пришли Никвист и Паули. В результате «новоселья» была напечатана прокламация[33], и «честь» партии была спасена. <...>

С лета 1883 года начала работать типография Шебалина, с которой имели сношение Петр Алексеевич (Дегаев) и Якубович. <...>

Якубович «на случай» осведомил меня о типографии Шебалиных, но мне не пришлось с ней иметь дела, потому что по возвращении Дегаева из-за границы поздней осенью 1883 года Шебалины уехали из Петербурга и типография закрылась.

Летом 1883 года провалы стали как будто реже. Но атмосфера недоверия в революционных кругах Петербурга не разрядилась. Петр Алексеевич играл в организации первенствующую роль. Все мы жили в ожидании ареста. В августе стали съезжаться уехавшие из Петербурга. И из Москвы, и с юга, и юго-востока привезли невеселые известия о подробностях арестов людей, которые ни в коем случае не могли быть арестованы. На этот раз даже П. Ф. Якубович начал склоняться к тому, что в организации есть «осведомитель». Слово «провокатор» еще не было произнесено, хотя пролетариатец, кажется Плосский, и говорил о возможности провокации.

Настроение было невеселое. В конце августа наше внимание несколько было отвлечено от «проклятого вопроса», придавившего нас. Умер И. С. Тургенев, и целый месяц мы жили Тургеневым. <...>

XIV

Охлаждение к Тургеневу со стороны молодежи, которое отмечалось в конце 1870-х годов и особенно с выходом его «Нови», после приезда Тургенева в Россию на Пушкинские торжества[34], общения с учащейся молодежью и с молодыми литераторами сменилось теплым чувством. «Стихотворения в прозе», особенно «Порог»[35], окончательно растопили холодок молодежи по отношению к И. С. Тургеневу. Мы считали его либералом и западником, который не может не быть оппозиционно настроен к русскому правительству. Мы знали, что и оно недолюбливало писателя... И вот когда Тургенев заболел, то молодежь, как и все русское общество, с тревогой следила за его болезнью.

Болезнь Тургенева совпала с каникулярным временем, когда многие уехали из Петербурга, а мы, оставшиеся, были завалены работой и переживали тяжелый момент неожиданных провалов. Несмотря на все это, болезнь эта не выходила из поля нашего зрения. При встречах с П. Ф. Якубовичем, который был большим почитателем писателя, мы обменивались впечатлениями от газетных известий о ходе болезни, и он как-то сказал:

— Боюсь, что лишимся великого художника слова, которому после Пушкина нет равного в русской литературе. А какой удивительный стилист: язык тургенев-

ский — это музыка. Я вновь перечитываю Тургенева и наслаждаюсь.

Встречались мы с Якубовичем в это время или у его брата, доцента Медико-хирургической академии, талантливого детского врача, имевшего обширные научные труды и читавшего лекции, или у его невесты Р. Ф. Франк. Петр Филиппович читал нам Тургенева, особенно его «Стихотворения в прозе»; в манере чтения у него, как поэта, отсутствовала простота, хотя его чтение многим нравилось.

В нашей группе мы обсудили и приняли чье-то предложение постараться на собраниях рабочих выяснить значение Тургенева для народа и освободительного движения. Это задание было передано в кружки, которые занимались с рабочими. Когда Тургенев умер, мы устроили у рабочих поминки по Тургеневу, на которых выступали и мы, члены Центрального кружка, даже Якубович, никогда ранее не выступавший перед рабочими. «Александр Иванович» (псевдоним Якубовича) говорил просто, с большим чувством и производил большое впечатление на рабочих. Он читал и некоторые главы из «Записок охотника», «Стихотворения в прозе» и другие. Манера его чтения нравилась рабочим. По полицейским условиям эти собрания рабочих не могли быть многолюдными, а потому происходили часто и затянулись почти до похорон, на которые пришли многие рабочие, чтобы проводить И. С. Тургенева. Одним студенческим кружком, занимавшимся с рабочими, был поднят вопрос о возложении венка на гроб писателя от «Рабочей группы». Кружок проектировал терновый венок, в центре которого из красных цветов должна была быть надпись: «От мертвых — Бессмертному», а на лентах: «Тургеневу — «Рабочая группа партии „Народная воля"». Но мы отклонили это предложение, потому что оно исходило не от рабочих, а надпись: «От мертвых — Бессмертному» — признали претенциозной и совершенно не подходящей для революционно настроенных рабочих. По нашему мнению, Тургенев был настолько велик, что не нуждался в искусственном проявлении горя по поводу его кончины. Это профанировало бы его память.

Тургенев умер 22 августа. Разрешение привезти его тело из Парижа и похоронить в Петербурге русскими властями было дано в половине сентября; похороны состоялись только 27 сентября.

Таким образом, между кончиной и днем похорон прошло больше месяца — время, достаточное для того, чтобы на похоронах было возможно устроить внушительную демонстрацию. Об этом мечтала вся либеральная печать; этого боялись правительство и «Московские ведомости»[36]. Мы, революционеры, были далеки от мысли устраивать на похоронах Тургенева политическую демонстрацию и даже, как я уже говорил, отвергли предложение о возложении венка от рабочих. Но обойти молчанием кончину великого писателя и мы не считали возможным. Идея выпустить к похоронам «Обращение к обществу», по поводу кончины Тургенева, принадлежит Якубовичу.

Первая редакция этого обращения, составленная Якубовичем, была чужда всякой полемики. Но, пока везли тело в Россию, у гроба писателя развернулась ненужная и обидная для памяти его полемика, поднятая «Московскими ведомостями». Катков перепечатал из парижской газеты письмо Тургенева П. Л. Лаврову и из письма сделал вывод, что Тургенев сочувствовал и помогал революционерам[37]. М. М. Стасюлевич, П. Я. Полонский[38] и либеральная печать заподозрили подлинность этого письма и обвиняли Лаврова чуть ли не в подлоге.

Мы, революционеры, ни на минуту не сомневались в подлинности письма Тургенева Лаврову и в честности последнего. Отношение либеральной печати глубоко нас возмутило.

Группа студентов с А. Н. Шипицыным, презрительно говорившим о «либералишках», послала письмо в «Вестник Европы» и в «Новости»[39]. Но оно не было напечатано. П. Ф. Якубович был глубоко возмущен и ходил в «Вестник Европы» объясняться, а потом говорил нам:

— Нет, с ними ничего не сделаешь. Вот выясним и тогда напишем опровержение, если цензура пропустит. Цензура, конечно, не пропустит, и ложь может остаться неопровергнутой. Наше обращение к обществу нужно переделать: нельзя обойти молчанием всю эту свистопляску у гроба Тургенева.

Так волновался Якубович. Обращение было переделано; в него было внесено много полемики, и оно, по моему мнению, много проиграло сравнительно с первой редакцией.

К прокламации «И. С. Тургенев» было приложено стихотворение в прозе «Порог». То и другое было напе-

чатано в типографии Шебалина безукоризненно на одном листе хорошей бумаги.

В связи со всей этой, по выражению Якубовича, «свистопляской» возложение венка от рабочих явилось бы большой ошибкой и дало бы повод к новым нападкам и инсинуациям со стороны охранительной печати. В самой партии «Народная воля» было решено не делать, кроме прокламации, никаких выступлений.

— Тургенев велик и не нуждается в искусственном создании выражения горя по поводу его кончины. Не будем делить его и решать вопрос — наш он или не наш. Предоставим либералам это, а мы, революционеры, докажем, что мы умеем ценить великих писателей, хотя бы они были не наши.

Так резюмировал П. Ф. Якубович наши разговоры о необходимости нашего участия в похоронах. <...>

XV

Похороны Тургенева несколько приподняли наше настроение, но не разрядили гнетущую атмосферу, в которой мы жили с весны. Аресты стали реже, отчасти потому, что весенние провалы целых организаций разгромили партию. В сентябре с петербургского горизонта исчез Дегаев. Потом стало известно, что он ездил за границу с покаянием и должен был выполнить ультиматум — помочь убить Судейкина.

Значительно позднее Г. А. Лопатин говорил, что Дегаев покаялся Тихомирову и Ошаниной еще в мае и тогда же принял обязательство убить Судейкина под угрозой — иначе сам будет убит. Затем он стал затягивать исполнение этого обещания; тогда из Парижа пригрозили ему, что огласят об его предательстве. Дегаев поторопился в Париж и вскоре же вернулся в Петербург. Вслед за ним прибыл в Петербург ничего не знавший о предательстве Дегаева Лопатин. После нескольких свиданий Лопатин, что называется, раскусил Дегаева, и последний во всем сознался ему. Лопатин, не принимая участия в убийстве Судейкина, только наблюдал, чтобы Дегаев выполнил взятое обязательство. Я ни от кого, кроме Лопатина, не слыхал, чтобы Дегаев в мае ездил в Париж; мне кажется, что в мае и позднее летом Дегаев был в Петербурге, а вот в сентябре или даже в конце августа он действительно исчезал с петербургского горизонта[40] и вновь появился уже после

похорон Тургенева. Ему было вменено в обязанность не изменять образа жизни; но Дегаев стал реже появляться на свиданиях, и я его видел раза три-четыре в октябре и ноябре. Эти свидания были мимолетны: раз я уходил с совещания с Якубовичем и Степуриным, а он пришел. Кажется, мы не сказали друг другу ни слова, поздоровались и разошлись; так же кратковременны были и другие свидания.

Осенью аресты стали реже, но убеждение, что Судейкин является одним из виновников разгрома партии, крепло. Мы догадывались, что Судейкин культивирует провокацию, и знали несколько примеров, когда он путем застращиваний, путаных допросов и т. п. приемов старался уловить молодых и неопытных людей. Предложения со стороны жандармов — «оставаться в партии и осведомлять нас, и вы будете свободны» — делались без всякого стеснения, с прибавлением: «Об этом никто не будет знать». Явилось сознание необходимости во что бы то ни стало удалить Судейкина, так как он автор провокационной системы, которую его агенты стремились внести в революционные организации.

В то же время появились и «добровольческие шпионские организации». Уже более года действовало тайное общество великосветских шпионов «Священная дружина», возглавляемое П. Шуваловым и самим великим князем Владимиром. Говорили и о другом обществе, «Добровольная охрана»[41], которое задалось целью искоренить революцию и вербует членов из всех слоев общества, начиная с дворников. Говорили, что эта «охранка» в Москве, во время коронации, затерла явную и тайную полицию, чем вызвала неудовольствие в Департаменте полиции. Ясно, какая гнетущая атмосфера царила среди нас, окруженных официальными и неофициальными шпионами и провокаторами. Осенью 1883 года сношения с заграницей стали неаккуратными и затруднительными. Сношения эти шли теперь больше через «Пролетариат», но у петербургских представителей его также не было хороших связей. Они ждали с нетерпением возвращения Ст. Куницкого, командированного за границу в конце лета, и возлагали большие надежды на его миссию. Ждали и мы его. А. Н. Дембский перешел на нелегальное положение и вскоре уехал в Варшаву. Перед отъездом он мне передавал, что из Варшавы ему пишут, что адреса и явки в Польше и из-за границы не вызывают

арестов адресатов, а стоит только дать адрес на Варшаву из России, как адресат арестовывается... «У нас в Питере — несомненно провокатор. В Варшаве встречусь с Куницким, быть может, он за границей узнал кое-что» — так говорил Дембский. Рехневский, занятый подготовкой к выпускным экзаменам в университете, соглашался с Дембским и также возлагал надежды на Куницкого, что тот разъяснит темное дело. <...>

Куницкий наконец приехал... Я не узнал «Стасика», веселого, беззаботного, несколько жуира, никогда не унывающего и верящего в свою счастливую звезду. Он был даже мрачен. В его словах о заграничном центре звучала какая-то неприязнь. Мы чувствовали, что он о чем-то умалчивает, что-то угнетает его. А если у «Стася» мрачные мысли, если в его словах нет прежней твердости и беззаботности, то, значит, он знает что-то значительное, важное, но что нам сказать не может. Я знал, что у Куницкого была продолжительная беседа с Якубовичем, и последний стал задумчивым, я бы сказал, рассеянным. Его также что-то угнетало. Изменился и Ф. Ю. Рехневский, самый близкий для Куницкого человек. Н. М. Флеров теперь часто встречался с Якубовичем, и он сказал мне, что у нашего Александра Ивановича что-то на уме. Я как-то спросил Якубовича, что случилось.

— Подождите, пока ничего не могу сказать!

Из намеков, отдельных фраз, бросаемых Куницким и Якубовичем, для нас было ясно, что в партии не все благополучно, а в октябре на этот счет у нас уже не было сомнений. Куницкий прямо мне сказал, чтобы никто из нашей группы не шел на съезд народовольцев, который созывается в ноябре [42].

— Это будет лучше для вашей группы: о ней еще, по-видимому, не знают.

Понятно, все интриговало меня, но я, согласно революционной дисциплине, не настаивал и не расспрашивал ни Куницкого, ни Якубовича.

Приехал Г. А. Лопатин. Я знал, что идут совещания и обсуждаются какие-то вопросы. Лопатин виделся с очень немногими. <...>

Я уже не сомневался в том, что Судейкин будет ликвидирован, и в этой ликвидации Дегаев должен играть активную роль; этим актом он хотя бы отчасти искупит свое предательство.

До 16 декабря я видел Якубовича еще раза два. Он был сильно озабочен.

Наступило 16 декабря... К вечеру по Петербургу распространился слух, который передавался с каким-то, я сказал бы, радостным чувством, о том, что Судейкин и сопровождавший его жандармский офицер, кажется зять или родственник Судейкина, казначей охранки Судковский, были убиты. Такое сообщение циркулировало по Петербургу в первые дни, и, кажется, так было сообщено в газетах. Но убит был один Судейкин, а Судковский был тяжело ранен. <...>

В тот же вечер Росси и Стародворский напечатали краткую прокламацию по поводу убийства Судейкина на частной квартире. Набор делала Кулябко. Наутро этот набор был передан мне, и я с Росси допечатывал прокламацию уже на другой квартире. Во время печатанья Росси передал мне поклон от Куницкого.

— Уехал с Петром Алексеевичем? — невольно вырвалось у меня.

Росси утвердительно кивнул головой.

Вскоре Якубович при условии полного молчания ознакомил меня с предательством Дегаева. Убийство Судейкина в правительственных сферах произвело потрясающее впечатление[43]. Плеве[44] говорил министру или даже выше:

— Никто из нас не может ручаться за то, что он завтра не будет там, где подполковник.

Первое время не только в широкой публике, но даже в революционной среде не знали, что Судейкин убит на квартире Дегаева. Последний жил под фамилией Яблоновского на Тележной улице[45]. И только когда на улицах появилось правительственное сообщение с шестью портретами Дегаева и с приглашением за денежную награду 10 тысяч рублей выдать его и других убивших Судейкина, для революционеров и общества стало ясно, что Дегаев убил Судейкина. По поводу этого сообщения была напечатана новая прокламация с угрозой смерти предателю. В некоторых местах эту прокламацию удалось наклеить на правительственном сообщении[46]. На гроб Судейкина от царицы был возложен венок, но похороны сошли без помпы. Во время похорон на улице был арестован Степан Росси. Конашевич и Стародворский, активные участники убийства Судейкина, уехали из Петербурга, в начале 1884 года Конашевич был арестован в Киеве; около того же времени арестовали и Старо-

дворского[47]. Куницкий сопровождал Дегаева до Либавы, где передал его в руки тех, кто переправил Дегаева на пароход. В Петербурге Куницкий пробыл недолго и вскоре уехал в Варшаву, где был арестован, судился по делу «Пролетариата» и был казнен.

После убийства Судейкина в Петербурге пошли обыски. Кое-кто уехал; уехали пролетариатцы, и между ними Рехневский. Караулов уехал за границу еще до убийства Судейкина, и о том, что оно подготовляется, он не знал. Якубович не только не уехал, но даже не перешел на нелегальное положение. Он мне сообщил, что Дегаев уже в безопасности[48]. В нашей (Флерова и Бодаева) группе не было ни арестов, ни обысков. Г. А. Лопатин уехал за границу, откуда вернулся в марте 1884 года, когда я уже был арестован. <...>

Нужно удивляться тому, что после убийства Судейкина, особенно после правительственного сообщения с портретами Дегаева, не возникло в революционных кружках если не уверенности в его провокаторстве, то сомнения в его честности. Правда, Н. М. Флеров в обстановке убийства Судейкина находил много странного и подозрительного. Свое сомнение он высказывал Якубовичу, но тот, как и я, молчал, и оба мы чувствовали себя по отношению к нашему другу неловко. Остальные же, которые так еще недавно брали под подозрение вполне надежных людей, не делали никаких заключений и выводов. Правда, разговоры о предательстве подымались почти при каждом новом аресте, но имя Дегаева до января 1884 года в этих разговорах не упоминалось. Степурин с Якубовичем не говорили о Дегаеве и вообще старались избегать разговоров о нем. Молчал и я, официально не введенный во все обстоятельства этого дела. Г А. Лопатин, уезжая за границу, не оставил директив, да и дать их он не мог: он не входил официально в партию. Тихомиров и Ошанина не говорили ему о предательстве Дегаева. Дегаев, как я уже говорил, сам ему сознался в Петербурге, и Лопатин только наблюдал, чтобы Дегаев выполнил обещание, данное Исполнительному комитету. Извещение Исполнительного комитета, которое, хотя и было написано и датировано декабрем, в печати появилось значительно позже: оно было напечатано в № 10 «Народной воли» только в сентябре. В рукописи или гектографированном виде это сообщение в Петербурге появилось только в феврале, когда все обстоятельства дела были уже известны пу-

блике. В этом крупная ошибка Исполнительного комитета. Нужно было предоставить местной организации право сделать разъяснение тотчас же после убийства Судейкина. Своевременное опубликование всех обстоятельств дела исключило бы возможность тех нареканий, какие посыпались на центр, когда о Дегаеве стало известно помимо Исполнительного комитета. <...>

В ночь на 2 января были арестованы С. Е. Усова, игравшая видную роль в петербургской организации и пользовавшаяся авторитетом, и находившийся у нее в гостях заведующий внутренним обозрением «Отечественных записок» С. Н. Кривенко, также имевший отношение к революционным делам. Они были близки между собой и в ссылке поженились. <...>

Арест Усовой и Кривенко произвел большое впечатление. Но никто не говорил о том, что они выданы. С. Е. Усова была тесно связана с партией, играла первенствующую роль в «Обществе помощи политическим ссыльным и заключенным» и легко могла скомпрометировать себя. Кривенко же был арестован на ее квартире. О выдаче их не говорили и в «Отечественных записках».

Тем неожиданнее и сенсационнее стало известие, полученное на свидании с Кривенко, о предательстве Дегаева. Но и словам Кривенко многие не придали значения, предполагая, что жандармы морочат его. Сомнения исчезли, когда от Усовой, также на свидании, кажется с отцом, было получено сообщение: «Передайте на волю — я выдана Петром Алексеевичем!..»

С. Е. Усовой нельзя было не верить: все знали ее как осторожного партийного человека. В широких кругах партийных и примыкающих к ним пошел ропот, возмущение «генералами от революции», которые якобы сознательно терпели Дегаева и его жертвы, лишь бы достигнуть цели и убить Судейкина. <...>

Более спокойно и объективно относился к дегаевскому делу В. Л. Бурцев. Н. М. Флеров возражал ему против централизма, благодаря которому при провокаторстве может провалиться вся организация. В этом вопросе к Флерову примыкали и мы.

Я уже говорил, что в нашей группе не раз подымались вопросы о необходимости введения в программу аграрного и фабричного террора. Все мы, а также позднее вошедшие в нашу группу Ф. Олесинов и П. Н. Мануилов были сторонниками широкой автономии. Не будь

провокации Дегаева и того отношения со стороны Тихомирова, Ошаниной и других, какое проявилось в этом провокаторстве, вероятно, все эти вопросы не были бы поставлены остро и так ультимативно, как это было сделано в январе 1884 года. Только при централизме были возможны такие провалы и выдачи, какие сделал Дегаев. Он, и только он один, разгромил военную организацию и партию «Народная воля», когда она была особенно сильна.

Наша группа настаивала на полной автономии групп, между которыми могут быть только деловые отношения. Мы не выдвинули вопроса о центре, зная, что он будет поставлен при переговорах. Наши предложения мы передали Александру Ивановичу (П. Ф. Якубовичу), который согласился присоединиться к нам, если мы поставим вопрос о центре. Он соглашался с нами, что централизация должна быть смягчена и центр должен находиться не за границей, а в России. Без центра организация невозможна. Центр может быть составлен из представителей групп. Кажется, Овчинников [49] возражал против всякого центра. Мы договорились с Якубовичем и дальше уже выступали в контакте с ним. Степурина мы пока не вводили в наши переговоры. Он стоял на платформе Исполнительного комитета, который, и по его мнению, должен находиться в России, а не за границей. Он ждал директив из Парижа, которые должен был привезти Г. А. Лопатин.

Инициативу в деле создания «Молодой партии „Народной воли“» в литературе приписывают обыкновенно П. Ф. Якубовичу. Но это не совсем так. Инициатива в создании этой группы скорее принадлежит Н. М. Флерову,— Якубович же проявил наибольшую энергию в организации этой партии. Идеи, положенные в программу «Молодой партии „Народной воли“», сложились у Бодаева и Флерова еще тогда, когда я вступал в их группу. Бодаев все время, а Флеров до марта 1884 года, когда он сделался нелегальным, работали исключительно среди рабочих и стремились создать революционную группу из народа. Они желали, как я уже писал, передать революционное движение в руки самих рабочих и крестьян. После убийства Судейкина Якубович, уже ознакомленный с воззрениями членов нашей группы, ближе стал к нам и подружился с Н. М. Флеровым, с которым у него были длительные разговоры. Он соглашался, что программу новой партии следует хорошенько

продумать, обсудить, сформулировать и затем приступить к переговорам и вести их в дружеском тоне. Тогда никто из нас не думал о расколе, а считалось необходимым пересмотреть программу Исполнительного комитета, повторяю — никто не думал ни о какой новой партии. Н. М. Флеров указывал на то, чтобы при пересмотре программы были сделаны шаги в направлении объединения крестьян и рабочих с революционной интеллигенцией не на словах, не на бумаге, а на деле.

— Кто знает, быть может, уже наступил момент, когда борьба должна быть перенесена в деревню и на фабрику, когда мы не будем заниматься исключительно политическим террором.

Под углом такой намечающейся программы мы оживленно обсуждали вопросы о возможности фабричного и аграрного террора, конечно в особо исключительных случаях, например, после усмирения крестьянских волнений, особенно если при этом была применена порка, после забастовок и разгона рабочих, когда пролилась кровь и т. п., а отнюдь не избивать помещиков и фабрикантов. В обсуждении всех вопросов принимал участие и Якубович. Все мы сходились в вопросе о необходимости смягчения централизации и перенесения революционного центра из-за границы в Россию. За границей должны оставаться запасные члены Центрального или Исполнительного комитета. Это будет резерв, состоящий из испытанных и вполне надежных людей, которые в каждый момент могут быть вытребованы в Россию. Но не они будут давать распоряжения, а комитет, находящийся в России, будет управлять организацией и давать поручения заграничникам. Заграничники могут делать только предложения. Вопрос об аграрном и фабричном терроре, с перечислением по возможности случаев, когда его применять и кто решает этот вопрос, был принят единогласно. Окончательная редакция этой программы должна была быть выработана уже после переговоров с народовольцами не только в Петербурге, но и в провинции. Тогда же мы наметили и агентов для провинции — Якубовича, Флерова, Мануилова и Добрускину. В Петербурге Флеров, Бодаев, я и другие знакомили с программой отдельные кружки и организации, не принадлежавшие к нашей и благоевской группам. Вопрос о пересмотре программы Исполнительного комитета и наша новая программа встретили сочувствие в кружках. «Дед» (М. П. Овчинников) настаивал, чтобы

новая программа была предъявлена Исполнительному комитету ультимативно. Но мы были менее решительны и не хотели разрыва с партией «Народная воля». Если бы соглашение между нами и «Народной волей» не состоялось и мы вынуждены были бы выйти из ее состава, то по предложению Якубовича, чтобы показать преемственную связь с «Народной волей», решено было новую организацию назвать «Молодой партией „Народной воли"». В феврале Якубович съездил в Киев и посетил некоторые города. Он привез известие, что во многих местах к новому направлению относятся сочувственно, а Шебалин в Киеве заявил, что он к нам присоединяется[50] П. Ф. Якубовичу было поручено вступить в переговоры со старыми народовольцами. В начале марта у нас шли оживленные совещания. Старые народовольцы Степурин, Бах[51], только что вернувшийся из-за границы Г. А. Лопатин и другие были против образования новой партии, считая для себя неприемлемым фабричный и аграрный террор, хотя на Воронежском съезде в 1879 году этот вопрос, насколько мне известно, был разрешен в положительном смысле. Лопатин окрестил «молодых народовольцев» «красными петухами» и говорил, что «они хотят пустить красного петуха». Это было сказано, быть может, остроумно, но не соответствовало действительности, так как деревенские пожары устраивать мы и не думали, а считали возможным в исключительных случаях допустить террористические акты фабричного и аграрного характера. Позднее, в сентябре 1884 года, я беседовал по этому поводу с Г. А. Лопатиным, и он согласился, что «красные петухи» это только его крылатое словечко. Петербургские пролетариатцы хотя и не принимали участия в наших переговорах и совещаниях, но по духу стояли ближе к нам, чем к старым народовольцам, вынужденным всю свою силу воли и энергии отдавать политической борьбе. Наша программа встречала сочувствие и в провинции, куда мы думали послать агентов с пропагандой наших идей. <...>

Несомненно, течение «Молодой „Народной воли"» создалось отчасти благодаря дегаевской истории — как протест против сугубо централистической политики Исполнительного комитета. В то же время оно было неизбежно и по другой причине: политический террор отвлекал все силы партии и заслонял работу в других отраслях партии. Необходимо было выдвинуть аграрный

и фабричный вопросы и поставить их рядом с политическим террором [52]. Мы не желали и не могли откалываться от «Народной воли», с которой были кровно связаны. Мы не желали раскола и надеялись, что договоримся с народовольцами.

Так это и случилось. Но мне не пришлось уже участвовать в конечных переговорах: 16 марта 1884 года я был арестован.

Переговоры продолжались и после моего ареста. Наиболее оживленные заседания происходили в конце марта и в апреле, когда в Петербург были вызваны члены партии из провинции, между прочим А. В. Гедеоновский, А. Н. Бах и другие. После мартовского погрома «Народной воли» думать о расколе в партии было безумием и преступлением для дела. Образование после съезда народовольцев в Париже особой комиссии, заменяющей Исполнительный комитет и пребывающей в России, умаляло, даже аннулировало значение заграничного центра и вместе с тем смягчало централизм партии. Вопрос же о фабричном и аграрном терроре ввиду нового разгрома в партии терял практическое значение. Переговоры пришли к благополучному концу, и в № 10 «Народной воли» от имени «Молодой партии „Народной воли“» была напечатана декларация; это заявление было необходимо ввиду того, что слухи о расколе в партии широко распространились в обществе.

Раскол в партии не произошел благодаря главным образом П. Ф. Якубовичу, который и после соглашения продолжал работать для объединения партии [53]. Некоторые кружки, особенно кружки Ф. В. Олесинова, не желали подчиняться состоявшемуся соглашению и вели линию «Молодой партии „Народной воли“». После нашего ареста, отъезда Флерова они порвали сношения с «Народной волей». После освобождения мне пришлось убеждать их вернуться в ряды народовольцев. По этому поводу у меня были постоянные разговоры и с Лопатиным, и с Якубовичем. В ноябре 1885 года, накануне своего ареста, Петр Филиппович написал мне большое мотивированное письмо, убеждая энергичнее воздействовать на «молодых народовольцев». Письмо до меня не дошло — оно было захвачено при аресте студента Ермолаева, который должен был передать письмо мне. О содержании письма я узнал уже от самого Якубовича, когда он с каторги ехал в Курган.

В настоящее время, с легкой руки «Истории рево-

люционного движения в России» Тупа, это письмо не раз публиковалось и комментировалось[54]. <...>

XVI

<...> После выхода из тюрьмы[55] я устроил со всеми предосторожностями свидание с П. Ф. Якубовичем. Он рассказал мне много интересного и обрадовал сообщением, о котором я уже знал в «предварилке», о том, что переговоры с Лопатиным, Саловой и другими по поводу «Молодой „Народной воли“» привели к соглашению и разрыва с «Народной волей» не будет. Заявление «Молодой „Народной воли“» будет напечатано в № 10 «Народной воли». Рассказал он подробности об арестах Степурина, а в Киеве — Караулова, Шебалиных, Рехневского и других; сообщил также о Флерове, который жив, не арестован, находится в Москве, и с ним Якубович часто переписывается.

— Я уже написал Флерову, что вы освобождены; здорово обрадуется.

В общем, картина была нерадостная. Я уговаривал Якубовича уехать за границу, но он сказал, что сделать этого не может.

— Доживу до осени и тогда, быть может, на время уеду, а теперь не могу. Да у меня хороший паспорт и много друзей, у которых всегда найду приют.

С Лопатиным у него восстановились хорошие отношения. Внешний вид Г. А. Лопатина, по выражению Якубовича, «под иностранца» (он приехал с английским паспортом) обращал на себя внимание, что сильно беспокоило Якубовича. Действительно, вся фигура Г. А. Лопатина невольно привлекала к себе внимание: красивое лицо незаурядного человека, золотые очки на сильно близоруких глазах, борода, подстриженная веером, короткое, на французский манер, пальто и серая мягкая шляпа. Во всей фигуре, походке, приемах было много самостоятельности и силы. Позднее, когда я стал видеться с Лопатиным, я передал ему о беспокойстве Якубовича, на что он шутя заметил:

— Тоже колет глаза! А сам-то каков, ваш Александр Иванович? Одни очки его чего стоят!..

Якубович никогда не носил очков, а сделавшись нелегальным, стал носить густые синие очки, которые я ему советовал заменить пенсне с простыми сероватыми стеклами. Но он этого не сделал.

Мы условились встречаться с Якубовичем. Он назначал мне через кого-нибудь место свидания. Он согласился со мной, что в интересах дела мне следует пока остаться в стороне от революции и «восстановить свою благонадежность». Но... «человек предполагает, а бог располагает».

Лето я продержался, почти не соприкасаясь с революционерами, хотя изредка виделся с Якубовичем и раз даже с Н. М. Саловой. С августа я стал втягиваться в революционные дела. За отъездом Флерова, арестом Бодаева, Пихтина, Андронникова, Михмандрова, арестом Андржейковича, Паули, Никвиста, пролетариатцев и других некоторые учреждения и рабочие кружки затерялись; о них знал только я. Пришлось войти с ними в сношения. Остались лица и на воле и выпущенные из-под ареста, с которыми только я мог видеться. Иногда случайно на улицах я встречался с рабочими, которые вследствие наших арестов потеряли связи с интеллигенцией; встречался и с нужными людьми, которые и не состояли в партии, но оказывали ей услуги. Приходилось восстановить связи со всеми этими лицами и учреждениями и передать их в партию. Так незаметно я снова втянулся в революционную работу...

В августе Якубович уехал в Дерпт печатать № 10 «Народной воли». Г. А. Лопатин и П. Ф. Якубович передали мне сношения с литераторами, и в том числе с Н. К. Михайловским. Якубович печатал в Дерпте № 10 «Народной воли», в котором была и статья Михайловского по поводу закрытия «Отечественных записок» — «Бурбон стоеросовый чижика съел»[56]. По поручению Лопатина я ездил к Г. И. Успенскому на дачу около Бологого. Бывал там и Михайловский. Но, в общем, я виделся с ними редко. Михайловский резко отрицательно относился к «Молодой партии „Народной воли“», к фабричному и аграрному террору.

— Став на этот скользкий путь, легко докатиться и до разбоя,— говорил он с раздражением.

Но и он соглашался, что Тихомиров и Ошанина, назначив Центральную группу и Распорядительную комиссию путем инвеституры старого Исполнительного комитета, сделали ошибку. Успенский также не особенно сочувствовал «молодым народовольцам», но относился к ним мягче, чем Михайловский. Мне казалось, что мужик и рабочий, на которых хотела опираться группа, привлекали Глеба Ивановича, но против «Молодой партии»

был Г. А. Лопатин, которого Успенский обожал. Как-то раз я заметил, что в характере Лопатина есть доля авантюризма, причем тут же прибавил, что это я говорю не в дурном смысле слова, а подчеркиваю любовь Лопатина к риску, к игре с огнем.

— Как можно говорить это о таком исключительном человеке, как Герман Александрович! У него все продумано, все предусмотрено,— так возражал мне Г. И. Успенский.

История с записной книжкой Лопатина, которую он не успел уничтожить, произвела на Глеба Ивановича тяжелое впечатление:

— Как это он... Не понимаю!..

Во время моих свиданий с Михайловским он любил развивать свою теорию прогресса, доказывая, что политическая свобода — крупный шаг по пути к осуществлению социалистического строя. На эту тему он намерен был дать статью в № 11 «Народной воли». Но в январе 1885 года провалилась дерптская типография, а в феврале арестовали меня. Мы оберегали Михайловского, и жандармы не могли к нему подкопаться и даже не установили его псевдоним «Гроньяр», под которым он печатался в «Народной воле».

Условия работы были не прежние. Приходилось работать с людьми, за исключением Якубовича, не связанными со мной узами дружбы. В верхах петербургской организации стояли одинокие лица: Лопатин, Якубович, Салова, одно время Бах,— и, кажется, только. Все они находились под дамокловым мечом и ежедневно могли быть арестованы. Новых работников было мало или, вернее, их не было. С осени выдвинулась М. Н. Емельянова, сибирячка-курсистка, вышедшая впоследствии в Якутске замуж за Костюрина. В 1885 году реакция действовала вовсю. Такого гнета, какой с осени 1884 года стала переживать страна, раньше не было. Газеты и журналы были закрыты или закрывались, из библиотек изъяли сотни полторы названий легальных сочинений, даже некоторых наших классиков. Вредным оказалось «Родное слово» Ушинского, по которому мы все начинали учиться. Высшие учебные заведения были исковерканы, суд изуродован, всюду засели карьеристы. В обществе шел глухой ропот. Осторожно высказывались сожаления, что не стало террористов. Начали поговаривать о важности «малых дел».

Отсюда понятно, почему Г. А. Лопатин считал необ-

ходимым для поднятия престижа партии и встряски общества организовать террористический акт, объектом которого должен был быть bête noire * тогдашней политики гр. Дм. Толстой [57]. Пошли поиски лиц, помещений, попытки в местах проезда Толстого арендовать портерную, откуда можно было вести подкоп. Одно такое помещение было намечено к аренде еще весной, но ввиду арестов пришлось отказаться от него. В мае была произведена попытка покушения на Д. А. Толстого Инициатором и организатором ее был Н. М. Флеров. Вторым участником был рабочий-столяр с фортепьянной фабрики Шредера — Павел Игнатович Богданов, 23-летний высокий здоровый блондин, человек с редкой решимостью и силой воли. Он был женат и имел ребенка. Флеров и Богданов, вооруженные револьверами, явились на прием к министру в качестве: один — издателя, другой — редактора, с ходатайством о новой газете. Но вместо Толстого вышел его товарищ, и покушение не было приведено в исполнение. П. Ф. Якубович, близко стоявший к этому делу, так был поражен спокойствием и вообще поведением Н. М. Флерова, что написал и посвятил ему стихотворение «Выбор». <...>

Вышедший в августе — сентябре № 10 «Народной воли» ** был встречен обществом сочувственно.

— А, еще живы! — говорили мне знакомые из либеральных кругов, когда я передавал им этот номер.

Студенчество и молодежь с восторгом встретили это доказательство жизни партии, но, чтобы закрепить уверенность, что партия «жива», нужно было скорее издать № 11. На этом настаивал и Н. К. Михайловский, обещавший статью. Якубович организовал в Дерпте типографию и великолепно забронировал ее. Но в этой типографии не было достаточного количества материала, между тем у нашей группы сохранились кое-какие остатки шрифтов и материалов. Все это пришлось отправить в Дерпт. В сентябре [1884 г.] в военно-окружном суде начался процесс 14-ти (В. Н. Фигнер, Волкенштейн, Штромберг, Ашенбреннер и другие). Процесс по участникам и эпохе, захваченной им, был выдающийся. Нужно было информировать общество, хотя бы посредством гектографа. Пришлось взяться и за это дело.

---

* Пугало (*франц.*).

** Вторым изданием вышел в октябре в Ростове-на-Дону.

— А потом будете информировать общество и о нашем процессе,— с горечью шутил Г. А. Лопатин.

Несмотря на всю отвагу «удалого доброго молодца», как называл его Г. Успенский, и на железную его волю, он как будто потускнел: условия работы были тягостные, а условия жизни не лучше. Лопатин понимал, что висит на волоске не только он, а с ним и вся организация. Эту мысль не раз высказывал Якубович, который сблизился, скажу — подружился, с Лопатиным. Оба они уговаривали друг друга уехать за границу, но оба отказывались, не считая возможным в критический момент оставлять ряды партии. Новых заместителей не было... Лопатин, Якубович, Салова поистине были обреченные последние могикане «Народной воли». В тюрьмах сидело немало знакомых и друзей, и между ними — С. Н. Флоровский, с которым я был дружен с детства, и «Дед» (М. П. Овчинников) и другие. Нужно было заботиться и о них. <...>

6 октября разразился удар — на Невском арестовали Г. А. Лопатина и Н. М. Салову. Лопатин не успел уничтожить шифрованные адреса. Начались аресты, не столько в Петербурге, сколько в провинции[58]. Якубович остался во главе петербургской организации. Помогали ему Емельянова и я. Я виделся с ним часто на хороших квартирах, между прочим у И. В. Баснина, дяди моей невесты В. А. Лушниковой.

В начале ноября мы с ней повенчались и поселились на Бассейной улице, сняв квартиру. Якубович собирался зайти к нам провести вечер и отдохнуть, но «дела не позволяли», а главное, у него не было уверенности, что он не приведет «хвоста». В последний раз я встретил его в Симеоновском переулке у Литейной. Он шел на свидание со мной к Баснину, но по выражению его лица и мимике я понял, что за ним следят. Это и было так: 15 ноября арестовали Якубовича[59] и его невесту Р. Ф. Франк*. М. Н. Емельяновой пришлось взяться за дела вплотную. Я помогал ей, как раньше Якубовичу и Лопатину. Мы уже не думали о расширении ор-

---

* В 1887 году П. Ф. судили и сослали на Кару, а Розу Франк отправили в Якутскую область, и только в 1894 году, отбыв каторгу за якутский протест[60], ей удалось в качестве невесты перебраться на Кару, где они и повенчались. Я снова встретился с П. Ф. в Иркутске в 1896 году, когда он, отбыв каторгу, ехал на поселение в Курган, откуда писал в «Восточное обозрение» литературные обозрения под псевдонимом «Аквилан».

ганизации, а заботились только о том, чтобы сохранить те небольшие силы, которые еще остались в Петербурге. Нужно было восстановить связи с провинцией, а также с заграницей. М. Н. Емельянова, как еще не скомпрометированная, взяла первую миссию на себя и через свою товарку, курсистку Подсосову, вошла в сношения в Харькове с Елько[61]. Для заграницы ждали оказии. Нужно было готовить к печати № 11 «Народной воли», который решено было выпустить под двойным № 11-12.

В начале января я вошел в сношения с заграницей, откуда обещали командировать на подмогу активных революционеров. Это известие окрылило нас надеждами. Мы были уверены, что с приездом заграничников выпустим очередной номер «Народной воли». Но крылья были неожиданно обрезаны.

В половине января 1885 года провалилась прекрасно обставленная и организованная еще Якубовичем дерптская типография, на которой базировались наши надежды. Типография помещалась в квартире двух студентов, которые дали Якубовичу обещание никакими революционными и студенческими делами не заниматься, не компрометировать себя, а сидеть смирно, а если нужно, то и жуировать, но в меру. Адрес этой типографии знали только Якубович и я, а потом Емельянова. Студенты свято исполняли данное обещание. Один из студентов, кажется Иванов, уехал на рождество в отпуск; остался другой, Н. Н. Переляев. Оказалось, что он в детстве или юности страдал эпилептическими припадками, но потом они не повторялись. Переляев о болезни ничего не сказал Якубовичу. В половине января ночью с Переляевым сделался припадок; он упал лицом на тюфяк и, кажется, умер. Дали знать полиции, и вот, при осмотре квартиры, была найдена типография.

Арест этой типографии разбил наши планы на печатание № 11-12. Нужно было ставить новую типографию или ждать приезда «Петра Николаевича» (Елько) из Харькова. Быть может, на юге окажется типография.

Елько (псевдоним «Петр Николаевич Ельников») приехал в Петербург в начале февраля. <...>

12 февраля арестовали меня, Емельянову, Подсосову, Ермолаева, Крутовских и других. Елько многих, которые с ним виделись, выдал.

Я, прошедший довольно продолжительную революционную школу, воспринявший конспиративные приемы

Н. М. Флерова и наученный горьким опытом других, не исключая Г. А. Лопатина, все записи вел только в исключительных случаях и обязательно шифром и на тонкой бумаге. В то же время я не имел клички, а назывался Иван Иванович, считая, что имя и отчество мои, как широко распространенные, лучше всякой клички законспирируют меня. В то же время мы (Емельянова и я) никому приезжим, в которых не были уверены, не сообщали друг о друге настоящих своих имен; даже Подсосова, с которой я наиболее часто виделся, не знала моей фамилии, а называла меня Иваном Ивановичем. Все это и благоприятно сложившиеся при допросе обстоятельства и при втором моем аресте, хотя я был в центре организации, привели мое дело к довольно благополучным для меня результатам: меня не судили, а административно сослали в Сибирь.

XVII

<...> Я оглянулся назад, почти на пятилетний период революционной работы, охвативший кульминационный момент расцвета партии «Народной воли» и дегаевщину, не только разгромившую, но и разложившую партию. Стали яснее ошибки, стали понятны наши несбыточные мечты о том, что общество использует такой факт, как 1 марта, а вместо этого — робкие выступления некоторых земцев или Шагеева в петербургском дворянстве с предложением ходатайствовать о неприкосновенности личности и о реформах, расширяющих права земства. И в ответ на эти скромные ходатайства-пожелания бесшабашная реакция в правительстве и кладбищенская тишина в обществе. Становится понятным стремление «Народной воли» произвести переворот путем заговора. А отсюда неизбежен строго централистический тип революционной организации. Но этот тип таил в себе и слабые стороны организации, создавая почву для провокации, судейкинской системы борьбы с революционерами, и дал дегаевщине возможность нанести смертельный удар партии в момент, когда она была особенно сильна. О силе партии говорили те военные, которыми были переполнены крепость, «предварилка» и другие тюрьмы. Неизбежна была реакция против этого централизма, неизбежна была «Молодая партия „Народной воли“», неизбежен, казалось, был и раскол, а может быть, и полный разрыв в партии, связанной же-

лезной дисциплиной. Не горячность «красных петухов», как назвал нас любивший крылатые словечки Г. А. Лопатин, вызвала «Молодую партию „Народной воли“», а общие условия жизни партии, ее централизм, благоприятный для появления дегаевщины (позднее азефовщины) [62], дали толчок этому движению. Но «красные петухи» в критический момент, сознавая, что раскол в партии произведет удручающее впечатление на общество, самоотверженно отказались от своего намерения. Вот это-то самоотвержение, это обречение себя на жертву проходит красной нитью через всю историю русских революционных партий. Этим самоотвержением были проникнуты все крупные и мелкие работники партии, которые прошли перед моими глазами. А их было немало, целые сотни: Архангельский, Телалов, Грачевский, С. Перовская, Корба, Прибылевы, Латышев, Нагорный (больной, в постели, переживавший тяжкие физические страдания), Судаковы, Кампаниец, Андржейкович, Буцевич, Серебряков, Флеров, Бодаев, Флоровский, Степурин, Александровский, Добрускина, Прозоровский, Якубович, Лопатин, Салова, Емельянова, Бах, художник Езов и многие другие, не говоря уже о сверхреволюционерке и человеке В. Н. Фигнер, перед которой мы, лично не зная ее, преклонялись,— скажу, молились,— и когда лично узнали, она предстала перед нами в еще более лучезарном свете. Масса лиц и имен проходила перед моим мысленным взором... Но возьму некоторых случайно стоящих в моей памяти. Умирающий Архангельский говорит не о смерти, а о том, каким должен быть революционер. Блестящий, высокоталантливый, отважный с некоторой долей авантюризма, пользующийся отличной репутацией в Европе и имеющий там связи в политических и литературных кругах Г. А. Лопатин едет на явную гибель в Россию. Талантливый поэт и писатель, не расстающийся с книжкой Бодлера и в промежутках между делами зачитывающийся Пушкиным и другими поэтами, мягкий, отзывчивый П. Ф. Якубович и холодный, воплощение формул, отказывавший себе во всем Н. М. Флеров, когда мы уговаривали их уехать за границу, то получили ответ: «Нельзя, я еще нужен здесь!» Генеральская дочь Шулепникова, обставленная благами жизни, оставляет отца, который мешает ей работать, и переходит на нелегальное положение — «иначе отец найдет и не даст мне работать, хотя бы для этого нужно было меня арестовать: он

убежденный монархист и честный человек». Юная, беззаботная Добрускина бросает курсы, а училась она до самозабвения, жениха и едет в Ростов по опасному делу, по поручению Александра Ивановича (Якубовича), и Н. М. Салова, красавица, избалованная жизнью женщина, приезжает в гущу революционных дел в Петербург, где живет ее семья, ее отец, кажется частный пристав,— трагедия и героизм. Добрая, вся охваченная пылом помощи заключенным, свято хранившая память и заветы своих сестер Ольга Фигнер и ее жених, потом муж, Сергей Флоровский, в расцвете своей юной любви идут на «тесную дорогу честную»... И я мог бы без конца продолжать характеристику людей, которых горячо полюбил. Даже те, кто в казематах тюрьмы не выдержал и попал в сети, расставленные Судейкиным, в жизни были благородными и самоотверженными людьми...

Сидя в камере или шагая по ней, я любил возвращаться к прошлому и вызывать дорогие образы, горевшие «любовью к отчизне бесталанной» и желавшие солнцу:

...Свети другим,—
ты счастье им приносишь!

Я был благодарен судьбе за то, что я встретился и сдружился с такими людьми!..

В. Г. Харитонов

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ УЧАСТНИКА ГРУППЫ БЛАГОЕВА

Я родился в 1859 году в Семипалатинске. Гимназию я окончил в Троицке в 1881 году. Наш выпуск, восемь человек, был вторым, а в предыдущем году окончил только один гимназист, Папий Подбельский [1], поступивший в Петербургский университет, где он примкнул к народовольцам и на университетском акте 1881 года оскорбил министра народного просвещения Сабурова пощечиной [2] На нашу гимназию это произвело сильное впечатление * Мы были вообще оппозиционно и даже революционно настроены, но это было только настроение, не выливавшееся в определенные формы и воспитывавшееся всей тогдашней народнической журнальной литературой. Нелегальную литературу — «Черный передел», «Народную волю» и брошюры — мы стали получать с приезда к нам, кажется в 1879 году, только что окончившего Казанский университет и назначенного к нам учителем математики П. А. Голубева. Это был один из замечательных русских интеллигентов,— до старости он оставался тем же молодым энтузиастом, которого не могли сломить ни тюрьмы, ни ссылки.

Весь наш выпуск осенью 1881 года направился в Казань; все поступили на медицинский факультет. В Ка-

---

* П. И. Подбельский был сослан административно в Якутскую область, где пробыл до 1888 года, когда во время вооруженного сопротивления партии ссыльных, назначенных в Колымск, пришел в осажденный казаками дом и был убит казацкой пулей.

зани я оставался год, но про этот год мне нечего сказать. Время было глухое. После 1 марта все притаились, а полиция свирепствовала. Мы погрузились в студенческие дела и интересы, спасали студенческую библиотеку (нелегальную с легальными книгами) [3], работали в студенческой читальне. К осени 1882 года я перешел в Петербургский университет.

Сперва я зачислился на математический факультет, а потом перешел на юридический. Время было все еще глухое, но петербургское студенчество было гораздо живее казанского. Студенческие интересы переплетались с политическими, большую роль играли землячества, которые поддерживали связь между всеми высшими учебными заведениями Петербурга [4]. Получалась внушительная сила, которой при каждом удобном случае пользовались политические агитаторы. Кажется, в начале 1883/84 учебного года произошла в университете «поляковская история» по поводу освящения выстроенного известным железнодорожником Поляковым общежития студентов Петербургского университета. Была бурная сходка, манифестантов переписали, и университетский суд приговорил нескольких человек к исключению [5]. В те годы сильно распространены были кружки самообразования. Читали новые книжки журналов, статьи по социологии, по политической экономии; в большом ходу были «Исторические письма» Миртова [6], изъятые из обращения, а также нелегальная литература, которая прочитывалась по мере добывания, вне очереди. Здесь (в кружках) завязывались прочные знакомства, происходили группировки «сочувствующих» элементов, здесь же пополнялись кадры активных революционеров.

К этому времени относится начало моего знакомства в одном из таких кружков с членами будущего первого социал-демократического кружка. Это были Василий Ефимович Благославов и Дмитрий Благоевич Благоев [7]. Оба были вольнослушателями университета. Благославов был старший между нами, бывший семинарист, высокий, красивый малый, с пышной белокурой шевелюрой, с плавной речью, неуверенными жестами и застенчивой улыбкой. У него раньше были связи с чернопередельцами, он был уже не новичок в революционных кружковых прениях, но по натуре женственный, мягкий и малодеятельный. Болгарин Благоев был ему совершенной противоположностью. Небольшого роста, сухой, черный, как жук, подвижный, энергичный, с узким сектант-

ским умом, но вместе с тем добродушный и милый товарищ. Не удовлетворяясь самообразованием, мы считали, что нужно приступить к делу немедленно. Начали мы с гектографа, переиздавали брошюры и статьи, на которые был спрос. Припоминается мне биография С. Перовской[8]. Печатали довольно энергично. Потом думали о литографировании, вели даже переговоры с литографией, где-то в районе Александро-Невской лавры, но остановились в конце концов на типографии.

Благославов вместе со своей квартирной хозяйкой подыскивал себе новую квартиру, и мы все вместе поселились в домике моей тетки (№ 21 по Ропшинской улице Петербургской стороны): это был второй дом за Малым проспектом, дальше были два дома, а потом улицу перегораживал забор, за которым начинались огороды. Таким образом наш дом стоял в тупике*.

Всего в доме было три квартиры — одна внизу, где жила тетка с дочерью и сыном, и две во втором этаже. Одну из последних мы и заняли. Там было три комнаты и темная кухня. Соседняя квартира в одну комнату с кухней большей частью пустовала, и когда нужно было, мы ею тоже пользовались. Дом был маленький, с миниатюрным садиком. Дворника не было: обслуживал нас дворник из соседнего дома. Для нас это было очень удобно, так как мы были гарантированы от домашнего шпионажа. Благодаря тупику мы ознакомились со всеми постоянными посетителями нашей улицы, и новое лицо всегда обращало на себя наше внимание. Хозяйка А. В. Никулина была очень привязана к Благославову, и мы как ее, так и ее сына, молодого человека лет 18, нисколько не стеснялись и от них не прятались. Своих действий мы не афишировали, но трудно было уберечься, и несколько раз за типографской работой нас заставали посторонние студенты. Это, однако, нам не повредило, и когда типография была открыта полицией, последняя, кажется, поверила моему объяснению, что она была взята мною для сохранения.

Но я забегаю вперед. В маленькой комнате нашей квартиры, рядом с кухней, жила курсистка Дебора Исааковна Познер. Она не принимала участия в нашем

---

* Теперь тупика уже нет. Ропшинская улица продолжена до Гесслеровского переулка и обстроилась пяти- и шестиэтажными домами. На месте же деревянного двухэтажного дома № 21 сейчас высится шестиэтажная громада, захватившая и угловое место № 19.

кружке, но знала и о добывании шрифта и о наборе текста, нередко помогала нам, но ее влекло больше к народовольцам. Это была миниатюрная фигурка, очень подвижная, очень симпатичная, с ясным умом и твердым характером. Она была арестована осенью 1884 года в связи с каким-то провалом в городе, но ее арест ничем не отразился на нашей квартире.

В 1884 году начались у нас программные разговоры. К тому времени в кружок вошли П. А. Латышев, Н. А. Бородин, В. А. Кугушев, П. П. Шатько, П. П. Аршаулов, А. А. Герасимов и другие.

Латышев был врач лет 30 и, кажется, раньше знакомства с нами уже работал в земстве. Летом 1885 года он опять уехал в одно из северных земств[9] и в 1890-х годах там умер *. Подробностей о нем я не знаю, он не сближался с остальными членами кружка на товарищескую ногу и держался несколько особняком. Человек хорошо образованный, он особенно интересовался русской историей. По его предложению мы обратились к В. И. Семевскому с просьбой дать краткий очерк этой истории для народа[10]. Очерк мы думали издать в целях пропаганды и как учебник для кружков в рабочей и крестьянской среде. Семевский отказал нам, говоря, что он чувствует себя недостаточно подготовленным для этой работы **. Тогда за дело взялся Латышев и месяца через два-три доставил в кружок толстую рукопись истории. Мне помнится, что рукопись эта была передана для просмотра и редактирования Семевскому, но о дальнейшей ее судьбе я ничего не знаю. Это было в начале 1885 года. В тот же год Латышев уехал из Петербурга, но обсуждение программы закончилось при нем, и им написано к ней предисловие.

Очень близко я сошелся с членами кружка Бородиным и Кугушевым. Первый кончал естественный факультет университета, второй — Лесной институт. Бородин летом 1885 года уехал в Уральск и работал там как техник рыболовства. В 1886 году он был арестован по делу студента — донского казака Александрина[11], взятого в Новочеркасске за хранение бомб. Бородин был

---

* По словам Л. С. Бородиной, П. А. Латышев умер в Польше, в 1891 году, во время холеры, заразившись от своей пациентки.

** Профессор Г. В. Хлопин напомнил мне, что к В. И. Семевскому мы ходили с ним вдвоем и, между прочим, показывали Семевскому социал-демократическую программу, к которой он отнесся одобрительно.

привезен в Дом предварительного заключения, где я тогда сидел, и я очень удивился, увидев его. Посидел он недолго и после играл очень заметную роль в Уральском войске, сначала как статистик, потом как издатель оппозиционного «Казачьего вестника» *.

Кугушев, землевладелец Уфимской губернии, всю свою последующую жизнь не принимал непосредственного участия в работе социал-демократической партии, но поддерживал с ней отношения через личные знакомства и оказывал ей поддержку материальными средствами.

Шатько, Аршаулов и Герасимов [12] были студентами Технологического института. Они много помогали в технике печатания. Шатько и Герасимов в 1886 году были арестованы по делу офицерского кружка и затем высланы в Сибирь **. Еще входил в кружок один гражданский инженер-художник, он жил на Кадетской или 2-й линии Васильевского острова, мы у него собирались раза два в прекрасно обставленной барской квартире с внутренней лестницей из одного этажа в другой. Фамилию его я совершенно забыл. О нем в своем письме к Кольцову упоминает и Благоев [13].

Вот в этой-то компании и зародилась мысль о своевременности образования в России социал-демократической партии.

* * *

В начале 1880-х годов всю легальную прессу можно было разделить на два лагеря: услужающую и оппозиционную. Все, что было молодого, пренебрегало первой и воспитывалось на второй, а оппозиционная литература была вся народническая с едва уловимыми оттенками. Марксистские идеи проникали к нам тоже окрашенные в тот же народнический цвет, по крайней мере, так их воспринимало громадное большинство. Немудрено поэтому, что наш кружок, обсуждая программу, бессозна-

---

* В 1906 году он был избран представителем от Уральской области в I Государственную думу как член конституционно-демократической партии.

** После ссылки Шатько жил в Петербурге и имел в Новгородской губернии довольно значительный стекольный завод. Умер около 1907 года. Герасимов тоже около этого времени умер где-то на Урале. Об Аршаулове говорили, что он инженерствует где-то около Петрограда, но я с ним не виделся со времени моего ареста и ничего определенного о нем не знаю.

тельно, но очень прочно базировался на общепринятых взглядах. Искали новых путей для подхода к массам, но не к массам пролетариата, а к массам крестьянства. Об «идиотизме деревенской жизни», о мелкобуржуазных тенденциях крестьянства не было речи. Выводы Маркса признавались, но они были обязательны для Западной Европы, давно утерявшей общину и артель, а Россия-де могла перешагнуть через фазис капитализма и, опираясь на народные устои, перейти прямо к социалистическому строю. Возможность такого прыжка допускал якобы и Маркс [14]. Для громадного большинства русской интеллигенции начала 1880-х годов это было непререкаемым фактом, о котором не думали, который не обсуждался, но который был как первооснова заложен в глубине всех политических концепций.

Первый толчок к тому, чтобы группа взяла на себя кличку социал-демократов, дан был блестящей победой Социал-демократической партии в Германии на выборах в 1884 году, когда впервые рабочая партия вступила в рейхстаг заметной силой. Было соблазнительно поднять знамя, осененное такой победой на Западе, тем более что мы признавали одного учителя. И кличка эта, как мы тогда думали, не будет узурпацией, потому что мы будем работать среди пролетариата, среди фабрично-заводских рабочих. Правда, это особенный, не западноевропейский пролетариат. Он не потерял связи с землей, он вечно кочует от фабрики к пашне, но тем-то он нам и дорог. Мы воспользуемся им как передатчиком массе крестьянства идей социализма, необходимости в возможно близком будущем революционного восстания для осуществления политического и социального переворота. Вот новый путь подхода к крестьянству через распропагандированных рабочих, и вот новое знамя, уже прославленное, которое способно собрать вокруг себя значительные кадры последователей.

Работа среди городского пролетариата не без основания казалась нам гораздо более легкой, чем пропаганда в чуждой нам деревне, а распропагандированный рабочий легко найдет себе аудиторию на родине в деревне. Обсуждению программы было посвящено несколько заседаний. Первая редакция ее, насколько помнится, была набросана мною, затем она подверглась капитальной переработке и появилась в первом номере «Рабочего» как резолютивная часть статьи «Чего добиваться рабочему народу» [15]. Эту программу, из которой исключены были

по возможности непонятные для малокультурного читателя термины и выражения, мы решили печатать в каждом номере нашей газеты. Но, кроме того, П. А. Латышев разработал и обосновал ту же программу для того, чтобы выяснить наши взгляды заграничным единомышленникам и дать их на обсуждение широким кругам революционной интеллигенции. В январе 1885 года мы послали этот проект программы в двух экземплярах по парижскому адресу для передачи в редакцию «Вестника „Народной воли“» и для пересылки в Женеву группе «Освобождение труда» [16].

Программа была не хуже и не лучше многих других программ политических партий, но так как в основе ее оставались народнические предпосылки, то социал-демократического в ней было мало. Так и поняла ее швейцарская группа «Освобождение труда», с которой мы решили связаться, и Плеханов настоятельно просил нас воздержаться от ее опубликования, пока мы не столкуемся окончательно. Этой окончательной выработки программы не состоялось [17]. Сношения с заграницей были нерегулярны, письма шли долго, но, думается, если бы нам удалось послать делегата в Женеву, наш кружок не только по имени сделался бы социал-демократическим. Ведь усвоила же себе марксизм группа «Освобождение труда», члены которой ранее были землевольцами и чернопередельцами, ведь перешагнула же эту грань большая половина активной русской интеллигенции в 1890-х годах! А задатки социал-демократизма у нас были, и было стремление стать подлинными социал-демократами, только условия момента не позволили нам проделать эту эволюцию, и социал-демократической осталась у нас одна внешняя окраска.

Наряду с выработкой программы шла у нас практическая работа по организации кружков в рабочей среде и по налаживанию типографии. Кажется, через Благославова Благоев познакомился с одним пожилым рабочим за Невской заставой. Он ранее уже подвергался революционному воздействию и обещал привлечь к занятиям своих товарищей. Помню, мы поехали с Благоевым куда-то за Александро-Невскую лавру в трактир, не знаю, на первое или второе свидание с этим рабочим. Особенно меня поразило его какое-то анархическое настроение. В продуктивность политической революции он не верил, указывал на примеры европейских стран, где после жертв, понесенных во время революции пролета-

риатом, плодами политических побед воспользовалась буржуазия; ждал он революции социальной, какой-то изолированной от политики, которая должна выйти из недр истории, как Минерва из головы Юпитера.

Занятия с рабочими налаживались. Ведал ими Благоев. Было несколько кружков за Невской заставой, за Московской; в городе среди печатников, кажется, два кружка, на Васильевском острове. Руководителями кроме Благоева были Шатько, Аршаулов, Герасимов, кажется, братья Андреевы, привлеченные к этому делу технологами, но в кружок наш при мне не вошедшие, и другие. Сколько было всех рабочих кружков, я не знаю, потому что близко к этому делу не стоял, а занят был устройством типографии [18].

С типографией было много хлопот. Шрифт нам доставляли печатники — члены наших кружков. Часть шрифта была из какой-то государственной типографии с короткими кеглями, так что при верстке набора приходилось набранное этим шрифтом приподнимать при помощи картонных подкладок, чтобы уравнять с набором, сделанным из другого шрифта. Другие сорта шрифта доставлялись из частных типографий. Станок (раму) решили сделать железный с железной доской для установки набора. Технологи взяли заказ и добросовестно выполнили его, но первый блин вышел комом: рама оказалась маловата и главное — все это вышло ненужно, громоздко и тяжело. После этого сделали деревянную дубовую раму размером в две страницы «Рабочего», в которую вкладывался для установки шрифта лист зеркального стекла. Оказалось очень легко, портативно и вполне прочно, так что после своим станком мы были вполне довольны. Сверху был приспособлен деккель, который давал возможность довольно быстро и точно опускать на набор бумагу для оттиска. Валик для накатывания краски мы отливали сами в цинковой форме, прокатный валик тоже сами приготовили из бумаги, материи и листовой резины; краску покупали в магазине.

Работали мы в нашей квартире на Ропшинской, а когда была свободна от жильцов соседняя квартира, переносили туда наборные кассы и другие принадлежности типографии. Летом 1885 года, когда моя тетка уехала в деревню, мы перенесли свою деятельность в нижнюю квартиру.

Для набора несколько раз приходили два наборщика, очень молодые парни, симпатичные. Они бывали по

воскресеньям часа на два-три и сильно подвигали работу. В остальное время набирал больше я. Работал исключительно днем. К вечеру все компрометирующее удалялось, комната тщательно осматривалась. Прятали все на чердаке, который шел над всем домиком и в первой части которого были настланы доски. Под этими досками мы и сделали свой склад. Лестница на чердак помещалась у самой нашей входной двери в застекленной галерее, столь обычной в старых деревянных постройках Петербурга. Все это было очень примитивно, очень наивно, но, как оказалось, целесообразно, ибо несколько обысков, арест Познер, мой арест прошли благополучно для типографии — она оставалась неприкосновенной. Наборщики начали было болтать, и об этом нас предупредили из кружка «молодых народовольцев», с которыми у нас были личные знакомства. Немедленно были приняты меры внушения, и все вошло в норму.

Всего выпущено было два номера «Рабочего», в январе и в июле 1885 года. Все статьи первого номера написаны членами петербургской группы. Передовая принадлежит перу Благоева; кажется, и вторая статья — «Чего добиваться рабочему народу» — тоже его. Третья — «Рабочий народ и правительство» — вероятно, Латышева. Не знаю, чья статья «По поводу фабричных волнений» [19]. Во втором номере две важные статьи Плеханова и Аксельрода, подписанные авторами. Передовица, кажется, Латышева, а «внутреннее обозрение» написано мною. Мое сотрудничество было вынужденным, ибо к лету все почти разъехались из Питера и никто из оставшихся не взялся написать внутреннее обозрение, а без него номер выпускать нельзя было.

Редакционного комитета или редактора у нас не было. Статьи прочитывались в кружке. Благоевской передовицей были не особенно довольны, как недостаточно боевой для нелегального органа и слишком дидактической, но забраковать ее не решились, тем более что Благоев смотрел на наш печатный орган как на пособие при занятиях в рабочих кружках.

Тираж был минимальный, экземпляров 200—300, и это не по недостатку техники или материалов, а из-за боязни не найти сбыта. Кроме Петербурга наша деятельность никуда не распространялась, кружков рабочих здесь было немного, рассчитывали несколько на студенческую среду и на посылку нескольких номеров за границу [20].

* * *

После выпуска второго номера «Рабочего», то есть с лета 1885 года, деятельность кружка упала. Численный состав сильно уменьшился, притока новых сил не было. Так прошла осень и начало зимы. В декабре арестован был М[ошковцев И. А.], служивший в одном из частных банков, в адрес которого мы получали заграничную корреспонденцию. М. в революционной деятельности не принимал никакого участия, поэтому я считал его адрес очень надежным, но, тем не менее, на случай провала условился с ним и очень на этом настаивал, что он сразу же укажет на меня, как на лицо, взявшее у него адрес для заграничной корреспонденции. Известие об аресте М. я получил в Новгородской губернии, куда выезжал на рождество, немедленно вернулся в Петербург и постарался изолировать себя, для чего выселил свою квартирную хозяйку, прекратил всякие сношения с остальными членами кружка и просил поселить после моего ареста на квартире совершенно чистых людей, которые бы постепенно перенесли типографские принадлежности в безопасное место. Кроме того, я условился со знакомыми курсистками, что они будут передавать мне книги для чтения и, подчеркивая на условленных страницах буквы, известят меня обо всем, касающемся меня. Ареста я не боялся, потому что думал взять на себя роль передатчика писем, которого просили случайные знакомые достать надежный петербургский адрес, а это по тому времени грозило высылкой на 1—2 года в провинцию и даже с возможностью поступления в провинциальный университет. Ареста, однако, пришлось ждать целый месяц.

Январь 1886 года был суровый. Я жил один в маленькой квартире в одну комнату с полутемной кухней и совсем темной конуркой. Дрова у меня вышли, нового запаса я не сделал и, вернувшись 22 января поздно ночью, лег в совершенно нетопленой комнате, укрывшись шубой.

Часов в 5 утра (это был день моего рождения) явился пристав с сыщиками и дворником из соседнего дома, вошли в квартиру, разбудили меня и произвели обыск. Пристав торопился из-за холода, подозрительного ничего не нашли, но меня все же взяли и отвезли на Шпалерную. Там я вздохнул свободно, потому что меня последнее время страшно угнетало неопределенное положение и вечное ожидание ареста.

На допрос (Гороховая, 2) [21] меня возили раза два и затем оставили в покое. Я показал, что по просьбе одного студента уговорил М. дать свой адрес на банк для заграничной корреспонденции и получившиеся письма передавал по назначению и что никакого другого участия в антиправительственной деятельности не принимал *.

Кажется, в начале марта мне сообщили при посредстве подчеркнутых букв в переданной с воли книге, что на моей квартире арестованы студенты Бутков и Теселкин [23]. Скоро меня вызвали к допросу. При допросе были Котляревский, жандармский офицер, раньше меня допрашивавший, и другой жандарм, небольшого роста, с быстрыми движениями и колющими глазами. Так как об аресте типографии мне не сообщили, то я был совершенно на этот счет спокоен. После вопросов о знакомстве с Теселкиным и Бутковым спросили, не знаю ли я, что это за рамка, которая была найдена в моей квартире, прислоненная к раме окна в темной комнате. Это была рамка деккеля, которую мы тут прятали, потому что она незаметно сливалась с рамой окна. Я ответил, что не имею никакого понятия ни о какой рамке. «А вот в вашей квартире в отхожем месте найдено разбитое толстое стекло?» — «Тоже ничего не знаю». Тогда офицер подошел к накрытому холстом большому ящику, открыл его и говорит: «Может быть, вы эти вещи знаете?» Смо-

---

* Я долго не мог понять, каким образом попало к жандармам письмо за подписью «Специалист» [22], посланное нам по адресу М., нами своевременно полученное и по прочтении уничтоженное. Оно было написано химическими чернилами между строк вполне легального письма, и мы в нем не заметили никаких следов жандармского любопытства. Только теперь, после ознакомления с жандармским «делом», я нахожу объяснение этому обстоятельству. Письмо было отправлено из Женевы 12 апреля 1885 года, а жандармы получили текст его в конце декабря того же года, то есть через $8\frac{1}{2}$ месяцев после отправления. Других писем к нам от группы «Освобождение труда» и наших в Женеву у жандармов не оказалось, в деле они не фигурируют. А ведь переписка была все-таки порядочная — мы хорошо ознакомились с почерками Плеханова, Аксельрода и В. Засулич. Мне кажется, что единственное объяснение того, что жандармы получили копию письма «Специалиста», в том, что какому-нибудь агенту охранного отделения или провокатору, который терся около женевской эмиграции, удалось снять копию с черновика, оставшегося в Женеве. Это объясняет, почему не были арестованы или скомпрометированы другие женевские письма, а также наши письма в Женеву. Шифр этого письма остался жандармам неизвестен, они так и не разобрали зашифрованного адреса.

трю, а там вся наша типография, кроме шрифта, которого осталось две-три связки. Я посмотрел и говорю: «Так что же вы раньше этого не показали? Это мое». — «Ну,— говорит он,— мы так и предполагали, а то Бутков и Теселкин говорят, что типография принадлежит им». Потом я рассказал, что мне предложили спрятать типографию и, чтобы никого не компрометировать, я выселил квартирную хозяйку Никулину и остался один. Назвать лиц, передавших мне типографию, отказался. Затем, так как влетел уже по уши, сказал, что принадлежу к партии социал-демократов, чем они заинтересовались и начали меня спрашивать о программе. Задали вопрос и о терроре. Я сказал, что террор у нас допускается не как средство борьбы с правительством, а как последний удар, когда будут подготовлены все элементы восстания, для возбуждения этого восстания. Предложили мне изложить программу, что я и выполнил. Хотелось бы теперь просмотреть все протоколы моих допросов и мои показания, но, к сожалению, все это, говорят, пропало. Было опять не больше трех допросов, на одном из которых мне дали свидание с отцом в присутствии жандармского офицера, и дело как будто закончилось. Летом 1886 года Бутков повесился в Доме предварительного заключения. Я с ним не был знаком. Говорят, перед смертью он кричал, что меня не выдавал. Очевидно, на идее, что его заподозрят в предательстве, он помешался. К концу года, когда обычно старались ликвидировать побольше дел, я рассчитывал, что и мое окончится. Но произошла неожиданная заминка. Осенью того же 1886 года был арестован студент Лесного института Гофман[24], и у него найдена была связка шрифта из набора второго номера «Рабочего». И вот в этом деле о социал-демократической группе сошлись три участника, совершенно незнакомые друг с другом, из них Теселкин был народовольцем, а Гофман, кажется, беспартийным.

Из привлеченных к нашему делу я знал шесть человек: Мошковцева, Бородина, Сузюмову, Желтухину, Орлова * и Говорухина; о Мошковцеве я, конечно, знал,

---

* Странные провалы памяти. Я очень хорошо помню Благоева, Благославова, Латышева, Сузюмову и многих других из этой эпохи, хотя и не встречался с ними после, а вот Орлов, который жил со мной на одной квартире на Ропшинской улице, стерся у меня из памяти окончательно. Он поступил в Троицкую гимназию в тот год, когда я ее кончал, и немудрено, что я его не запомнил, но

что он был арестован по моему делу, но его, насколько я помню, скоро выпустили на поруки. Что касается других пяти человек, я и не подозревал, что они фигурировали в том же деле, а узнал об этом только при чтении дела Департамента полиции.

Остальных девять человек, поименованных в деле Департамента полиции как обвиняемых по нашему делу, я совершенно не знал. Из них с Теселкиным и Гофманом мы познакомились только в конце февраля или в марте 1888 года, когда нас вместе посадили в вагон для отправки в Москву, в Бутырки.

Признавши хранение типографии, я уже не мог рассчитывать на легкое наказание вроде временной высылки из Петербурга. Я понял, что попал основательно и мне совершенно нет смысла дольше разыгрывать революционную невинность. Поэтому я признал свою принадлежность к группе социал-демократов и по предложению прокурора изложил программу нашей группы, не подозревая даже, что наша программа с обоснованиями была уже в руках жандармов с января 1885 года. Признавая свою принадлежность к группе социал-демократов, я отнюдь не стремился «чистосердечным объяснением» смягчить грозящее мне наказание,— наоборот, я рассчитывал, что, заинтересовавшись новым знаменем на арене политической борьбы, прокуратура соблазнится передать наше дело в суд, а судебный процесс мы считали лучшей формой пропаганды. Дело, однако, не вышло, суда не было, все кончилось административной высылкой [25] и гнусным термином в прокурорском заключении: «чистосердечные объяснения».

Жизнь в Доме предварительного заключения описывать не буду,— она слишком известна. Я занимался русской историей, изучал французский язык, писал стихи, вообще, по возможности убивал время. Приговор о ссылке в Степное генерал-губернаторство объявили мне 23 января 1888 года, то есть ровно через два года после ареста. Затем пошли томительные дни ожидания отправки в Москву, первая встреча в вагоне с живыми людьми, полугодичное пребывание в Бутырской тюрьме в компании 60 человек, путешествие по железным дорогам, в баржах и этапом, столкновения с тюремным на-

---

в Питере он жил со мной на одной квартире, я с ним потом переписывался, когда он уехал в Одессу, и все же я его совершенно не помню.

чальством и администрацией в Тюмени, последний суд над нами и тюремная отсидка...

Из тюрьмы в Петропавловске для водворения в город Атбасар меня выпустили 23 июля 1889 года, так что я просидел в тюрьме ровно $3^1/_2$ года.

А. И. Ульянова-Елизарова

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АЛЕКСАНДРЕ ИЛЬИЧЕ УЛЬЯНОВЕ

С сложным чувством выпускаю я в свет свои воспоминания о брате Александре Ильиче.

С одной стороны, я сознаю, что на мне, как на человеке, выросшем с ним с детства, проведшем вместе с ним студенческие годы, привлеченном по одному делу, лежит обязанность записать все, что я знаю о нем и что не может быть восстановлено никем другим. Но, с другой стороны, написанное не только ни в какой мере не удовлетворяет меня, но я сознаю, что и не могу дать вполне удовлетворительной биографии брата. И это по целому ряду причин.

Прежде всего я не могу осветить с достаточной ясностью то, что интересует всего больше в биографии брата: дело, за которое он погиб, подготовку этого дела, так как не только не была участницей, но и не была посвящена в него. И только на основании догадок, сопоставлений того, что высказывалось другими, и разных косвенных указаний могу я восстановить для себя тот путь, которым брат пришел к решению принять участие в террористическом акте. <...>

II. Годы студенческие (1883—1887 гг.)

<...> Саша приехал в Питер в 1883 году, в августе. Лекции по большей части еще не начались. И он ходил читать в Публичную библиотеку. Помню, что читал Дарвина и другие научные книги по естествознанию. Пом-

ню, что я, не знавшая, куда притулиться в Петербурге[1], и, с другой стороны, не составившая себе программы чтения, спросила: «А можно ли там новые журналы получать?» И почувствовала себя сконфуженной, когда он сказал: «Думаю, что да, но не знаю. Я их не спрашивал». Я почувствовала, как всегда чувствовала перед ним, что вот человек знает, что ему надо, не мечется и не ищет, как я, и времени даром не тратит. И, просидев иногда и утро на лекциях или за практическими занятиями, идет и по вечерам читать научные книги.

Неудовлетворенная программой лекций на первый год, тугс заводящая знакомых, я страшно скучала по семье, и вечера казались мне бесконечными. Скучала и по школе, в которой работала два года до отъезда в Петербург, по ребятам. Вообще мне всегда свойственно было трудно приниматься на новой почве, одним из моих главных недостатков было жить долго прошлым.

Вечера, проводимые с Сашей, были для меня праздниками. Я выкладывала ему обычно все мои впечатления, мы менялись письмами из дома. Он рассказывал тоже обо всем пережитом, но обычно кратко, сжато. Он также чувствовал себя, конечно, одиноко первый год, но далеко не в такой степени, как я, ибо все часы его были заняты. И в дни наших свиданий, поделившись новостями, мы все чаще сидели каждый со своей книгой, как, впрочем, привыкли делать и дома. Я-то, конечно, болтала бы и слушала охотно и весь вечер, но Саша не любил болтовни. Но так уютно и хорошо проходило время вместе! Моя беспокойная, тоскующая, всегда во внутренних неладах душа как бы опиралась на его гармоничную, спокойную, уверенную, как бы заражалась этой его, чуждой мне, гармонией. <...>

По праздникам с начала осени мы отправлялись с Сашей осматривать какие-нибудь достопримечательности Питера, особенно в первый месяц, прожитый с ним вместе на Песках. Маршируя пешком, прежде всего познавали, конечно, самое достопримечательное в Питере — громадность его расстояний. Чуть ли не первым нашим впечатлением были похороны привезенного из-за границы тела И. С. Тургенева. Вся погребальная процессия была сжата тесным кольцом казаков. На всем лежал отпечаток угрюмости и подавленности. Ведь опускался в землю прах не одобряемого правительством, «неблагонадежного» писателя. На его трупе это показывалось самодержавием очень ясно. Помню недоуменно-

тягостное впечатление нас, двух юнцов. На кладбище пропускали немногих, и мы не попали в их число. Потом попавшие рассказывали, какое тяжелое настроение царило там, как наводнено было кладбище полицейскими, перед которыми должны были говорить немногие выступавшие...

Осмотрев город с внешней стороны, мы отправились раз в Эрмитаж. Но, никогда не видавшие живописи в провинции, совершенно не подготовленные тогдашней школой к пониманию ее, мы потерялись в больших залах среди чуждых, мало говорящих нам изображений и, перебегая все быстрее испанскую, голландскую и другие школы, ничего не вынесли, кроме усталости и разочарования. Да, кроме того, и общее настроение тогдашней молодежи, враждебное всякому «чистому искусству», не благоприятствовало нашему пониманию его. Особенно, конечно, это имело отношение к Саше. Зато ему очень понравилась и произвела на него большое впечатление выставка картин Верещагина из эпохи войны с Турцией 1877—1878 годов. Для современных читателей скажу, что картины этого художника, цензурные каждая в отдельности, взятые вместе (в ансамбле), были сплошным криком против войны и именно так и были восприняты тогдашним обществом. Панихида священника над бесконечным полем, усеянным трупами; вошедшее в поговорку: «На Шипке все спокойно» (фигура часового, постепенно заметаемого снегом,— в трех видах) и другие оставляли подавляющее впечатление, зажигали протест против войн и их виновников и в тех, кто был далек от такого протеста. Что же сказать о Саше? Как и в детстве, он мало высказывался, но каждый из нас — я или товарищи — чувствовали при своих возмущенных излияниях молчаливую поддержку в его сосредоточенно-мрачном виде. Впечатление, производимое выставкой на общество, заставило правительство спохватиться и закрыть ее.

Но больше всех из наших осмотров достопримечательностей столицы осталось у меня в памяти посещение в одно из первых воскресений Петропавловской крепости. Тогда это посещение, на которое начальство смотрело как на патриотическое паломничество к могилам русских императоров, было еще разрешено. Пропускали в собор, к гробницам. Но приходилось, конечно, после входа по мостику за тяжелые стены крепости проходить по ее двору, и атмосфера этого тюремного

двора, с его зловещим молчанием, нарушаемая лишь бряцанием оружия и окликами часовых, охватила нас. Под подозрительно-пристальными взглядами стражи прошли мы, с немногочисленной другой публикой, в собор. Мы рассеянно побродили между гробницами, слушая объяснения, который из императоров покоится в той или другой из них, а по выходе из собора оглянулись пытливо на мрачные тюремные стены, за которыми сидел четыре года наш недавний кумир Писарев, которые замыкались с тех пор беспощадно над столькими борцами за свободу. Нас неотступно провожал до ворот часовой. После деревенской почти свободы родного городка мы почувствовали себя как бы стиснутыми в одном из бастионов самодержавия, всецело и безнадежно в его власти. Это было первое для нас дуновение тюрьмы, с которой всей нашей семье пришлось затем познакомиться так основательно. Для Саши это было первым, добровольным покуда, посещением крепости, захлопнувшейся за ним безвозвратно $3^1/_2$ года спустя.

Мы вышли из крепостной калитки и оглянулись. За нами стояла эта неприступная твердыня всесильного самодержавия, над нами нависло серое питерское небо. Было часа четыре, сгущались осенние сумерки. Моросящий дождь и резкий ветер с Невы довершали общее безрадостное впечатление. Я пробовала заговорить о том, где там помещаются заключенные, и еще что-то, но Саша отвечал односложно, и я умолкла тоже. Помню нас, как сейчас, шагающими вдоль решетки Летнего сада (по Марсову полю), помню то состояние тяжелой подавленности, которое, как камнем, сдавило грудь. Помню, что для меня, неспособной на такие глубокие и длительные переживания, это было уже чересчур, и я чувствовала потребность стряхнуть его, заговорить о чем-нибудь другом. Но чувствовалось, что говорить о другом для Саши теперь недопустимо, и я шла, взглядывая на него исподлобья, подавленная с каждым шагом все больше не своими непосредственными ощущениями, а тем, как переживал их он. Тоска за его страдания и какая-то неоформленная, но чрезвычайно мучительная жуть за него, как предчувствием, сжала сердце. Я мало помню в своей жизни таких острых, мучительно-гнетущих настроений. Это происходило, вероятно, и потому, что то были первые ощущения юношеской души — души, не привыкшей еще к страданию.

Не потому ли запечатлелось так ясно до сих пор вы-

ражение лица Саши, такое сосредоточенно-мрачное, как я его никогда дотоле не видала,— так ясно, что я могла бы и теперь передать его, если бы умела рисовать: эти плотно сжатые губы, эти сдвинутые брови, это непередаваемое выражение страдания в глубоких глазах. Точно сразу состарилось его лицо. <...>

Забегали к Саше и товарищи. Первые годы это были больше свои земляки. Из них довольно часто начал посещать Сашу, а позднее и меня кончивший годом раньше его Симбирскую гимназию И. Н. Чеботарев[2]. Годами он был гораздо, лет на шесть, старше брата. Он предложил Саше, а затем и мне войти в симбирское землячество[3]. В своих воспоминаниях он говорит, что особого энтузиазма в нас к этому первому общественному шагу не встретил. Особенно верно это относительно меня. <...>

Прямо изумительны та трудоспособность и выдержка, та любовь к науке, которую проявил Александр Ильич в 17—18 лет. Помню, как поразило и смутило меня, когда он к весне этого, первого года своей студенческой жизни заявил мне тоном глубокого сожаления:

— Больше шестнадцати часов в сутки я работать не могу!

16 часов напряженной самостоятельной умственной работы в те годы, когда юноши еще формируются, когда все они более или менее разбрасываются, еще ищут себя! Александру Ильичу этого не надо было: он еще мальчиком нашел себя, нашел свой путь, и он уже шел по нему неуклонно и твердо <...>

В биографическом очерке брата, помещенном в «Галерее шлиссельбургских узников»[4], я сказала, что книги по общественным вопросам были забраны Сашей из Петербурга на последнее, проведенное им дома лето 1886 года. Я ошиблась: часть книг — по истории, политической экономии и т. п. — была привезена им весной 1885 года; мне помнится, что и «Капитал» Маркса появился у него тогда, что я видела его еще в занимаемой им в то лето комнате (в 1886 г., после смерти отца, мы уплотнились, и брат занимал уже другую комнату). Но если я не могу сказать точно относительно «Капитала», то часть книг по истории и политической экономии, из них многие на иностранных языках, я видела у него, несомненно, летом 1885 года.

Ездили мы по летам, как и раньше, в Кокушкино. В

1886 году, после смерти отца, Саша ездил туда ненадолго один.

О следующих двух годах петербургской жизни приходится сказать короче, так как они не давали уже остроты переживаний первого года, а во многом — занятия, наши свидания друг с другом — повторяли его, и потому отдельные эпизоды не запечатлелись так в памяти. Запечатлелись только наши депутации к Салтыкову-Щедрину в день его именин — 8 ноября,— в 1885 и 1886 годах.

Мы ощущали очень горестно, что наш любимый писатель вынужденно умолк, что орган его закрыт[5], но чем могли мы в то время выразить ему сочувствие? Все формы общественного проявления были тогда закрыты; единственно признанным было принесение приветствия в традиционный день именин. И молодежь воспользовалась этой форточкой. 7 ноября 1885 года ко мне пришел вечером товарищ Саши по гимназии, студент Военно-медицинской академии Орловский, с предложением организовать на курсах депутацию к Щедрину, который болен и чувствует себя очень одиноким и всеми забытым. Он сказал, что говорил с Сашей, что такие депутации с письменными приветствиями будут посланы 8-го и от университета, и от нескольких других высших учебных заведений; желательно, чтобы была и от курсов.

Я набросала проект адреса, который был принят на другой день на общекурсовом собрании, и в составе избранной на нем делегации отправилась на квартиру Михаила Евграфовича. Видеть его нам не пришлось: нам сказали, что он очень болен, и мне помнится даже, что я слышала стон из его комнаты. Нас пригласили в гостиную, где было уже несколько посетителей и где дочка писателя, нарядная, как куколка, девочка лет тринадцати, в голубом плиссированном платьице, подвигала нам стулья. Мы перемолвились несколькими словами о здоровье Михаила Евграфовича с его женой, вручили наш адрес и удалились.

Делегация студентов, в которую входил и Саша, попала в другое время.

На следующий день начальница Высших женских курсов Н. В. Стасова вызвала меня к себе и, затворившись со мной в пустой аудитории, рассказала, что видела также в день именин Михаила Евграфовича, который

выразил ей свое удовольствие по поводу адреса от курсисток, сказав, что он показался ему самым прочувствованным, понравился ему больше всех других, полученных в тот день. Надежда Васильевна добавила: «Мне очень было приятно слышать это; уже второй раз (она назвала еще какого-то писателя или профессора) слышу я, что адрес от курсов признан лучшим. Я всецело сочувствую вам, но вы понимаете, конечно, что при теперешнем положении курсов мы не могли бы подать его от них официально». <...>

На следующий — 1886-й — год такой агитации по всем учебным заведениям, не помню уже по какой причине, проведено не было, а 8 ноября на квартиру Щедрина отправилась общая небольшая, человек 8—10, делегация от высших учебных заведений. Кроме нас с Сашей в нее входили: студент Мандельштам, однокурсник брата, курсистка Москопуло (теперь Никонова), остальных не помню. На этот раз Щедрин вышел к нам. Помню, что он был хмурый, худой и желтый, с отросшей бородой, в потертом домашнем костюме. С устным приветствием от общего имени обратился к нему М. Мандельштам. Поблагодарив за него, Михаил Евграфович всем нам пожал руки. А. В. Москопуло-Никонова вспоминает, что, когда дошла очередь до Александра Ильича, он так крепко, от всей души пожал руку Щедрину, что тот схватил ее другой рукой и заворчал: «Ой-ой! Нельзя же так сильно. Я старенький, мне больно». Александр Ильич был страшно смущен, покраснел и стал бормотать какие-то извинения. «Ну ничего, ничего»,— сказал тогда добродушно Щедрин.

Я этого не помню, но у меня осталось в памяти, что вся наша делегация чувствовала себя смущенно, держалась угловато; что приветствие Мандельштама вышло скомканным и неумелым, а Саша при выходе выглядел хмуро и недовольно.

Саша также усердно работал практически в кабинетах и также много читал дома, но у него появилось больше товарищей, и правильность наших свиданий два раза в неделю была нарушена. При этом чаще мы бывали не вдвоем, а на людях. Оба мы вошли в землячество. Саша-то еще с первого года. На почве земляческих собраний сближались больше с товарищами. Затем как у него, так и у меня появились знакомцы среди однокурсников. Последних, насколько помнится, я стала встречать у Саши лишь в последние годы. Раньше на

дом забегали больше земляки. С осени 1885 года женские курсы были переведены на Васильевский остров, в собственный дом, и я поселилась тоже на Петербургской стороне, у его первой хозяйки. Саша взял почему-то другую комнату[6]. Последние два года мы жили с ним совсем близко друг от друга.

В складчину стали мы — члены симбирского и части самарского землячества — выписывать новые журналы, которыми менялись по очереди. Затем мы доставали некоторые неразрешенные тогда книги, например, сочинения Герцена или нелегально выходившие «Сказки» Щедрина и сочинения Л. Н. Толстого: «Исповедь», «Так что же нам делать?», «В чем моя вера», «Деньги».

Помню, что «Исповедь» вызвала в Саше большой интерес; к сочинениям же Толстого, переходившим от критики существующего строя к попыткам наметить свой путь, он относился совершенно отрицательно и очень холодно.

Вообще Саша как раньше, в гимназические годы, так и позднее в студенческие, несмотря на углубленные занятия наукой, был в курсе всего, чем жила тогдашняя молодежь, и можно сказать, что для своих лет он был начитанным и самостоятельно усвоившим все прочитанное человеком.

По инициативе его возник среди наших земляков кружок по изучению экономического положения крестьянства. Помню, что мне достался первый реферат — об экономическом положении крестьянства в Древней Руси. Ничего-то в намеченных исторических курсах и сочинениях того времени я по этому вопросу не нашла и экономическое положение крестьянства получилось очень проблематическим, а реферат очень бледным. Мы все были еще слишком неопытны, чтобы понять, что для такой темы требовалось изучение источников, что, конечно, было непосильно для нас.

Помню, товарищи в разгоревшейся по поводу реферата дискуссии напали на меня за то, что я мало дала, допытываясь с пристрастием, прочла ли я тот или другой труд. Я отчаянно защищалась, говоря, что сделала выписки из всех намеченных сочинений и не виновата, если в них по указанному вопросу ничего нет.

Наконец брат встал на мою сторону:

— Ну если человек говорит, что прочел все исследования, то, значит, действительно в них нет ничего,— сказал он.

В тоне его было, помню, разочарование. Еще один-два реферата по вопросу об экономическом положении крестьянства были написаны, а потом кружок этот заглох. Кроме разочарования в возможности добыть доступными нам средствами нужный материал имело значение, конечно, и то, что кружок этот возник уже в последний, 1886 год, и самые активные члены были отвлечены более интересными кружками, например «экономическим»[7], а затем и революционной работой.

Слушали мы с Сашей лекции Семевского по крестьянскому вопросу. Когда курс Семевского был снят в университете и на женских курсах (В. Семевский был тогда на счету крайних левых), мы в числе избранных дослушивали на его квартире[8].

Стали тогда попадать нам в руки и некоторые нелегальные издания. Помню в связи с этим, как я понесла брату какую-то прочитанную брошюрку. Жили мы тогда оба на Съезжинской (номера через 3), приходилось только Пушкарскую наискось пересечь, и я, как совершенно не искушенный в конспиративных делах дичок, понесла брошюрку попросту, в открытом виде, как всякую легальную книжку. Помню удивленную усмешку Саши:

— Как, ты ее так, незавернутой, даже по улице несла?

— Да ведь тут близко; кто же у меня в руках будет читать, какая она? — оправдывалась я.

— Все же никогда не видал, чтобы нелегальные книжки так носили,— сказал он с той же усмешкой, которая заставила меня, еще не сдававшуюся, намотать на ус, что так не делается.

Бывали изредка земляческие и иные вечеринки. Теперешней молодежи они показались бы, наверное, очень тоскливыми. Да, нудным было в те тяжелые годы и редкое веселье, которое могла себе позволить молодежь! А между тем и на него право получалось обычно не без борьбы. Землячества были неразрешенными организациями, в пользу пополнения их кассы — действительная цель большинства из них — открыто нельзя было организовать вечеринку. Тем менее, конечно, можно было устраивать в пользу Красного Креста политических[9] или с целью активно революционною. Нужна была какая-нибудь вымышленная цель. Чаще всего таковой выставлялось семейное празднество, справлялась якобы помолвка и выставлялись фиктивные жених и невеста,

которые устраивали якобы вечер. Дело обходилось не без возни: нужно было подавать заявление в полицию и неоднократно бегать туда. Поэтому действующими лицами можно было выставлять не находящихся на подозрении полиции, а затем и зеленая молодежь тоже в женихи не годилась [10]. Обыкновенно «женить» старались окончившего университет или кончающего, отъезжающего в провинцию. Таким образом взял раз на себя роль жениха М. Т. Елизаров [11], окончивший университет и служивший в Питере.

Несомненно, для полиции не было секретов, что помолвки эти фиктивные, и она смотрела лишь, чтобы формальности были соблюдены. Помню, как мы все смеялись рассказу о том, как представитель полиции поймал Елизарова, спросив его врасплох: «Как фамилия вашей невесты?» Заспешив, Елизаров не сразу выговорил малоупотребительную фамилию Калайтан: «Ка-тай... Ка-лай...» — «Как, вы фамилии своей невесты не знаете?» Но вечеринка была тем не менее разрешена.

Посылался всегда представитель полиции, которого обычно зазывали в сторонку и усердно накачивали вином. Молодежь плясала, выпивала, но под сурдинку часть беседовала в какой-нибудь отдельной комнате на политические темы и обделывала некоторые конспиративные дела. Затем публика затягивала хором «Дубинушку» или «Назови мне такую обитель...», «Замучен тяжелой неволей». Кое-кто декламировал революционные стихи. Помню, этим искусством отличался один наш земляк, А. Тенишев, декламировавший, кроме своих собственных и некоторых легальных стихотворений, и «На смерть Мезенцева» и произносивший с большой силой выражения: «Именинный пирог из начинки людской брат подносит державному брату!» [12] Но это последнее стихотворение декламировалось больше на частных квартирах или под конец вечера, где-нибудь в сторонке, когда напоенный основательно блюститель порядка уже не мог должным образом реагировать на происходящее. <...>

Сам не обладавший голосом и слухом, брат очень любил музыку и особенно пение. Им заканчивались обычно наши земляческие и иные собрания. Главным певцом был тенор Воеводин. Любимыми нашими песнями были «Полосынька» и песни революционного содержания. Так, помню: «Пришла весна, защебетали птицы,

а он, бедняк, сидит в стенах темницы...» и некоторые другие в этом роде.

Особенно любил Саша «Замучен тяжелой неволей» [13]. Помню, на последней вечеринке, на которой мы были с ним вместе в квартире родственника Песковского, кажется, уже в январе 1887 года, он попросил спеть этот гимн.

— Да ведь это похоронный,— возразил хозяин.

— Да, похоронный,— с ударением и как бы с некоторым вызовом ответил Саша, и гимн запели.

Помню, что такое скорбное, почти мученическое выражение было у него при этом, что у меня заскребло на сердце.

Настроение было вообще какое-то гнетущее и тяжелое на этой вечеринке — точно предчувствие какое-то тяготело надо всеми. Не удалась она.

III. Последний год жизни Александра Ильича

<...>Мое состояние [14] отдалило меня в последний год от Саши. Ему, сильному, выдержанному, должна была показаться жалкой расхлябанностью моя тогдашняя нервность и я настолько стыдилась ее, считала себя настолько упавшей в его глазах, что пряталась в свою скорлупу и избегала его еще больше, чем других. Саша шел гигантскими шагами вперед и массу работал, а я копалась в себе, глядела назад, нервничала, хирела.. И это было как раз то последнее лето, когда он ушел главным образом в общественные науки [15],— то лето, которое было так важно для его складывающегося политического мировоззрения! Я смотрела иногда с завистью на его книги, но читать я в то лето почти не могла, а это сознание делало меня еще ничтожнее в моих глазах.

Эта большая, по сравнению с прежним, отдаленность продолжалась, несомненно, и по водворении нас обоих в Питере на последний год занятий. Опасение вводить меня в круг своих идей, брать на себя ответственность за меня перед матерью могло только углубляться доказательством неустойчивости моей нервной системы. Этим объясняется, вероятно, также, что, затеяв на этот год поселиться вместе с Чеботаревым, Саша отклонил предложение последнего взять в компанию и меня. Он так и сказал Чеботареву — о чем я узнала уже после его смерти,— что я не выказываю стремления к обществен-

ной деятельности, а приходящие к нему знакомые могут скомпрометировать меня. Мне же Саша сказал только, что лучше для меня поселиться в его прошлогодней комнате, у хорошей, испытанной хозяйки, чем идти на неизвестное, что он будет жить на той же Петербургской стороне и видаться мы сможем часто. Но меня это не успокоило, я подумала: «Не хочет теперь Саша вместе селиться!» — и горестно сжалась в себе. Мнение Саши было для меня самым ценным с детства, и вот я сама поколебала его.

Мне пришлось усиленно заниматься на курсах, чтобы нагнать пропущенное, чтобы не сдрейфить опять в последний год. Я взяла факультетскую работу по истории, которую должна была читать в конце ноября, и много сидела за ней дома и в библиотеке; писала я и упомянутый реферат для нашего земляческого исторического кружка. «Экономический» кружок, о котором с увлечением рассказывали Чеботарев и Елизаров и разговоры о котором поддерживал с большим, чем обычно, оживлением и брат, пленял меня очень, но я, не читавшая еще ничего по политической экономии, не решалась и проситься в такой умный кружок.

Помню, как в эту последнюю осень я спросила брата:

— Скажи, какие у меня главные недостатки?

— Отсутствие определенных общественных убеждений,— сказал он тотчас, не задумываясь,— и некоторая неровность характера. А потом... Да нет, больше ничего.

— Ну нет, скажи! Ты ведь хотел еще что-то сказать, Саша! — просила я, пораженная, что он нашел у меня так мало недостатков.

— Нет, больше ничего,— сказал решительно брат,— неровность характера.

И так он и не сказал мне, что имел в виду,— должно быть, какую-нибудь более неприятную черту, которую он, чтобы не быть резким, включил в понятие неровности характера. Он так боялся всегда быть слишком требовательным, суровым к другим!

<...> Саша, как видно из ряда воспоминаний — моих и других товарищей,— не принадлежал ни к какой партии летом 1886 года. Несомненно, что путь революционера был уже намечен им для себя, но он только знакомился тем летом с «Капиталом» Маркса, изучал русскую действительность. На суде он говорил, что считает самой правильной борьбу путем пропаганды и аги-

тации [16]; на следствии — что набиравшаяся им в квартире Пилсудского общая часть программы представляла проект объединения партии «Народная воля» с социал-демократической [17]. А в восстановленной им по памяти программе террористической фракции партии «Народная воля» отмечал, что к социал-демократам их фракция относится не враждебно, а как к ближайшим товарищам [18]. <...>

С осени 1886 года я заметила, что Саша стал вести более общественную жизнь. Они сняли вместе с Чеботаревым (математиком, только что окончившим курс), членом симбирского землячества, две комнаты на Александровском проспекте Петербургской стороны, д. № 25, с отдельным ходом. Это был деревянный двухэтажный дом обычного провинциального образца. Сняты были две комнаты на улицу, соответствующие зале и кабинету; в меньших, на двор, ютились хозяева-ремесленники. В узком кабинете, в одно окно, стояли в ряд две кровати, а противоположная стена была занята книжными полками до полу; кроме личных книг обоих жильцов на них помещалась библиотека симбирского землячества. Здесь можно было обычно достать выходившие тогда нелегально «Сказки» Щедрина или сочинения Л. Толстого: «В чем моя вера», «Так что же нам делать?», «Что такое деньги?», «Исповедь». Первая зала была приемной. Тот из двоих, кто желал заниматься, уединялся в спальне.

Уже самый характер такой, семейного типа, квартиры показывал на желание жить общественной жизнью. Просторная приемная, библиотека землячества должны были, конечно, сделать эту квартиру центральной для земляков; а затем больший простор привлекал вообще молодежь из тесных, с тонкими перегородками к хозяевам, комнаток. Не знаю, чьей инициативой было поселение в такой квартире,— кажется, что инициативой Чеботарева; но во всяком случае одно согласие Саши поселиться вдвоем, иметь общую приемную указывает, что определенного намерения заняться подготовкой к террору у него тогда не было: при подобном намерении таких квартир не снимают. И в январе, когда решение это было окончательно принято, Саша предложил Чеботареву переменить квартиру: «Участие мое в одном серьезном деле может вас скомпрометировать». И Саша стал подыскивать себе другую, меньшую квартиру,— вследствие чего дал мой адрес для посылки телеграммы

из Вильно,— но за всей занятостью последнего времени не успел выполнить этого до 1 марта.

Но если не о терроре, то о большем общении с людьми, о революционной работе, о выяснении своих взглядов на эту работу, несомненно, уже более определенно думал Саша,— он как раз по этому мотиву отклонил поселение вместе со мной.

И посетителей я стала встречать у него гораздо больше, чем в первые годы; при этом земляки отходили заметно на задний план; зачастил главным образом, чуть не ежедневно, Говорухин. В первый раз я встретилась с ним у Саши весной 1886 года. Он произвел на меня сразу очень неприятное — как редко кто в жизни — впечатление. Я верю своему первому впечатлению, и в жизни мне не раз приходилось убеждаться в правильности его. По мере знакомства впечатление это только укреплялось. Это был рыжеватый блондин, здорового вида, флегматичный, с характерным говорком на «о» и растягиванием кубанцев. Он казался малоинтересным. Суждения его были грубоваты, небрежны. Он способен был сидеть подолгу, развалившись на диване или на кровати, давая лишь односложные реплики. Как-то непонятно было, для чего он сидит, как будто ждет, когда я уйду. «И никогда не догадается выйти в другую комнату, оставить меня одну с Сашей хоть ненадолго»,— думала я. А если заговорит, то так неискренно, посматривая на меня таким взглядом себе на уме. Я не могла понять, что находит в нем Саша.

— Хитрый вы, Макарыч! — сказала я ему раз, не выдержав (у донцов и кубанцев была привычка называть друг друга по отчеству).

— Я-то хитрый?! Что вы?! Спросите Ильича! — ответил он.

— Нет, он не хитрый,— сказал с убеждением Саша, ходивший взад и вперед по комнате.

Мнение Саши было для меня всегда очень авторитетным, и я сжалась, умолкла. Я старалась переломить себя, подметить, что находил хорошего в Говорухине брат, но подавить своей антипатии все-таки не могла. Как обычно бывает в таких случаях, она была, очевидно, взаимной.

Пришла как-то при мне познакомиться с Сашей слушательница акушерских курсов Шмидова [19], которая жила в одной квартире с Говорухиным. Помню, что сначала она прошла с ним во вторую комнату — может

быть, у нее было какое-нибудь поручение,— а потом сидела вместе с нами за чаем. Саша держался сдержанно, вслушивался и приглядывался; она болтала, не умолкая. Впечатление от нее получилось у меня менее определенное, чем от Говорухина, но, скорее, не в ее пользу: она показалась мне малоразвитой, малосодержательной. Она стала тоже довольно часто забегать к брату, а потом и ко мне, но наши с нею отношения не стали ближе; я к ней совсем не ходила. Она посещала тогда, в качестве «невесты», одного заключенного в «предварилке», и мы организовывали иногда совместно передачи ему. Стала я встречать у Саши кое-кого из его однокурсников. Помню из них Мандельштама и Туган-Барановского, позднее профессора политической экономии, на книгах которого учились в девяностых годах молодые социал-демократы. Оба стали «легальными марксистами» типа Струве, в революционной работе ни один из них участия не принимал[20].

Самым ярким воспоминанием от зимы этого года является для меня добролюбовская демонстрация[21]. Это была первая демонстрация, в которой я принимала участие, и запомнилась она мне очень живо. Первые годы — 1883—1886 — никаких демонстраций не было; февральская 1886 года произошла в мое отсутствие. Хотя обе они устраивались студентами, но были чисто политическими демонстрациями: студенческие требования отсутствовали в них вовсе. Первая из них напоминала о самой основной из реформ минувшего царствования, которые современное нам [правительство] стремилось понемногу брать назад[22] Вторая имела в виду чествовать писателя-революционера, одного из лучших сыновей родины. Услыхала ли я о том, что демонстрация предполагается, от Саши или от кого другого, я сказать сейчас не могу, но я была на ней все время с Сашей.

Демонстранты приезжали группами на конке прямо к Волкову кладбищу,— помню, по крайней мере, относительно нас. Мы застали там порядочную толпу, которая все возрастала. Налево, против кладбища, обращало на себя внимание изрядное количество городовых, еще больше их было, очевидно, спрятано во дворе, откуда они осторожно выглядывали. Ворота кладбища оказались запертыми. Все демонстранты — среди них депутаты с венками — остановились перед кладбищем. Представители пошли переговаривать с кем-то из полиции, звонившим из участка градоначальнику Грессеру.

Торговались долго. Но удалось получить разрешение на пропуск только делегатов с венками, около тридцати человек. С пением «вечной памяти» двинулись они на кладбище. Мы, все остальные, продолжали стоять перед воротами.

Когда депутация вернулась, все пошли обратно. Настроение было подъемное, крайне возмущенное; демонстрация двигалась сплоченно. И тут, при одном из поворотов,— если память мне не изменяет, при первом, с Расстанной улицы на Лиговку,— появился на коне сам Грессер и вступил в переговоры с демонстрантами. Помню его слащавый тон и гарцующего под ним коня. Мы с братом оказались совсем близко от него. Помню, что Саша произнес какую-то краткую, возмущенную реплику на его убеждения и, махнув рукой, пошел вперед вместе с более решительной частью толпы.

— Куда мы идем, Саша? — спросила я через некоторое время.

— Да вот, хотели пройти по Гороховой, но, очевидно, на Невский уже идем,— ответил он, и по его тону я вывела заключение, что он стоял за более мирное направление — по Гороховой.

Недалеко от Невского, у здания участка, направо, мы увидели скачущих на нас с шашками наголо казаков. Остановившись, они преградили нам путь. Толпа стала. В то время Лиговский канал не был еще засыпан, и налево от нас была решетка канала, спереди и сзади путь преграждали казаки, направо был двор участка, огромный, растянувшийся, с низким и длинным, старинного типа, зданием. Выход оставался один: в ворота участка.

Был сырой ноябрьский день с пронизывающим туманом. Толпа, конечно, уже поредела: той сплоченности, которую мы наблюдаем при позднейших демонстрациях, в то время, понятно, еще не было. Топчась по грязи, демонстранты собирались кучками, совещались. Ко мне, стоявшей под руку с братом, подошла моя однокурсница Винберг с молодым кандидатом в профессора Клейнбером.

— Что же теперь делать? — спросили они, указывая на живую цепь казаков.

— Идти вперед! — сказал брат, и его нахмуренное лицо приняло выражение какой-то железной решимости, жутью прошедшей по моим жилам. Насилие страшно возмутило его.

— Но куда же вперед? На казаков, на шашки? — отвечал Клейнбер, и оба они с недоумением глядели на брата.

Он ничего не ответил и отошел вместе со мной.

— Какой ваш брат ужасно энергичный! — сказала мне на другой день Винберг, видевшая его впервые.

Пока мы стояли и толкались, оцепленные, на Лиговке — несколько часов,— происходили, конечно, и другие встречи, обмен мнениями, шутки. Помню подошедшего к нам с Сашей М. Т. Елизарова. Всегда уравновешенный, жизнерадостный, веселый, он с комичной серьезностью заявил: «Позвольте представиться: М. Т. Елизаров». Помню, как сочувственно засмеялся, пожимая ему руку, за секунду перед тем нахмуренный брат и как оба мы почувствовали облегчение при этой, несколько разрядившей атмосферу, невинной шутке.

Оцепленная молодежь частью возмущалась: кое-кого, более шумного или подававшего возбужденные реплики, отводили в участок и задерживали там; в другой, менее боевой, части росла с усталостью апатия. Парами или маленькими группами стали через промежутки выпускать желающих.

По другую сторону канала собиралась сначала толпа, заинтересованная необычным зрелищем. Расспрашивали, в чем дело. Помню, Саша с оживлением передавал слова кого-то из этих зрителей:

— По профессору своему панихиду служить хотели... За это? Эдак, если я по родителям захочу, меня тоже в участок?

Так хотелось тогда общественного понимания, сочувствия, так тянуло, по самомалейшему признаку, верить ему! Ведь демонстрации организовывались с целью встряхнуть общество, зажечь в нем хотя слабый отблеск того протеста, которым дышал самый революционный слой того времени.

Были случаи переброски через канал и булок в проголодавшуюся толпу.

Между тем отведенные в участок демонстранты, среди них Сашины однокурсники Мандельштам и Туган-Барановский, не возвращались. Очевидно, они были арестованы. Надо было подумать об очистке их квартир.

Вечер надвигался все больше, все сильнее редела толпа, и уже по-темному, когда народу оставалось совсем немного, вышли из-за живой ограды и мы с Сашей. Помню тут какие-то переговоры с Говорухиным, кажет-

ся об очистке квартир. Он пошел отдельно от нас. Саша был молчалив и сосредоточенно мрачен: по возвращении на Петербургскую сторону побежал на квартиры арестованных товарищей.

Все мы были чересчур взбудоражены, чтобы сидеть спокойно по домам в этот вечер, и поэтому я, перекусив и обогревшись, побежала к Саше, где застала уже кое-кого из товарищей и куда приходили затем и другие знакомые из демонстрантов. Говорилось о том, кто арестован; сообщалось о благополучной очистке их квартир; в речах звучали возмущение и тревога: ожидались дальнейшие аресты и обыски. Делились впечатлениями: как всегда в подобных случаях, на народе было легче. Сообщалось, по какому поводу тот или иной был арестован.

Первая часть вечера протекала в озабоченном, подавленном настроении. Но вот явился Мандельштам, а затем Барановский, как оказывается, освобожденные, стали говорить, что и остальных арестованных выпустили,— и все мы заликовали. Посыпались вопросы: за что брали? Помню Туган-Барановского, который со своим всегдашним флегматичным видом заверял, что он не понимает за что,— что он ничего не говорил.

— Да ведь ты, говорят, сказал Грессеру: .....,— Саша привел очень резкую реплику, которая улетучилась из моей памяти.

— Нет, не говорил,— решительно возразил Барановский.

Сообщившие этот слух стали настаивать:

— Да как же! Сказал!

— Нет же! По-моему, я не говорил... Кажется...— начал сдавать Туган-Барановский.

Саша рассмеялся.

— Очевидно, человек был в таком состоянии, что сам не помнит хорошенько, сказал ли что-нибудь,— заметил он.

Все повеселели, слышались шутки, передавались любопытные эпизоды. Так, рассказывали, при общем большом одобрении, об ответе, данном Грессеру одним остроумным парнем из арестованных. А именно, когда при нем, сидящем в участке, туда вошел Грессер и заявил, ни к кому не обращаясь: «Ух, умаялся!» — то этот студент заметил подчеркнуто почтительным тоном: «Да, ваше превосходительство, должность незавидная».

После тревог и переживаний дня у всех создалось

какое-то особенно счастливое, умиротворенное настроение: нам хорошо было сидеть кучкой, вместе; на душе было легко, и не хотелось расходиться, хотя уже как будто все переговорили. В один из таких моментов молчания М. Т. Елизаров хорошо сформулировал наше настроение, заявив со счастливой улыбкой: «Какое у нас единение душ, господа!» (слова «товарищ» в то время в обиходе еще не было: студенты в аудиториях обращались со словом: «господа»!). Кое-кто слабо усмехнулся; другие постеснялись бы так прямо сказать, но не протестовал никто, ибо настроение было схвачено верно. Я не смогу перечислить всех присутствовавших; были здесь — кроме «героев вечера», Барановского и Мандельштама — Чеботарев, Елизаров, Говорухин, кажется, Шмидова; было и еще несколько человек. Но настроение того вечера — какое-то счастливое, праздничное и братское — живо запечатлелось в памяти. Это было, в микроскопической миниатюре, то же настроение, которое испытывается массами после напряженной борьбы и победы,— пусть только кажущейся: отдых после борьбы в тесном кругу своих, особое ощущение спайки, подъема, не омраченное никакими жертвами,— те, кто считался вырванным, оказались снова в рядах...

Но, как после стольких революций, ощущение победы в нашем маленьком кружке оказалось преждевременным: в течение ближайших же дней посыпались кары: были обысканы и высланы на родину как забранные в участок во время демонстрации, так и некоторые другие, состоявшие на примете, всего человек сорок из всех высших учебных заведений. Высылки эти, которыми правительство хотело припугнуть остальных и остановить движение среди них, казались, как всегда, нелепыми, несправедливыми и возмутительными и, как таковые, оскорбляли нравственное чувство оставшихся тем больнее, чем обостреннее оно было. «За что тех? Мы, другие, также виноваты! Какая возмутительная несправедливость!» — говорили или думали они, стараясь подвести под общие нормы поведение властей, которые в своих поступках руководствовались совсем не теми или иными нормами, а только чувством самосохранения.

Праздничное настроение сменилось мрачным, подавленным или возмущенным, в зависимости от индивидуальности. Помню, как сейчас, такое подавленное, прямо трагическое выражение лица у курсистки Разумовской, члена самарского землячества, после высылки ее сожи-

тельницы Долговой. Мне оно уже и тогда показалось не соответствующим причине. Это был, очевидно, человек с сильно расшатанной нервной системой,— года через два после того она покончила самоубийством. В более активных натурах расправа властей вызвала горячий протест, стремление к отмщению, стремление показать правительству, что не все склоняют так покорно выи, что нельзя так безнаказанно оскорблять чувство человеческого достоинства, что этому будет, должен быть положен предел, чего бы это ни стоило,— что если нужны жертвы, найдутся и жертвы...

Такой натурой был брат, Александр Ильич.

Как я, так и многие другие, знавшие брата, писавшие о нем, считают добролюбовскую демонстрацию с ее результатами сильным толчком, подвинувшим его на террор.

В наше время может показаться диким по несоответствию: разогнанная студенческая демонстрация толкает на самоубийство, на террор. Нам трудно перенестись за 40 лет назад, в психологию того «проклятого богом», по выражению Якубовича, поколения восьмидесятых годов. Но прежде всего неверно, чтобы это была студенческая демонстрация. Не студенческие, а общеполитические мотивы вызывали ее. Студенчество было только тем единственным слоем, в котором проявлялось иногда общеполитическое недовольство. Так смотрели тогда на эти манифестации и в обществе. А что касается несоответствия причины со следствием, то надо только не забывать известной аллегории о последней капле, которая переполняет всякую, далеко не мелкую только, чашу. Разве не эта капля играет всегда решающую роль во всех восстаниях, революциях, во всех тюремных бунтах? Вспомним особенно, какие ничтожные мелочи вызывают эти последние. Не потому ли, что в тюрьме, где личность и без того придавлена свыше всякой меры, всякое лишнее, как будто мелочно ничтожное давление является уже непереносным, ощущается как величайшее оскорбление, вызывает как бы несоответственно страстный протест. Точно так же было и в той всероссийской тюрьме. которой являлась общественная жизнь восьмидесятых годов.

Попробовала как будто молодежь приоткрыть малюсенький клапан в нестерпимо душном воздухе тогдаш-

ней общественности, но и он захлопнулся по-самодурски грубо, вырвал жертвы, для многих такие близкие...

На редкость хороший товарищ, брат переживал эту несправедливость по отношению к некоторым из них так остро, как не пережил бы, вероятно, свою собственную высылку. Помню, какой мрачно-сосредоточенный вид был у него при известии о высылаемых, как чутко отзывался он, не любивший писать, на их письма, как спешил исполнить их поручения. Помню особенно письма М. И. Туган-Барановского, его ламентации... Высланным представлялось, очевидно, что их положение — верх несчастья[23].

Затем я вспоминаю себя в первые после добролюбовской демонстрации дни на квартире Саши, за круглым столом в большой комнате. Вместе с несколькими товарищами (не осталось в памяти, с кем именно) я надписывала адреса на конвертах для воззвания к обществу по поводу демонстрации 17 ноября, вкладывала гектографированные листки и в числе других понесла кипку таких конвертов по почтовым ящикам. Я не знала тогда, что воззвание это составлено братом, но видела, что он был одним из инициаторов. Помню предупреждение: не бросать нескольких конвертов в один ящик; помню также, что мне это показалось преувеличенной осторожностью и что под конец я, утомленная, бросила-таки в один ящик несколько штук[24].

С этого времени я стала чаще встречать у Саши Говорухина. Помню раз, около рождественских праздников как будто бы, что тотчас по моем приходе Саша взял какой-то длинный и узкий предмет, нечто вроде ружья по форме, завернутый тщательно в бумагу, и пошел относить его куда-то, сказав мне, что вернется скоро, чтобы я подождала. Говорухин, находившийся тут же, был, очевидно, в курсе дела, но, оставшись со мной, ничего не пожелал объяснить. Помню, что меня охватило смутное чувство беспокойства: что за странный предмет? Обычно я видела брата только с книгами. Что за поспешность и таинственность с передачей его куда-то? А вместе с тем неопределенное чувство досады на Говорухина, что он остался, а пошел Саша, что я должна сидеть и ожидать брата. А главное, что это за предмет? Не рискует ли Саша? Помнится, я что-то спросила Говорухина, он ответил односложно и уклончиво, и я уткнулась в книжку, дожидаясь, как тогда мне показалось, бесконечно долго возвращения Саши. Помню, бы-

ла надежда, что я пересижу Говорухина, но она не сбылась, и я, недовольная и встревоженная, ушла вскоре по возвращении Саши. Этот эпизод, объяснения которого я не получила, должен бы был, казалось, натолкнуть меня на то, что готовилось, но спокойствие Саши, его усиленные занятия, а также мои собственные дела и делишки отвлекли меня. Да и очень уж далека была я, как и другие непосвященные товарищи Саши, от мысли о том, что готовится террористический акт. Так, заскребла за сердце какая-то тревога смутная, да и потонула в других впечатлениях.

Помню еще из этих последних месяцев, что Саша принес мне перевод статьи Маркса о религии в «Deutsch-Französische Jahrbücher», сделанный частью им, частью Говорухиным, с просьбой исправить его[25],— я считалась большим знатоком немецкого языка. Помню, что я была очень польщена такой задачей и усердно сидела за работой; помню, что указывала Саше на большие недочеты, особенно в части, сделанной Говорухиным. Можно себе представить, как я исполнила эту работу; первую по редактированию, не имея знакомства с Марксом! За исправленным переводом, вместе с книгой, одолженной братом, как выяснилось потом, у В. В. Водовозова[26], зашел ко мне Говорухин. Это было, кажется, уже незадолго до его отъезда, чуть ли не в последний раз, как я его видела *.

Думаю, что этот перевод, как образчик спокойной литературной работы, которой занимался Говорухин с Сашей, был одним из впечатлений, заставивших меня позабыть про странный случай с длинным предметом.

На рождественские праздники в 1886 году я осталась в Петербурге: нельзя было позволить себе лишних трат с поездкой домой. А потом и работы в этот последний год было больше. Эти праздники проходили для меня очень нудно: с прекращением очередных лекций и занятий было больше простора для воспоминаний, переживалась острее оторванность от семьи. Одиночество ощущалось тягостнее, общества Саши я жаждала больше, чем когда-либо, тоскливее было, что я только урывками вижу его.

Остался в памяти канун Нового (1887) года. Брат, отправляясь на новогоднюю вечеринку, зашел ко мне. но

---

* Говорухин рассказывает, с каким огромным увлечением читал Саша Маркса, как светилось при этом его лицо.

не один, а с Говорухиным. Они звали и меня — помнится, больше Говорухин, чем брат,— но я, вообще большая домоседка, была в своем настроении траура не расположена идти на веселье, да к тому же и публика там должна была, кажется, быть малознакомая. Помня, что брат первый год нашей питерской жизни приходил ко мне встречать вместе Новый год (две следующие зимы я проводила праздники в Симбирске), зная, что он вообще не сторонник большого веселья, глядя, очевидно, чересчур сквозь призму своего настроения, я просила его остаться у меня. Но он стремился настойчиво, как ему не было свойственно в таких случаях, когда он видел причиняемое отказом серьезное огорчение, уйти на вечеринку. Даже когда Говорухин, вероятно разленившийся идти, к моему большому удивлению, вдруг тоже поддержал меня, предложив брату остаться, он не уступил. Я опять-таки, избалованная его чуткостью и внимательностью с детства, приписала это изменившемуся отношению ко мне. Конечно, оставшись одна, я горько проревела, чувствуя, как никогда, и потерю отца, и одиночество, и горе матери.

Уже в тюрьме, продумывая подробно все поведение брата за последнее время, я поняла, что при состоявшемся решении принять участие в террористическом акте, что скрывалось от меня, ему — такому правдивому, что он мог только уклониться от ответа, а не солгать, так глубоко любящему мать и семью, что он должен был очень болезненно переживать подготовляемое ей горе,— было просто невмоготу остаться в этот вечер со мною, с мыслями о семье. Надо было уйти от них, если не окунуться целиком (на вечеринке были далеко не только участники дела), то хотя найти отзвуки того, во что он вошел уже так сильно.

На следующий день (первый день нового 1887 года) я сидела вечером у Саши. Чеботарев отсутствовал, мы были одни в первой, большой комнате, и оба сидели за книгами. Пришел Шевырев[27]. Не помню, чтобы у него с братом был какой-нибудь конспиративный разговор; помню только, что он подсел к нашему чайному столу и затрещал, по обыкновению. Брат был, видимо, не рад его приходу и отвечал односложно, а потом совсем умолк, уткнувшись в книгу. Тогда Шевырев стал обращаться ко мне. Не заинтересованная разговором, видя, что он мешает брату, я стала тоже замедлять свои реплики. Наконец Шевырев понял, что не ко двору, и

ушел. А брат выразил досаду, что он помешал ему заниматься.

Вообще, если Александр Ильич работал напряженно до последнего времени, то незанятость Говорухина и особенно Шевырева бросалась в глаза.

В последних числах января я услыхала от Елизарова или Чеботарева об аресте С. Никонова[28], о котором я слышала как об одном из самых симпатичных членов «экономического» кружка, куда входил и брат. И я отметила себе более печальное выражение лица Саши, отметила, что Саша очень сокрушен этим арестом.

Еще раньше узнала я, что Чеботарев переезжает от Саши и приискивает себе другую, меньшую квартиру. Мотива этого переезда ни один из них мне не указал, и я объяснила его себе по-иному, связав с другим моментом.

Помню, что Шмидова сказала мне как-то:

— А Александр Ильич скучает без Ивана Николаевича. Я спросила его как-то: скучно вам теперь одному? И он сознался, что скучно.

И действительно: большая, опустевшая квартира с сараеобразной первой комнатой, посетителей в которой стало гораздо меньше, производила какое-то унылое впечатление. Саша говорил, что заявил хозяевам об уходе и доживет только месяц, но мне казалось, что он проявлял тут мало энергии, чего я не понимала, ибо квартира была для него одного дорога, а конец месяца приближался. Да и вследствие слежки считалось, что ее лучше переменить. Помню, что и я ходила, искала квартиру Саше, но подходящего не видела, да и не могла решить без него, а он все был занят где-то, не имел времени посмотреть. Так и пришлось ему остаться еще на месяц, внеся плату вперед, что было в моих глазах верхом нерасчетливости.

Но наряду с этим, около первых чисел февраля, Саша засел опять основательно в зоологический кабинет университета, где стал проводить все утра. Он начал новую самостоятельную работу по изучению органа зрения у какого-то вида червей. Нервная беготня последнего времени как будто бы прекратилась или, во всяком случае, приостановилась. И я почувствовала большое облегчение: аресты миновали для него благополучно, засел опять за научную работу — так приблизительно умозаключила я.

Правда, незадолго перед этим Саша предупреждал

меня, что на мой адрес может быть получена для него телеграмма за подписью «Петров», и раза два заходил справляться о ней. Ожидание этой загадочной телеграммы подержало меня пару дней в нервном возбуждении; но она не приходила, и я перестала думать о ней.

Однако раз ночью я была разбужена звонком, повергшим в тревогу мою хозяйку, и телеграммой, заставившей меня прежде всего всполошиться: не дома ли что случилось? И хотя под телеграммой стояла чуждая мне подпись «Петров» и подана она была из Вильны, где у меня ни души знакомой не было, но ее непонятный текст: «Сестра опасно больна» — и самый факт ее получения сильно взволновали меня, и я долго не могла заснуть. Наутро я понесла ее брату в университет, где, как я знала, он занимался, чтобы не откладывать до его возвращения домой.

Помню, как сейчас, его спокойный, все еще погруженный в интенсивную научную работу взор, когда он вышел ко мне; помню сменивший это выражение проблеск тревоги и напряженное, углубленное чтение телеграммы. Мне оно показалось страшно долгим для трех коротких слов, составлявших ее содержание: меня поразила та значительность, которой слова эти отобразились на его лице, та перемена взгляда и всего настроения,— точно человек отрывается от одного берега и плывет к другому. Такой смены настроений я на его спокойном лице ни разу — ни раньше, ни позже — не видала[29].

Я не выдержала:

— Что это значит? Это что-нибудь очень плохое, Саша? — спросила я.

— Нет,— ответил он спокойно, засовывая телеграмму в боковой карман, и, точно вынули лампу из резного фонаря, точно спугнутый моим вопросом, ушел глубже внутрь тот свет, который освещал за минуту его лицо, и оно стало вновь суровым, непроницаемым, вновь появилось в нем что-то чуждое и неумолимое, что разделяло нас последнее время. И еще раз, подойдя почти вплотную к разгадке, я ничего не разгадала.

— Я сразу же, с утра, понесла ее к тебе; хорошо я сделала или нет?

— Да, спасибо!

Но я ушла с мучительным чувством раздвоенной психики: с одной стороны, я исполнила поручение, как меня просили, и, может быть, всеми принятыми мерами предосторожности отвлекла что-нибудь дурное — это го-

ворил мне рассудок; с другой — в глубине души, в подсознательной, так сказать, области, что-то мучительно ныло, как бы предчувствием принесенного мною несчастья. Неизвестность мучила меня, и когда я вскоре после этого увидала брата у себя, в домашней обстановке, я спросила его опять о загадочной телеграмме. Он снова умолк и ушел в себя. Тогда, испуганная тем, что он из-за моих расспросов ничего доверять мне не будет, представлявшая себе, вероятно, вследствие полного незнакомства с конспирацией, что нами дело было обставлено очень конспиративно, я сказала:

— Ну хорошо все же, что ты мой адрес дал, а не свой,— это осторожнее.

— Нет,— ответил брат,— я не потому его дал, но я ведь собирался тогда менять квартиру и не мог дать свой.

И опять я ничего больше не узнала.

Очень характерно для брата, что не стремление выгородить себя, а только отсутствие своего постоянного адреса заставило его дать адрес близкого лица. Не допускавший возможности выдачи со стороны одного из участников, он не счел рискованной для меня такую замену на один раз. А потом, на суде, он говорил, что было ошибкой с его стороны дать адрес мой, человека совсем непричастного.

Затем я вспоминаю масленицу. В среду или в четверг на этой неделе я, не застав дома Саши, узнала от его хозяев, что он не ночевал дома. Это встревожило меня: во-первых, он никогда доселе не уходил куда-либо с ночлегом, а во-вторых, и не предупредил меня. Я забежала и на другой день. Тот же ответ. Тогда, крайне взволнованная, я отправилась за справкой к Говорухину. Там я застала Шевырева. Оба они были, видимо, также встревожены. Шевырев нервно бегал из угла в угол по комнате. Говорухин сидел насупленный. Он сказал мне, что брат выехал недалеко из Петербурга [30], не одобрил его, что он не предупредил меня, указал мне на неудобство ходить на квартиру за справками и старался успокоить меня. Но ни его тон, ни вид их обоих меня ничуть не успокаивали. Наоборот, тревога в моей душе усилилась. В то утро завеса на происходящее приоткрылась как будто бы всего больше передо мною, и теперь для меня непонятно, как я не додумала тогда всего до конца. Тем более что на мой вопрос, зачем поехал брат, Говорухин сказал, что для печатания или гектографиро-

вания чего-то, что это неопасно, что он скоро приедет. Между тем брат ни разу не говорил мне, что он самолично что-нибудь печатает или гектографирует, и я понимала, конечно, что это в большой степени рискованная вещь и что оба успокаивающие меня товарища брата предпочли все же не ехать на это «малорискованное» дело, а сидеть, так сказать, «в бесте». Помню, я ушла в глухо враждебном настроении к ним обоим, получив обещание, что буду извещена тотчас же, как брат вернется.

И теперь в воспоминании меня охватывает та сгущенная атмосфера тревоги, которая царила в этой маленькой комнате; и так ясно, как немногое, рисуется мне и взбудораженный, как никогда, вид Шевырева, и Говорухин, хоть и старающийся поддержать свою всегдашнюю невозмутимость, но видимо обеспокоенный. Только большой неопытностью и недоверием к себе, к своим непосредственным ощущениям могу я объяснить, как я дала так легко успокоить себя и фактом возвращения брата, и его всегдашним спокойным видом. Сначала я нашла оставленную мне в мое отсутствие записку, извещавшую, что он зайдет опять тогда-то; потом увидела его.

Помню также, что в его лице меня остановило какое-то особенное выражение, но, вероятно, я так перемучилась за последние дни, что больше по молодости лет и непривычке к испытаниям хваталась за то, что было успокоительного,— его присутствие, его спокойные слова,— чем за то, что было тревожного во всем этом. Помню, что я попеняла ему, что не предупредил меня об отъезде, и он признал свою вину в этом; помню, что спросила его, что он печатал, и высказала свое беспокойство относительно рискованности этого.

— Ты ведь печатал что-то?

— Нет,— ответил брат.

— А Говорухин сказал, что ты печатал.

Брат промолчал.

Очень характерной для него чертой было то, что он не умел лгать. Если он не хотел говорить чего-нибудь, он молчал. Это свойство его проявилось так ярко на суде. И вот при всех моих — немногих — расспросах я наталкивалась всегда, как на скалу, на это его твердое молчание. С одной стороны, оно, как я указала выше, обижало меня, я видела в этом недоверие — и это я и высказывала и показывала ему, но встречала все ту

же непоколебимую замкнутость. Помню, как один раз — не осталось уже в памяти, в какое время и по какому поводу,— моя обидчивость вырвалась наружу, и я воскликнула: «Ты не любишь и не уважаешь меня!» Но я тотчас же была пристыжена его глубоким, огорченным тоном: «Ты очень хорошо знаешь, что я тебя и люблю и уважаю». У него это вышло непререкаемо. После этих слов, после сопровождавшего их взгляда, оставалось только нравственно подобраться.

С другой стороны, я инстинктивно чувствовала, что тут есть что-то более глубокое и серьезное, что импонировало мне, и я не решалась настаивать. Отчасти же его более внимательное отношение, несколько ласковых слов, а главное, его спокойствие, совершенно непостижимое для моей натуры при сколько-нибудь волнующих обстоятельствах, быстро успокаивали мою недальновидность. Так было и в это короткое посещение его после Парголово. Кроме того, я боялась быть навязчивой, расспрашивая его, боялась, что он тогда еще меньше станет говорить мне.

В один из последних дней масленицы я поехала по приглашению сестер Шевырева — моих однокурсниц — на блины в Лесное, где они проводили праздник у старшего брата, профессора Лесного института. Петра Яковлевича я там не застала. И сестры, и особенно брат выражали неудовольствие, что он не уезжает в Крым, как ему необходимо по состоянию здоровья, что он много бегает, рискует... Я поняла при этом, что беспокоит их не столько его физическое здоровье, как то, чтобы он не влетел. И тревога за Сашу, к которому он бегает, с которым о чем-то шепчется, прошла ножом по сердцу...

Отметила я при этом, что семейные Петра Яковлевича относились к нему несколько пренебрежительно. Позднее Чеботарев рассказывал мне, что, когда он встретился во время суда в свидетельской комнате с Шевыревым-профессором, тот определенно высказался с пренебрежением о своем брате, удивляясь, как могли серьезные люди принять его в свою организацию. Конечно, это можно объяснить до некоторой степени тем, что профессор был далек от революционных взглядов, но ведь сила — всегда сила, и ум — всегда ум. Люди обычно признают и то и другое и считаются с ними, хотя бы и не соглашались с их направлением.

В одно из воскресений на масленице, кажется в последнее, я отправилась с братом обедать в организован-

ную Шевыревым столовую — где-то на Петербургской стороне. Она кишела народом. Встретили мы там и Шевырева, и мне бросилась в глаза его особенная суетливость. Обменявшись кивком или полунамеком с братом, он подсел ко мне и затрещал какие-то пустяки. Так как у меня с ним было лишь поверхностное знакомство и к такому тону болтовни с барышней я совсем не привыкла, я слушала его со скукой, торопясь окончить обед, а брат смотрел совсем хмуро. И вот у меня, человека совершенно неопытного в каких-то конспиративных делах, зародилось смутное, но тем не менее очень тягостное подозрение, что меня стараются отвлечь, провести, что болтовня вся идет для того, чтобы замазать что-то. И когда мы вышли с братом, на губах у меня вертелось предостережение, я хотела сказать: «Шевырев старается замазать что-то. Это так заметно. Остерегайся его!» Но недостаточная уверенность в себе и сосредоточенный вид брата не дали мне высказать свое мнение, и я промолчала.

Это мое впечатление показывает, что суетливость и нервный ажиотаж, в котором находился Шевырев, бросался в глаза даже непосвященным, даже таким неопытным людям, какой была в то время я.

В своем состоянии неопределенной, но не менее оттого жгучей тревоги за брата я помышляла в последнюю пару недель перед 1 марта о том, чтобы обратиться к кому-нибудь, кто мог бы воздействовать на Сашу в смысле проявления им большей осторожности. Мысль моя останавливалась при этом лишь на одном, на отце моей курсовой подруги, Л. В. Винберг, в семье которой я бывала. Владимир Карлович Винберг был передовым человеком, очень развитым и симпатичным. В то глухое время, непосредственно после убийства Александра II, когда в адресах всех земств новому царю выражалось одно лишь раболепие, только он, председатель Симферопольской губернской земской управы, да председатель Самарской А. Н. Хардин рискнули, в осторожных, понятно, выражениях, указать, как на главную задачу нового царствования, на необходимость увеличения крестьянских земельных наделов. Оба были смещены за эту дерзость, а Винберг выслан даже из Крыма. У него были и непосредственные связи с революционерами: так, он укрывал, как я узнала впоследствии, в своем имении видных террористов. Это не было обнаружено, но, может быть, некоторые подозрения у пра-

вительства на близость его к революционерам имелись. Владимир Карлович выбрал Дерпт, чтобы быть ближе к переселившейся в Питер семье своей, к которой наезжал и нелегально; а через два-три года ему было разрешено поселиться и в самом Петербурге.

Живой, отзывчивый, молодой духом, Винберг очень чутко относился к молодежи, которая охотно тянулась к нему. На его журфиксах бывало обычно очень оживленно, и я любила бывать на них. Пробовала я затащить Сашу туда, но это не удавалось мне. На то, чтобы поговорить с Винбергом откровеннее о тревогах относительно Саши, натолкнуло меня одно его предупреждение. А именно — в последнее время, если не ошибаюсь, уже в феврале,— я показала ему раз листок со штемпелем Красного Креста, предлагая пожертвовать в пользу заключенных. Он сказал мне:

— Денег я вам дам, но листок этот лучше порвите и обращайтесь без него к знакомым, которым вы доверяете. Эти листки и записи ведут только к провалам: тот, кто доверяет вам, и без них даст вам денег.

Я последовала этому совету в одной его половине: ни к кому больше с листком не обращалась, но не уничтожила его до обыска, и, будучи уже арестованной, удалось мне бросить его скомканным во дворе охранки.

Припоминаю по этому поводу, что В. К. Винберг выказал трогательное внимание ко мне: 2 марта, услыхав о многочисленных арестах, он самолично, вспомнив о факте нахождения у меня листка, побежал предупредить меня, но был остановлен кем-то, сообщившим, что я уже арестована. Его простое, сердечное и очень тактичное отношение к нам, молодежи, заставляло меня думать, что и на брата он смог бы повлиять. Но это было уже в последние перед 1 марта недели: я колебалась — и к Винбергу достаточно близкой себя не чувствовала, и относительно брата не знала, должна ли так поступить, да и не видела возможности осуществить что-либо конкретно, раз Сашу не затащить было к Винбергам... И так я не успела привести этого плана в исполнение.

Вспоминаю еще из этого времени посещение нами с Сашей одного из завсегдатаев Винбергов, молодого профессора — тогда, кажется, только оставленного при университете,— Михаила Александровича Дьяконова[31]. Я занималась вместе с его женой, моей однокурсницей, и бывала у них часто; Саша зашел впервые, но Дьяконо-

ва, кажется, встречал уже где-то. Зашли мы днем на минутку. Я, помню, была довольна, что Саша пошел со мной, я желала познакомить его с этой семьей; но возвращалась я с ним разочарованная: он пошел, оказывается, по специальному делу, попросить, помнится, для чего-то адрес у Дьяконова. Тот отказал в просьбе. Саша ничего не сказал, как обычно, но выражение крайнего неодобрения легло на его лицо, и оно, всегда суровое и замкнутое, стало еще суровее и холоднее. Помню, как оба Дьяконовы старались смягчить впечатление отказа, но это ни к чему не привело: брат поднялся минуты через две, и мы пошли. Мне казалось, что Сашина холодность была недостаточно обоснована, и я высказывала ему это на обратном пути, я старалась уверить его, что Дьяконовы хорошие люди, но он хранил то же мрачное, упорное молчание.

Потом, после его смерти, когда Дьяконовы зашли проститься со мной перед моим отъездом из Петербурга и я упрекала себя, что не сумела спасти брата, предотвратить эту трагедию, Михаил Александрович сказал мне:

— Что же можно было тут сделать?! Кто мог бы повлиять на него? Я знал так мало вашего брата, но сразу было видно, что это железный характер. — А потом добавил: — Я могу только сказать вам в утешение, что ваш брат погиб недаром,— и привел в доказательство сего какие-то разговоры в сферах.

Я никоим образом не могла согласиться с этим и ответила с горечью:

— Если даже и так, разве оплачиваются этим такие жертвы, гибель таких людей?

Дьяконов сказал холоднее: «Конечно, родственные чувства...» или нечто в этом роде и, видимо, отнесся неодобрительно к тому, что я не могу выйти из круга родственных чувств.

А я видела перед собой мрачное лицо Саши после того посещения, и оно становилось понятнее мне, оно говорило как будто: «Вот эти люди... одобряют крайние меры, а коснись их самих, так пустяком не хотят рискнуть...» И то, что не вязалось как-то прежде с деликатным, нетребовательным к другим характером Саши: суровое осуждение за первый же отказ в мелочах,— становилось мне ясным.

После ареста, в Доме предварительного заключения, когда я напряженно продумывала встречи последние с

братом, стремясь осмыслить для себя все происшедшее, я восстановила в памяти, день за днем, последнюю неделю и позднее записала для себя. Таким образом, я могу с точностью сказать, что в понедельник, 23 февраля, Саша пришел ко мне и провел у меня, что за последнее время было прямо-таки редкостью, целый вечер. В ожидании чая он прилег на кушетку и проспал довольно долго. Потом я показала ему письмо из Симбирска одного из сослуживцев покойного отца, И. В. Ишерского, который, очевидно в ответ на мою просьбу, писал мне о матери. Он писал, что за самое последнее время она стала спокойнее и бодрее, между тем как дни, связанные с годовщиной смерти отца, переживались ею очень тяжело.

Подперев голову обеими руками, Саша долго-долго смотрел на эти строки, смотрел так, точно вся душа его сосредоточилась на них... Мне стало больно за его переживания, за этот скорбный, точно ушедший в себя взгляд, но в то же время я сказала себе: «Хорошо, что я показала ему это письмо,— он так болеет душой за маму, он будет осторожнее для нее». Лишнее доказательство того, что никто не может выйти из своей натуры, а соответственно ей переживает окружающее: я не могла себе представить, чтобы глубокая и серьезная дума о горячо любимой матери, о ее горе могла сочетаться с такой решимостью, с такой деятельностью, которая должна была нанести страшный удар матери... и чтобы можно было сохранять спокойствие при этом. Вообще я была страшно рада приходу брата и почувствовала некоторое успокоение после этого вечера.

На другой день Саша опять заходил ко мне, кажется, затем, чтобы попросить дать пристанище на ночь одной приезжей *.

В среду вечером я пошла к нему, но застала у него какое-то собрание, на котором увидала нескольких незнакомых мне людей (в одном из них по предъявленной мне карточке я узнала Лукашевича) [32]. Саша вышел со мной ненадолго в другую комнату. Его, видимо, ждали, и он торопился. Смущенная видом незнакомых людей и тем, что помешала, я поспешила уйти. На сердце у меня было тяжело: происходило что-то, во что брат меня не посвящал, для чего считал, очевидно, недоста-

---

* Анне Лейбович, нелегально приезжавшей из Вильно. О том же просила меня Шмидова.

точно развитой, но что-то серьезное... Это было то совещание перед первым выходом метальщиков на улицу, 25 февраля, о котором рассказывает в своих воспоминаниях Лукашевич [33].

Следующий день, 26-е, был праздник, царский день [34]. Саша пришел ко мне утром. Во что-то погруженный, чем-то как будто расстроенный, он отвечал более односложно, чем всегда [35]. Он пришел без всякого дела, сел не раздеваясь у самой двери, но просидел довольно долго. Не помню уже, спросила ли я его о чем-нибудь, но помню, что старалась развлечь, «разговорить»: я рассказывала ему о некоторых общественных и литературных новостях, передавала содержание какой-то новой, только-что вышедшей тогда книги, которая казалась мне удивительно умной... Я из кожи лезла, чтобы заинтересовать его, и осталась сбитой с толку, разочарованной и немного обиженной тем, что он ушел как-то внезапно, что он ни о чем не говорил со мной, что он что-то как будто от меня скрывает...

Я поняла лишь позднее, что, находясь в этот день первого выхода метальщиков на улицу в страшном напряжении и тревоге, он зашел ко мне, как к своему человеку, чтобы найти душевный отдых, может быть чтобы проститься... А я не дала ему того, чего он искал, я не сумела подойти к нему так, чтобы он, хоть частично, открыл передо мной душу. И это поистине последнее свидание с ним (на следующий день я видела его, но только мельком, на улице) оставило во мне глубокое чувство недовольства собою на долгие годы.

Но что-то неясное тяготело надо мною, мешало мне сосредоточиться на занятиях, и 27-го я решила поехать в Волкову деревню, послушать там уроки учителя народной школы, которого мои однокурсницы превозносили. Я готовилась стать учительницей. Не найдя ничего особенного в преподавании после наших симбирских школ и выплакав лишь до некоторой степени свою тоску среди чуждых мне могил, в которых я на обратном пути через кладбище заплуталась, я уже на Петербургской стороне встретила Сашу. Услыхав, что я с Волкова кладбища, он приостановился и спросил с удивлением, зачем я ездила туда. Но, получив ответ, пошел, с очевидно угасшим интересом, своим путем.

На следующий день, 28-го, я пошла к нему вечером, но не застала его дома. 1 марта, в воскресенье, ко мне пришла утром Шмидова и сказала, что была только что

у брата и что он ушел уже куда-то. Пришел ко мне и М. Т. Елизаров, и мы втроем отправились побродить по улицам, чтобы воспользоваться прекрасной погодой — был ясный, солнечный, весенний день. Тревога за брата не покидала меня, и я поделилась ею слегка и со своими спутниками. «Да,— сказал тогда М. Т.,— Александру Ильичу давно уже вечную память поют». М. Т. Елизаров, употребивший, конечно, это выражение в смысле опасения ареста, не представлял себе тогда, как буквально оно исполнится, но у меня оно как ножом прошло по сердцу...

Я ждала весь день брата — ведь в воскресенье нет лекций и занятий, и побежала к нему вечером. Три окна его квартиры были ярко освещены. В своей неопытности я обрадовалась: значит, он дома, я увижу его! Я вошла по лестнице, позвонила... Меня встретила полиция, в комнатах все было уже вверх дном. Производился обыск, который мне пришлось видеть тогда впервые. Мне не сказали, конечно, что брат уже арестован, и, задержанная, я терялась в догадках, где он; думала, не зашел ли он ко мне в это время.

Кроме меня задержанным в Сашиной квартире оказался и его гимназический товарищ, Валентин Умов, студент Московского университета, приехавший по каким-то делам в Питер. Я настолько не сознавала серьезности положения и не допускала мысли, что буду арестована, что позвала Умова зайти как-нибудь ко мне, сообщив ему свой адрес. Помню удивленный взгляд жандарма при этом. Не знаю, был ли арестован Умов, вернее — нет. Сужу об этом по тому, что, когда я была освобождена, я слышала от Елизарова или Чеботарева, что Умов рассказывал им: «А она еще меня к себе звала!»

Когда обыск в квартире брата был закончен, часть полицейской ватаги отправилась вместе со мной на мою квартиру.

У меня было забрано заклеенное письмо к Анне Лейбович, которой Шмидова и брат просили дать переночевать у меня. Уходя куда-то вечером, я сочла возможным, кроме предупреждения хозяйки, оставить на столе письмо на ее имя — таково было мое полное невежество в конспиративных делах! — и продержать его пару дней. К счастью, Лейбович удалось скрыться, и так, неразысканной, фигурировала она и в обвинительном акте. С особыми, совершенно непонятными мне предосторожно-

стями была забрана из ящика комода так называемая «инфузорная» земля, вывезенная Сашей из Кокушкина еще летом 1885 года и оставленная им в этой, занимаемой им раньше, комнате. Мое объяснение, что это — земля, привезенная им из деревни для исследования, очевидно, совершенно не удовлетворило жандармов. Я была отвезена в охранное отделение на Гороховую улицу, а через сутки — в Дом предварительного заключения. По дороге пристав, ехавший со мною на извозчике, сообщил мне, сокрушаясь об участи молодежи, что вотде студент Генералов[36] бросил бомбу в государя, и за это теперь берут его знакомых, много невинных. Меня охватил ужас: Генералов! Он был знаком с Сашей, я встретила его там раз. Как отразится это на Саше?!

Я подумала сначала лишь об опасности знакомства. Только постепенно, в одиночестве, напряженно разматывая в своем мозгу клубок минувших событий, встреч, разговоров, всего неясного для меня в поведении Саши, я стала понимать с ужасом, леденившим мне душу, что тут дело не в одном знакомстве, а в активном участии. Первый же допрос утвердил меня в этом мнении, доказав многое. Так, допрашивая меня относительно телеграммы из Вильно, прокурор Котляревский сказал: «А вы знаете, о чем была телеграмма? В ней извещалось о присылке азотной кислоты, чтобы приготовить бомбы для покушения на государя-императора». А затем он сказал мне: «Шевырев уехал в Крым, Говорухин скрылся за границу, а ваш брат остался бойцом на поле битвы»[37].

Но, неопытная в революционных делах — с одной стороны, из инстинктивного чувства самосохранения — с другой, я старалась в стенах одиночки не углубляться особенно в мрачные мысли и предположения. Большую поддержку в этом оказала мне мать, приехавшая в Питер и получившая свидание со мною. С братом она получила первое свидание лишь 30 марта. Никаких фактических сведений о деле я получать, конечно, не могла. Иных связей с волей у меня не было. Перестукиванье, которому я научилась, с товарками, сидевшими уже давно, не могло также дать никакого материала. А выдержка и поразительная твердость матери обманывали меня так же, как раньше спокойная уравновешенность Саши. Я не могла допустить, что готовится, а последние дни заключения — что произошло нечто непоправимое, видя ее хотя потрясенную, грустную, но в полном само-

обладании. Памятуя горе, причиненное ей моей болезнью за год перед тем, я старалась поддерживать себя для нее, показывать ей также бодрое, спокойное лицо. А она была настолько мужественна, что уже после казни брата [38], о которой она узнала из листка, раздаваемого прохожим на улице, одна, она пришла ко мне на свидание и, прося надзирательниц не ставить меня в известность о происшедшем, старалась ободрить меня, настаивала на необходимости мне беречь здоровье, успокаивала меня относительно себя.

Не умеющая лгать, как и брат, она на мой вопрос о нем сказала только: «Молись о Саше». И хотя мне было безумно тяжело, я не поняла истинного смысла этих слов. Я обратила только внимание на то, с каким особым уважением пропускали ее фигуру в трауре, уходившую со свидания, лица тюремной администрации. Такая сила воли при ее переживаниях импонировала и им.

Я писала Саше из тюрьмы два раза. Первое письмо было воплем души; в нем я писала между прочим: «Лучше тебя, благороднее тебя нет человека на свете. Это не я одна скажу, не как сестра; это скажут все, кто знал тебя, солнышко мое ненаглядное!» Но ответа я не получила; передано ли было, я не знала, и следующее я написала уже сдержанно, теми общими более или менее казенными фразами, какими писались обычно письма через тюремный контроль, которые мучительно не удовлетворяли писавшего и не могли дать ничего получавшему их. Ответ Саши — единственное письмо, полученное мною от него из тюрьмы, от 26 апреля [39] — был получен мною уже по освобождении, после его смерти, из Департамента полиции. Мне думается, что оно было ответом на второе письмо и что первого, искреннего, которое скорее могло бы заменить последнее прощание, он не получил. О свидании, как видно из прилагаемого письма, просил брат, просила и я, но оно не было разрешено.

Я была освобождена 11 мая стараниями М. Л. Песковского *, который подал в Департамент полиции просьбу об освобождении меня ради матери [40], мотивируя это тем, что иначе он боится за ее рассудок. Меня после сообщения тяжелого известия он предупредил, чтобы я сдерживалась при матери, старалась отвлекать

* Мужа двоюродной сестры, Ек. Ив. Веретенниковой.

ее от тяжелых мыслей, ибо он замечал, что она иногда «заговаривается». Вторая волна ужаса пронизала меня, и я стала всячески сдерживать себя для матери. Мне показалось, что Песковский выразил свое истинное опасение в тот момент, но если бы даже дело обстояло иначе, и он применил тут как бы хлыст, чтобы заставить меня взять себя в руки, я благодарна ему, ибо это оказалось действительной мерой... Хотя, конечно, и при этом несчастии, как и при первом, потере отца, мать явилась опорой мне, а не я ей. Я убеждена, что только благодаря ее близости и поддержке перенесла я гибель брата.

Мать рассказывала мне, что пошла на одно заседание суда[41]. Близким родственникам предоставлялось это право. Как раз на этом заседании выступал со своей защитительной речью Александр Ильич. Мать передавала: «Я удивилась, как хорошо говорил Саша: так убедительно, так красноречиво. Я не думала, что он может говорить так. Но мне было так безумно тяжело слушать его, что я не могла досидеть до конца его речи и должна была выйти из зала».

Рассказывала она и о своих свиданиях с Сашей. На первом из них он плакал и обнимал ее колени, прося простить причиняемое ей горе; он говорил, что, кроме долга перед семьей, у него есть долг и перед родиной. Он рисовал ей бесправное, задавленное положение родины и указывал, что долг каждого честного человека бороться за освобождение ее...

— Да, но эти средства так ужасны,— возразила мать.

— Что же делать, если других нет, мама,— ответил он.

Он очень старался на этом и на следующих свиданиях примирить мать с ожидавшей его участью.

— Надо примириться, мама! — говорил он.

Он напоминал ей о меньших детях, о том, что следующие за ним брат и сестра кончают с золотыми медалями и будут утешением ей.

На одном из свиданий он сказал:

— Я хотел убить человека — значит, и меня могут убить.

После суда в Доме предварительного заключения убитая горем мать долго убеждала и просила его подать прошение о помиловании[42].

— Не могу я сделать этого после всего, что я при-

знал на суде,— ответил Саша,— ведь это было бы неискренно.

На этом свидании присутствовал некий молодой прокурор Князев, несколько раз отходивший к дверям и выходивший даже из камеры, чтобы дать матери возможность переговорить свободнее с сыном. При последних словах брата он обернулся и воскликнул:

— Прав он, прав!

— Слышишь, мама, что люди говорят! — заметил брат.

— У меня тогда просто руки опустились! — рассказывала мать.

Он говорил ей о Шлиссельбурге — единственно возможной для него замене смертной казни,— об ужасе вечного заключения.

— Ведь там и книги дают только духовные; ведь эдак до полного идиотизма дойдешь. Неужели ты бы этого желала для меня, мама?

Мать указывала, конечно, что он молод, что многое может измениться.

— Позвольте и мне присоединиться к словам вашей матушки,— вмешался в разговор присутствовавший в другой раз на свидании начальник Дома предварительного заключения. — Вы молоды, и ваши взгляды могут измениться.

Мать передавала, что Саша отвечал и ему так же твердо, но вместе с тем внимательно, как он относился ко всем людям *.

Он говорил и матери на свиданиях в Доме предварительного заключения, куда был переведен из Петропавловской крепости на время суда, что ему тут хорошо «и люди все тут такие симпатичные».

Он просил мать на одном из свиданий выкупить его золотую университетскую медаль, заложенную за 100 рублей, продать ее — она стоила 130 рублей,— и полученные таким образом 30 рублей отдать некоему Тулинову, которому он остался должен эту сумму **. Про-

---

* В то время такого обостренного классового антагонизма, как позднее, не было; тогдашний начальник Дома предварительного заключения, помнится, по фамилии Ерофеев, был человеком добродушным и располагавшим к себе; из другого персонала я помню также людей очень внимательных и сочувствующих, например фельдшерицу.

** Мы разыскивали потом этого Тулинова и отдали 30 рублей, но, как оказалось потом, не ему, а его однофамильцу.

сил он также разыскать и вернуть две одолженные им редкие книги *.

На вопрос матери на свидании после суда, нет ли у него какого-нибудь желания, которое она могла бы исполнить, Саша сказал, что хотел бы почитать Гейне. Мать затруднилась, где достать эту книгу. Тогда достать ее брату взялся присутствовавший на свидании прокурор Князев **.

Последнее свидание с братом мать имела в Петропавловской крепости. Она рассказывала мне о тягостной обстановке этого свидания за двумя решетками, с

---

* Обе книги принадлежали В. В. Водовозову. Одна из них оказалась у Чеботарева и была возвращена. Другая — «Deutsche-Französische Jahrbücher» — со статьей Маркса о религии была передана мною вместе с переводом Говорухину. Ее найти не удалось. Мы искали купить ее за границей, в книжных магазинах и у букинистов, но не нашли.

** Упоминаемый товарищ прокурора Князев говорит в своих воспоминаниях, что в конце апреля (очевидно, после суда) ему было поручено дать свидание Ульянову с его матерью, и он, желая обставить его как можно меньшими формальностями и стеснениями, провел Ульянову в одиночную камеру, в которой содержался ее сын, оставшись сам в коридоре у открытой в камеру двери. (Подсудимые содержались во время суда в нижних камерах Дома предварительного заключения; свидания давались тоже в одной из камер первого этажа.) Такое исключительное свидание могло состояться так, как описывает его Князев.

— Прошло около сорока лет с тех пор, — говорит он, — но не померкла в глазах моих тяжелая картина этого свидания подавленной несчастьем любящей матери и приговоренного к смерти сына, своим мужеством и трогательной нежностью старавшегося успокоить мать. Она умоляла его подать прошение о помиловании, выражая надежду и почти уверенность, что такая просьба осужденного будет уважена. Но, видимо с большой душевной болью отказывая матери, Ульянов привел между прочим, как хорошо помнится, такой довод, несомненно свидетельствующий о благородстве его натуры:

— Представь себе, мама, что двое стоят друг против друга на поединке. В то время как один уже выстрелил в своего противника, он обращается к нему с просьбой не пользоваться в свою очередь оружием. Нет, я не могу, — закончил он, — поступить так.

Видя невозможность настаивать больше на своей просьбе, Ульянова в конце продолжавшегося около часа свидания спросила сына, не нужно ли ему что-нибудь. Он ответил отрицательно, но, подумав немного, сказал, что ему очень хотелось бы почитать Гейне. Старушка очень обеспокоилась, как исполнить эту просьбу, так как приобретение сочинений Гейне было обставлено какими-то цензурными формальностями. Глубоко сочувствуя ей и желая облегчить ее чем-нибудь, я сказал, что доставлю просимую книгу, поехал прямо из Дома предварительного заключения в книжный магазин Мелье, где мне продали немецкое издание Гейне, которое я в тот же вечер передал Ульянову.

расхаживающим между ними жандармом. Но она говорила также, что в этот раз она явилась повидать брата, окрыленная надеждой. Распространились слухи, что казни не будет, и материнское сердце, конечно, легко поверило им. Передать об этом при суровых условиях свидания она не могла, но, желая перелить в брата часть своей надежды и бодрости на все предстоящие ему еще испытания, она раза два повторила ему на прощанье: «Мужайся!»

Так как надежды ее не сбылись, то вышло, что этим словом она простилась с ним, она проводила его на казнь...

О. М. Говорухин

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ А. И. УЛЬЯНОВЕ, П. Я. ШЕВЫРЕВЕ, В. Д. ГЕНЕРАЛОВЕ И П. И. АНДРЕЮШКИНЕ

Александр Ильич Ульянов

Александр Ильич Ульянов был наиболее выдающейся личностью из мартовцев 1887 года. Мое знакомство с ним началось в конце 1885 года в Петербурге. Он был тогда на третьем курсе естественного отделения физико-математического факультета. Студент он был очень трудолюбивый и способный. Успехи в науке оказывал блестящие. Он написал конкурсное сочинение по зоологии, за которое получил золотую медаль. Успех ободрил его. Он подумывал уже о профессуре. Не зная его еще близко, но сталкиваясь с ним часто в университете, я составил о нем мнение как о человеке очень симпатичном, но настолько преданном науке, что, кроме нее, он ничего знать не хочет. Такие студенты часто встречаются теперь, особенно среди естественников. Они приходят в восторг, рассматривая красивое животное или растение, и бесстрастно судят о заблуждениях нашей «зеленой» молодежи.

Следующий случай доказал мне, во-первых, что Ульянову, при всей его страсти к науке, не чуждо ничто человеческое, и, во-вторых, дал случай нам ближе познакомиться. Однажды перед лекцией он предложил своим однокурсникам, по примеру студентов других факультетов, послать к Щедрину депутацию от естественников и поздравить его с днем его ангела. Большинство отнеслось к этому равнодушно, но депутация — и в ней Ульянов — была отправлена [1]. В это время, на третьем курсе, он не участвовал еще ни в революционных орга-

низациях, ни в кружках самообразования. К кружкам он относился тогда отрицательно. «Болтают много, а учатся мало». «В революционные организации не вступаю потому, что не решил еще многих вопросов, касающихся лично меня, а что еще важнее, вопросов социальных. Да и вряд ли скоро вступлю». — «Почему?» — «Потому — больно уж сложны социальные явления. Ведь если естественные науки, можно сказать, только теперь вступают в ту фазу своего развития, когда явления рассматриваются не только с качественной, но и с количественной стороны,— только теперь становятся, стало быть, настоящими науками, то что же представляют собой социальные науки? Ясно, что не скоро можно решить социальные вопросы. Я предполагаю, конечно, научное решение — иное не имеет никакого смысла,— а решить их необходимо общественному деятелю. Смешно, более того, безнравственно профану медицины лечить болезни; еще более и смешно и безнравственно лечить социальные болезни, не понимая причины их. Ну разве такие, как Н. Н. и т. д. революционеры? А ведь такими теперь хоть пруд пруди».

В первый раз мне пришлось встретить человека, так мотивировавшего свой отказ помогать революции. Обыкновенно начинающий революционер бросается скорее в практику, продолжая заниматься теоретически. Непонятной загадкой казался мне Ульянов, чрезвычайно симпатичный и умный; и в то же время в его речах, в его глазах сквозит безжизненная объективность, а иногда даже политический индифферентизм.

Надо было знать его прошлое. Рассказывать о себе он не любил, поэтому у меня и теперь мало сведений о его студенческой жизни. Родители его жили в Симбирске. Это были образованные, гуманные люди. Отец был директором народных училищ, в высшей степени честный, всеми уважаемый человек. Обстановка семейная была очень благоприятна для умственного и нравственного развития детей. Отношения между родителями и детьми были очень нежные. У Александра Ильича всегда стояли перед глазами на столе портреты отца и матери. Его сестра, бестужевка, рассказывала, что, когда умер его отец, он, уже студент, страшно загрустил. Горе было так сильно, что сестра и его близкие знакомые опасались, как бы он не кончил самоубийством[2].

Способности у него были блестящие; он превосходно учился в Симбирской гимназии и кончил с золотой ме-

далью. Трудолюбие и аккуратность его были чисто немецкие. Он знал французский, немецкий и английский языки настолько, что мог свободно читать.

Умственный труд — самое любимое его занятие. К науке он питал почти религиозное уважение. Особенная страсть была у него к естественным наукам. На третьем курсе он среди студентов считался знатоком биологии. Биология Спенсера была его любимой книгой. «Ни одна книга не доставила мне столько удовольствия, как эта»,— говорил он. Но, прочитав «Капитал» Маркса, он биологию ставил уже на второе место.

В отношениях к товарищам он был редкий человек: он не имел врагов. Личная ссора с ним была невозможна. Он равно уважал и собственное достоинство и достоинство других. Это была натура нравственно деликатная: он никогда не подсмеивался, не поддразнивал, избегал всяких резкостей, даже был к ним неспособен. Он как-то болезненно возмущался, когда слышал какие-нибудь резкости. Никогда я не видел его беззаботно веселым: вечно он был задумчив, грустен.

Он любил театр, вообще понимал поэзию, а особенно он любил музыку и, когда слушал ее, становился еще грустнее и задумчивее. Он бывал на студенческих пирушках, старался развеселиться... Ему нравилось смотреть на веселящихся людей, слушать пение; из песен он больше любил революционные, вроде «Замучен тяжелой неволей...» и т. п. Иногда в увлечении и сам начинал петь, но пел не в тон, самым невозможным образом. Слушавшие покатывались со смеха. Но он невозмутимо доканчивал начатую песнь. Но особенно любил он тогда спорить и спорил с ожесточением.

Познакомившись ближе с более определенными и более активными революционерами, он скоро убедился, что его точка зрения неверна, что его воздержание от революционной деятельности не выдерживает критики. «Опыт должен решить, прав я или нет; я вступаю в кружок»,— решил он после долгих уговоров со стороны своих товарищей.

Первый шаг был сделан. Затем Александр Ильич пошел так быстро по этому пути, проявил такую энергию и страсть к революционному делу, что все, знавшие его прежде, удивлялись такой резкой перемене. Он скоро даже сам образовал кружок, занимавшийся историей России.

Тот кружок, в который в первый раз вступил Улья-

нов, образовался еще в начале 1885 года[3]. Революционное развитие Ульянова было связано с этим кружком. Он играл в нем самую выдающуюся роль. Поэтому рассмотрим подробнее деятельность этого кружка, тем более что это был самый дельный и влиятельный кружок во всем Петербурге. Он охватил радикальную часть почти всего студенчества всех высших учебных заведений Петербурга. Он состоял из людей, сочувствующих революции, еще неопределенных, не примкнувших ни к какой партии. Целью его было влиять на студенчество, помогать революционному движению, распространять литературу.

19 февраля 1886 года, 25-летнюю годовщину освобождения крестьян, этот кружок решил отпраздновать вопреки правительственным распоряжениям: собралось несколько сот студентов на Волковом кладбище отслужить панихиды по писателям, ратовавшим за освобождение крестьян,— Некрасове, Тургеневе, Добролюбове, и пошли все вместе по улице.

Полиция прозевала демонстрацию: дело обошлось благополучно. В нашей скучной жизни и такое сравнительно маленькое дело, как празднование освобождения крестьян, становилось целым событием: впечатление его было самое благоприятное. Кружок, видя удачу первого опыта, решил устраивать почаще такие демонстрации для объединения студенчества.

Особенное оживление в этом кружке наступило в конце 1886 года, как раз в то время, когда в него вступил Ульянов. Вообще самое живое время во всех кружках бывает вначале, когда говорят о том, что нужно делать, как делать и какое значение всего этого. Планы действительно были восхитительны, например организовать студенческие кружки не только в Петербурге, но и во всей России, и заправлять студенческими требованиями, которые велись до сих пор без всякой организации. Эта организация русских студентов могла бы даже производить давление на правительство. Планы были: 1) организовать кружок саморазвития, 2) обмен рефератами, 3) выработать революционную программу, 4) издавать газету, 5) выработать программу и каталог систематического чтения. Как одушевленно велись разговоры об этих планах! Это одушевление сообщалось и Ульянову.

Наступала годовщина смерти Добролюбова — 17 ноября. Кружок решил опять устроить демонстрацию на

Волковом кладбище. Но на этот раз полиция не прозевала: она оказалась раньше студентов на кладбище, заперла ворота и ждет, что будет. Студенты продолжали сходиться со всех сторон. Собралось около 1000 человек (по другим сведениям, 600—800). Послали депутацию к Грессеру просить разрешения отслужить панихиду по Добролюбове. Ответ: не может разрешить и просит студентов разойтись... Он обратился к Толстому, и тот ответил, что не может разрешить. Тогда студенты пропели перед воротами кладбища «Вечную память», снесли на могилу венки и пошли вместе по домам. На пути их встречает Грессер, старается всячески задержать и даже обещает разрешить панихиду в какой-нибудь церкви. Некоторые поняли, что Грессер что-то замышляет, и предложили идти дальше (Более благоразумные звали идти по Гороховой, но толпа неудержимо ринулась по Лиговке к Невскому.) Не доходя до него, они на Лиговке были окружены казаками и простояли под дождем около двух часов. Затем Грессер начал выпускать поодиночке. Около 10 человек было арестовано. Этого совсем не ожидали, и это страшно возмутило всех, бывших на кладбище. «За что арестуют тех? Надо было уже, если так, всех арестовать». На следующую ночь были произведены обыски и аресты. Это еще более взбудоражило студентов. Начались высылки студентов и курсисток. Выслали всего около 40 человек[4].

Такие несправедливости и жестокости возмутили всех до глубины души. Правительство объясняло эти меры тем, что, мол, высылает тех, кто кричал около кладбища или по пути по улице. Но это — ложь: большинство из высланных, если не все, ничем не выделялись из толпы. Студенты стали собирать деньги для высылаемых. Кружок инициаторов добролюбовской истории собрался, чтобы обсудить, что делать. Какие только планы не предлагались: 1) всем собраться на Казанской площади и протестовать, 2) собраться у Зимнего дворца, 3) бросить бомбы в здание жандармского управления, 4) произвести беспорядки во всех учебных заведениях Петербурга и потребовать возвращения высланных, 5) наконец, устроить покушение на Грессера[5] или даже на кого-нибудь повыше. Но ни один из этих планов по обсуждении не был признан исполнимым для студентов. Конечно, все понимали, что наиболее рациональный план, то есть при наименьшей затрате сил добиться наибольших результатов,— было покушение на царя.

В студенчестве пошли толки о необходимости террора. Об этом заговорили даже наиболее тихие. Но необходимость хотя бы как-нибудь протестовать чувствовалась всеми. Решили наконец отгектографировать прокламации мирного характера с изложением всей добролюбовской истории и правительственных мер. Эти прокламации были разосланы по всей России, по всем слоям общества: профессорам, адвокатам, земцам, чиновникам, купцам и прочим[6]. Но это не удовлетворило многих из тех, у кого глубоко засела мысль о действительном протесте. Это-то и были инициаторы покушения 1 марта 1887 года.

Я потому так долго остановился на добролюбовской истории, что она имела огромное влияние на мартовцев, и особенно на Ульянова. Он принял в ней самое горячее участие. Когда у одного из арестованных попалась какая-то бумажка с его фамилией, он начал ожидать, что и его вышлют. «Ведь это ужасная перспектива: жить в захолустье, в Симбирске например,— там совсем отупеть можно, ни книг, ни людей».

Он сосредоточился теперь на одной задаче: как свергнуть деспота? Все другие задачи, какие он собирался решить и к одной из которых, а именно: как развивается экономическая жизнь России, что будет с общиной и капитализмом? — он уже приступил,— все другие задачи отошли на задний план, перестали быть для него такими настоятельными.

Время было слишком тревожное, чтобы можно было отдаться объективному изучению общественных явлений. Слишком мало времени он занимался изучением общественных вопросов, слишком мало он выяснил их себе; по воззрениям своим он не подходил ни к «Народной воле» (отрицал возможность захвата власти, отрицал активное значение общины для социализма), ни к социал-демократам (он был убежден, что существенной разницы между программой «Народной воли» и программой Плеханова не было, а стало быть, незачем было, по его мнению, и полемизировать). Но часто он и сам сознавал, что профан в вопросах об общине и капитализме.

После добролюбовской истории он сошелся близко с многими молодыми революционерами, в том числе с Шевыревым. Но он все еще и теперь колебался как-то решительно отдаться революционному делу. «Пока я буду готовиться к этому; вопросов, вопросов масса; а не

разрешив вопрос, безнравственно браться за дело, например хотя за террор».

Конечно, споры по этому поводу были самые ожесточенные. «Как? Ты даже и теперь, Ильич, твердишь то же самое, что и год назад? — говорил ему один из его друзей. — Теперь, когда правительство хватает за горло твоих товарищей да и до тебя добирается? Ты и теперь будешь объективно решать задачу, что тебе делать? По-моему, теперь безнравственно не браться за дело и безнравственно не протестовать против деспотизма. Вопрос в том, какая форма борьбы наиболее действительная, наиболее продуктивная? Я думаю, террор. Придумай лучшую форму».

Скорее, события, чем логика товарищей, привели Ульянова к следующему решению: бороться посредством систематического террора. Террор несистематический имеет ничтожное значение. «Я не верю в террор, я верю в систематический террор»,— часто говорил Ульянов. По приглашению Шевырева он вступил в террористическую группу. Зная естественные науки, он быстро усвоил все приемы приготовления взрывчатых веществ, и большую часть их он приготовил сам[7] и, несмотря на короткое время (2—3 месяца), так освоился с теорией взрывчатых веществ, что на суде поставил в тупик эксперта Федорова и довел его до того, что он сознался, что не прав[8].

На собраниях террористической группы он особенно настаивал, что мы, то есть группа, являемся политиками революционными, и когда кто-то предложил объявить обществу, что мы, мол, добьемся только конституции (чтобы привлечь симпатии общества), Ульянов восстал против этого. Для него ставить такую задачу значило изменять социалистическому знамени всего предыдущего революционного движения. На собрании для выработки программы группы особенно выяснилось, что у большинства, и в том числе у Ульянова, определенных взглядов еще не выработалось. Возникли споры об общине, о капитализме. Несколько членов террористической группы были социал-демократы, народовольцев никого не было: все находили, что в программе Исполнительного комитета «Народной воли» и взглядах его действительно должны быть сделаны изменения, но какие? Тут всякий судил по-своему. Лишь в одном были согласны все — что систематический террор наиболее верное средство вынудить у правительства уступки, что на-

стоятельно необходимо теперь в России выработать общую программу для революции. На свою программу группа смотрела как на проект[9].

Она хотела побудить этим всех русских социалистов высказаться так же определенно и резко, как социал-демократы. Это было, можно сказать, завещанием мартовцев 1887 года. Относительно же названия группа нашла полезным назваться старым именем «Народной воли».

Последние события вызвали такое оживление в студенчестве и вообще в интеллигентской молодежи, что разговоры о терроре были распространены повсюду; террористические группы в Петербурге и провинциях образовывались так быстро, что никому из мартовцев и в голову не приходил вопрос: да есть ли уверенность в том, что систематический террор возможен теперь в России?[10]

Наоборот, никто не сомневался, что оживление еще более увеличится после покушения или, как предполагали, целого ряда покушений. Ульянов так выражался по этому поводу: «Одни и те же причины производят одни и те же следствия. Настоящее положение дел привело нас к террору. Возьмем худший исход: покушение вызовет еще бóльшее преследование правительства, еще бóльшую реакцию. Следствием этого должны быть новые покушения и т. д. Возьмем другой исход: правительство сделает уступку, хотя маленькую,— тогда окажется, что террор — средство рациональное и для вынуждения у правительства бóльших уступок нужно будет опять усиление террора. Наиболее вероятный исход — это первый».

В январе 1887 года начали уже ходить слухи, что было покушение на Грессера, но неудачное. Масса затруднений представилась мартовцам 1887 года во время приготовления покушения. Условия, среди которых приготовлялись взрывчатые вещества и производилась слежка за Александром III, были делом необычайно трудным. А тут как раз начался ряд погромов среди «группы военных социалистов». Были произведены поголовные обыски в морском училище, в Павловском и Константиновском юнкерских училищах. Арестовано было несколько десятков человек.

В ноябре или декабре 1886 года появилась статья в «L'Independance Belge»[11], где передавалась корреспонденция из Женевы — разговор с кем-то, сидевшим в

народовольческой типографии и передававшим там интервьюеру, что революционеры усилились теперь и, начиная с ближайшего марта, заявят империи о своем существовании. Эта статья обошла все студенчество и усилила толки о предстоящем покушении. Кроме того, образовалась какая-то террористическая группа, которая сделать, как оказалось после, ничего не могла, но болтала очень много и вредила этим шевыревской группе. Нужно было отыскать эту группу и уговорить ее отложить свое предприятие. Это дело было поручено нескольким членам, которые выполнили его успешно [12].

Затем начали ходить слухи, что правительство узнало о готовящемся покушении и думало произвести систематические обыски у всех студентов. При таком условии многие из террористической группы думали отложить покушение до осени, так как устроить покушение 1 марта неудобно, полиция будет настороже, а раньше не успеют. Ульянов колебался.

Далее оказалось (по причинам, не подлежащим опубликованию), что группа, где находился Ульянов, Генералов, Шевырев и другие, не могла одновременно действовать с другими политическими группами, так что вместо ряда покушений сил хватало только на одно. Дальше, некоторым из членов надо было на время скрыться, а потом даже бежать за границу [13].

Но, несмотря на это, Шевырев — один из инициаторов марта 1887 года — и слышать не хотел об откладывании. Когда с ним заговорил Ульянов, Шевырев не хотел и слушать. «Как? Откладывать? Да ты, Ильич, уверен, что тебя завтра не возьмут? А я? Да кто из нас может поручиться, что он просуществует до осени? Далее, если слабый попадется правительству да проговорится, то всем нам конец. А за что? За хотение? Будь что будет, но вперед!»

Александр Ильич предвидел уже теперь неудачу покушения; более того, он начал уже сомневаться в возможности систематического террора. Действительно, первое оживление сменилось унынием, у некоторых даже тупым отчаянием.

В то же время всеобщий студенческий кружок [14] также притих, ни один из его планов не был, да и не мог быть выполненным. Численно он очень мало увеличился. Денег не было, не было литературы и связей с провинциальным студенчеством. О всероссийской студенческой организации можно было только мечтать.

Но особенно сказалось бессилие кружка в теоретическом отношении: почти не было знающих, толковых людей, немного было и таких, которые подавали надежду выработаться в будущем. Поэтому обмена рефератов тоже не было. Газета издана не была. Несколько статей в № 1 были обещаны, часть уже приготовлена. Систематического чтения и каталога книг тоже не было выработано. Собрания посещались неаккуратно; наконец, приходила только часть. Эти факты показали Ульянову, что потребность в знающих, вполне развитых революционерах необходима, неотложна. Без этого невозможно было толковать ни об организации, ни о пропаганде. Поэтому он еще более стал колебаться, куда ему идти, что делать. Тем более что он знал свои силы: 1) способность к теоретической работе, 2) умение писать (он составлял прокламации и писал проект террористической программы и в этом превосходил всех своих товарищей по группе). Наконец он решил так: буду помогать приготовлять покушение, а затем скроюсь, или, если правительство будет искать, убегу за границу. Шевырев вполне согласился с этим решением: «Я и сам раньше так думал: тебе, Ильич, надо бежать; да поступить иначе было бы преступлением,— сила пропадет ведь немалая».

Но когда Шевырев, несмотря на несогласие Ульянова, уехал из Питера за неделю до 1 марта, Ульянов уже не хотел скрыться. (Но главный мотив пока не подлежит опубликованию впредь до напечатания процесса [15].)

На суде он говорил так, когда его спросили: «Почему же вы не бежали за границу?» — «Я не хотел бежать, я хотел лучше умереть за свою родину». На суде он выказал себя тем, что он есть. Он приковал к себе все внимание публики и суда. Но он не успел себя проявить тем, чем он мог быть. Он погиб, не успевши развить своих богатых способностей, не успев принести столько пользы родине, сколько он хотел и мог.

П. Я. Шевырев

Петр Яковлевич Шевырев [16] был главным инициатором 1 марта 1887 года. В 1885 или 1886 году — точно не припомню — он перевелся из Харькова в Петербург на естественный факультет. Быстро познакомился он со многими студентами. Через два-три месяца он начал устраивать студенческую кассу взаимопомощи. Сначала

он встретил у очень многих полное равнодушие к этому. Но это его не остановило. В университет он ходил часто, но лекции слушал очень мало. Почти всегда его встречали либо в читальне, либо в коридорах. Он ходил с каким-либо студентом и энергично убеждал его в полезности касс.

Так прошел год; он познакомился чуть ли не со всеми студентами университета и многими из других высших учебных заведений. В конце концов ему удалось все же найти несколько десятков сторонников своих затей. Но среди радикальной части студенчества он был непопулярен. Начитанность его была незначительна, кружкам саморазвития он не особенно симпатизировал. Социальными вопросами не видно, чтобы очень интересовался. Большую часть времени он проводил в разговорах с массой знакомых,— дома его почти никогда нельзя было застать. Книг по естественным наукам он читал очень мало, а по другим и совсем не читал.

Самый вид его производил нерасполагающее впечатление: взгляд у него был упорный, дерзкий, несимпатичный. Манерой говорить непросто, монотонно, крикливым голосом он производил на многих отталкивающее впечатление. Перед летними каникулами 1886 года он заболел чахоткой, начал страдать кровохарканием и уехал на юг лечиться.

Наступило начало 1886/87 учебного года. Шевырев не приезжает. Студенты, убежденные Шевыревым в полезности кассы, начали действовать без него; но дело плохо подвигалось вперед. Через несколько месяцев является Шевырев. Он несколько поправился, выглядел живее, но болезнь не прошла. На вопрос о здоровье он отвечал: «Пока ничего, но жить осталось недолго».

При Шевыреве дело кассы закипело. Когда все устроилось, он поручил ведение кассы другим, а сам начал устраивать кухмистерскую и библиотеку. За это время он познакомился и старался ближе сойтись с теми, которые после участвовали в покушении 1 марта. Все они годом раньше отказались помогать ему в устройстве кассы, говоря, что ничего из этого не выйдет, что масса студентов равнодушна ко всем этим затеям. «Вот видите, господа, что значит инициатива,— говорил он,— теперь и вы будете помогать мне». Далее он доказывал, какое значение имеет касса, ее организация, объединяющая массу студентов, что нужно непременно привлечь к этому делу студентов всех высших учебных заве-

дений Петербурга. Некоторые, в том числе Ульянов, советовали ограничиться только университетом,— лучше сначала сблизить студентов внутри каждого заведения и потом уже всех, чем соединять сначала всех и в результате не сблизить никого. Но Шевырев ни за что не соглашался уступить. Устроить кухмистерскую было очень трудно: во-первых, не было денег, во-вторых, полиция не разрешала. Главным образом благодаря энергии Шевырева все трудности были побеждены.

В организованной кухмистерской обедала масса студентов и курсисток. Это опять способствовало сближению студентов. Обратная сторона кухмистерской заключалась в том, что в то же время она служила для ознакомления шпионов со студентами. Полиция, разрешив, поставила специально шпионов для кухмистерской. Устроив кухмистерскую, Шевырев предоставил управление ею другим. Изредка только, если встречались неисправности, требовалось его вмешательство. Теперь он взялся за устройство библиотеки. Рядом с этим он составил кружок, цель которого была ознакомление с большим числом студентов, чтобы выбирать лучших и составлять из них кружки самообразования.

Около 17 ноября он познакомился с тем кружком, в котором действовал Ульянов. Близкого участия в нем он не принимал. Теоретические задачи были не по нем. Задачи практические, организационные — вот его сфера. Он участвовал также в манифестации 17 ноября. Он был в восторге, что на манифестацию явилась такая масса студентов, так как не ожидал этого. Дикая расправа правительства с выхваченными случайно из толпы произвела на него сильное впечатление. Он оживился. Речей он обыкновенно не произносил, да и вообще не любил выражать своих чувств обыкновенными фразами: «Это ужасно, это дико» и т. п. У него чувства выражались в лихорадочной деятельности. В приготовлении и рассылке прокламаций он принимал самое деятельное участие.

После добролюбовской истории он особенно сблизился с Ульяновым и его друзьями [17]. К удивлению компании, Шевырев оказался горячим революционером. Раньше все смотрели на него скорее как на мирного деятеля. Касса, кухмистерская, библиотека — все это вещи хорошие, но довольствоваться этим мог только очень уж смирный либеральный деятель. Шевырев же всегда спорил с теми, кто придавал мало значения этому, и дока-

зывал, что все это имеет огромное значение. То немногое, что говорили его знакомые, подтверждало это мнение.

В Харькове он занимался также преимущественно организационными делами. Вступил он, правда, в один кружок саморазвития, где изучались науки по системе Конта [18]. Но некоторые, в том числе и Шевырев, скоро вышли из этого кружка. Всегда он сочувственно относился к революционерам, ко всяким студенческим волнениям, но литературу революционную почти не читал и мало задумывался над социальными вопросами.

Вообще это была оригинальная натура. Раз начавши какое-нибудь дело, он не останавливался ни перед какими препятствиями. Дело поглощало его всего. Раз в Харькове он задумал изобрести какую-то электрическую машину: накупил разных приборов, установил комнату электрическими батареями и проводил за этим целые дни. Иногда он в увлечении не спал ночей, забывал есть. Не знаю, чем кончилась эта затея.

Вскоре после 17 ноября приходит он к Ульянову. Заходит речь о кассах, кухмистерских и т. п. По обыкновению, заспорили с Шевыревым. «И охота вам, Петр Яковлевич, тратить энергию на такие мелочи. С вашим организаторским талантом можно было бы устроить кое-что поосновательнее»,— говорит Ульянов. Шевырев смеется и ехидно спрашивает: «А что, например?» — «Да, например, покушение,— отвечают ему сразу, не подумавши. — Хороший бы террорист из вас вышел». Шевырев расхохотался: «Нет, где уж мне! Я и кухмистерской удовольствуюсь. Так ведь вы обо мне думаете?» — И он продолжал хохотать. Потом спросил — для разговора ли только говорят это, или есть дело, к которому его хотят привлечь. Ему отвечали Ульянов и бывший у него, что говорят серьезно, но определенного дела не имеется. «Ну так теперь я вас спрошу, господа: желаете ли вы заняться террористическим делом? Группа уже есть. Нужны помощники». Этого никто не ожидал. Всех ошеломил этот вопрос. Теперь все поняли, почему он считал важными студенческие организации, почему он особенно настаивал, чтобы организации охватывали возможно большую часть студенчества. Собеседники выразили готовность помочь террористической организации. Но он предложил обдумать неделю-другую и тогда уже дать окончательный ответ.

Затем он начал расспрашивать, какие же дела они

хотят взять на себя. Дел, по его классификации, было 4 сорта: 1) доставление сведений об образе жизни царя и его приближенных и слежение за ними, 2) добывание денег, 3) техническая часть и 4) организация метальщиков и сигнальщиков. Когда он предложил первое, то Ульянов и другой стали в тупик. Всем известно, как бережется царь, как изменяет планы своих поездок, в каком секрете держится все, касающееся жизни царя. Когда ему высказали, что эта задача самая трудная, почти невыполнимая, он заметил: «Да, для вас. Я этого и ожидал».

Затем предложил дела третьей и четвертой категорий. Те согласились. В назначенный срок Шевырев снова пришел за окончательным ответом. Нужно было договориться подробно с той и с другой стороной. Но, когда у него стали расспрашивать, что это за группа и какой план покушения и т. д., он отвечал, что порядки в этой группе строгие, что он не имеет права называть членов; относительно плана он как-то путался: то выработан уже, то нет еще. Видя, что он неохотно отвечает на вопросы, что он не доверяет им, ему показали всю неловкость такой тактики, что невозможно вступить в неведомую группу, что нужно всем согласиться в плане покушения, вообще быть равноправными товарищами в группе. Но Шевырев наотрез отказался познакомить их с членами. «При теперешних, мол, условиях — это необходимо. Положим, что это неприятно, что это не по-товарищески, но цель оправдывает средства». Но те все-таки добивались узнать хоть что-нибудь. «Однако с вами возни много,— рассердился он,— больше, чем я ожидал»,— но начал сдаваться. «План,— говорил он,— выбран такой: стрелять из пистолета отравленной дробью или пулями». С этим планом не согласились, начали спорить и под конец поставили условием: если не будут употреблены бомбы, то в группу не вступят.

Шевырев не ожидал такой настойчивости и начал уступать, хотя и продолжал хитрить и путаться. На вопросы: как велика группа? — он берет в ответ бумажку и пишет: А, А.... Б, Б.... В, В... А — метальщики — сколько угодно, Б — сигнальщики — сколько угодно, В — химики, тоже и т. д. Денег тоже сколько угодно. Конечно, после все это оказалось нечаевской тактикой. Денег оказалось мало; бесконечных А, А.... оказалось налицо один Осипанов и т. д.[19] Но тактика эта сделала свое дело. Шевырев употреблял ее неоднократно. Инициатив-

ных людей обыкновенно очень мало, поэтому легче примыкают к готовой уже организации. Таким образом, Шевыреву удалось устроить покушение. За Ульяновым в мнимую группу вступил Генералов, а затем Андреюшкин.

Шевыреву вообще не нравилась настойчивость других: он склонен был повелевать, приказывать. С каким восторгом он рассказывал о своих переговорах с Генераловым и Андреюшкиным. Больше всего ему понравилось, что они мало рассуждали и спорили. А когда он доходил до того места, где Генералов серьезно заявлял ему, что у него есть одно затруднение, а именно, что он не вполне уверен в меткости своей руки и может как-нибудь промахнуться, то от волнения Шевырев не мог говорить и истерически хохотал от радости. «Вот это настоящий террорист!» — говорил он о нем.

Еще более восторгался он Андреюшкиным — тот уже ничем не затруднялся. Когда Шевырев сказал ему, что, по всей вероятности, будут пытать, а во время пытки никто не может за себя поручиться, а поэтому надо запастись цианистым калием, чтобы покончить с собой, то Андреюшкин обиделся: «Как? Я не могу за себя поручиться? Разве я не казак?»

Во все время подготовительных работ Шевырев не знал минуты покоя. Он был фактически главой предприятия. Он заведовал всеми работами. Метод его был один и тот же: он находил людей, поручал им дело, иногда сам показывал, что и как делать, и изредка наведывался, чтобы узнать, как идет дело. Он был связующим звеном между многими отдельными группами и личностями. Постоянно ему приходилось обегать всех. Болезнь от напряжения начала усиливаться, но он не поддавался ей.

Все удивлялись его энергии: часто встречали его на улицах; зорко посматривая (из-под очков), он быстро летел по улицам. Хотя быстрая ходьба и была ему вредна, но он всегда приходил запыхавшись, усталый. Беда, если обещанное не было сделано. Шевырев умел так подчинить себе людей, что большинство ему повиновалось. Трудно было отказать ему в чем-нибудь, раз он на этом настаивал. Неисправному становилось страшно неловко, стыдно при одном вопросе Шевырева: «У вас, конечно, все готово?»

Многим Шевырев казался очень странным. Ульянов

выражался о нем: «Странный механизм этот Шевырев,— понять я его не могу».

Убежденным социалистом Шевырев не мог быть, так как социалистическими вопросами не занимался и нигде о них не говорил. Программные вопросы, волновавшие всю революционную молодежь, для него не существовали. Ему было все равно, какой бы программы человек ни держался, лишь бы он согласился помогать террору. Незадолго до покушения он спросил, однако, у Ульянова несколько новейших брошюр для чтения. Прочел ли он их — не знаю. Он сам иногда сознавался, что ужасно мало читал. В течение нашего почти двухлетнего знакомства он ни разу не заговаривал о социальных вопросах. Никогда не приходилось мне слышать, чтобы он говорил об этом с другими, например с Ульяновым. Против изучения этих вопросов он не высказывался, а иногда шутил, что мало выяснил их себе. В последнее же сплошь тревожное время он, конечно, и не мог взяться за чтение. Ульянов был в этом отношении прямой противоположностью ему. Ульянов приготовлял динамит, делал вообще массу работ по приготовлению покушения и в то же время ходил на лекции, работал в зоологическом кабинете над исследованием какого-то зоологического вопроса, по которому он хотел написать диссертацию, а дома читал такие книги, как второй том Маркса.

Страшный реалист, Шевырев ненавидел все мечтательное, фантастическое. Он относился с пренебрежением к сомневающимся, неуверенным людям. Слово «вопрос» для него не существовало: для него существовала только уверенность. Эта уверенность — более того: самоуверенность — и есть секрет его влияния на людей. Один студент согласился взять на себя некоторую работу по приготовлению покушения[20]. Но тактика Шевырева внушила ему недоверие: недоверие Шевырева вызвало и с его стороны недоверие; он увидел, что Шевырев преувеличил силы и средства террористической группы, и перестал совсем ему верить.

Ряд неудач в работах, масса препятствий, встретившихся во время работ, неумелость во всех делах, грозившие страшными провалами,— все это привело этого студента к убеждению, что: 1) покушение не удастся (к чему впоследствии пришли все и даже Шевырев); что 2) систематический террор неисполним (а просто первому покушению никто не придавал серьезного значения); что 3) пропадает масса сил непроизводительно. Когда

Шевырев после окончания первой работы предложил ему вторую, тот высказал ему откровенно, что он о нем и вообще о всем деле думал. Первая мысль Шевырева была: струсил парень; он расспросил про него у знакомых и получил все хорошие отзывы. Это для него было загадкой. Он все-таки продолжал уговаривать его, говорил, что он слишком мрачно смотрит на дело, и продолжал давать ему поручения. Так, раз часов в 11 вечера он приносит банку динамита и говорит, что некуда теперь нести, и прямо, тоном, не допускающим возражения, заявляет, что оставит эту банку здесь до утра. Тот говорит: «Хорошо». Но странно, что Шевырев знает, что этот студент под надзором полиции, что на днях ждет обыска. Шевырев говорит: «Да, это риск. Впрочем, нынешнюю ночь рискуют три квартиры». На следующую ночь Шевырев приходит опять в 12 часов и опять та же история. Студент заявляет, что он согласен с единственной целью — узнать, до чего простирается иногда человеческая бесцеремонность. На третий день то же. Тогда тот идет к Ульянову советоваться, как быть с Шевыревым, и рассказывает подробно о случившемся. Тот страшно возмущен, бежит к Шевыреву, и эксперименты кончились. После этого Шевырев как ни в чем не бывало приходит опять к этому студенту, рассказывает, что его знакомые прекрасно отзываются о нем, что он может быть весьма полезным в деле и что теперь все будет по-товарищески — полная откровенность. Но тот ответил, что не может иметь теперь с Шевыревым какое-либо дело: он его не понимает да вряд ли может понять, как бы он ни был откровенен.

Между Ульяновым и Шевыревым постоянно происходили споры; можно ли и должно ли предлагать такому-то вступить в террористическую группу? Ульянов находил, что очень молодым, неопределившимся людям не следует предлагать это, что это будет выходить втягиванием под умственным и нравственным давлением. Шевырев совсем не мог понять этого; он смотрел совсем с другой стороны — со стороны дела и цели. Он думал, что если руководствоваться такими соображениями, то ничего не выйдет. Террористов так мало, что нужно пользоваться всяким случаем; нужно радоваться всякому желающему идти на это дело. Рассуждать же, можем или не можем мы такого-то привлечь к делу,— это роскошь, более того: это безнравственно, потому что это вредит делу или даже расстраивает его. Шевыреву было

все равно, от кого бы ни издать прокламации по поводу покушения, от Исполнительного комитета или от «новых народовольцев». Он склонялся даже к тому, чтобы от Исполнительного комитета — больше, мол, значения. Но Ульянов не хотел вводить в заблуждение ни правительство, ни публику, ни революционеров. Зная, кроме того, что и обмануть-то кого-нибудь в этом отношении трудно, а попасть в смешное положение легко, решили выпустить прокламации от «новых народовольцев»[21].

Шевырев, чтобы придать значение группе и чтобы привлечь новых членов, говорил, что группа имеет связь с Исполнительным комитетом или даже что в самой группе есть члены Исполнительного комитета. Многие, конечно, сначала поверили, но потом, познакомившись с тактикой Шевырева, усомнились, Ульянов взялся проверить, и оказалось, что Шевырев преувеличил немного, а именно, что у него было знакомство с одним членом Исполнительного комитета; может быть, отсюда идут толки, что последнее покушение было сделано по инициативе Исполнительного комитета. Характерно, как Ульянов и некоторые другие, которым удалось видеть этого господина (а его удавалось редко кому видеть по его чрезвычайной осторожности), относились к этому могикану[22].

В декабре 1886 года на одном собрании террористов шел разговор о том, кто какую работу может взять на себя. Член Исполнительного комитета берет на себя отпечатку прокламаций и проекта программы. Ульянов и другие начинают опасаться, как бы он в прокламации не объявил, что покушение устроено Исполнительным комитетом. Повод к подобным опасениям член подал тем, что неохотно соглашался на какое-либо изменение программы Исполнительного комитета. Нашли после долгих стараний другую летучую типографию, и Ульянов для проверки своих подозрений предложил члену Исполнительного комитета освободить его от возложенной на него работы. Тот, вопреки ожиданиям, без возражений уступает. Инициаторы решили, в случае отказа с его стороны, отпечатать во что бы то ни стало самим. Подозрения, конечно, оказались напрасными. Я упоминаю о них только для подтверждения того факта, что покушение было устроено молодежью совершенно самостоятельно, более того, что сами террористы хотели, чтобы публика знала правду и не сочиняла иллюзий о возрождении Исполнительного комитета. Кстати от-

мечу еще один характерный факт. Когда на этом же собрании один заявил, что теперь можно смело поставить крест над «Народной волей» и пропеть ей «вечную память», все восстали против него. А может быть, она еще возродится? Будущее неизвестно. Понятно, что, не имея сами определенных воззрений и не зная, что делается в комитете, они не могли сказать ничего определенного об этом предмете — тем более что молодежь все еще держится знамени «Народной воли», да и сами-то инстинктивно тянулись к нему и даже решили назваться «народовольцами», хотя и «новыми».

Я не знаю человека, которому бы Шевырев нравился, был симпатичен как личность. Некоторые относились к нему даже с неприязнью, но все уважали его, все считали его благородной, в высшей степени оригинальной и нравственной личностью. Около февраля силы его начали падать. Ему что-то начали мерещиться шпионы там, где их нет. Он рассказывал, что за ним в последнее время начала ходить собака, и он был уверен, что эта собака помогает шпионам выслеживать. Многие усомнились: вся история казалась невероятной. По проверке оказалось, что все это Шевыреву показалось и что собака была самая обыкновенная. Некоторые подумывали уже, не заболел ли он, тем более что чашка кофе действовала на него так сильно, как несколько рюмок крепкой водки. Но в его слабом теле была всегда неукротимая энергия. Мысль его всегда отличалась ясностью и трезвостью. Он быстро соображал и ориентировался в области практической деятельности, даже еще неизвестной ему. Память его была просто невероятная; он помнил, не записывая, массу фамилий и адресов. Способности его были недюжинные, только он не любил теоретической работы и не привык к ней. Заводил связи, подробно не знаю, как, посредством кого, но ему удалось узнать подробности о жизни царя. Он с гордостью рассказал Ульянову и другим, что ему удалось решить самую трудную задачу во всем деле. Он узнал, что царь, уверенный своими приближенными в безопасности, теперь не особенно бережется, что в известные дни он будет там-то, и действительно, эти предсказания Шевырева подтверждались. Так, например, на одном смотре войскам царь держал себя так, что очень легко было устроить покушение (Шевырев сильно горевал, что бомбы тогда не были готовы). В январе и феврале царь часто катался по Петербургу в открытых санях.

Наконец Шевырев узнал, что 2 марта царь намеревался ехать на юг (это подтвердилось после тем, что царь испугался 1 марта, отложил свое намерение, о чем публиковали иностранные газеты) [23].

Что сделало Шевырева фанатиком-террористом? Конечно, русская жизнь. Мысль уничтожить деспотизм отодвигала на задний план или даже подавляла все другие мысли — и сделалась у него idea fixe. Не знаю, как он дал себя арестовать. Но что он умер героем, этого и ожидать следовало.

В. Д. Генералов

В августе 1886 года Генералов [24] приехал в Петербург, поступил на юридический факультет; родители его были обыкновенные донские казаки; дома он не получил, конечно, никакого воспитания. Рано, уже в гимназии, он начал жить самостоятельно, зарабатывая деньги уроками, учился так себе, еле-еле, средне. По окончании им гимназии начальство, обязанное, как говорят, представлять политическую характеристику каждого, получившего аттестат зрелости, охарактеризовало его «индифферентным вследствие тупости». Об этом рассказывал товарищам сам Василий Денисьевич с самым добродушным смехом. Уроки он учил плохо и лениво — это верно, но чтоб он был неспособный, этого сказать нельзя,— даже напротив.

Он рано вступил в кружок: тут он был очень деятелен, много читал, обо многом думал, так что, окончив гимназию, он уже определился как сознательный революционер. В этом кружке жизнь была самая интимная и вполне товарищеская. «Денисьич» (так называли его товарищи в Новочеркасске и после в Петербурге) был самым примерным товарищем, каким только может быть пролетарий. Товарищам в нужде он отдавал все, что имел.

С ним был раз такой случай, о котором он сам рассказывал — «ужасно смешно»,— хотя в нем ничего смешного нет.

Нужно было ему купить часы, так как время у него было занято и нужно было на уроки ходить аккуратно. Он несколько месяцев твердил, что ему непременно нужно сделать эту покупку. Скопил он как-то денег и заранее наслаждался, что наконец он будет при часах. Но надо было как раз в это время случиться, что одному из

его товарищей понадобились деньги. Денисьич, конечно, отдал.

Но тут уж на него напала тоска. Затуманился Денисьич и пошел к часовому магазину, остановился перед окном и начал любоваться. «Хорошая это вещь — часы»,— подумал он и печально побрел домой. Так он никогда в своей жизни и не собрался купить часы.

С родителями у него были такие отношения, какие бывают почти всегда между интеллигентными детьми и неинтеллигентными родителями: взаимное непонимание, взаимное отчуждение, взаимное недовольство.

По приезде в Петербург Генералов прямо попал в кружок и скоро сошелся с петербургскими радикалами. Сходиться он умел очень быстро: всем он нравился своей простотой и добродушием. Уж тогда у него была составлена система образования по Конту. Читал он очень много и усваивал быстро. Иногда у него являлось сомнение в своих силах, тогда он делался вялым, скучным, иногда даже отчаявшимся. Но это скоро проходило. Генералов снова становился весел, бодр и энергичен. Работа снова закипала до нового приступа апатии и уныния. Вообще, с августа 1886 года до января 1887 года, когда он вступил в террористическую группу, он успел очень много. Имея в виду получение стипендии, он должен был много заниматься для экзаменов. Прочитав «Наши разногласия», он задумался — у него явилась масса вопросов. Он даже иной раз злился на себя за свое невежество и начинал читать запоем. В «Наших разногласиях» обыкновенно видят прежде всего «тон» полемический, а затем уже некоторые находят, что есть здесь над чем подумать. Генералов был один из немногих, которых более всего интересовала идейная сторона. Про «тон» я от него никогда не слышал, да для таких людей не в тоне дело.

Генералов с жаром взялся за Маркса — прочитал I и II том «Капитала». На русском языке Маркса достать было трудно, поэтому он взялся сначала читать на французском. Но так как он языком владел плохо, то вступил в кружок, где Маркса читали по-русски[25]. Особенно характерно для него было, что он хотел понять все непременно сам. Когда другой кто-нибудь разъяснял, он просто не слушал его.

Заинтересовал его вопрос: пройдет ли Россия через стадию капитализма, идет ли и как и насколько быстро идет этот процесс? Он перечитывает «Наши разногла-

сия», читает выдающуюся русскую литературу по этому вопросу: Ник.-она (Даниельсона), Янжула, В. В., Русанова и пр.[26]. Покончив с этой работой, он составил реферат[27]. Он пришел к заключению, что в России капитализм развивается, что нет такой силы, какая могла бы остановить его развитие.

В это время, около октября, он уже определился как социал-демократ, хотя еще не был вполне уверен и оговаривался: «При настоящей степени моего развития мне нужно много еще решить вопросов». Он искал случаев сам завязать сношения с рабочими. Но, когда ему сказали его товарищи, что так теперь не делается, что это надо делать осторожно и что завязывать новые отношения с рабочими лучше через распропагандированных уже рабочих, какие всегда имелись и имеются, он начал приставать, чтобы его познакомили с ними. Его, однако, убедили, чтобы он подождал, получше подготовился.

Но вот наступило 17 ноября. С Денисьичем происходит глубокое изменение. Он что-то загрустил сильнее обыкновенного, сделался апатичен, угрюм.

«Что с тобой, Денисьич?» — спрашивали его, бывало.

«Никуда, брат, я не гожусь, сил у меня мало!. Пропаганда — великое дело, если огонь внутри есть! Нет, я не гожусь! Вот N * дело другое: ему надо идти по пропаганде! А я решил так: иду по части бомб!»

Его начинают уговаривать, что это он говорит потому только, что теперь в такой волне находится, что самоуничижение паче гордости, что он может еще таких дел наделать... Но не берет толку Денисьич — заупрямился. Знающие его натуру, конечно, соображают, что разговаривать бесполезно.

С января 1887 года начались погромы среди военных. Дошли слухи про погромы и в других городах. Все это еще более укрепляло Генералова в принятом решении.

«Времена ныне,— говорил он,— такие стали серьезные, что никакой сноровки не приобретешь. Почитай что ничего ты не сделаешь, и аминь — сказке конец! Помоему, уж если попадаться, так так, чтобы те, враги-то

---

* Этого N Денисьич ставил высоко. Когда тот сказал раз возбудившую молодежь речь в кружке, Денисьич постоянно приставал к нему, особенно на вечеринках, выпивши: «Скажи речь, пробери их хорошенько, тех, кто красноты мало оказывает!».

рода человеческого, помнили. А страсть они боятся бомбы-то!»

Около февраля Генералов читал снова реферат о социализме и политической борьбе — по Плеханову. Здесь он указывал, что и социал-демократ должен признать, что лучшая форма политической борьбы в России — систематический террор. Но когда ему один возразил: «На чем основана его уверенность, что террор может быть теперь систематическим?» — он не мог ответить и более осторожно уже заметил, что давление деспотизма слишком уже сильно и т. д., что оно должно вызвать террористическое настроение. На место уверенности явилась вера, то есть нечто плохо обоснованное.

Расположение духа его постоянно менялось, но прежняя бодрость и веселость возвращались редко. Когда его познакомили с Шевыревым, он сразу подпал под его влияние и ставил его очень высоко. Генералов был не инициатор, не пламенный пропагандист, а просто скромный работник революционного дела.

П. И. Андреюшкин [28]

Сын бедных родителей, мещанин г. Екатеринодара, Кубанской области, рано лишился отца. До пятого класса жил у матери, затем самостоятельно, пробиваясь уроками, хотя с матерью оставался в самых хороших отношениях. Учился в кубанской гимназии в Екатеринодаре. Небольшой городок на окраине, куда еще не успели проникнуть «оздоровительные» стремления наших охранителей, отличался некоторой патриархальностью и простотой нравов. В гимназии отношения между учениками и начальством были достаточно просты; все реформы проходили мимо них, нисколько не стесняя прежней свободы. Работой учеников не заваливали, чем давали возможность остающееся свободное время употреблять на чтение книг. Образовывались кружки саморазвития, устраивались библиотеки. Полиция никого не беспокоила. Некоторые из кружков принимались за практическую деятельность: вели пропаганду среди своих товарищей, собирали деньги между своими знакомыми и посылали в центры, переиздавали кое-какие революционные брошюры и распространяли их. Таким образом, из гимназии молодые люди выходили с достаточно определившимися взглядами [29].

Когда стали усиливаться репрессии со стороны на-

чальства, то ученики начали терроризировать его. Практиковались часто стеклобития в квартирах нелюбимых учителей. Одно время даже решились взорвать дом директора. Хотели одновременно сделать это в нескольких гимназиях, чтобы заявить протест против существующей системы воспитания в средних учебных заведениях. И только потому, что другие гимназии отказались принять в этом участие, дело расстроилось. Во всех этих предприятиях Андреюшкин принимал самое деятельное участие.

В 1886 году Андреюшкин окончил курс гимназии и поступил на естественное отделение физико-математического факультета с намерением заниматься естественными науками, а затем, по окончании курса, поступить в Медико-хирургическую академию. С такими благими намерениями ехал в Петербург юноша, через несколько месяцев ставший страшным государственным преступником.

Но скромные желания Андреюшкина оказались неисполнимыми. Университет, обращенный в дисциплинарное военное заведение, сразу потерял в его глазах всю свою прелесть [30]. Заниматься науками в то время, когда он видел вокруг себя самые возмутительные проявления произвола и насилия правительства, он не мог. Оставалось одно: обосновать научно те убеждения, которые вкоренились в нем инстинктивно, то есть заняться саморазвитием и кинуться в борьбу за лучшее будущее. Но и это оказывалось не вполне возможным: невыносимый гнет правительства подбивал постоянно к активной борьбе. К тому же Андреюшкин принадлежал к типу «практиков». Он, вообще, не склонен был к теоретическим занятиям и был самым энергичным из товарищей в одном кружке, занимавшемся историей и политической экономией. «Вот я напишу реферат о бунтах Разина и Пугачева»,— говорил он, когда к нему приставали, чтобы он написал реферат. Но написать реферат ему так и не удалось.

Андреюшкин все жаждал живого дела. «Да когда же наконец будете вы что-нибудь делать?» — обращался всегда Андреюшкин к своим товарищам, увлекшимся каким-нибудь теоретическим спором. «Все слова да слова, а дела нет! Надо хоть что-нибудь делать, ведь и практическая подготовка необходима»,— говорил он всегда и положительно надоедал всем своими упреками в бездействии.

Когда же представлялось какое-нибудь дело, Андреюшкин, по виду апатичный, холодный, положительно оживал. Не было такого революционного дела, от которого он отказался бы.

Отличительными чертами его характера были: необыкновенная твердость, решительность, резкость.

Вообще, Андреюшкин был настроен уныло, постоянно скучен, вял, казался разочарованным вследствие отсутствия практического дела. Но когда он вступил в террористическую группу, то как-то сразу оживился.

«Что, Пахом, теперь вы будто веселее смотрите?» — говорили ему. «Еще бы! Какое же сравнение, прежде болтовня, болтовня везде, куда ни придешь, а теперь — дело! Но самое-то настоящее дело впереди»,— отвечал он весело.

А. Л. Брейтфус

[ВОСПОМИНАНИЯ О ВСТРЕЧАХ С А. И. УЛЬЯНОВЫМ]

Узнав, что собирается материал для биографии Александра Ильича Ульянова, я считаю своим нравственным долгом сказать о нем тоже пару слов и рассказать о том намечавшемся террористическом акте, в котором он собирался участвовать, но был перехвачен событиями, в которых принял живое участие и погиб, не успев проявить всей силы своего ума и характера.

Этот намечавшийся террористический акт намечался в 1886—1887 годах против тогдашнего Петербургского градоначальника генерала Грессера. Идея об этом покушении была вызвана жестокой расправой этого генерала с демонстрантами, принявшими участие в гражданской панихиде на Волковом кладбище по поводу 25-летия со дня смерти Н. Добролюбова [1]. Демонстрация эта не носила политического характера, она не угрожала ни трону, ни общественной безопасности, и тем не менее масса лиц жестоко поплатилась за нее: были избиты казацкими нагайками, арестованы и высланы из Петербурга.

Инертное русское общество молчало, в прессе не было ни одного слова протеста, и только в молодых сердцах, потерявших своих товарищей, кипели негодование и жажда мести. Но не было в то время сплоченности, не было помощи со стороны испытанных революционеров, разбросанных при ликвидации «Народной воли» по далеким ссылкам и сырым казематам.

В тесном кружке, жившем традициями сошедшей со

сцены партии, зародилась мысль использовать все средства и дать ответ правительству в форме покушения на жизнь жестокого генерала Грессера. Этот кружок состоял из молодежи: студента Волкова, Василия Николаевича «Старика» (рабочий, фамилия его мне не была известна), Мясниковой[2] и меня... Дело мы брали на свою ответственность, не имея связей с заграницей.

Изучить, определить место, время и в зависимости от этого и оружие было поручено мне. Я скоро справился с этой задачей и указал крайне удобное место, а именно на Елагином острове, по дороге ко дворцу, в котором обычно лето проводил Грессер. Оружием должен был быть заложенный под мостик снаряд, провода которого, замаскированные травой, могли быть удобно подведены к далеко отстоявшей скамейке. При появлении экипажа Грессера на мостике покушавшийся должен был только соединить провода и, смешавшись с толпой, незамеченно уйти. Мой проект был признан вполне удобным и выполнимым. Исполнителем я предлагал себя, мотивируя тем, что лучше всех своих товарищей усвоил искусство конспирации, хорошо знал Петербург и имел моложавую наружность, не возбуждавшую ни в ком подозрения. Казалось, все шло прекрасно, однако на деле было иное. Мои товарищи с каждым днем начинали охладевать и, хотя и обещали через какого-то студента-технолога раздобыть все нужное, ничего не раздобывали и студента не показывали. Потеряв терпение, я обратился к Мясниковой, которая обещала свое участие только в том, что соглашалась познакомить нас с какими-то ее знакомыми, которые все могут достать и во всем могут помочь. Правда, она сдержала свое обещание, и, зайдя однажды к моей знакомой А. И. Ивановой, я застал там Мясникову, собиравшуюся на какую-то нелегальную вечеринку. Я пошел вместе с нею, желая воспользоваться случаем и использовать там публику в смысле пожертвований на Красный Крест (касса для политических ссыльных и заключенных). Вечеринка была где-то на Васильевском острове. Там на вечеринке Мясникова совершенно случайно встретила своего знакомого студента и познакомила меня с ним, назвав его Александром, а меня Бегуновым (это был мой псевдоним). Этого студента я после несколько раз встречал у Мясниковой, и вот как-то Мясникова при мне посвятила его в наш план. Он был еще с одним полным студентом, внимательно выслушал, подробно оз-

накомился и, видимо, соглашался помогать. В этот вечер я узнал, что Александр был Александр Ильич Ульянов. Через несколько дней (это было, кажется, в конце января 1887 года) он положительно согласился помогать и назначил мне день свидания с товарищем-технологом, который мог приготовить весь снаряд, достать батарею и провода. Я был очень рад, что наконец все устраивалось. В назначенный день я пришел на Рождественскую улицу, где жила Мясникова, и, пройдя дворик, стал подниматься на лестницу. В это время мимо меня быстро пробежал, спускаясь с лестницы, Ульянов и, поравнявшись со мною, шепнул мне: «Убегайте, полиция...» Он скрылся на темном дворе, а я на первой же площадке стал стучаться в первую дверь. По счастию, оказалось, что в квартире жил сапожник, с которым можно было вступить в длинный разговор и тем выиграть время. Помню, мой визит окончился тем, что сапожник, сняв с моей ноги мерку, принял от меня заказ на штиблеты, и, дав ему задаток, я спокойно вышел на улицу. От ворот пошли за мной две тени, от которых пришлось долгое время отделываться по улицам Песков, пока они не потеряли меня из виду. Через несколько дней я узнал, что у Мясниковой был только обыск, но что ее квартира находится под наблюдением... Тут подошло 1 марта и неудачное покушение на жизнь Александра III. Ульянов был арестован... Через некоторое время была выслана Мясникова из Петрограда [Петербурга], а там последовал и мой арест, тюрьма, а затем долгая эмиграция в продолжение 22 лет. По странной случайности много лет спустя в Берлине я познакомился с русским инженером-технологом; он оказался тем самым студентом-технологом, через которого Александр Ильич обещал достать в 1887 году снаряд (фамилии его не помню) [3], а в Болгарии, в городе С[офии], я встретил и того полного студента, который приходил к Мясниковой вместе с Александром Ильичем,— это был Орест Макарович Говорухин (псевдоним Георгиев). Так было суждено погибнуть нашему плану.

Андрей Брейтфус
(Бегунов)

В. В. Бартенев

ВОСПОМИНАНИЯ ПЕТЕРБУРЖЦА О ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1880-х ГОДОВ

I. Общая характеристика радикальных кружков второй половины 1880-х годов

Мои студенческие годы протекли в период 1885—1891 годов в Петербурге. Много пришлось мне потолкаться по различным кружкам, действовавшим в это время. Пора была глухая, выдающихся событий что-то я не припомню. Тем не менее подпольная работа не замирала. Эта работа не носила того бурного и лихорадочного характера, как, например, в конце 1870-х или в самом начале 1880-х годов. Многое делалось как-то вяло, будто по обязанности, люди точно старались, чтобы только не совсем погасла искра, которая могла разгореться лишь со временем и в иную, более благоприятную эпоху. Было очень мало самоотверженных деятелей, вполне посвятивших себя делу. Я почти не встречал профессиональных революционеров, не встречал нелегальных. Громадное большинство деятелей были студенты, занимавшиеся прежде всего своей наукой, уроками и т. п. и свободное время отдававшие политической деятельности. Почти никто не думал, например, бросать университет, для того чтобы идти в народ и вообще вполне отдаться революции. Все имели в виду по возможности кончить курс и потом жить вполне легально. Те, кому это удавалось, в большинстве случаев уезжали в провинцию и часто совершенно сходили со сцены. Но значительная часть попадала, конечно, в руки полиции, и тогда начинались неизбежные скитания по тюрьмам и тундрам. Попавшие в ссылку очень редко бежали оттуда, редко эмигрировали. Большинство отбывало поло-

женный срок и старалось потом как-нибудь пристроиться.

Несмотря на такой вялый темп радикальной деятельности, рассматриваемая эпоха все же прошла недаром.

Работа велась в различных сферах среди учеников средних учебных заведений, среди военных юнкеров, среди рабочих, но больше всего среди студентов. Работа среди студентов большей частью не носила характера какой-нибудь определенной партийной деятельности по известному плану и под руководством какой-нибудь правильно организованной группы. Это была просто беготня по кружкам самообразования да по вечеринкам, на которых дебатировались разные вопросы. Кружки среди учащейся молодежи как-то сами собой возникали в начале каждого учебного года. Почвой для знакомства были в значительной степени землячества [1], из которых самыми крупными были: пермское, сибирское, волжское, подразделявшееся на кружки: костромской, нижегородский, самарский, саратовский и другие. Затем знакомились, конечно, в аудиториях и т. д. Собирались и принимались обыкновенно что-нибудь читать: Спенсера, Милля с примечаниями Чернышевского, вообще какой-нибудь курс политической экономии, например Иванюкова, сравнительно редко читали в кружках Маркса, ввиду его тяжеловесности; в ходу был Лавров. Часто читали какие-нибудь статьи из современных журналов.

Иногда кто-нибудь приготовлял самостоятельный реферат. Помню рефераты по этике, по истории революционного движения в России, изложение теории Маркса, о капитализации кустарной промышленности, об отхожих промыслах, об общинном землевладении, об аграрном движении, о сектантах-рационалистах. Много прений вызывали сочинения Льва Толстого, которые часто читались целиком, например «Крейцерова соната» [2]». Кружки эти обыкновенно были недолговечны: они появлялись и пропадали, как мыльные пузыри. Многие из моих знакомых (да и я сам) участвовали одновременно в нескольких кружках, и не успеет один кружок распасться, как уже где-нибудь составился другой. В этой толчее люди знакомились и сближались, и в конце концов получался как бы отстой более серьезной части студенчества. Сами собой образовывались группы лиц, решавших, что пора от слов перейти к делу. Делом этим обыкновенно являлось: доставка и распространение заграничной нелегальной литературы, гектографирование

этой литературы, организация кружков самообразования и руководительство в них, хождение к рабочим, помощь политическим ссыльным и заключенным (участие в Красном Кресте) и т. п.

Большинство таких деятелей в Петербурге были знакомы между собой, что объясняется отчасти их небольшим числом. В среднем их каждый год набиралось человек 40—50, не больше, если считать более солидных. Временами вся эта компания разделялась на группы, различные по своим взглядам, спорили, расходились, даже порывали друг с другом; но некоторая связь все же сохранялась. Я помню такие выражения: «все друг друга знают», «как трудно откопать совершенно незнакомого деятеля». Более замкнуто и конспиративно держались те, кто занимался пропагандой среди рабочих. Это дело считалось самым серьезным, и пропагандисты старались тщательно скрывать свою деятельность от прочей радикальной молодежи.

В стороне держались народовольцы-террористы, да и то только более серьезные, а большинство публики этого направления, как это ни странно, больше других везде участвовало и всюду толкалось.

В среде упомянутых более зрелых студентов происходила, конечно, и более интенсивная работа политической мысли; тут, как в фокусе, собирались все лучи тогдашних взглядов по вопросам текущего момента. Но, прежде чем изложить борьбу и развитие этих взглядов, я хочу дать хронологический очерк развития внешней организации этой среды, которая представляла собой до известной степени центральный орган радикального Петербурга второй половины 1880-х годов.

Этот центральный орган или, вернее, центральная среда не представляла чего-либо строго определенного, как в смысле внешней формы, то есть организации, так даже и в смысле общеобязательной строго определенной партийной программы. Это была какая-то, если можно так выразиться, всеобщая конспиративная биржа для петербургских радикалов. Доступ в этот круг давался всем вполне надежным, чем-либо себя заявившим деятелям, которые могли быть членами кружков, совершенно друг с другом не связанных, и притом далеко не принадлежали сами к одному и тому же политическому толчку. Чтобы найти аналогию с явлениями современной жизни, можно сравнить эту организацию с теперешними коалиционными или организационными советами

и комитетами у петербургских студентов-технологов или универсантов. Разница только в том, что коалиционные советы теснее ограничивают сферу своей деятельности рамками данного учебного заведения и, кроме того, состав их вполне определенный. Затем, членами современных (или, по крайней мере, недавних 1905—1906 годов) студенческих комитетов бывают обыкновенно представители различных партийных групп по выбору, уполномочию и с согласия последних. В мое время все это не было так определенно: никаких выборов не было, а если и возникали какие-нибудь выборные коллективы на почве, например, земляческих или курсовых организаций, то такие коллективы были недолговечны. А главное, та организация, о которой я намерен говорить, хотя и занималась довольно много чисто студенческими делами (например, играла всегда значительную роль во время студенческих волнений), но распространяла свою деятельность далеко за пределы чисто студенческой сферы.

II. Студенческие центральные кружки

В рассматриваемый период (вторая половина 1880-х годов) до конца 1887 года в Петербурге не было сколько-нибудь крупной организации, которая объединяла бы действующие радикальные элементы.

Еще в конце 1886 года существовали остатки одной социал-демократической группы, но они действовали исключительно среди рабочих [3]. С 1885 года начала свою деятельность военная группа, провалившаяся в 1887 году, но и это была тоже группа специальная. Сколько-нибудь общий характер имела группа народовольцев, но она была очень малочисленна. Да и вообще в 1885—1887 годах было затишье и полная дезорганизованность.

Оживление началось, сколько помнится, с конца 1887 года, когда разразились студенческие волнения. Как известно, они начались в Москве после пощечины, данной студентом Синявским инспектору Брызгалову. В конце ноября известие об этом (из частных писем, так как в газетах ничего долго не было) дошло до Петербурга [4]. Весть о страшных избиениях, которым московские студенты подверглись со стороны полиции и казаков за свой протест против порядков нового университетского устава 1884 года [5], глубоко взволновала все студенчество. Начались всюду небольшие сходки по частным квартирам. Помню небольшое собрание, на ко-

тором участвовало не больше 15—20 студентов университета (В. А. Поссе, В. К. Агафонов, Ф. А. Липкин, В. С. Голубев, А. П. Храповицкий, М. М. Тимофеев, А. Ону и другие). Обсуждали вопрос, присоединиться ли к москвичам. Настроение большинства было скептическое. Казалось, что ничего у нас не может выйти. Студенчество, как и все кругом, было слишком подавлено глухой реакцией. Студенты того времени больше отличались насчет пьянства: празднование годовщины университета стало превращаться в какую-то дикую оргию, после которой участники чуть не на четвереньках расползались по домам, учиняя на улицах разные скандалы. Те, кто не принимал участия в безобразном пьянстве, выглядели какими-то пай-мальчиками или будущими столоначальниками. На самом деле, как показали события, дело было вовсе не так печально: студенчество дружно поднялось в Петербурге, в Киеве, Одессе, Казани. На этом собрании сами собой возникли разговоры о необходимости борьбы с произволом. Через несколько дней я попал на другие собрания. Там были студенты нескольких учебных заведений: университета, Медицинской академии, Технологического, Горного и Лесного институтов. Не было только путейцев, строителей и электротехников, вообще мало принимавших тогда участия в политической жизни. На этом собрании обсуждались не только студенческие беспорядки, но и прямо был поставлен вопрос о создании общестуденческого центра. 9, 10 и 11 декабря произошли сходки в университете, одновременно и в других высших учебных заведениях, которые все скоро были на время закрыты. Требования студентов, конечно, не были удовлетворены, но студенческие волнения как-то оживили общество.

С начала 1888 года начались собрания из студентов всех пяти высших учебных заведений. Первоначальной темой разговоров было переживание только что подавленного движения, но затем скоро перешли на общеполитические темы и решили образовать центральный орган для объединения и умножения радикальных элементов, преимущественно среди учащейся молодежи, да и вообще для объединения подпольной оппозиционной работы. Некоторые предлагали примкнуть к уже существующим, больше номинально, партиям, а именно — или к народовольцам или к социал-демократам. Но эти предложения не встретили сочувствия большинства. Было предложено выработать свою собственную про-

грамму, но, как только приступили к обсуждению первого представленного проекта, возникли бесконечные споры, и оказалось, что многие держались самых противоположных взглядов по важнейшим вопросам, например о развитии капитализма в России. Общей, объединяющей всех идеей была необходимость добиться политической свободы, но и тут возникли споры о средствах. Впрочем, по этому вопросу большинство, сколько помнится, было против террора, находя, что ничего этим путем нельзя добиться и что террор только усиливает жестокость реакции. В конце концов решили просто оставить вопрос открытым и объединиться только на чисто практической почве. Собрания продолжались до конца учебного 1887/88 года. С началом следующего, 1888/89 года собрания возобновились. Главной заботой стало образование таких же объединяющих центров во всех высших учебных заведениях. Скоро почти в каждом из них образовались свои центральные кружки. Прием новых членов производился исключительно кооптацией, никакого выборного начала мы не признавали, считая его невозможным по конспиративным соображениям. Члены нашей организации стали называться «кадровиками». Слово «кадр» было заимствовано из терминологии народовольцев, хотя народовольцев между нами почти совсем не было. Как и почему принято было это название — не помню. Возникло оно както случайно: кто-то раз назвал, может быть, в шутку, а затем название и укоренилось. Надо же было как-нибудь отличать себя от других общестуденческих организаций, которые тогда стали возникать параллельно с нашей. Так, в этом же 1888/89 году возникло объединенное землячество, где соединились землячества: волжское, сибирское, пермское, вятское, рязанское и южнорусское. Я тоже принимал участие и в этом центре, был выбранным (вместе с медиком Шиповым), делегатом от волжского землячества. Задачи этого объединения были формулированы, как «материальная и духовная взаимопомощь среди студенчества». Этот коллектив был организован с внешней стороны более определенно и строго, чем организация «кадровиков». Тут фундаментом служили такие вполне определенные единицы, как землячества. Центральный орган состоял из выборных баллотировкой по большинству голосов: от каждого землячества по два делегата. Это объединение просуществовало недолго. Прежде всего встретилось затруднение в том, как

объединить кассы землячеств: у одних существовал запасный капитал, у других его не было. Затем самая цель объединения представлялась, с одной стороны, слишком узкой — как работа только среди студенчества, с другой стороны, слишком расплывчатой и неопределенной — материальная и духовная взаимопомощь! На собраниях встретились два совершенно несоединимых элемента: типичные работники земляческих касс, погруженные в заботы о материальных средствах своих коллективов, и не менее типичные радикалы, которые попали сюда исключительно из-за политических целей и часто понятия не имели об уставах землячеств. Радикалы думали больше о заведении новых знакомств для привлечения их хотя бы в организацию «кадровиков»; «земляки» изводили их техническими соображениями о согласовании различных параграфов устава того или иного землячества. Понятно, толку из этого выйти никакого не могло, и я скоро вышел оттуда. После меня объединение землячеств еще просуществовало некоторое время. Решили даже распространить его на всю Россию, созвали для этого съезд в Москве в 1889—1890 году. От петербургских студентов туда поехал М. В. Пирожков, который мне тогда же рассказывал, что ничего из этой затеи не вышло.

Затем возникло в университете, да и в других учебных заведениях объединение на очень широких началах — курсовое. Предполагалось организовать каждый курс, который должен был выбирать делегатов в общий центр. Но это было возможно только разве у естественников, где публика была однороднее и порядочнее, на других же факультетах подобное объединение было нелепостью. Курсовое объединение просуществовало совсем недолго. «Кадровики» были решительно против этой затеи. Нас, помню, особенно возмущало применение выборного начала. Припоминаются мне такие фразы: «Те дураки, которые хотят объединиться при помощи выборного начала, кончают тем, что объединяются в Доме предварительного заключения; это удобно только для Секеринского (тогдашний начальник охранного отделения), который и завершит объединение» и т. п. Но и помимо чисто конспиративных соображений выборное начало многими считалось вредным для дела, так как оно могло бы дать менее ценный личный состав центрального органа. «Мы сошлись друг с другом после основательного и продолжительного знакомства на почве мно-

жества практических дел,— рассуждали «кадровики»,— мы все уверены в каждом, знаем, чего какой человек стоит, а тут вдруг будут выбирать кого попало, на основании разных слухов и непроверенных данных. Если б это было легальное предприятие, которое у всех на виду, тогда другое дело, тогда все более солидные деятели были бы всем известны и публика могла бы легко ориентироваться. Но в нашем деле как раз требуется, чтоб поменьше говорили о наиболее серьезных деятелях, их как можно тщательнее надо скрывать, и сколько-нибудь широкая популярность только вредна и опасна. Да и кто будет выбирать? Чем шире поставить дело, тем больше исход выборов будет зависеть от разных зеленых юнцов!»

Сторонники избирательного начала указывали, со своей стороны, что если центр будет устраиваться на началах самозарождения и самоизбрания, то одновременно может возникнуть сразу несколько центров, и каждый будет претендовать на руководящую роль. «Ну и пусть образуется хоть двадцать центров,— возражали «кадровики»,— между ними будет происходить конкуренция, в результате которой все нежизнеспособные центры сами собой сойдут со сцены, а все дела в конце концов перейдут к группе более основательных и энергичных деятелей. Ведь наш центр существует потому, что у нас есть дела разные, которые мы ведем, и пока есть дело и интерес к нему, мы все равно будем собираться и толковать».

Такие кружки, действительно, возникали, и даже довольно часто, и стремились принять характер руководящих центров. При этом я часто замечал такое явление: всего чаще руководящая роль достигалась такими кружками, которые с начала своего основания совсем никакими такими целями не задавались, или кружками, которые если и сразу ставили себе «центральные» задачи, то состоявшие из ядра лиц, пришедших к тому как-то само собой и еще раньше, до формальной организации, постепенно приобретавших значение руководителей. Так, помнится, один очень интересный кружок, образовавшийся осенью 1885 года из студентов, главным образом первокурсников[6]. Тут кроме меня были: К. Р. Б[уковский], братья Алексей и Сергей Н[иконовы], И. М. И[ванов], Е. Е. Г[арнак], Н. Э. Ватсон (умер), С. Фойницкий (умер), курсистка А. В. М[оскопуло], М. Т. Е[лизаров] (участник железнодорожного съезда в октябре 1905 го-

да), И. Н. Ч[еботарев], Н. И. П[огребов] и другие. Кроме этой молодежи был еще значительно старший нас член, игравший до некоторой степени роль руководителя, статистик А. Г[изетти]. К концу существования кружка, в начале 1887 года, присоединились А. И. Ульянов [7] (казнен по делу 1 марта 1887 года) и Говорухин. Кружок этот сначала не задавался решительно никакими широкими политическими задачами. Кроме стремления к самообразованию нас влекла в кружок просто жажда общения с хорошими людьми. Занятия состояли в штудировании Милля с примечаниями Чернышевского, причем дело велось таким образом, что каждый по очереди составлял конспект одной главы. Конспект этот, конечно, вызывал обмен мысли. Первоначально, в первый год (1885/86) существования кружка, почти не велось никаких чисто политических разговоров; спорили больше на разные научные темы. Но под конец политика властно стала стучаться к нам. Многие вступили членами-руководителями в другие кружки. Так, я и С. А. Н[иконов] попали в кружок гимназистов. Оба брата Н. и И. М. И[вановы] принимали участие в организации кружков в военно-учебных заведениях. Кое-кто ходил к рабочим. В других студенческих кружках участвовали все. На второй год своего существования, по окончании чтения Милля, появились рефераты собственного изготовления (о капитализации кустарной промышленности — А. Н[иконов], по этике — С. Н[иконов], о теории Мальтуса — А. Г[изетти]). Но больше всего мы занимались политикой. Так, весь кружок принял деятельное участие в подготовке демонстрации 17 ноября 1886 года по случаю 25-летия со дня смерти Добролюбова [8]. В этом же году у нас читал свой проект созыва земского собора А. Г. Штанге. Затем, помню, обсуждали мы проект какой-то программы П. Л. Лаврова. Когда в этом же 1886/87 году появился в Петербурге проповедник «религии человечества» Фрей [9], то мы посвятили ему одно или два заседания, с участием самого Фрея и разных посторонних лиц. С Фреем мы все были несогласны и горячо оппонировали его учению об исцелении всех зол путем нравственного самоусовершенствования на почве проникновения идеей о «человеке-боге». Отзываясь на все явления тогдашней политической жизни и принимая через своих членов участие во многих других кружках и группах, кружок мог бы со временем сыграть довольно заметную руководящую роль. Но этому помешали раз-

погласия во взглядах, разделявшие членов на две почти равные части. Разногласия вышли по вопросу, очень волновавшему тогдашнее общество,— о терроре. Отмечу, кстати, одно любопытное явление: те из нас, которые особенно стояли за террор, в то же время по своим экономическим воззрениям были ярыми марксистами. Сами себя они называли народовольцами, хотя по вопросам о судьбах капитализма в России, о разложении общины, об особенно важной роли рабочего пролетариата они скорее могли бы быть причислены к социал-демократам. Нужно сказать вообще, что тогда люди делились больше всего по вопросу: должно ли движение иметь боевой характер, причем почти единственным боевым средством считался политический террор, или движение должно иметь *подготовительный* характер, так как наличных сил слишком недостаточно для открытой борьбы и силы эти надо копить и беречь. Разногласия по всем другим вопросам практического значения не имели: в то время могли совместно работать люди самых разнообразных мнений по всем остальным вопросам. Особенно мало придавали значения в описываемый период вопросу об экономике и политике. Всеми признавалась необходимость политической свободы, и я даже как-то мало встречал людей, которые усматривали бы в конституции нечто выгодное только для буржуазии. Необходимость прежде всего политического переворота, политического освобождения России признавалась громадным, подавляющим большинством.

Весной 1887 года один из недавно вступивших членов, А. И. Ульянов, принял самое активное участие в покушении 1 марта. Он, однако, не говорил об этом никому из нас: кажется, даже наши террористы не знали об этом. Ульянов действовал с другой компанией, членов которой (Шевырева, Лукашевича, Генералова, Андреюшкина, Осипанова и других) никто из нас не знал, если не считать шапочного знакомства по университету. Чтоб не замешать нас, Ульянов заранее вышел из кружка. Как-то случайно он зашел на одно заседание за две недели до 1 марта. Быть может, зашел взглянуть на нас в последний раз и мысленно проститься с нами. Вид его тогда поразил многих. Он весь вечер просидел молча, задумчиво глядя своими большими темными глазами. Я очень живо помню его лицо: матовой белизны, немного широкоскулое, всегда спокойное и серьезное, шапка черных, слегка вьющихся волос на голове. Но в этот вечер

его лицо было точно освещено каким-то внутренним светом и казалось преображенным. И не я один обратил на это внимание: многие из нас, после того как его арестовали, вспоминали о выражении его лица — лица человека, обрекшего себя на смерть.

Около того же времени многие из членов были арестованы по делу о пропаганде в военно-учебных заведениях, и кружок распался после двухлетнего существования за недостатком людей. Этот кружок был замечателен той крепкой нравственной связью, которая объединяла людей, довольно резко расходившихся по вопросам тактики. Как-то в октябрьские дни 1905 года, то есть спустя почти 20 лет, случайно встретились четверо из бывших членов кружка, и сразу почувствовалась нисколько не порвавшаяся нравственная связь. И теперь, когда я пишу эти свои воспоминания, я мысленно представляю всех, как мы сидели в квартире Н[иконовых], и шлю всем живым свой привет.

Итак, несомненно, этот кружок имел все данные для того, чтобы играть известную центральную роль. Между тем при его первоначальном основании никто решительно и не думал об этом.

С другой стороны, сколько я видел таких кружков, которые с самого основания намечали себе самые широкие задачи. Но... это все бывали обыкновенно благие желания, а свершить ничего не было дано!

Вернусь, однако, к организации «кадровиков», которых я оставил на второй год их существования в 1888/89 учебном году. В этом году «кадровики» принимали двух заезжих организаторов, произведших на всех довольно сильное впечатление. Один из них, называвший себя Александром Васильевичем Васильевым, настоящего его имени не знаю до сих пор, познакомился с нами через студента-лесника М[арина]. Васильев некоторое время вращался среди радикальной молодежи, заводя разговоры на разные темы: философские, научно-публицистические, но больше — политические. Он поражал всех своей необыкновенной эрудицией по разным отраслям знания и, между прочим, был очень осведомлен по истории западноевропейского социализма, а также и нашего революционного движения. Он все точно нащупывал почву, зондировал настроение. Чего он, собственно, хотел, я не успел выяснить. Может быть, он потому не сошелся с «кадровиками», что был ближе к народовольческому направлению, только он как-то скоро

исчез с горизонта. Более крупную, хотя и не особенно продуктивную роль сыграл другой приезжий, А. К[арел]ин, недавно вернувшийся из ссылки в степном генерал-губернаторстве. А. К[арел]ин, или, как его больше называли, Аполлон или Борода (за окладистую, пушистую русую бороду), стал энергично посещать всевозможные студенческие кружки. Он очень оживлял собрания. С необыкновенной легкостью он составлял доклады по разного рода вопросам (я прослушал два его доклада: об отхожих промыслах и изложение I главы «Капитала» Маркса). Узнав о нашем существовании, он пожелал с нами поговорить, и вот на квартире студента-горняка Перфильева (скоро потом застрелившегося) собралось человек 15—20 студентов всех пяти высших учебных заведений. Аполлон объявил, что он член недавно образовавшейся организации, которую он назвал «Российской рабочей партией». Программа партии была очень широка, но не совсем определена. Имелось в виду объединить всю радикальную интеллигенцию — и народников, и марксистов. По вопросу о терроре Аполлон высказался довольно уклончиво, заявив только, что террор — неизбежное явление при господстве грубого правительственного насилия. На этом собрании, сколько помню, не было особенно горячих прений по программным вопросам. «Кадровикам» подобные прения и без того достаточно надоели и в зубах навязли. В то время уже начало сказываться то эклектическое отношение к программным вопросам, которое на следующий год еще более усилилось. Помню, например, такое выражение: «Ну опять о пунктах спорят: пункт *а* — пропаганда, пункт *б* — агитация». Так, на данном собрании больше интересовались теми практическими последствиями и, так сказать, выгодами, которые могло дать присоединение к новой «партии» («техника дела прежде всего»). Аполлон стал самыми яркими красками рисовать все преимущества новой обширной организации: она дает возможность сноситься с разными городами, где будто бы уже существуют отделы партии, легко можно будет снабжаться литературой, не будет недостатка в дельных и талантливых руководителях кружков и т. д. В конце концов решили, что дело подходящее и надо присоединиться, хотя особенной горячности не замечалось. Аполлон предложил, чтобы мы выбрали по одному делегату от каждого из пяти учебных заведений и еще одну делегатку от «общебабьего» кружка, и вот в этот-то ко-

митет войдет один из товарищей Аполлона (сам он скоро должен был покинуть Петербург) в качестве петербургского представителя или агента партии. На том и покончили. От универсантов делегатом мы назначили М. М. Т[имофеева]. От женщин была М. К[арножицкая], от медиков Ф. А[брамович], других что-то не помню. Заместителем Аполлона потом оказался С. Н. Флоровский (теперь покойный). Из всей этой истории ничего, однако, не вышло: оказалось, что вновь испеченному центру просто нечего было делать. Скоро А. уехал, комитет перестал собираться и «Российская рабочая партия» «отцвела, не успевши расцвесть».

На следующий 1889/90 год почти не было общих собраний всех «кадровиков». Вместо того организационное движение перешло на отдельные учебные заведения. Образовались правильно организованные центральные кружки у универсантов, технологов, медиков и, кажется, у других. Собственно, они и раньше были, то есть каждый «кадровик» был членом небольшой компании своих товарищей по институту, но раньше эти компании собирались случайно и не имели постоянного и определенного состава. Такой состав с довольно частыми собраниями существовал раньше только для всех «кадровиков» в совокупности. В этом же году, наоборот, общие собрания, кажется, происходили только в марте 1890 года, во время студенческих беспорядков, которые опять вспыхнули. Тогда потребовалось объединение всех радикальных сил, и старая организация сильно помогла делу. В течение же всего года правильно собирались только отдельные кружки, бывшие центральными только для данного учебного заведения. Число членов этих центральных (они так и назывались) кружков было 10—12 человек. По своим задачам и характеру они очень напоминали тот «организационный комитет», который существовал в Технологическом институте за время 1905/06 года. Не представляя полной партийной однородности, кружки эти всегда старались привлекать наиболее выдающихся студентов, которые могли бы усилить собою центр. Собрания университетского центра происходили почти каждую неделю. Когда не было практических дел, время проводилось в разговорах на разные политические, философские и научные темы. Состав был строго определенный. Кроме меня участвовали: А. А. Федулов, потом ставший народовольцем, Н. Б[ерезин] («Комар»), М. Т[имофеев], И. Э. Т[эннер], Ш[иря-

ев], М[оложавый], Д[обкевич], П. П. Р[умянцев]. Иногда заходил и Василий Г[олубев], который в этом году не был постоянным членом, так как кончил университет.

Весной 1890 года, во время студенческих волнений, опять охвативших всю Россию, почти все «кадровики», кроме тех, которые уже окончили курс и потому вышли из организации, были арестованы, многие были высланы из Петербурга. С университетским центром случилось так, что чуть не все попали под арест в одну и ту же Суворовскую часть на Васильевском острове. Когда 136 студентов, арестованных на сходке 11 марта, были загнаны в манеж, где через некоторое время их стали переписывать, то Т[имофеев] предложил центровикам, чтобы подходили к переписи все вместе. Он рассчитывал, что, так как разводить по полицейским частям будут по составленному в манеже списку, то, стало быть, и сидеть придется нам вместе своим кружком. Эту же мысль мы сообщили также и некоторым из молодых студентов, которых мы прочили в свои заместители. Расчет удался, и в числе 80 студентов, помещенных в Суворовскую часть, попала почти вся наша компания, кроме, впрочем, М[оложавого] и Д[обкевича], попавших в другую.

В части мы пробыли ровно неделю. Это была поистине незабвенная неделя. Полицейское начальство было там очень хорошее. Смотритель арестного помещения и его помощники — так прямо нам сочувствовали. Нам была дана полная свобода. Все 8 камер, в которых мы были размещены, были день и ночь растворены, и сообщение совершенно свободно. Одна из камер, довольно большая, где свободно могли поместиться все 80 человек, была приспособлена для общих собраний, и там ежедневно с утра происходили сходки, читались доклады и велись прения. По вечерам шли беседы по отдельным камерам, где образовались свои кружки, проводившие время, кто как хотел: в одной камере, помню, покойный Николай Водовозов[10] читал вслух «Сказки» Щедрина, в другой — кубанец с увлечением декламировал Шевченко в кружке хохлов. Коридор служил местом для прогулок. Часто коридор и камеры оглашались звуками довольно стройного хора. Но прежде всего мы устроили хозяйственную часть. Дело в том, что родственники, а также посторонние лица из общества (которое вообще тогда очень сочувственно отнеслось к студентам) нанесли нам массу всевозможных продуктов и даже лакомств. Кроме того, мы устроили получение го-

рячей пищи. Для заведования хозяйством был выбран главный староста. Долго спорили о кандидатах. Наконец Федулов разрешил сомнения и, указывая на жизнерадостного, с румянцем во всю щеку, Тимофеева, закричал: «Господа, я предлагаю выбрать Михаил Михалыча, так как одно его появление на трибуне уже возбуждает аппетит!» При общем хохоте и рукоплесканиях Тимофеев был выбран и, благодаря своей энергии («настоящий наваринский дым с пламенем») и практичности, вполне оправдал доверие. Затем были выбраны второстепенные старосты: два первокурсника («сосуны») Сережа Лозинский и Доброхотов были выбраны — первый «конфектным», второй — «табачным» старостами и т. д. Для поддержания внешнего порядка (главным образом чтобы не курили и не сорили в камерах) был выбран «вышибало» — здоровенный Нагоров, которого призывали к исполнению обязанностей восклицаниями: «Курят! Вышибало, к делу!» — и тогда Нагоров срывался с места и при общем хохоте делал вид, что он «вышибает» из камеры нарушителя порядка.

Устроен был довольно хороший хор. Особенно любимой песней был «Комар», где запевалой был Березин, по прозванию «Комар» (за его тонкий, комариный голос). Особенным успехом пользовался конец песни, где на вопрос: «Чей же это да упокойник?» — следовал ответ: «Ах! Это ректор Владиславцев». Кроме Владиславцева воспевали и прочее начальство по порядку. Хор участвовал еще в провозглашении анафемы всему начальству. Здесь особенно отличался Б. В. Никольский (теперь — лидер «истинно русских людей») [11]. У него был здороввейший голосище, и когда он, широко открыв пасть, выводил по-протодиаконски: «Всем министрам — анафема», то просто стекла дрожали. Я думаю, что если он и теперь так же старается при своих выступлениях где-нибудь в Михайловском манеже, то выходит тоже здорово.

Затем были организованы лекции. Я читал очерк истории революционного движения, ярый «лесгафтист» Федулов излагал нам взгляды профессора П. Ф. Лесгафта [12], Б. В. Никольский прочел лекцию о борьбе язычества с христианством, причем изумил аудиторию своей памятью: он цитировал наизусть массу изречений латинских авторов.

Центральный кружок не терял времени даром: предвидя, что нам в университет уже не вернуться, мы стара-

лись тут же соорганизовать кружок заместителей. В этот кружок вошли первокурсники: Н. Д. Соколов (ныне известный защитник по политическим процессам), Н. В. Водовозов (впоследствии автор очерков по экономическим вопросам, скончавшийся еще очень молодым), Д.Х.З. и другие.

Кроме того, мы стали тут же, в участке, писать воззвание к обществу с изложением хода событий. Это воззвание, имевшее характер исторического очерка студенческих волнений, в марте 1890 года было отгектографировано, как только мы получили свободу. Получилась довольно объемистая вещь: пять писчих листов довольно убористого письма. Насколько это сочинение, задуманное и наполовину написанное в тюрьме, получило распространение — не знаю. Я лично ни одного экземпляра потом не видал [13].

Мы просидели в Суворовской части ровно неделю. Нам было так хорошо там, что весть об освобождении была встречена криками: «Конец свободе!» — криками, нельзя сказать, чтобы шутливыми. Да и действительно — такой свободой собраний и слова мы никогда не пользовались до этого времени да и потом-то! ...Одно обстоятельство опечалило нас: перед тем, как нас всех выпустят, двенадцать человек были вызваны отдельно — это были наиболее замешанные по разным делам. Думали, что их повезут в тюрьму. Но их выпустили и только объявили им о высылке из Петербурга. Когда в числе вызванных оказался Б[ерезин], то хор пропел ему грустным pianissimo «Комара, комара, комарищу!».

Должен отметить еще следующий факт: мы решили собрать денег на высылаемых товарищей, но деньги у нас были все отобраны на хранение у смотрителя участка. Собрать потом было бы довольно затруднительно, и вот М. Т[имофеев] придумал следующую комбинацию, которая может теперь показаться, по меньшей мере, неправдоподобной. Он предложил, когда мы будем получать обратно свои деньги, расписываться в получении их полностью, а на самом деле оставлять часть на руках смотрителя, а потом за ними зайдет наш уполномоченный. Некоторые скептики возражали, что при таких условиях деньги просто-напросто останутся в руках полиции, тем более что у нее будут наши расписки в получении полностью всех денег. А если и нет, то вряд ли смотритель рискнет на подобную операцию, тем более что дело будет происходить у всех на виду. Но Т[имо-

феев] ответил: «Не сомневайтесь, я умею раскусывать людей» — и все ему доверились. Когда началась получка денег, то смотритель и другие полицейские, находившиеся при этом, приняли участие в выполнении плана и даже еще иногда стыдили богатеньких, но скуповатых студентов, что мало отчисляют на товарищей. На другой день за деньгами зашел Т[имофеев], и все деньги (рублей 150) получил полностью. Приведением этого факта я, думается, не скомпрометирую нашего смотрителя перед его начальством: ведь это было 18 лет тому назад! Прибавлю, что фактов сочувствия к студентам и вообще порядочности тогдашней полиции я слышал тогда несколько.

После своего освобождения почти весь центральный кружок высылался из Питера. Нам дали небольшой срок, который мы успели использовать для издания нашего исторического очерка студенческих волнений, а затем для организации заместителей. Я тоже принужден был покинуть столицу в середине апреля.

Кружок наших преемников выпустил «Студенческий сборник»[14] (литографированный) и некоторое время действовал, но потом скоро распался.

Осенью я вернулся в Питер, но я уже не был студентом и в центральных кружках участия не принимал. Оставшиеся «кадровики» в этом 1890—1891 году занялись главным образом в рабочих кружках. Для ведения общих дел иногда виделись друг с другом, но ряды сильно поредели, а собрать новый контингент в 30—40—50 человек, как бывало раньше, было невозможно в короткое время: не такое это дело, чтоб его соорганизовать сразу и искусственными мерами. Конспиративная организация, чтобы быть прочной и действительной, должна вырасти путем естественного подбора подходящих элементов, а для этого нужно время. Итак, в 1890/91 академическом году компания «кадровиков» уже не существовала. Организация просуществовала около трех лет и растаяла частью вследствие отдельных арестов, частью просто за выходом кончавших курс. Общего погрома не было: судьба помиловала «кадровиков» от предателя, который бы всех выдал. Быть может, потому эта организация и осталась как-то сравнительно малоизвестной, точно так же, как, например, и та рабочая группа, которая действовала одновременно (с участием многих «кадровиков») и проявила особенную деятельность в 1890/91 году[15]. Приведу фамилии кое-кого из студен-

тов-«кадровиков»: теперь, через 20 лет, это уже никому повредить не может, да и многих теперь уже нет на свете.

Студенты университета: А. Федулов, Березин, М. М. Тимофеев, Василий Голубев, П. П. Румянцев, И. Э. Тенер, Моложавый, Добкевич, Нечаев, Ширяев.

Студенты-технологи: Гурий Петровский (умер), И. Епифанов, Балдин, Диордиенко, М. Бруснев, Цивинский, Красин.

Медики: Ф. В. Абрамович, Галковский, Фл. Волков, Фейт.

Горняки: Перфильев (умер), Фейдин, Огарков, Наливкин.

Лесники: С. И. Юньев, Марин, Римчайло, Великолюд, Бенуа, Симон.

Курсистки: А. А. Ивановская, Разумовская (умерла), М. Карножицкая.

Приведенный список, далеко не полный, не следует понимать как перечень наиболее выдающихся деятелей периода: тут упомянуты только те, кого я помню участвовавшими в данной организации.

III. Программные разногласия в радикальных кружках

О чем же говорили, к чему стремились в конце 1880-х годов в Петербурге?

Резкого разделения на народников и марксистов еще не было за время 1885—1890 годов. Были, конечно, разговоры на эти темы, но не этим разделялась публика на враждебные лагери. Существовали тогда два течения: одно называло себя народовольцами, террористами, что тогда было почти синонимом, другое, в сущности, себя никак не называло. Слово «социал-демократ» тогда еще не было в большом ходу. Были, правда, и тогда отдельные лица, называвшие себя так; возникали порой небольшие группы под этим флагом, но назвать этим именем все второе течение, которое резко отделялось от народовольцев, было бы совершенно неосновательно. Я помню, чаще других употреблялось выражение: «подготовительное направление». Но это слишком неопределенный термин, тем более что известная подготовительная работа отнюдь не исключалась и народовольцами.

Для того чтобы как-нибудь назвать те две группы, о которых я поведу речь, придется внести новую номенклатуру. И тут я не могу придумать ничего, что бы лучше характеризовало обе группы, как назвав одних — ро-

мантиками (народовольцев), других реалистами. Правда, и эта терминология имеет крупный недостаток; она устанавливает предвзятое сочувствие по отношению к одним (реалистам) в ущерб другим. Для меня, в положении летописца, это еще неудобно и потому, что я сам тогда принадлежал к реалистам, и потому у читателя может сразу явиться сомнение в моей беспристрастности. Но ничего не поделаешь! Ничего лучшего придумать не могу.

Основой разделения был вопрос о тактике, об общем способе и характере борьбы с правительством. Надо сказать, что в то время чувствовалась некоторая, если хотите, усталость общественной мысли в области программных вопросов, и в особенности вопросов экономических и социальных, от решения которых зависело — принять тот или иной способ действий. Все как-то сходились в ненависти к самодержавию, в признании необходимости добиться прежде всего политической свободы. Для этого необходимо было организовать достаточную материальную силу, которая могла бы померяться с врагом. Принципиальные споры о социальной основе этой борьбы, то есть должна ли она вестись на почве интересов рабочего пролетариата, или мелкого самостоятельного производителя, или буржуазии, — подобные споры, конечно, интересовали публику, но интерес этот был больше теоретический. Практического значения не придавалось этим рассуждениям. «Как бы я ни решил эти вопросы, а все равно завтра пойду в рабочий кружок и буду там рассказывать из истории культуры или о прибавочной стоимости — смотря по тому, что лучше знаю!» — думал человек, часто подавляя зевоту от бесконечных словопрений. «Если бы я жил в деревне, то работал бы среди крестьян, а что именно я бы им говорил? Конечно, старался бы ответить на то, что их самих больше интересует. Да вообще, там видно будет! А сейчас скучно даже об этом думать!» Часто бывало, что в спорах принимала участие больше молодятина («разные там сосуны»). Передо мной теперь часто всплывает такая картина: в маленькой комнате, наполненной облаками табачного дыма, у стола за самоваром надсаживается кучка молодых студентов. А на заднем фоне, на кроватях или кушетках, устало развалившиеся фигуры более взрослых субъектов, с сонным скептицизмом слушающих горячий спор. Огонек вспыхивающей папиросы порой освещает бородатое лицо с выражением скуки и

насмешки. Вместе с кольцами дыма как бы медленно плывут к потолку обрывки мыслей о том, что, в сущности, все это ерунда и ничего от этого не изменится («так же придется удирать от сыщиков»).

Сказать, что общие вопросы перестали интересовать молодежь, было бы несправедливо. Интересоваться-то ими всегда интересовались, но им меньше придавали практического значения. Если принять деление периодов по Сен-Симону на синтетические и критические, то вторая половина 80-х годов занимала какое-то среднее положение между концом синтетического периода и началом критического[16]. К этому времени был до известной степени переработан некоторый фактический материал, который всегда ложится в основу работы мысли. Пожалуй, будет слишком смело сказать, что он был весь переработан, но во всяком случае над одними и теми же данными слишком долго работали, и их жевали и пережевывали до тошноты. Выводы слишком легковесные откидывались и снимались со счета, работа мысли все более концентрировалась на более спорных и серьезных вопросах, но и тут, при наличности все одного и того же фактического и идеологического материала, быстро достигалось соглашение, и если оставалось разногласие, то оно обусловливалось главным образом различием темпераментов.

Огромное влияние оказывало и то, что вся эта работа политической мысли происходила, в сущности, только в одной среде — в среде внеклассовой интеллигенции. Радикальное студенчество, каким бы влияниям оно ни подвергалось и как бы чутко ни относилось к жизни, не могло вполне отразить борьбы действовавших в России общественных сил. Вопросы поневоле должны были ставиться отвлеченно: с точки зрения справедливости вообще. Решение вопроса считалось правильным, если оно соответствовало известному общепризнанному принципу. До известной степени тот же характер политического мышления сохранился и до сих пор: мы и сейчас можем встретить много программ, представляющих целый ряд очень хороших «вечных истин» с логическими выводами из этих истин. Выводы строго логичны, но... вопрос — насколько они вытекают из реальных условий жизни и согласуются с ними?

Классы и массы в то время мало себя проявляли. Никаких «выступлений» тогда не было. Крестьяне, рабочие, буржуазия — все это были мертвые силы, мирно

лежавшие под тяжелым ярмом [17]. Приходилось статистикам и другим исследователям народной жизни открывать народные нужды и при этом преодолевать всевозможные препятствия, так как официальная формула гласила: «Все обстоит благополучно». Даже в настоящее время и то многое осталось от старой идеологии. И теперь еще такие слова, как «народ», «народные требования», «вся земля и вся воля», являются просто какими-то фразами революционного красноречия! Что же было тогда? Весьма понятно, что работа политической мысли вращалась, как белка в колесе, в кругу одних и тех же данных, в конце концов приходила к некоторым общепризнанным положениям, и дальше уже начиналось какое-то топтание на месте и варение в собственном соку.

Обмен мыслей стал принимать какой-то шаблонный характер, речи произносились по какому-то общему трафарету. Вот, например, выступает народоволец. Провозгласив всем известную истину, что без политической свободы и при нынешнем режиме «никакая работа немыслима», он начинал разбирать те силы, с помощью которых можно свергнуть самодержавие: крестьянство? но оно слишком инертно, разбросано на большом пространстве (следовал еще целый ряд избитых соображений); рабочие? но их слишком мало (следовали цифровые данные по В. Воронцову); буржуазия? но она у нас несамостоятельна, живет под защитой покровительственной таможенной политики и т. д.; дворянство? но оно живет правительственными подачками и т. д. Остается одна интеллигенция в качестве авангарда революции. Правда, она очень малочисленна, но (следовала ссылка на басню «Лев и Комар») она, не говоря о своей несомненной революционности, обладает известной силой. Стоит только использовать единственное доступное ей средство борьбы — политический террор, и правительство в конце концов пойдет на уступки. Так говорили народовольцы.

Вот выступает, положим, социал-демократ. Он тоже начинает с оценки общественных сил в России. Отбрасывая все классы, он в том числе забраковывает и интеллигенцию, как «офицеров без армии». Свое благосклонное внимание он останавливает только на рабочем пролетариате. Тут идут ссылки на историю Западной Европы, где будто бы пролетариат во всех революциях играл решающую роль. Количество рабочих в России по-

казывалось не в $1\frac{1}{2}$ миллиона, как у предыдущего оратора, а, скажем, в 3 миллиона, а это что-нибудь да значит. Задачей интеллигенции являлось пробудить классовое сознание в пролетариате и соорганизовать его для политической борьбы с самодержавием. Исходя из этого положения, оратор обыкновенно отрицательно относился к террору, считал его, например, напрасной и преждевременной тратой сил и настаивал на пропаганде и организационной работе среди городского пролетариата.

Наконец выступали другие ораторы, которые не понимали, почему это надо непременно все внимание сосредоточить на одной какой-нибудь силе, раз дело идет о свержении такого порядка, который почти никого в сущности удовлетворить не может. Ссылались на примеры европейских революций, которые все производились союзом нескольких общественных слоев. Говорили, что раз ближайшая общая цель — политическая революция, то необходимо объединить и организовать все мало-мальски оппозиционные элементы.

Все эти споры в конце концов были интересны и полезны только для зеленой молодежи, которая раньше ничего такого не слыхала! Но людям, несколько лет толкавшимся в кружках, это наконец надоедало.

Через несколько лет дело несколько изменилось. С одной стороны, были внесены некоторые свежие факты и соображения, иначе были поставлены вопросы (Струве, Туган-Барановский, Бельтов, Потресов, Владимир Ильин и другие) [18], а с другой стороны — пробудились массы и стали выступать на политическую арену. Тогда новые свежие струи проникли в радикальное подполье и оживили его. Но это произошло к середине 1890-х годов.

Уже из вышеизложенного ясно, что наиболее серьезные разногласия должны были сводиться к вопросам о тактике и вообще об общих способах действий.

По вопросам об общих предпосылках большинство склонялось к среднему, так сказать, эклектическому направлению. Признавали, что, в конце концов, необходима работа во всех слоях, куда только ни забросит данного деятеля судьба. Конечно, нельзя забывать и крестьян, и рабочих, и земства, и студентов.

Но когда вопрос ставился практически и нужно было приниматься за работу, а стало быть, примыкать к той или другой группе, то тут на первый план выдвигался вопрос об общем характере действия, и публика разделялась.

Я назвал те два направления, на которые главным образом делилась публика, романтизмом и реализмом. Разногласия между ними сводились главным образом к тому: можно ли было сразу приступать к действиям боевого характера или надо было ограничиться пока одной лишь подготовительной работой.

В частности, публика расходилась по двум вопросам: о терроре и об организации всероссийской революционной партии.

Романтики революционного движения полагали, что при тогдашних силах и внешних условиях возможно было развить такую боевую деятельность, что правительство сдастся и пойдет на серьезные уступки. Единственным средством, по их мнению, был террор. Необходимо сказать, что к концу 1880-х годов политический террор как-то выродился. Я, собственно, помню только одну террористическую группу, которая могла быть действительно грозной силой.

Но эта группа организовалась в начале рассматриваемого периода и выступила и погибла 1 марта 1887 года. Это была группа главным образом студентов университета: Ульянов, Лукашевич, Шевырев, Генералов, Осипанов, Андреюшкин и другие. До покушения 1 марта о них мало знали и мало говорили, они не очень-то разглагольствовали о терроре в кружках и на вечеринках. Задумав свое дело, они принялись за его выполнение и, по крайней мере, успели хоть вынести бомбы на Морскую. Что касается до других террористов, которых я, собственно, называю романтиками революции, то у них и этого не было. Были преимущественно разговоры о терроре, что они сами называли пропагандой народовольчества. Собственно, что касается дела, то была просто какая-то возня с бомбами и хождение вокруг да около оных. Иногда привозили бомбы из-за границы (в то время приготовление бомб было совсем не такое простое дело, как теперь). И вот начинались хлопоты по перевозке и хранению. После некоторого путешествия по всевозможным местам, начиная с ящика комода и кончая стогом сена, опасный багаж попадался в руки полиции, и вот начиналось «дело». Но еще больше было хлопот по поводу организации групп, сочувствующих террору. Едва только составится более или менее обширная группа в Петербурге, как надо было устраивать такие же группы в других городах, а раз таковых возникло достаточно, то обязательно требовалось созвать

общий съезд в каком-нибудь Воронеже или Тамбове для большого объединения.

При тогдашних условиях организация всероссийской партии была просто глупостью, а устройство съездов — безумием. Дело всегда кончалось массовыми арестами, или, как тогда называли, — погромами. Я помню людей, которые никого решительно не винили в этих погромах, кроме правительства. Они находили, что массовые аресты являются совершенно неизбежным явлением в борьбе с самодержавием и что иначе и быть не может, и никак будто бы нельзя устроить так, чтобы сразу не погибало по несколько десятков людей после работы, продолжающейся всего какой-нибудь год. Я помню иных, которые точно смаковали самое слово «погром» и видели в гибели целых групп что-то фатальное и вместе с тем трагически-прекрасное. Никто, конечно, не станет отрицать значения тогдашних полицейских условий в гибели массы молодежи, но нельзя было отрицать и того, что при известной тактике можно было в то время избегать массовых погромов или, по крайней мере, сильно сокращать число жертв.

Дело в том, что, как утверждали многие (реалисты), для того времени совершенно не нужны были ни террор, ни организация всероссийской революционной партии. Ни то, ни другое не вытекало из условий того времени и не могло развиться.

По вопросу о терроре деятели реалистического направления рассуждали так: они, признавая нравственное оправдание террористических актов при тогдашних политических условиях, признавали необходимость известных действий как актов непосредственной самозащиты, но относились совершенно отрицательно к террору как системе. Кроме обычных возражений общего характера тогда указывали, что террор как могучий натиск революционной интеллигенции в то время уже пережил себя и воскресить его не было возможности. Террор — стихийное движение, само собой возникшее в конце 1870-х годов в силу известных условий, а затем время его прошло, и в данный момент были возможны только слабые, неудачные попытки, которые только расстраивали и без того редкие ряды борцов и усиливали репрессии. Действительно, жертвы по поводу тогдашних террористических актов были очень велики. Дело 1 марта 1887 года, кроме гибели около 20 человек, привлеченных по процессу [19], повлекло за собой массовые исключения из уни-

верситета и высылки многих, кто хоть сколько-нибудь был близок к главным виновным. К осени 1887 года был составлен проскрипционный список студентов университета, куда вошло более 100 человек. И надежды на то, что эти репрессии вызовут новый, сильнейший отпор, не было никакой, так как слишком мало было накоплено сил да и силы-то эти были не те, что годились бы на смертный бой.

Даже из среды сторонников террора (если исключить группу Ульянова и других) почти не встречалось людей, способных лично совершить террористический акт. Они только говорили об этом, и потому их деятельность невольно устремлялась на пропаганду террора и на организацию групп на почве сочувствия этой идее, которая сама по себе в данное время была уже мертва.

Точно так же деятели реалистического направления были против широких «всероссийских» партийных организаций. Они находили, что стремления к созданию всероссийской революционной партии совершенно не соответствовали условиям времени. Для чего, в самом деле, созывать съезды? Для того, чтобы составить какой-нибудь новый план борьбы, объединиться на какой-нибудь новой, руководящей идее? Но такую идею нельзя было бы высидеть на каком-то съезде! Для новых директив еще не пришло время, а старые были уже слишком известны и заезжены. Та работа, которая фактически велась по всей России, вовсе не требовала обширной всероссийской организации, или, по крайней мере, такая организация не была настоятельно необходимой, и выгоды ее не окупили бы неизбежных при нашей российской халатности жертв. Работа в это время велась главным образом подготовительная, культурная, в разных формах, легальных и нелегальных, и в различных слоях, преимущественно среди учащейся молодежи и рабочих. Для того чтобы устроить кружок рабочих и читать им курс политической экономии, совершенно не нужно было принадлежать к какой-то там «всероссийской» партии и получать директивы от какого-нибудь съезда, составленного к тому же из людей, одержимых каким-то зудом обширных организаций и бестолковых конспираций и часто неспособных к настоящей работе.

Тогдашние условия требовали возможно большей осторожности, а для этого надо было каждой группе получше законспирироваться и ограничить круг своих сношений пределом крайней необходимости. И особен-

но каждому серьезному работнику необходимо было в это время изолировать себя от тех романтиков, которые вечно носились со своими фантастическими планами широких организаций и превращали историю развития политического сознания в какую-то хронику массовых арестов. Много было жарких споров у реалистов с романтиками, много было вражды между обоими направлениями. Особенно злило реалистов несоответствие широких стремлений романтиков с их конспиративными способностями. Наши романтики часто не соблюдали самых элементарных правил конспирации: не умели как следует хранить адресов, были неосторожны в переписке, не замечали филеров за собой и приводили к свежим людям «хвосты». Между тем как есть ведь очень верные и простые средства узнать, следят ли за тобой, или нет; удрать от сыщика довольно трудно, но убедиться, что он есть, — для этого надо только не быть совершенно распущенным разгильдяем. Кроме того, у группы наших романтиков была еще одна плохая черта: они любили пользоваться «слепыми орудиями», то есть людьми, которые носили поноски и вообще исполняли разные мелкие поручения. Само собой, от таких «орудий» нельзя было и требовать особенной конспиративности. Конечно, все эти недостатки извинительны в молодых людях, но тогда не надо было носиться с грандиозными планами! А раз люди вступали на путь всероссийской партийной политики, то к ним и надо было предъявлять самые строгие требования.

Сколько теперь помню, главным образом конспиративные соображения побудили деятелей реалистического направления (группировавшихся в значительной степени в организации «кадровиков») стремиться к отделению от романтиков. Окончательное отделение произошло в начале 1890 года. К этому времени большинство кружков студенческих и рабочих перешло к реалистам. Романтики потеряли почти всякую почву в Петербурге. За ними давно уже следила полиция. Весной того же 1890 года несколько человек из них было арестовано. Тем не менее летом они устроили в Воронеже народовольческий съезд. Их накрыли, нашелся предатель или, вернее, предательница, и осенью 1890 года возникло «дело Фойницкого и других в числе 83-х». Большинство было приговорено к административной высылке в Сибирь сроком до 5 лет. Некоторых сослали года на 3 в Степное генерал-губернаторство[20].

Года через два снова возродилась народовольческая группа (Федулов, Александров), но она носила гораздо более серьезный характер, занимаясь главным образом пропагандой среди рабочих и студенчества [21].

Другая группа, которую я называл реалистами, продолжала действовать еще некоторое время. В 1890—1891 годах она занялась главным образом пропагандой среди рабочих [22]. Эта группа не испытала общего погрома: ее члены были арестованы в 1891 году отдельно друг от друга по разным делам. Некоторые даже совсем уцелели.

IV. Пропаганда среди рабочих

Я начал ходить к рабочим весной 1887 года. Старый рабочий А. Н. П-сон, уже побывавший в Якутске, както предложил познакомить меня с кружком рабочих, и вот мы отправились с ним в Коломну, где на Мясной улице жил рабочий Балтийского завода Иван Васильевич Крутов, или «старик Крутов», как его называют теперь в разных мемуарах. С сильно бьющимся сердцем вошел я в квартиру Крутова. Ходить к рабочим, войти в непосредственное соприкосновение с этим миром было моей давнишней мечтой. Только в этой среде, казалось, можно делать настоящее дело. Но я боялся оказаться недостаточно подготовленным, боялся, что не сумею ответить на запросы рабочих, что мой язык покажется им непонятным, что я вообще буду казаться им каким-то чужим, неизвестно для чего затесавшимся в их среду. В небольшой комнате, довольно слабо освещенной простой кухонной лампой, было несколько человек. Кроме Крутова был его брат Петр и еще кто-то. Общительный, душевный хозяин сразу уничтожил первоначальную неловкость, и завязался оживленный разговор. Мое появление никого не удивило: с этим кружком раньше занимались 7 пропагандистов, все они один за другим были арестованы, причем, однако, ни один рабочий не пострадал. Непосредственно передо мной ходил Егор Егорович Г[арна]к, народоволец по убеждениям, не состоявший, кажется, ни в какой организации.

Мы условились собираться у Крутова по субботам. Кроме него участвовали: Андрей — пожилой рабочий, уже лет 15 водивший знакомство с пропагандистами, Коля — совсем молодой человек, очень вдумчивый и серьезный, но молчаливый, Константин, о котором у ме-

ня осталось очень смутное воспоминание, Николай Максимов (умер), очень бойкий и разбитной, — все рабочие с Путиловского, Балтийского заводов и из порта. Бывали и некоторые другие... Систематических занятий не было; начал я было краткий курс русской истории, но так и не удалось довести до конца. Читали отдельные вещи из нелегальной литературы, не разбирая направлений, а больше вели разговоры на разные темы. Правильных и продолжительных занятий установить было довольно трудно: то вдруг случайно зайдет в комнату какой-нибудь посторонний знакомый и, увидя компанию, рассядется и только удивляется: «Как это вы, братцы, такие скучные сидите, одним чайком пробавляетесь, не послать ли в трактир за водкой?» То бывало, что не все соберутся, или покажется, что полиция следит и надо прекратить собрания. Изредка бывало, что сам Крутов выпьет лишнее и лежит будто больной за занавеской, конфузясь показаться не в своем виде. Секрет его, впрочем, всегда неумолимо разоблачался женой его, Ольгой Лаврентьевной: «Знаем, какой ты больной, а вот что совестно людям показаться, так это верно, к тебе из-за этого самого и ходить перестанут образованные-то люди! Походят, походят, да бросят!» — «И вовсе не оттого, — звучал из-за занавески голос Крутова, — а оттого, что их полиция арестует по причине правительственного произвола». Я сначала побаивался Ольги Лаврентьевны, женщины решительной и внушительной; мне казалось, что она будет коситься на меня, охраняя семью от возможных опасностей. Но оказалось напротив: она всегда бывала рада пропагандистам, частью потому, что муж бывал тогда трезвее, а когда долго никто не ходит, то Крутов начинает тосковать, а тоска до добра не доводит. Да, кроме того, она и вообще сочувственно относилась к нашим разговорам и иногда, качая на руках ребенка, вставляла и свои замечания. Душой кружка был сам Крутов; это был уже довольно пожилой человек, лет сорока, из крестьян Вологодской губернии. У него было простое русское лицо, с окладистой русой бородкой и с очень добрыми, серо-голубыми глазами. Ничего выдающегося в его внешности не было — такие лица можно всюду встретить, — но это был человек далеко не заурядный: он был прежде всего предан делу всей душой. «Знаете, Иван Иванович (мой псевдоним), — говорил он иногда мне, — я иногда просто целые ночи не сплю, все думаю, как изменить условия нашей жизни; и сколько

всякой подлости кругом видишь, просто страсть». Несмотря на свой небольшой заработок, он всегда нанимал отдельную квартиру, где бы можно было свободно собираться. Сам с семьей (жена и четверо детей) помещался в одной комнате, а другую сдавал подходящему жильцу; если такого не находилось, то комната пустовала. Крутов очень оживлял собрание, он чаще всего ходил босиком по комнате и, перебивая мои рассказы, вставлял свои замечания — «подгвазживал». Он был горячим сторонником непосредственных сношений рабочих с интеллигенцией. Как-то раз я стал указывать ему на затруднительность и опасность хождения интеллигентам к рабочим. Мне казалось, будет лучше, если интеллигенты ограничатся знакомством с очень небольшим числом избранных рабочих, а те уже в свою очередь будут руководителями в кружках менее подготовленных рабочих. Тогда и дело пошло бы успешнее; рабочие будут лучше понимать речи своего же брата, да и безопаснее будет собираться, и провалов будет меньше. Крутов горячо протестовал против этого. «Нет! это вы неправильно говорите! — возражал он. — Не годится интеллигенции и рабочим стоять друг к другу за...ца к за...це. Надо, чтобы были почаще вместе! Мы сами с собой насиделись в трактире довольно и даже до тошноты! Авторитету рабочий не будет иметь среди своих. Конечно, предварительный разговор вести можно и должно, но как только соберешь их да начнешь правильную лекцию, так они даже обидеться могут: «Ты что же это, скажут, за апостол такой? Проповедовать стал! Чисто поп! Посылай-ка в трактир за бутылкой!» А вот если они знают, что специально для них придет человек из совсем другого мира, о котором они хоть и слыхали, да в глаза не видали, то дело будет другое: тут и интересу больше будет, да и подтянутся, распускаться не будут. Да и, кроме того, рабочему трудно систематический курс излагать».

Крутов очень сочувствовал всяким организациям среди рабочих; так, он просил меня опубликовать в газетах про какие-то непорядки в путиловской потребительской лавке. «Оно, конечно, не больно-то много дают нам говорить на собраниях потребителей, да все-таки как-никак организация! А ведь главное дело — на чем ни есть сгрудить рабочую массу!» Крутов очень строго относился к соблюдению правил конспирации. Раз как-то он увидел у другого рабочего чей-то адрес, записанный на

бумажке. «Подай-ка записку, мы ее сейчас предадим огню и жупелу!» — строго заметил Крутов. Он всегда внимательно оглядывал меня, не похож ли я на студента? Я, конечно, старался всегда придать себе как можно более простонародный вид, но раз как-то пересолил: купил себе на толкучке старую рваную фуражку, да вдобавок еще слишком большую, так что уши из-под нее торчали врозь. «Уж очень у вас сегодня вульгарный вид», — недовольно заметил Крутов. Мой вид показался ему какой-то карикатурой на рабочего человека, и его гордость пролетария была, по-видимому, оскорблена. Кружок Крутова не принадлежал ни к какой организации, хотя кое-какие связи были. Была небольшая библиотечка. Разговоры наши носили характер обмена мыслей на всевозможные темы, с преобладанием, конечно, экономических и политических. Много толковали о местных заводских порядках, интересовались жизнью рабочих на Западе. Что меня сначала немного удивляло — это то, что политический гнет чувствовался, пожалуй, даже острее, чем тяжкое экономическое положение. Против правительства и полиции были настроены хуже, чем против представителей капитала. Крутова и его товарищей страшно возмущало, что каждый городовой мог тащить за шиворот в участок и бить по морде. Мне иногда казалось, что полицейский гнет они чувствовали острее даже, чем мы, студенты, с нашим юмористическим ко всему отношением. Вероятно, это происходило оттого, что политический гнет проявлялся относительно рабочих в более грубых формах: с нами, интеллигентами, все-таки стеснялись.

Итак, работа в нашем кружке носила исключительно просветительный характер. Об агитации для устройства забастовки или какой-нибудь демонстрации и речи не было. Мы не ставили себе прямой целью создать какую-нибудь обширную организацию или партию. Все члены кружка были настроены тем не менее радикально. Все были террористами, и я своими возражениями против террора, кажется, сильно уронил себя в их глазах.

Был я потом еще в одном рабочем кружке. Это было зимой 1890/91 года, когда я был уже членом рабочей группы. Новый кружок состоял все из молодых, холостых людей, работавших на электрических заводах Сименса и Гальске и еще кн. Тенишева. Это были люди довольно обеспеченные; получали они от 60 до 80 рублей в месяц, все жили, занимая отдельные меблирован-

ные комнаты, одевались так, что никто бы не сказал, что это заводские рабочие. По праздникам щеголяли в черных сюртуках, в крахмальном белье. Они сами покупали себе книги, газеты. Круг интересов их был довольно широкий; так, я помню, у нас дебатировался вопрос об отношениях между полами по поводу «Крейцеровой сонаты». Двое из кружка принадлежали к обществу трезвости и вели у себя на заводе деятельную пропаганду против пьянства, за что подвергались от своих сотоварищей насмешкам и гонениям. Отзывы их о рабочей среде были очень пессимистичны: темнота, грубость, пьянство владели большей частью рабочей массы, и сами члены кружка — рабочие — говорили, что они положительно отдыхают душой в обществе интеллигентов; в своей же рабочей среде они чувствовали себя какими-то отщепенцами. Происходило это, конечно, в значительной степени оттого, что кружок состоял из людей, хорошо обеспеченных в экономическом отношении, да и на их заводах, очевидно, экономическая борьба не была достаточно обострена. Члены этого кружка выделялись из общей массы только своими культурными, духовными потребностями: жаждой знания, стремлением к лучшей, более чистой жизни. Я помню, как один из них — душа кружка — Я. Якобсон проводил резкую разницу между рабочими заводскими (механиками) и фабричными (ткачами). Он уверял, что разница эта больше, чем, например, между студентами и заводскими, и что заводскому рабочему даже как-то неловко обращаться с фабричными. Я читал в этом кружке историю русского революционного движения, главным образом по Туну [23]. Изложению своему я отнюдь не придавал какого-либо партийно-агитаторского характера, да этого совсем и не требовали мои слушатели. Они просто пополняли свое образование, стараясь даже хорошенько запомнить хронологию. Немножко даже курьезно было видеть, как кто-нибудь из них методически записывал, в каком году происходил Липецкий съезд или было покушение Веры Засулич [24]. Впрочем, нельзя сказать, чтобы пролетарские интересы у них совершенно заслонялись общеобразовательными; так, я помню, они очень усердно следили за происходившею тогда грандиозной стачкой вестфальских рабочих в Германии. Почему-то наиболее подробные корреспонденции об этой стачке помещались тогда в «Новом времени» [25], и они покупали номера этой газеты каждый день, хотя об общем направлении «Нового вре-

мени» я помню несочувственные и вполне сознательные отзывы. Помню еще, меня просили прочитать об истории рабочего движения в Германии. Не считая себя достаточно сведущим, я обратился к П. Б. Струве, который тогда еще был студент университета. Струве очень сочувственно отнесся к этому и вызвался сам читать в этом кружке, но он тогда не мог выходить, особенно в рабочем костюме, по причине болезни, а скоро потом я был арестован, так этот план и не осуществился. Направление членов кружка было сравнительно умереннос, сторонников террора там, кажется, и совсем не было. Вообще это был просто кружок самообразования, хотя и составленный из рабочих. Если б этот кружок существовал в настоящее время, то можно бы сказать, что пропагандист-кадет встретил бы больше сочувствия, чем социал-демократ. Впрочем, быть может, в настоящее время настолько обострились «классовые противоречия», что и Якобсон стал бы теперь эсдеком.

Хотя я в это время уже был членом «Рабочей группы», но не считал нужным говорить об этом в кружке. К чему было притягивать людей к организации, раз время еще не пришло?

Осенью 1890 года я вступил в «Рабочую группу» *, она тогда только что начинала оправляться после арестов весной и летом. Много было арестовано и рабочих, и студентов. Студенты, впрочем, попались не по рабочему делу, а за знакомство с народовольческим кружком, который потерпел полный провал [27].

К осени в группе из интеллигентов остались только 4: В. Г[олубев], М. Б[руснев], Леонид К[рас]ин и Ци[винь]ский. С трудом восстановили они порванные связи с рабочими. Затем надо было пополнить поредевшие ряды интеллигентов. Тут, на счастье, оказался целый сплоченный кружок из студентов духовной академии, всего 5 человек. Когда мы собрались в первый раз, то решили, по заведенному обычаю, обсудить общие принципиальные основы нашей будущей совместной работы. Для старых членов, а также и для меня, давно их знавшего по совместному участию в студенческих центральных кружках, подобные разговоры успели утратить практический интерес, как я уже упоминал в главе о «кадровой» организации, но ввиду вступления новых членов

---

* Деятельность этой группы была подробно описана в статье Василия Голубева (Былое, 1906, № 12) [26].

оставить программные вопросы вовсе без внимания казалось неудобным. Все участники собрания должны были по очереди изложить свои программы. Начали с новичков. Тут, между прочим, произошел небольшой инцидент. Один из «академиков» заявил, что он больше всего сочувствует террору, все же прочее представляет из себя некоторый окольный путь, к тому же весьма загроможденный всякими препятствиями. Нужно сказать, что террор был тогда больным местом; из-за этого вопроса мы, главным образом, расходились с народовольцами и много с ними ругались. Но так велико было тогда какое-то пренебрежение ко всяким «пунктам», что заявление новичка не вызвало особенной бури, и только Б[руснев] внушительно сказал: «Мы этого средства не признаем». Остальные постарались замять дело и живо помирились на том, что группа террором заниматься не будет, если же который-нибудь из ее членов захочет вступить в тесные сношения с какой-нибудь террористической группой, то он должен уйти от нас заблаговременно.

Когда дошла очередь до меня, то мною овладела такая умственная лень, сознание такой никчемности подобных деклараций (кроме разве значения средства ознакомиться с личностями новичков), что я даже несколько запутался в своей речи и, как сам мысленно формулировал свое состояние, «растерял свои пункты». Б[руснев] и Г[олубев] поняли меня и сочувственно улыбались. Сами они в своих кратких речах перешли к практической стороне дела, описали фактическое положение, указали на нужду в руководителях, и что и как, по их мнению, надо было делать.

Мы решили распределить между собою наличные рабочие кружки, а самим собираться по возможности раз в неделю для решения разных вопросов, вытекавших из нашего дела. Таким образом, наши собрания, как выразился один из нас, являлись своего рода педагогическим советом, так как главным образом приходилось обмениваться мыслями по вопросам, что и как читать рабочим. Конечно, тут большое значение имело то, к чему более подготовлен был данный пропагандист. Всего труднее для нас было заниматься с наименее развитыми рабочими из фабричных. Специалистом тут являлся Леонид К[расин], умевший говорить очень просто и ясно своим сибирским говором на «о». Пытались мы было выработать систематический курс, но большинство отнеслось к

этому скептически, так как очень трудно было рассчитывать на то, что такой курс будет до конца пройден: слишком недолговечны были кружки при тогдашних условиях. Пришлось остаться при отдельных небольших курсах: краткие сведения по политической экономии (учение Маркса о ценности и прибавочной стоимости), сведения о рабочем движении на Западе, очерк истории культуры (происхождение классов, значение экономики в истории), история революционного движения в России, французская революция, о государственном устройстве на Западе и другое.

Скоро образовался еще центральный кружок для практического руководства всем делом и для объединения всех рабочих кружков. Этот кружок состоял из рабочих с присоединением одного делегата от интеллигентов. Таким делегатом стал П[олубев]. Центральный рабочий кружок составился естественным путем, рабочие туда не выбирались. В этом центральном органе никаких чтений не велось: задачи его были чисто практические, организационные; главным образом устройство новых рабочих кружков и подыскивание для них интеллигентов. Таким образом, главная деятельность нашей «рабочей группы» сводилась к пропаганде, к развитию в рабочих политической сознательности. Отсюда, впрочем, не следует, чтобы мы игнорировали все другие способы борьбы; так, когда в начале 1891 года вспыхнула стачка в порту (Новое Адмиралтейство), то наша группа приняла тут деятельное участие. Были выпущены нами две прокламации: одна — к рабочим, другая — к обществу. Группа собирала деньги для раздачи забастовщикам.

Споров «об экономике или политике» у нас не возникало: мы признавали в одинаковой степени и борьбу за непосредственное, в каждый данный момент, улучшение материального положения рабочих; но, с другой стороны, мы все признавали значение организованной и сознательной рабочей силы в борьбе за политическое освобождение России и за улучшение положения самих рабочих. Группа наша не имела определенной партийной клички; пожалуй, мы были ближе всего к социал-демократам, но сами себя так не называли, хотя и знали прекрасно о существовании такого направления[28]. Значительная часть членов группы впоследствии примкнула к социал-демократам, но далеко не все.

К концу 1890/91 года мы начали поговаривать о не-

обходимости устроить несколько районных комитетов, и нет сомнения, что дело это осуществилось бы на будущий 1891/92 год, но весной группа была опять сильно расстроена арестами: после похорон Н. В. Шелгунова, 15 апреля, было арестовано и выслано двое интеллигентов[29] и несколько рабочих, да еще до этих похорон арестовали Г[олубева]. В мае исключили из академии кое-кого из студентов, членов нашей группы. Б[русн]ев и и Ц[ивиньск]ий окончили Технологический институт и уехали из Петербурга. Б[русн]ев летом был арестован, просидел 4 года в Крестах и потом сослан был в Якутскую область, где провел 10 лет в Верхоянске! Ц[ивиньск]ий уцелел, он забросил политику и где-то благополучно инженерствует.

На следующий год, судя по статье М. Александрова (Былое, 1906, № 11), рабочее дело в Петербурге перешло ненадолго к народовольцам[30].

За более подробными сведениями об этой группе отсылаю читателя к упомянутой выше статье Василия Голубева.

V. Кружки либералов

Наряду с описанными радикальными кружками в конце 1880-х годов действовали и кружки несколько более умеренного направления. Строгой границы между теми и другими в сущности не было. К числу либералов, по тогдашней терминологии, принадлежала прежде всего чуть ли не вся взрослая интеллигентская публика: профессорские, литераторские и земские круги. Я очень мало помню, особенно в начале периода (т. е. около 1885—1886 гг.), радикальных «старичков» среди молодежи. Многие из них были высланы административным порядком. Другие держали себя с молодежью очень осторожно, опасаясь влопаться, что было по тогдашнему времени вполне основательно.

Конечно, около таких лиц, как Н. К. Михайловский, Н. В. Шелгунов, С. Н. Южаков, Н. Н. Златовратский и др., вертелась кое-какая молодежь, но большей частью не первого сорта. Во всяком случае «старики»-радикалы не принимали тогда почти никакого участия в подпольных делах. Вся пропаганда среди рабочих, в значительной степени и в студенческих кружках велась без участия «стариков». Иногда только возникали кое-где литературно-научные журфиксы с политическим оттен-

ком, но на них попадала только самая малая часть молодежи. Всего больше имели значения «вторники» у В. И. Семевского. Сравнительно больше других любили бывать среди молодежи: С. Н. Южаков, В. В. [В. П. Воронцов], Я. В. Абрамов[31]. Судя по тем случаям, когда мне приходилось их видеть и слышать, эти лица могли бы оказывать очень большое влияние, особенно С. Н. Южаков — блестящий, остроумный собеседник, который всегда умел затронуть какой-нибудь интересный вопрос и разбирать его с одушевлением и в то же время основательно. Но читали Южакова сравнительно мало, что для меня, горячего поклонника его «Социологических этюдов», этого, по-моему, глубочайшего русского произведения по социологии, до сих пор странно и обидно. На меня лично и на очень небольшой кружок оказал еще большое влияние Я. В. Абрамов, под руководством которого я занимался общиной, расколом и вообще крестьянским вопросом. Абрамов ввел меня на собрания, происходившие за Невской заставой у А. Л. Караваева (депутат II Государственной думы). У меня осталось очень светлое впечатление от этого живого энергичного человека.

К концу 1880-х годов старшее поколение стало больше общаться с молодежью, возникли правильно организованные собрания (земский кружок, политический клуб). В кружках и тогда больше всего действовали либералы, а если и появлялись руководители радикального направления, то и их деятельность носила характер исключительно культурно-просветительный, причем они ни малейшего участия в подпольной работе не принимали. Их влияние имело какой-то общий, отвлеченный характер и практически мало чем отличалось от влияния либералов. Это сказывалось и в литературе. Во вторую половину 1880-х годов почти прекратился антагонизм, который раньше был так ярок в отношениях, например, между «Отечественными записками» и «Вестником Европы»[32]. Особенно это сказывалось к концу периода. Я помню несколько собраний, на которых такой видный сотрудник «Вестника Европы», как К. К. Арсеньев[33], мирно заседал с бывшими сотрудниками «Отечественных записок» и «Дела»[34]. На этих собраниях полемика никогда не принимала страстно-нетерпимого характера. Споры велись очень благодушно. К. К. Арсеньева почти всегда выбирали председателем собрания, и никто решительно не возражал. Даже со стороны радикальной мо-

лодежи не замечалось резкой нетерпимости по отношению к либералам. Я, например, никогда не слышал ни от кого из своих радикальных товарищей, чтобы он произнес слова «буржуазный либерал» с тем выражением сектантской злобы, с какой это говорилось в позднейшее время. Вопрос о причинах такого примирительного настроения часто подымался в то время. Многие объясняли это правительственными репрессиями, которые действительно тогда представляли нечто прямо невероятное. Помню я слова Златовратского, сказанные им на небольшом собрании у А. Л. Караваева: «Правительство своими карами, цензурными и другими, точно срезало верхушки у всех наших направлений, и остался только их общий корень. Если все дальше срезывать, то можно и до Моисеевых заповедей дойти, и тогда уж никакой разницы не будет между направлениями, потому что «не убий», «не укради» — это все принимают одинаково». И дальше Златовратский говорил о том, что если бы было больше свободы, то разногласия стали бы яснее, так как тогда именно выступили бы те вершины главных течений русской общественной мысли, которые теперь окутаны цензурным туманом. В этих-то «вершинах» правительство видит для себя главное зло, и оно их закрыло от глаз общества. В словах Златовратского, конечно, много верного, но этим одним нельзя объяснить примирительного настроения второй половины 1880-х годов. Ведь те же репрессии действовали и раньше, и позже. Да, наконец, и Златовратский в сущности объясняет только слабость антагонизма в легальной литературе и в более или менее открытых сношениях представителей взрослого поколения на собраниях, которые не носили строго конспиративного характера. Но дело-то в том, что тогда большой розни *вообще* не замечалось. Ведь если бы она была, то совсем другой характер носили бы споры, и, например, никогда бы так спокойно не уселся бы на председательское кресло К. К. Арсеньев на собрании, на котором чуть не половина членов принадлежала к крайним левым! Любопытным знамением того времени был нелегальный орган «Самоуправление», издававшийся тогда за границей[35]. Этот орган, по выражению В. Голубева, представлял «какую-то смесь старого народничества с либерализмом». А я помню прекрасно, как его распространяли все. В Петербурге главный склад был у народовольцев. Ярый народоволец П. К-ов с восторгом говорил мне, что те номера, кото-

рые он привез в Симферополь, там прочитало, по крайней мере, 200 человек.

Скорее всего, примирительное настроение объясняется так, как я уже говорил о причинах индифферентизма к основным программным вопросам в главе о студенческих радикальных кружках. Все дело было в особенностях того времени, которое приходилось на границу двух критических периодов. Был до известной степени изжит тот фактический и идеологический материал, который является почвой для работы политической мысли. Общество успело обглодать кость, брошенную ему историей, а новой кости история еще не припасла.

Больше грызни еще было в низах — в подполье, где действовала одна молодежь. Наверху, на литературно-общественном Олимпе, царило относительное спокойствие. Радикальная молодежь почти всех представителей старого поколения называла «либералами», основываясь на том, что почти все они никогда не опускались в самое подполье, не блуждали там, не следили там за работой.

Прежде чем перейти к наиболее крупным либеральным кружкам, я должен упомянуть об одном обществе, которое сыграло очень заметную роль в умственном движении тогдашнего Петербурга. Это было студенческое «Научно-литературное общество» при университете [36]. Оно существовало вполне легально. Председателем его бывал всегда кто-либо из профессоров, в мое время О. Ф. Миллер [37] Собрания происходили в здании университета, там же помещалась и библиотека общества.

История этого общества очень оригинальна. Оно образовалось в начале 1880-х годов, вскоре после события 1 марта 1881 года. Его учредители были студенты из золотой молодежи, кажется члены «Священной дружины». Задачи общества — борьба с крамолой путем научно-литературного воздействия на студентов. Учредители предполагали устроить общество, где в противоположность обычным студенческим кружкам культивировалась бы «истинно русская» наука. Само собою разумеется, что такое общество было разрешено начальством — другого бы не разрешили в те времена. Сначала состав общества был таков, что тогдашним официальным опекунам русской молодежи оставалось только глядеть да радоваться. Одного только недоставало в обществе — науки и литературы. Плохо обстояло дело насчет докладов и рефератов. Тогда мало-помалу стали допускать студен-

тов, хоть и не с «истинно русским» духом, но таких, которые — ну хоть какой-нибудь доклад могли изготовить. И вот мало-помалу в общество стало проникать умеренно прогрессивное студенчество. А с другой стороны, первоначальные основатели стали понемногу уходить: скучно стало научные разговоры вести[38]. К середине 1880-х годов (я поступил туда в 1885 г.) общество совершенно утратило свою первоначальную тенденциозную политическую окраску. Тем не менее некоторая окраска была; если выразиться современным языком, большинство членов были кадетами; они потом и действительно вошли в эту политическую партию. Правда, особенно к концу периода туда стали проникать и более левые студенты[39].

Число членов общества доходило до 200, но на заседания редко собиралось более 60—80 человек. Председательствовал всегда Орест Миллер. Он горячо любил студентов и был предан обществу всей душой. Лучшего председателя трудно было себе представить: он давал достаточную свободу высказываться и в то же время прекрасно понимал, чего следует избегать, чтобы сохранить общество. В его отношениях к нам чувствовалась сердечность и простота старого профессора-идеалиста. Его все любили, его не стеснялись, он никого не подавлял своим авторитетом. Если он и останавливал порой иного студента-радикала, то тут не было и следа полицейской цензуры.

Собрания происходили в ботаническом кабинете: это был отдельный одноэтажный домик на университетском дворе. Чтоб до него добраться, надо было сначала долго идти по бесконечной крытой галерее внутри двора, где было темно и мало встречалось прохожих. И как приятно бывало, когда после мрака и тишины этой нескончаемой галереи вдруг попадешь в уютную, освещенную большими висячими лампами, маленькую аудиторию, наполненную оживленной толпой товарищей!

Очень многие из членов «Научно-литературного общества» стали потом довольно известными деятелями в науке, журналистике и политике. При мне состояли, между прочим: В. К. Агафонов, Александренко, Е. В. Аничков, В. В. Водовозов, В. Борткевич, Драницын, Б. Б. Глинский, В. И. Вернадский, Каминка, А. А. Кауфман, И. А. Клейбер, А. С. Лаппо-Данилевский, В. А. Мякотин, Н. К. Милюков, Д. С. Мережковский, М. Т. Елизаров, А. А. Никонов, А. М. Ону, братья С. и Ф. Ольден-

бурги, Д. Д. Протопопов, В. А. Поссе, Пятницкий, Серг. Сыромятников, Петр Соколов, Н. А. Рейтлингер, В. Л. Степанов, А. Л. Флексер (Волынский), И. Н. Чеботарев, Чечулин и многие другие. Незадолго до моего вступления вышли, за окончанием курса: кн. Д. И. Шаховской, М. А. Дьяконов, В. Н. Латкин, А. А. Корнилов, И. М. Гревс, Бороздин и другие.

Собрания происходили регулярно два раза в месяц. Всегда читались доклады на разного рода общественные темы, затем велись оживленные прения. В то время особенно оживляли собрания братья С. и Ф. Ольденбурги, А. М. Ону, В. В. Водовозов, Н. А. Рейтлингер и другие: они деятельно привлекали новых членов, организовали общество, а главное, оживляли собрания своими речами и вообще как-то объединяли всех. Члены общества, конечно, много выносили из собраний, приучались к совместному ведению дела, но еще важнее было то, что здесь люди знакомились и сближались между собой. В обществе не замечалось резкого разделения на правых (или, вернее, умеренных) и левых. Общий тон был таков, что общество можно считать одной из ячеек современной кадетской партии. Радикалы не вносили диссонанса, так как при отсутствии разговоров на собственно политические злободневные темы чувствовалась общая идейная, этическая почва. О «делах» тоже разговоров тут не велось, «дела» делались на стороне. «Научно-литературное общество» было закрыто во время репрессий, последовавших после покушения на жизнь государя 1 марта 1887 года. Дело в том, что в числе его членов оказалось несколько человек, принимавших участие в этом деле (Ульянов, Шевырев и другие). Хотя они были недавние члены, да и не особенно часто посещали заседания (многие их совсем и не знали), и связи между их террористическими идеями и духовной жизнью и деятельностью общества не было, но тем не менее сразу же пошли гонения. На собраниях появился как-то попечитель учебного округа генерал Новиков и сидел все время с самым зловещим видом. Он попал на доклад Г. С. Вольтке «О городовом положении», и хотя этот доклад ничего крамольного в себе не заключал, но Новиков все же остался очень недоволен самой темой. «Какое же это имеет отношение к науке или литературе?» — заметил он. Стало очевидно, что общество висит на волоске. Сохранить его можно было разве путем компромиссов, вроде допущения на собрания чинов инспекции

или вообще каких-нибудь наблюдателей, причем, конечно, пришлось бы поступиться свободой слова. По этому поводу образовалось два течения: одни (умеренное большинство) советовали пойти на всякого рода компромиссы ради сохранения общества. Приводили тот довод, что надзор не вечно же будет продолжаться и в конце концов сведется на пустую формальность; бывали времена и похуже, а между тем умные люди всегда могли делать полезное дело, если только они действительно этого хотели. В каком бы виде ни существовало наше общество, все же будет лучше, чем если не будет никакого.

Но наши радикалы не были с этим согласны: они старались побудить общество к активной борьбе, к протесту. На возражения, что в таком случае общество сразу закроют, радикалы давали свой вечный ответ: «Ну и пусть закрывают! Одним безобразным фактом будет больше в истории России; прибавится еще одна иллюстрация к картине современного положения, при котором нет никакой возможности заниматься хотя бы культурной работой!»

Радикалы предлагали устроить скандал при ближайшем посещении попечителя Новикова. Но они оказались в меньшинстве. Впрочем, эти вечные споры в сущности не имели никакого практического смысла, так как судьба общества уже была решена. В то время в высших сферах циркулировало убеждение, что корень зла заключается в студенческих кружках и собраниях. «Научно-литературное общество» было закрыто. Это было сделано как-то внезапно. Не дали возможности сколько-нибудь ликвидировать дела. Инспектор университета потребовал ключи от книжных шкафов, а затем, не дожидаясь выдачи их, распорядился взломать шкафы, и книги куда-то исчезли. Говорят, их свалили на чердак. Одновременно с этим (осень 1887 г.) по распоряжению нового ректора Владиславцева была закрыта и общестуденческая читальня. Книги тоже были убраны без всякой правильной ликвидации. Исчезла мраморная доска в память Кавелина и еще кое-какие портреты, украшавшие стены читальни. На месте читальни был устроен ватерклозет *.

* По этому поводу в одном немецком юмористическом журнале был помещен следующий диалог: «Вы слышали, что устроили в Петербургском университете на месте читальни?» — «Как же, слышая; но куда же дели книги?» — «Книги? Да книги там же и оставили».

Нравственная связь, соединявшая членов бывшего «Научно-литературного общества», была так сильна, что они решили и после закрытия собираться хоть раз в год, в день 19 февраля. И несколько лет подряд после закрытия общества бывшие его члены устраивали обед в каком-нибудь ресторане, и в застольных речах вспоминали минувшие дни, и говорили о тех же вопросах, которые и раньше их интересовали, когда они собирались в своем старом, не разоренном еще гнезде.

На этих собраниях поднимался вопрос о том, чтобы продолжать деятельность общества, так сказать, «при закрытых дверях». Но это было очень трудно осуществить в полном объеме. Тем не менее кое-что в этом смысле устроилось. Это был «Политический клуб», существовавший в самом конце 1880-х годов, и еще «Земский кружок», возникший еще раньше клуба, в 1888 году. Истории возникновения «Земского кружка» я в точности не помню; там было несколько бывших членов «Научно-литературного общества», но большинство его состояло из людей со стороны. Одним из главных инициаторов был приват-доцент М. М. Свешников [40] (бывший еще до меня в «Научно-литературном обществе»). В «Земском кружке» принимали деятельное участие некоторые литераторы, земские деятели и статистики: К. К. Арсеньев, В. К. Винберг, П. А. Корсаков, Вернер, Тележинский, Караваев, д-р Никольский и др.

Иногда кружок посещали и приезжие: так, я видел там как-то Ф. И. Родичева и В. Ю. Скалона [41].

Из молодежи, кроме М. М. Свешникова, наиболее деятельное участие принимали: М. А. Лозинский (теперь тифлисский губернатор), А. И. Яроцкий (врач), Д. Д. Протопопов (бывший член I Государственной думы), Н. В. Чехов (педагог), Н. К. Милюков (тверской земец) и др. Часто бывала там группа курсисток-рождественок [42], из которых некоторые были потом в середине 1890-х годов арестованы по делу партии «Народное право» [43] (Н. Фанюкова, Л. С. Александрова, Троицкая). Цель кружка — изучение земского дела с целью подготовить будущих работников по разным отраслям дела. Была выработана программа, по которой читались доклады (деятельность земства в области подъема экономического благосостояния населения, по народному образованию, по народной медицине и др.). Особенно много было посвящено времени вопросам о постановке земской медицины. Дело в том, что из молодежи, кото-

рой скорей всего предстояло пойти на земскую службу, большинство были медики: студенты и курсистки. Трактовались в этой области различные системы постановки земской медицины, например, о преимуществах стационарной системы перед разъездной и т. п. А затем, конечно, много было разговоров о бытовых и общественных сторонах земской деятельности. Кое-кто из молодежи подымал и политические вопросы, например о преимуществах пропаганды освободительных идей в положении земского служащего сравнительно с летучей пропагандой (тоже своего рода «стационарная» система), но «старики» — либералы не особенно, кажется, любили подобные разговоры и старались придать собраниям характер серьезного ознакомления с делом. Да оно так следовало: полезнее для каждого было ознакомиться с серьезными вопросами, раз к тому представлялась полная возможность ввиду присутствия опытных и знающих людей. Помнится, после какого-то земско-медицинского доклада я стал разглагольствовать об особенном удобстве для земского врача заниматься пропагандой. Председательствовавший В. К. Винберг, известный деятель таврического земства, остановил меня, совершенно справедливо заметив, что это не относится к делу, но, по желанию собрания, все же дал мне окончить. Занятия кружка носили в общем довольно серьезный характер, и обычным, праздным языкоблудием там не больно много занимались. Между прочим, некоторыми членами, главным образом Свешниковым, была составлена печатная, очень обстоятельная программа изучения земского дела. Кружок просуществовал около двух лет. Собрания пришлось прекратить в силу административного давления. Охранное отделение узнало о них, да и трудно было скрыть, так как собрания бывали довольно большие (человек 30—40) по тогдашнему времени, да и большинство не особенно соблюдало необходимые предосторожности, а многие не считали нужным, например, расходиться «не всем зараз», озираться, идя на собрание, нет ли за тобой сыщиков, и т. п. Многим из наших «стариков» подобные маневры были совсем непривычны; так, например, я никак бы не мог себе представить К. К. Арсеньева удирающим от сыщика через проходной двор! Кое-кого из «стариков» (Винберга, Тележинского) призывали в охранку и вели там с ними подобающие сему учреждению разговоры. Но скоро, чуть ли не в том же 1889 году, а может быть в 1890 году, опять начались собрания, даже

в большем количестве, с присоединением новых лиц. Вместо «Земского кружка» решили устроить «Политический клуб» и заняться вопросом о политических партиях. В этом клубе участвовали: К. К. Арсеньев, В. И. Семевский, профессор Н. И. Кареев, С. Н. Южаков, В. П. Воронцов; иногда бывали В. В. Лесевич, Владимир Соловьев, профессор Янжул и Н. К. Михайловский [44].

Из молодежи участвовали очень многие из тех, что были в «Земском кружке», а также много членов бывшего «Научно-литературного общества».

Особенно интересно было одно довольно большое собрание (человек 50—60) у М. М. Свешникова. Там произошел спор между «стариками»: либералами и радикалами. Лидером первых был главным образом К. К. Арсеньев, а вторых — В. В. [В. П. Воронцов] и С. Н. Южаков. Бывший на этом собрании Н. К. Михайловский все время молчал. К. К. Арсеньев довольно подробно изложил свою программу, причем он особенно старался указать, что русские либералы, в противоположность западноевропейским, отнюдь не являются поборниками интересов буржуазии, и если они добиваются политической свободы, то вовсе не для того, чтобы на ней обосновать господство буржуазии над пролетариатом. Демократические идеалы либералов К. К. определял как «стремление распространить материальное благосостояние на возможно большую часть населения». Ему оппонировал В. В. [В. П. Воронцов]. «Из ваших слов можно сделать одно заключение,— сказал он,— ваша экономическая программа отличается от нашей тем, что она, так сказать, непринципиальная; она состоит из общих, не вполне определенных пожеланий: улучшение положения народных масс вы не обосновываете вполне определенными взглядами на существо экономических отношений».

На том же собрании был также спор о сравнительной желательности реформ политических и экономических. Либералы отстаивали приоритет политических реформ. Им сочувствовало и большинство, не исключая и радикальной молодежи, бывшей на собрании. Но один старый народник протестовал: «В России, господа, поверьте, экономические реформы, даже довольно широкие, могут быть проведены правительством скорее, чем будет введена конституция».

Надо сказать, что в то время подобный взгляд вообще встречал сочувствие некоторой части общества. Было целое направление «народников-монархистов» [45]. Подоб-

ные взгляды проводились, например, Сазоновым, отчасти Юзовым. Вообще, такой резкой оппозиционности по отношению к правительству со стороны прогрессивно-демократической интеллигенции, какая развилась впоследствии, в то время было меньше. Помнится мне замечание очень заметного тогда публициста-народника Я. В. Абрамова: «Что же, если правительство будет у нас действительно улучшать положение крестьян, то этому можно только радоваться».

С одним народником у меня зашел разговор о сервитутах[46] в Польше. «Правительство установило сервитуты, кажется, нарочно для того, чтобы возбуждать взаимный антагонизм между крестьянами и помещиками. Если это так, то это хорошо». Многие считали самым худшим гнетом — гнет кулаков, кабатчиков, скупщиков. Это было хуже полицейского произвола и насилия. Факты «благотворного вмешательства» администрации приветствовались многими с восторгом.

Такое настроение невольно возникало на почве крайней пассивности народных масс. Народ безмолвствовал и ничем себя не проявлял. Не было заметно никакого движения в крестьянстве, кроме отдельных вспышек на аграрной почве.

Кстати, приведу свои наблюдения в этой области. Когда мне летом в 1886 году пришлось быть в Сызранском уезде Симбирской губернии, я заметил там сильный антагонизм между крестьянами и помещиками. Положение было довольно напряженное. Часто приходилось слышать о поджогах помещичьих усадеб. При этом мне бросалось в глаза следующее: очень редко жгли таких помещиков, которые являлись настоящими кулаками, вели свою линию последовательно, систематично, с железною непреклонностью, хотя от таких крестьяне и больше терпели, но их как-то боялись, даже уважали. А жгли всего чаще безалаберных, капризных господ, «с которыми не сговоришь», которые то распускали, то, наоборот, слишком натягивали вожжи.

Да и по всей России разного рода вспышки на аграрной почве существовали тогда. Один народник-публицист читал как-то реферат о современном аграрном движении. Он привел массу фактов, вырезки из провинциальных газет составили целый объемистый пункт. Но это движение носило исключительно экономический характер. Ясно было, что крестьяне борются только на почве своих земельных нужд, да и то исключительно местных.

Даже аграрной программы, в смысле широких и общих требований, они не выставляли. На аграрное движение возлагали надежды только немногие из народников, которых так и называли аграрниками-бунтарями. Они говорили, что, ввиду неспособности крестьян к широкой организации и затруднительности такого дела при современных условиях, крестьянам только и остается, что партизанская война. К тому же каждая местность, каждая деревня имеют свои местные нужды, которые только и могут быть удовлетворены местной упорной борьбой. Но это направление встречало очень мало сочувствия. Против него восставало большинство даже самих народников. Я помню, например, возражения С. Н. Южакова на одном собрании. Он говорил, что, если бы аграрное движение сколько-нибудь разгорелось в какой-нибудь местности, но явятся войска и наведут такую панику на всю округу, что надолго отобьют охоту к аграрному террору. Помню еще мнение известного М. А. Натансона: он уверял, что сами крестьяне в массе будут против программы, основанной на поджогах. «Только в крайних случаях идут на это крестьяне,— уверял он.— Нужны совершенно исключительные условия, чтобы подобное движение стало массовым, да и толку от этого никогда не бывало».

Аграрники-террористы были до крайности малочисленны и во всяком случае на практике своих идей не проводили. Не существовало тогда ни одной организации, основанной на подобной программе, даже и не слыхать было таковых где бы то ни было в России.

Точно так же слабо было и самостоятельное рабочее движение.

На этой почве вполне естественно могли развиться и надежды «хоть чего-нибудь добиться» и от правительства на почве его заинтересованности в народном благосостоянии хотя бы по соображениям финансовым и другим. Все равно не на что было опереться для борьбы за расширение политической свободы и народного благосостояния. Помню такой, например, факт. В конце 1880-х годов, кажется особенно в 1888 году, в обществе возникла энергическая агитация в пользу открытия женских медицинских курсов. Наши либералы вели кампанию, кажется, наиболее энергично. Кампанию распространили и на правительственные сферы. Старались приводить всякого рода доводы, чтобы повлиять на них. Указывали, например, на смерть черногорской княжны,

учившейся в Смольном институте. Как на одну из причин кончины княжны указывали на то, что, она, заболев, конфузилась лечиться у врача-мужчины; а если бы в Смольном институте была женщина-врач, то, может быть, княжна осталась жива. С восторгом муссировали мнение туркестанского генерал-губернатора о том, что введение в том краю женщин-врачей могло бы служить русскому делу, так как мусульманки стали бы тогда лечиться у русских врачей-женщин и, таким образом, приобщаться к русской культуре. Помню также, как приветствовалось и поддерживалось возникшее одно время в высших военных сферах мнение о необходимости всеобщего обучения в видах улучшения состава русских войск. В либеральных газетах сейчас же появились статьи на тему о прусском школьном учителе, «одержавшем победу при Садовой». Сторонники кустарей и артелей пытались заинтересовать в этом деле морское министерство, уверяя, что такие-то заказы всего лучше и дешевле могут исполняться именно кустарями. Об этом говорил А. Г. Штанге в одном докладе, читанном в «Обществе содействия русской промышленности и торговле», и публика очень приветствовала какого-то морского офицера, сочувственно отнесшегося к идеям докладчика.

Консервативные органы, само собой, подозрительно относились к подобной агитации, и в «Московских ведомостях» [47] появлялись статьи, предостерегавшие правительство против «либеральных сирен»...

Вообще, программа тогдашнего либерализма в значительной степени заключалась в создании вокруг правительства «атмосферы либеральных идей». Старались оказывать на правительство известное идейное и моральное давление. Щедрин подсмеивался над этим направлением в своих сатирах (например, «Карась-идеалист»), но положение интеллигенции тогда было такое, что волей-неволей приходилось идти на такую «тактику». Опереться тогда было решительно не на кого. Фраза наших реакционеров о «беспочвенном либерализме» звучала тогда горькой истиной, полной самого реального смысла. Да и действительно — подумать только, что судьба женских медицинских курсов могла в то время зависеть от болезни черногорской княжны!

Но главная роль нашего тогдашнего либерализма была все-таки не в том, чтоб «истину царям с улыбкой говорить». Либералы очень много делали для политического воспитания общества, для насаждения в нем идей

права и законности, для создания, наконец, конституционных стремлений. Они надеялись путем идейной культуры создать такое сильное общественное мнение, чтобы с ним стало считаться правительство. Помню такую фразу: «Надо окружить правительство плотной атмосферой либеральных идей, в которой оно вязло бы и путалось при каждом своем реакционном шаге». Тогдашние либералы любили говорить, что, если известная идея получит слишком большое распространение, то к ней и само правительство привыкнет и не станет ее особенно запрещать. Таким образом, шаг за шагом, можно расширять пределы свободы печати. Как бы правительство ни старалось усиливать цензурный гнет, но уже в силу подъема культуры оно фактически не может вернуть Россию к временам императора Николая I, когда в поваренных книгах вычеркивались слова «поставить пирог на *вольный дух*» или когда цензор зачеркивал слова поэта «твои глаза дороже мне всего на свете» и при этом делал примечание: «Есть правительственные лица и учреждения, которые должны быть и для поэтов дороже глаз любимой женщины».

Помню, К. К. Арсеньев приводил пример из последних годов царствования Наполеона III. Тогда в Париже до такой степени распространен был нелегальный орган французских радикалов «Фонарь» Рошфора, что его читали все, ничуть не стесняясь, и был случай, что в вагоне, где сидела разная знатная публика, ехавшая в Версаль на придворный бал, у всех оказались номера «Фонаря», который читался всеми совершенно открыто, как будто так и следовало. Приводили в пример и факт стихийного распространения «Колокола» Герцена.

Как уже было видно из этой главы, либералы стремились организовать молодежь для работы в земстве. Они создавали свои кадры будущих земских и других работников. Они подготовляли ту почву, на которой потом выросла современная кадетская партия[48]. Очень многие члены этой партии сблизились между собой еще в молодости в либеральных кружках, где они проходили известную школу под руководством опытных учителей.

Как я уже указывал, к концу 1880-х годов замечалось стремление к объединению всей оппозиции. Во многом вся оппозиция как-то сливалась. Вот и в настоящей главе мне приходилось говорить не об одних либералах, о начинаниях, принадлежавших не им одним. Это пока-

зывает, что в то время не так легко было провести резкую грань между различными направлениями.

К концу учебного 1890/91 года была сделана попытка формального союза радикалов с либералами. По инициативе одного радикального кружка было устроено в начале апреля 1891 года собрание на квартире покойного астронома И. А. Клейбера. Там читался реферат о политических партиях современной России. Реферат читался радикалом, стоявшим в то же время очень близко и к либералам. Предполагалось найти общие точки для последующего объединения. Последовавшие после похорон Шелгунова аресты помешали этой попытке. Кажется, она потом не возобновлялась, так как с 1890-х годов оба направления русской политической мысли стали опять резко расходиться.

VI. Толстовство

Первым философско-публицистическим творением Л. Толстого, не пропущенным цензурою, была «Исповедь». Она появилась в литографированном виде в 1882 году. Я смутно помню толки, вызванные этим произведением. Кажется, особенной бури «Исповедь» тогда не произвела. Ничего особенного как будто не находили. Привлекало имя автора, и если бы это написал не Л. Толстой, то «Исповедь», пожалуй, прошла бы тогда совсем незаметно. Во всяком случае о появлении значительного числа толстовцев тогда и речи не было. Толстовщиной еще и не пахло в воздухе.

Затем память мне ничего не сохранила об этой нелегальной деятельности Л. Толстого, вплоть до 1885 года. В начале этого года, зимой, в январе или феврале, будучи гимназистом VIII класса, я попал на собрание у А. В. Г[изетти], на котором должно было читаться «Так что же нам делать?». Народу было человек 16—18. Половину составляла молодежь, но из зеленой молодежи, кажется, был я один, а остальные — студенты старших курсов и недавно кончившие (Гревс, Иваницкий, Лагербек). Из писателей были Абрамов и Южаков. Собственно, к идеям Толстого большинство отнеслось неопределенно, резкой оппозиции не было, но не было также и восторженного сочувствия. Восхищались отдельными местами, художественной и меткой критикой современного общества, описанием Аржановского дома, говорили, что есть страницы, могущие стать наряду со многими

местами из Фурье. Абрамов отнесся к идеям Толстого несочувственно.

Следующие за тем три года (первые годы моей студенческой жизни) мне как-то не приходилось сталкиваться с толстовцами. Меня это мало интересовало.

Только зимой 1888/89 года мне удалось попасть на «толстовские собрания». Тогда это движение, по крайней мере в Петербурге, достигло своего кульминационного пункта[49]. Явилось много последователей, был открыт (на Лиговке) книжный склад «Посредник»[50], ставший в этом году и местом собраний. Один из главных деятелей движения был Павел Иванович Бирюков. Я очень хорошо помню его невысокую, худощавую фигуру, одетую в серую суконную блузу, подпоясанную ремнем; на ногах большие смазные сапоги. Бледное, желтое добродушное лицо, серо-голубые мигающие, простодушные глаза, слабый голос с какой-то упрямой интонацией. Другие — Губин, Горбунов — производили впечатление каких-то добродушных сектантов. Собрания сначала происходили на Лиговке каждую неделю. Вход туда был довольно свободный. Собственно, толстовством я интересовался мало и относился к нему крайне отрицательно. Но на эти собрания меня привлекло то обстоятельство, что там бывало много народу, зеленой молодежи, возникали горячие интересные споры, и, оспаривая толстовщину, можно было проводить свои взгляды.

Когда я в первый раз попал на собрание, было довольно много народа, человек 50—60 почти исключительно зеленой молодежи. Преобладали светло-серые костюмы с белыми передниками рождественок. Комната, где происходило чтение, не вмещала всех присутствующих, и толпа стояла в дверях и в смежной, темной комнате. Я стоял в задних рядах, в темноте, видел пред собой освещенное пространство двери, откуда доносился монотонный голос. Читали «Евангелие» Толстого, читали долго. Это показалось мне донельзя скучным и усыпительным. Я терпеливо слушал и старался протолкнуться вперед, что мне удалось под конец чтения.

Я старался обдумать какое-нибудь возражение, к чему-нибудь прицепиться, но в голову ничего не приходило. Однообразно лились достаточно известные евангельские истины из уст, кажется, Горбунова. Ну что тут будешь возражать? Наконец чтение кончилось. Водворилось молчание. Кто-то из толстовцев предложил прочесть

чье-то стихотворение, не помню чье, содержание в точности тоже не помню; там воспевался какой-то проповедник, шедший в мир со словами любви и правды. Тут, кажется, я первый прервал молчание, прицепился к тому, что этот проповедник все надежды возлагал на одно нравственное воздействие, которым, однако, никого не прошибешь, и затем пошел на тему о необходимости пробуждать политическое сознание и призывать к борьбе угнетенных и пр. и пр. Кое-кто из студентов меня поддерживал, толстовцы защищались; большинство публики молчало, но, кажется, склонялось на сторону толстовцев. Большинство состояло из первокурсников, только что приехавших в Питер. Обаяние имени Толстого их подавляло. В толстовцах они видели, быть может, первых идейных людей, головой стоявших выше той затхлой мещанской среды, в которой молодежь задыхалась раньше в своих провинциальных городах. На «возражавших» противников Толстого публика готова была смотреть как на дерзких крикунов, для которых нет ничего святого. После того я стал довольно часто посещать толстовские собрания. Стали туда ходить и другие студенты-радикалы, систематически возражая и проводя свои взгляды. Радикалам толстовское учение само по себе казалось верхом нелепости, так что между собой мы даже о нем никогда и не говорили. Но толстовщина все же оказалась чистым кладом для радикалов, потому что, возражая толстовцам, очень удобно было заводить разговоры на социальные и политические темы.

Нужно сказать, что в идейном отношении между Толстым и тогдашней прогрессивной интеллигенцией не было никаких точек соприкосновения. Сам Толстой смотрел на радикалов как на насильников[51]; впрочем, и агентов правительства он тоже называл насильниками. Радикалы, да и вообще прогрессивная интеллигенция относилась к нему (конечно, разумея его публицистическую деятельность) как к явлению по меньшей мере странному. Особенно возмущала эту интеллигенцию проповедь непротивления злу, отрицание политической деятельности, отрицание науки, культуры, проповедь опрощения, признание грубого физического, преимущественного земледельческого, труда единственно достойным человека. Нападения на правительство и церковную иерархию у Толстого не были еще в то время определенными и резкими.

Собрания на Лиговке продолжались недолго. Вслед-

ствие полицейских преследований собрания перенесли на другие квартиры. Так, собирались у Первушина, а затем у Черепанова. Нельзя сказать, чтобы радикалы выступали сплоченной, заранее сговорившейся группой. Выступали отдельные ораторы, которые, сколько помнится, больше отличались свободно болтавшимися языками, чем основательностью. Больше всего говорили М. и Ф. (оба лесники). У них не было определенного, ясно выраженного мировоззрения или программы, и возражения их носили довольно шаблонно либеральный характер. Сначала толстовские собрания имели какой-то сектантский характер: начинали всегда с Евангелия и только по прочтении двух-трех глав шли разговоры. Но потом Евангелие было отстранено, и прямо приступали к дебатам. На первых собраниях, как я помню, господствовали толстовцы. Противники их переминались и довольно робко пытались возражать. Но потом скоро дело приняло другой оборот. На первом плане стали радикалы; они говорили больше всего, и уже толстовцы стали иногда переминаться и робко помалкивать. Мало-помалу сочувствие публики стало переходить к радикалам. Толстовцам особенно доставалось за теорию непротивления злу. Раз, помню, один радикал задал толстовцу вопрос: «А что бы вы стали делать, если бы видели, как какой-нибудь злодей поджигает дом? Неужели и тут вы не стали бы бороться с поджигателем?»

— Я... я... стал бы головешки прочь отбрасывать! — ответил, заикаясь, толстовец при взрыве общего хохота.

Сами толстовцы стали реже бывать на этих собраниях. Собрания у Черепанова и еще где-то на Мойке носили не вполне толстовский характер. Там выступали Фалеев и Черепанов, которые не выдавали себя вполне за толстовцев, хотя близко к ним подходили. Глава петербургских толстовцев — Бирюков — принимал участие в самом начале. Потом он по делам уехал, и когда воротился на следующий год (1889/90), то остался очень недоволен собраниями, которые опять возобновились в квартире «Посредника», и решил прекратить собрания. Он заявил, что при совместном обсуждении ничего путем выяснить нельзя, а кто желает выяснить себе взгляды Толстого, тех он просит поодиночке к себе поговорить. Так толстовские собрания и прекратились осенью 1889 года.

VII. Кружки гимназистов

Я окончил курс гимназии в 1885 году. Это было время полного расцвета толстовско-деляновского классицизма. Система эта в наше время уже нашла достойную оценку, и говорить много об этой мерзости не приходится.

Скажу лишь, что мои личные впечатления вполне согласуются с этой общей оценкой, хотя в петербургских гимназиях система, кажется, не доходила до тех безобразий, как это было в провинции. У нас не было, например, запрещений ученикам выходить на улицу после 9 часов вечера. В гимназическую церковь нас насильно не гоняли, хотя начальство следило за посещением вообще церкви; так, в V гимназии, где я учился сначала, законоучитель спрашивал для поверки, какое Евангелие читали в воскресенье.

В V гимназии директором был Шрамек, чех, трижды переменивший веру: сперва лютеранин, потом католик и, наконец, православный. Это был с виду добродушный, но в действительности очень хитрый и вполне беспринципный человек, очень любивший произносить речи патриотического характера и вообще афишировать свою «преданность». Инспектором был Красный, субъект с зловещей физиономией разбойника, очень грубый и аляповатый и малообразованный; он вышел чуть ли не из народных учителей, сделав себе карьеру путем многократных доносов. Впоследствии он, кажется, был выгнан за пьянство и кончил чуть ли не в босяках. В VII гимназии директором был Гофман, старик-немец, красивший себе волосы и потому прозванный «Крашеным ослом». Он был сравнительно из лучших: довольно ученый латинист, очень глупый, но в общем безвредный, без иезуитских наклонностей. Инспектором был сначала лукавый бонвиван, не чуждый наклонности к сыску. Потом инспектором был еще Д., прозванный «Зеленые яйца»; кличка эта, сама по себе бессмысленная, как-то очень к нему шла. Это был довольно добродушный, дубоватый и глуповатый извозчик или дворник.

Из учителей некоторые были довольно хорошие и как люди, и как преподаватели. Особенно любили А. А. Цветкова, очень живо преподававшего русскую словесность, и С. Ф. Лапченка — географиста. Классики все были обычного типа, и их ненавидели. Влияния на общее развитие учеников наши педагоги не оказывали

никакого, и наше умственное развитие шло независимо от гимназии, за исключением, конечно, тех, кто помимо гимназии ничего путного не читал (таких, впрочем, было громадное большинство). VII гимназия помещалась на Песках, и большинство учеников было из неинтеллигентных семейств; это все были дети мелких торговцев, трактирщиков и мелких домовладельцев. События общего характера нас занимали, конечно, очень мало. Русско-турецкая война была, когда я еще был в третьем классе, и моих сверстников это событие интересовало лишь потому, что после различных побед нас распускали. Не могу не отметить, кстати, отношения к войне части нашего радикального общества. Очень многие радовались сначала неудачам наших войск, надеясь на перемены к лучшему, которые должны будто бы последовать в случае поражения. Помню, как одна довольно известная тогда писательница, придя к нам и только что окончив рассказ о какой-то литературной неудаче, сказала: «А знаете еще что: одна беда без другой не бывает. Скобелев взял Ловчу!»

1 марта 1881 года застало меня в четвертом классе. Я был тогда болен и на улицу не выходил, так что личных впечатлений не получил. Слышал рассказы о том, что народ бил и собирался даже вешать студентов.

Как-то раз я слышал, как нянька пугала ребят: «Не ходите одни, а то вас студенты убьют!» От очевидцев известной сцены перед Зимним дворцом, когда толпа народа узнала, что государь скончался, я слышал, что настроение толпы было какое-то неопределенно-напряженное и сдержанное. Толпа как-то понуро молчала, кое-кто подозрительно оглядывался, некоторые плакали. По официальным сведениям, толпа будто бы стала на колени и с рыданиями стала молиться.

Когда я был в шестом классе, около 1883—1884 годов, происходили еврейские погромы. Гимназисты относились к этому равнодушно-насмешливо. Некоторые, впрочем, сочувствовали погромщикам и говорили: «Хорошо бы, кабы до нас дошло, мы бы тоже стали жидов бить!»

В четвертом классе составился довольно странный кружок из 5—6 гимназистов: мы собирались, для того чтобы читать революционные прокламации, которыми, однако, увлекались довольно поверхностно, и чтение соединялось с выпивкой. В пятом классе прокламации были оставлены, и мы стали издавать рукописный жур-

нал «Гимназист»[52]. Одновременно было организовано общество для совместной борьбы с начальством, с целью придать действиям класса большее единодушие и согласованность. К обществу примкнул почти весь класс, собрания происходили в самой гимназии, конечно в ватерклозете. Мы выбирали на каждую неделю «атамана». Это общество просуществовало всего три недели при трех атаманах: Московском, Горянском и мне.

Никакой борьбы с начальством мы, однако, не вели; было сделано, напротив, два постановления в пользу учителей: одно, чтобы учить хорошо уроки географии и не огорчать любимого учителя Лапченка, а другое, чтобы не проситься слишком часто выйти на уроках тоже любимого старичка-немца.

В шестом классе устроился кружок для совместных чтений. Читали больше всего Добролюбова. Собрания продолжались и в седьмом классе, но тут уже кружок расширился: вступило несколько гимназистов VI гимназии: Павлинов, Мендельсон, Завриев, Пиккерсиль, I гимназии — В. В. Гайдебуров и X — Михаил Иванов. Мы стали читать вместе историю философии Вебера и Льюиса. В восьмом классе присоединился еще из VI гимназии Владислав Борткевич (теперь профессор статистики Берлинского университета, поражавший и тогда своей необыкновенной начитанностью). Тогда мы стали заниматься политической экономией, читали и реферировали Милля, а потом Иванюкова. Кружок состоял человек из 10—12. Собирались на разных квартирах, где допускали родители. Участие в кружке тщательно скрывалось от начальства и от других товарищей во избежание насмешек и отчасти болтливости. Занятия носили научный характер, спорили об экономических и философских вопросах, политики совершенно не касались[53]. Нелегальная литература между нами не обращалась. Правда, мы обменивались гимназическими новостями, доставалось иногда начальству, но в общем это нас мало занимало: взгляд на наших педагогов и на всю классическую систему у всех был одинаковый, спорить и толковать обо всей этой гадости никому не было охоты. Чтобы покончить с гимназистами, упомяну еще о гимназических кружках во время моего студенчества. Когда я уже был на первом курсе — филологом, я вошел в один кружок, состоявший из гимназистов разных гимназий: I, II, III, VI, VII. Я вступил туда в качестве руководителя, первоначально с С. А. Н[иконовым], потом он вышел. Пер-

вый год (1885/86 учебный) мы реферировали Бокля: «История цивилизации в Англии», первые пять глав, а потом стали реферировать Иванюкова.

Второй год (1886/87) продолжали реферировать Иванюкова, писали рефераты об общине и о рабочем вопросе. В этом году кружок стал принимать до известной степени политический характер. Возникла мысль о том, чтобы устраивать кружки во всех гимназиях, а наш кружок был бы центральным и руководящим. Мы не принадлежали ни к какой определенной партии, но ясна была общая политическая цель: подготовка будущих деятелей прогрессивного направления. В кружке часто возникали споры по вопросу о терроре. Покушение 1 марта 1887 года и последовавший после того более строгий надзор затруднял собрания, так что к концу года они прекратились. На следующий год собрания возобновились. Я почему-то не участвовал в этом году, руководителем вступил другой студент — Ракитников; он участвовал в других организациях, за ним следили, и участие его в гимназическом кружке тоже было прослежено[54]. Это послужило причиной некоторого погрома. У гимназистов-пансионеров III гимназии сделан был обыск, нашли нелегальщину, но, кажется, дело замяли. Ракитников был арестован. Кружок на время распался. На следующий 1887/88 год опять устроился кружок гимназистов, который я сначала посещал. Участвовал кое-кто из прежних гимназистов, но вступило и много новых (Н. Д. Соколов, Н. В. Водовозов); занятий не велось никаких, собрания имели исключительно практический, деловой характер; целью их было знакомство и сближение между более развитыми и передовыми учениками средних учебных заведений для будущей совместной деятельности в университете. На собраниях заявлялось, кто знает какого подходящего гимназиста, сговаривались, как с кем познакомиться и в какой кружок пристроить. Эта организация, несомненно, имела большое влияние на позднейшие студенческие кружки. Люди вступали в университет уже хорошо знакомые друг с другом. Гимназическая организация повлекла за собой преобладание петербургского элемента в студенческих университетских кружках.

Нужно сказать, что подобного рода организации представляют, вообще говоря, довольно значительную опасность, особенно когда в них принимают участие посторонние элементы радикального направления и замешан-

ные в других делах. Движение среди гимназистов, описанное мною, прошло в общем благополучно, если не считать небольшого погрома по поводу Ракитникова. Но могло быть и хуже. Особенно печальна была судьба кружков в военно-учебных заведениях.

VIII. Кружки в военно-учебных заведениях

Образование кружков среди военных, столь печально кончившееся в 1887 году «делом о революционной пропаганде в военно-учебных заведениях», началось в 1884/85 учебном году. Начало этого движения мне в точности неизвестно. Само собою разумеется, брожения среди военных происходили и гораздо раньше, еще с 1870-х годов, но я здесь говорю о том эпизоде, который имел место в Петербурге в 1885 — 1887 годах. Кажется, инициаторами были несколько деятелей не из военной среды, если не ошибаюсь, социал-демократического направления (Брамсон и Залкинд), которые стали действовать еще раньше. Но движение шло довольно вяло, пока в нем не принял участия кружок народовольцев, состоявший преимущественно из студентов. Затем особенную энергию проявил кружок воспитанников Морского училища (Шелгунов, Бобровский, Чернявский, Хлодовский, Долива и другие).

В 1885/86 году всего в кружках участвовало до 60—70 воспитанников военно-учебных заведений. Тут были: моряки, юнкера из Павловского, Константиновского, Михайловско-артиллерийского, Военно-инженерного и даже несколько человек из Пиротехнического училища [55]. Движение имело преимущественно характер образования кружков саморазвития. Собственно военного или иного заговора не было. Кружки даже не входили в состав какой-либо политической партии. Почвой для всего движения было естественное стремление более развитых юнкеров к свету и знанию и к свободному товарищескому общению на почве общественных, этических и научных интересов. Душная, спертая казарменная обстановка наших закрытых военно-учебных заведений не могла удовлетворить наиболее живые элементы, и они стали искать удовлетворения своим лучшим стремлениям вне аракчеевских стен своих заведений. Словом, это были те же студенческие кружки саморазвития, и только принадлежность к военному миру сообщила всему делу особо криминальный характер. Правда, в этих кружках сра-

зу проявилось «антиправительственное» направление. Но таков уже был тогда весь строй нашей жизни, что стоило собраться нескольким молодым людям для чтения Милля или Спенсера, чтоб через полчаса начать ругать начальство. Известную политическую окраску придали студенты и вообще «штатские», радикальная публика, принявшая в этом деле самое живое участие. Между посторонними элементами можно было усмотреть два направления. Одно — «милитаристское» (Лука Гаевский) — имело в виду подготовку военного заговора в якобинском духе. Другое — народовольческое, стремившееся создать группу революционной молодежи в военной среде. Первое направление было представлено чуть ли не одним Гаевским и совсем не имело успеха, так что и упоминать о нем почти не стоит. Второе — народовольческое — было сильнее, но большинство юнкеров и к нему относились довольно пассивно. Юнкера с уважением смотрели на студентов, как на людей более образованных, охотно принимали их руководителями в свои кружки, но чтобы они принимали все народовольческое credo, этого никак нельзя было сказать. Вопросы политики просто не занимали первенствующего положения. На первом плане шло пополнение пробелов образования, люди занимались главным образом научно-общественными вопросами. Для огромного большинства юнкеров выбор определенного политического направления был еще впереди, и весьма возможно, что большинство со временем превратилось в мирных культурных работников на почве обучения солдат грамоте, устройства чтений и библиотек и т. п. общепросветительных начинаний в военной среде. Преобладающим предметом занятий в других кружках того времени была политическая экономия; читали Милля с примечаниями Чернышевского, читали Зибера (изложение Маркса). Выборы последней книги в одном из известных мне кружков нельзя назвать удачным. Кружок состоял из довольно мало подготовленных молодых людей, а такая книга только могла отбить охоту от занятий. В некоторых кружках довольствовались статьями Добролюбова. Пускалась в ход и нелегальная литература. Большая часть юнкеров, которых мне приходилось видеть, не отличалась особенно высоким уровнем развития. Они производили впечатление славных солдатиков, не из бойких. Исключение составляли моряки, более развитые и бойкие.

Дело понемногу развивалось, но продолжилось недолго — каких-нибудь два года. Погром разразился тогда, когда около половины старших воспитанников уже были произведены в офицеры. Дело началось с ареста моряка Чернявского, бывшего в командировке в Киеве. Он давал кой-кому из солдат нелегальщину, один солдатик донес по начальству. У Чернявского произвели обыск и нашли некоторые адреса, между прочим офицера Шейдевандта. Сей последний до того перепугался, что не только сделал полное признание в своих собственных прегрешениях, но и оговорил всех, кого знал, и рассказал очень подробно историю всего дела. Многие из арестованных со своей стороны давали подтверждения обвинений и прибавляли новые данные, и в конце концов в очень короткое время в руках правительства уже была полная картина всего дела. Не пощадили господа военные никого, кто бы принимал хоть какое-нибудь даже косвенное участие. О руководителях и пропагандистах и говорить нечего, но даже все лица, хоть раз предоставлявшие свои квартиры для собраний, все случайно встреченные на собраниях, все, одним словом, хоть сколько-нибудь прикосновенные к делу, были обнаружены. Многие из юнкеров вели себя, говорят, довольно позорно на допросах, плакали перед жандармами и умоляли о пощаде. Дело это рассматривалось военным судом. Одна дама, допущенная в качестве родственницы на процесс и бывавшая раньше на политических процессах, передавала, что никогда такого позора она не видала. Плач и раскаяние — вот основной мотив поведения подсудимых военных (невоенные были порешены административным порядком).

Отчасти это надо объяснить боязнью особенно строгого наказания (ходили разговоры даже о смертной казни), отчасти же тем, что многие, в сущности, не ведали, что творили, и ни к какой политике были душой не причастны и попали в государственные преступники только потому, что были военные: будь они студентами, то дело ограничилось бы для многих разве что исключением из учебного заведения.

Правительство, в общем, довольно верно поняло характер движения, не усмотрев в нем военного заговора, но все же признало его, конечно, весьма нежелательным. Все участники были разжалованы в солдаты на срок от 4 до 8 лет и отправлены на службу на окраины, преимущественно в Туркестан и Кавказ. Невоенные бы-

ли сосланы административным порядком в Сибирь, самое большое — в Восточную Сибирь на 5 лет (Брамсон, Залкинд, Брагинский, Гаевский, Николаев). Некоторые только прикосновенные были подвергнуты тюремному заключению или высланы из Петербурга.

А. Л. Брейтфус

ТОЧИССКИЙ И ЕГО КРУЖОК

I

Павел Варфоломеевич Точисский[1] родился в 1864 году[2] и происходил из польской дворянской фамилии. Его отец, полковник, был женат на парижанке. От этого брака было трое детей: Павел (Август), Мария и Франц. О раннем своем детстве Точисский мало говорил, но любил рассказывать про свою мать, которую обожал; он утверждал, что мать в него вдохнула республиканский дух. Не будучи музыкальным, он любил «Марсельезу», которую напевал правильно. По его словам, «Марсельеза» была колыбельной песней, которую напевала мать, убаюкивая его. Отца он ненавидел, но еще больше ненавидел своего дядю, ксендза, имевшего большое влияние на отца. По натуре Точисский был сентиментален и добр и справедлив.

Рассказывая свое прошлое, он очень охотно вспоминает время, когда его отец служил в Екатеринбурге начальником тюрьмы; этапы, проходившие в далекую Сибирь, произвели на него особо сильное впечатление. Рассказывал он очень образно и сильно. Живя около самой тюрьмы, он рано заинтересовался жизнью арестантов и еще ребенком, толкаясь среди надзирателей и арестантов, научился детским умом понимать человеческие страдания. Суровые наказания, существовавшие в тюрьме, производили на него подавляющее впечатление, и он убегал подальше от людей и плакал горькими слезами. Чем мог он старался помогать «несчастным». Так, он рассказывал, как он, будучи еще мальчиком, воровал дома сахар и булки у матери и носил какому-то старому

арестанту, который несколько раз бегал из Сибири и был присужден на вечное заточение. Когда он подрос и уже был в гимназии, он заинтересовывается политическими арестантами, проходившими тогда большими партиями через екатеринбургскую тюрьму. Они-то и пробудили в нем критическую мысль, натолкнули его на революционную стезю, с которой он не сходил в продолжение всей жизни до рокового выстрела, прекратившего жизнь в этой доброй, смелой и честной груди.

Еще гимназистом Точисский устроил среди сверстников кружок самообразования, существовавший долгое время. Из этого кружка вышло несколько человек, имена которых стали известны впоследствии в летописях русской революции. Из всех имен у меня в памяти сохранилось только имя Евгения Поленова (был в Московском университете). Учился Точисский в гимназии плохо, да у него и времени на то не было: в городе была хорошая библиотека, из которой он запоем читал книги. Одаренный хорошей памятью и недюжинными способностями, он легко схватывал прочитанное. Между прочим, любимыми писателями его были Щедрин, Михайловский, Добролюбов и Успенский, которых он цитировал по памяти.

В последних классах гимназии у него было много столкновений с начальством, предвидевшим в нем подрастающего революционера. Столкновения эти были не только в гимназии: отец тоже не мог примириться с развивающимися в нем взглядами; взаимное раздражение росло, и скоро дело кончилось тем, что отец выгнал его из дома. Точисский принужден был работать чернорабочим на каком-то заводе около Екатеринбурга. Тяжелая жизнь и новые условия тесно сблизили Точисского с его новыми товарищами. Здесь он решил окончательно уйти «от ликующих, праздно болтающих и т. д.»[3] и посвятить свою жизнь трудовому, забитому и бесправному люду, работать для его раскрепощения, для уяснения ему его неотъемлемых прав человека.

В 1884 году летом Точисский вместе с сестрой своей Марией перебрался в Питер. Сестра его поступила на высшие женские курсы (Бестужевские), а он — в ремесленное училище, где-то возле Арсенала на Выборгской стороне. Изучал он там слесарное ремесло.

В 1885 году летом я познакомился с ним. Он жил тогда на Петроградской стороне, в Дункином переулке, в подвале деревянного дома, у какой-то коровницы. Жил

он крайне бедно, питаясь чаем и хлебом, почти никогда не обедая. От отца он денег брать отказывался, но изредка получал поддержку от матери, которая из боязни отца украдкой посылала свои грошовые сбережения. Одевался он, как настоящий рабочий, в грязную синюю блузу, чертовой кожи штаны и опорки на босу ногу. Ходил он тяжело, вразвалку, потрясая красивыми черными волосами, обрамлявшими тонкие, благородные черты лица. Его любимая поза была поза Мефистофеля со скрещенными на груди руками.

Ежедневно вечером я заходил к нему и заставал его постоянно или с книгой или с газетой за чаепитием, к которому он относился как к священнодействию. По поводу прочитанного он заводил длинные разговоры и так умел увлекать ими, что мы просиживали до поздней ночи, вовсе того не замечая.

Тут во время этих разговоров я познакомился с новыми взглядами на революционную борьбу, сторонником которых оказался Точисский. Я в это время был под сильным гипнозом народовольческих идей, очарованный героической и красочной борьбой народовольцев с властью. Мне тогда представлялось, что учение революционных народников являлось альфой и омегой человеческих знаний. Поэтому, когда я в Точисском встретил строгого критика народовольчества, я был крайне удивлен и заинтригован. Его абсолютно отрицательное отношение к террору меня поражало. Я считал террор верхом героизма. А он говорил, что террор — рисовка, что адепты террора лишь жаждут славы, что террор — в конце концов лишь средство завоевать власть для вырастающего класса буржуазии. Народ настолько темен, настолько еще несознателен, что не в состоянии воспользоваться результатами героической борьбы народовольческой интеллигенции; последняя, борясь во имя якобы народа, лишь могла бы помочь взять власть новым врагам народа. Но, к великому огорчению и революционной интеллигенции и алчной буржуазии, тянущейся к власти, террор и вообще все потуги революционной интеллигенции — лишь покушение с негодными средствами. Революция и радикальный политический переворот возможны лишь в результате глубинного движения народных масс, и именно той части народа, которая является действительно революционной по отношению к существующему строю. Точисский находил, что в России может быть пригоден для революции только пролетариат и все

революционеры сильно грешили и грешат, игнорируя этот класс, бросаясь то в крестьянскую, то в интеллигентную среду. Крестьянская масса, несмотря на свою многомиллионность, разъединена, не спаяна одними интересами. Кроме того, слишком низко стоящая в культурном отношении и в смысле классового самосознания, она не может стать авангардом революции.

Считая единственным революционным классом промышленный пролетариат, он находил, что в этот класс должны быть брошены все революционные силы страны, создан в нем революционный оплот на почве экономической борьбы, должно воспитать и приготовить его для политической борьбы. Но рабочий класс России находится еще на низкой ступени развития, его классовое сознание находится лишь в потенции. Поэтому без помощи интеллигенции ему не обойтись: последняя должна повести его, дать ему организацию, выявить его классовое сознание.

Интеллигенцию он считал случайным гостем в революции. ибо понимал революцию как социальную. Он часто говорил: «Вы с нами до первого поворота, до первой конституции, которой добиваетесь от правительства и в которой нуждаетесь, а там наши дороги далеко разойдутся». Не реже он повторял слова Христа: «Прежде чем петух пропоет три раза, вы (интеллигенция) трижды отречетесь от меня (пролетариата)». Вообще он считал революционную интеллигенцию идеологами буржуазии и старался отсеять от нее лишь действительно революционное ядро. Поэтому он тем не менее привлекал к своей работе интеллигенцию en gros*, но не забывал ставить ей на вид, что она терпима только до тех пор, пока в среде рабочего пролетариата не создалась своя интеллигенция, революционная.

Еще летом 1885 года у него уже созрел план организации обществ для поднятия умственного и нравственного уровня рабочих. Тогда он еще подыскивал людей для этого общества и склонял меня пойти по его стопам. Я учился в то время в консерватории, и он убеждал меня бросить музыку, ибо не время, говорил он, еще сейчас заниматься искусством, когда жизнь требует от нас иной, более продуктивной работы. Он убеждал меня, что, пока музыка служит только богатому классу, ею заниматься преступно, и советовал поступить то-

* В большом количестве (*франц.*).

же в ремесленное училище, чтоб с ним вместе идти в качестве рабочего работать среди рабочих, как это сделал по его убеждениям Иван Шалаевский, не выдержавший конкурсного экзамена в Институт путей сообщения. Он изучал в том же ремесленном училище столярное ремесло. Я колебался, ибо страстно любил музыку с детства и сразу разбить свой кумир не хватало во мне силы. Он смеялся надо мною, называя меня аркадским пастушком, а я, сознавая всю правоту аргументов Точисского, страдал и мучился, но недолго. Демонстрация 1886 года на могиле Добролюбова сразу решила оперативным путем мой вопрос с консерваторией. Я попал в число переписанных полицией и был исключен из консерватории. Моя музыкальная карьера была закончена, и больше ничто не смущало мою душу. Я был свободен и тоже решил отдать себя целиком революционному делу, однако в ремесленное училище поступать не хотел.

Фактически кружок Точисского образовался еще с осени 1885 года. Это была компания близко знакомых интеллигентов-учащихся, объединенных одной общей идеей — ненавистью к существующему политическому строю. Состав этого кружка я в настоящее время не могу указать точно, ибо факты и даты перепутались в моей памяти, но во всяком случае в нем принимали участие, кроме Точисского, его сестра Мария, я, а может быть, еще Данилова и Аркадакская. Я, в это время находившийся еще под сильным влиянием народовольческих идей, хотя уже и чувствовал, что в этой борьбе наступил роковой перелом, но не мог примириться с фактом, искал приложения своих сил и, за отсутствием иного дела, занимался гектографированием брошюр «Царь-голод», «Сказка о четырех братьях»[4] и прочее, еще не зная, где и как буду их распространять, ибо связей у меня в соответствующих кругах не было. Тут-то мне и помог Точисский, у которого уже тогда оказалась аудитория достаточно емкая, чтобы поглотить почти целиком мною изданные брошюры.

К рабочим Точисский долго «интеллигенцию» не подпускал, и я, пользуясь его полным доверием, был первый, который получил этот доступ. К рождеству 1885 года уже у нас были прочные связи за Невской заставой, у Берда, у Штритера, у Лаферма, в артиллерийском Арсенале, в ремесленной школе. Здесь небезынтересно отметить, как Точисский вербовал рабочих. Встретив и разговорившись с тем или иным рабочим с новой фабри-

ки или завода и заметив, что собеседник «клюет», он уже не выпускал его из виду, шел с ним в чайную или трактир, здесь вступал с ним в длинный разговор, нащупывая почву, выяснял, где и когда он бывает, и потом старался вторично встретиться с ним, а может быть, еще и не один раз, чтобы проверить свое первое впечатление Я уже сказал, что сам Точисский одевался, как рабочи.., кроме того, он старался говорить языком рабочих и о революциях — ни слова. Поэтому такие встречи его не вызывали подозрений в собеседнике; часто к ним приставала компания слушателей, которые также не подозревали в Точисском интеллигента, пошедшего в народ. Но сам Точисский был крайне осмотрителен и осторожен с рабочими, он привлекал их к своему делу только после тщательных повторных проверок. При этом он даже избегал вовлекать в свое дело рабочих, уже задетых пропагандой, считая их испорченными революционным авантюризмом. Так, по крайней мере, он относился к Нилу Васильеву, рабочему лет за 50, распропагандированному еще чайковцами или нечаевцами. Каждым промахом последнего он пользовался, чтобы подчеркнуть результаты интеллигентской пропаганды. Он предпочитал вербовать свежих рабочих.

Питерские революционеры встретили появление новой организации крайне радушно. Через Точисского и Лазарева были получены связи с рабочими на заводе Берда, где Точисский работал в качестве слесаря, а Лазарев — в качестве молотобойца. Связи эти были использованы в полноте лишь впоследствии. Время это было тяжелое, когда связи с рабочими были потеряны, когда интеллигенция в среду рабочую проникать не могла. Дворники, перешедшие на службу полиции, зорко следили за каждым живущим в доме рабочим, и те, которые не занимались пьянством, брались на подозрение. Публика либеральная относилась к нам снисходительно и помогала нам средствами и книгами. Особенно много мы получили от фабриканта Варгунина, генеральши Слепцовой (дочь известной парижской эмигрантки-анархистки С. Лавровой), Некрасовой (бестужевки), Серебряковых, д-ра Караваева и прочих.

При «Товариществе» была устроена прекрасная библиотека, которая переплеталась собственными силами (имели два полных набора инструментов), библиотека и склад нелегальной литературы, касса помощи для рабочих, пострадавших за политические убеждения.

Будучи прекрасным организатором и конспиратором, Точисский очень удачно и толково установил драконовские правила конспирации. В особенности он боялся разгильдяйства со стороны наших женщин, которые, занимаясь революцией, не могли отрешиться от театров, гостей и проч. Точисский прекратил это «шлянье», как он выражался, и ввел в обиход клички. Для большей безопасности был выработан план сношений, и каждый из нас мог сноситься только с двумя членами, а именно через одного получать распоряжение и другому передавать их, но отнюдь не бегать ко всем.

Уже с весны 1886 года он стал показывать интеллигенции своих рабочих, по-прежнему не подпуская близко одних к другим. В этом году кружок конституировался.

К осени 1886 года Точисским был выработан проект устава тайного общества, в котором говорилось: «Общество зиждется на основе поднятия интеллектуального и морального уровня рабочих путем: библиотек, чтений, кружков саморазвития и общений с революционной интеллигенцией». В нем говорилось об организации касс взаимопомощи, устройстве стачек и коллективных протестов против отдельных лиц, распоряжений и постановлений заводоуправлений и пр.[5]

В конце 1886 года было первое организационное собрание, на котором участвовали Точисский, его сестра Мария, Дмитрий Лазарев, Иван Шалаевский, Елена Данилова, Любовь Аркадакская и я. Устав был принят, и общество было названо «Товарищество петербургских мастеровых». Однако проект прошел не в том виде, в каком его представил Точисский. Мною было внесено добавление, поддержанное Лазаревым, Аркадакской и Даниловой. Добавление говорило о: 1) библиотеке нелегальной литературы; 2) кассе помощи политическим ссыльным и заключенным рабочим. Точисский сильно протестовал, боясь большого увлечения «нелегальщиной», в которой видел больше вреда, чем пользы. Он говорил, что «нелегальщина» только будоражит голову, но не дает необходимых знаний и развития, и сравнивал ее с быстро расцветающим, но и быстро увядающим цветком. Когда была устроена эта библиотека, он постоянно сдерживал меня (я был ее библиотекарем) и советовал не начинять рабочих этим материалом, а приучать их к серьезному чтению.

Касса взаимопомощи по идее устава была стачечным фондом, из которого предполагались временные позаимствования для выдачи лишь в виде возвратных ссуд, и то лишь в несчастных случаях. Фактически же ссудами никто не пользовался; ссуды выдавались только библиотеке на приобретение новых изданий. Часть этих ссуд была покрыта из пожертвований. Размеры актива кассы были незначительны, ибо большая часть пожертвований отчислялась на библиотеку и в фонд помощи политическим пострадавшим. А членские взносы были слишком ничтожны, чтобы из них мог образоваться капитал, лишь сколько-нибудь похожий на фонд, необходимый для стачечной борьбы.

В легальной библиотеке «Товарищества» было по каталогу больше 700 номеров. Переплетенных книг было штук 600, остальное в брошюрах. Много книг было по беллетристике, по нескольку экземпляров. Были исторические, научные и по экономическим вопросам и пр. Рабочие читали больше беллетристику, хотя мы давали читать более охотливым по каталогу систематического чтения (Челябинский). «Товарищество» получало журналы «Русская мысль», «Северный вестник», «Вестник Европы», «Русское богатство» и газеты «Русские ведомости» и «Московские ведомости» (для информации). Библиотека отчасти составилась из пожертвований самих авторов. Так, например, мне известно, что Точисский с этой целью ходил к Н. К. Михайловскому, М. Е. Салтыкову-Щедрину и многим другим, от которых получал иногда даже в нескольких экземплярах их сочинения. И только визит к Толстому Л. Н. не дал никакого результата, потому что Лев Николаевич предложил пойти за книгами к своей жене, а последняя в пожертвовании отказала. Остальные книги были приобретены или на пожертвованные деньги или также пожертвованы лицами. сочувствующими делу.

Библиотекарем нелегальных книг в «Товариществе» был я. Библиотека у меня была разделена, представляя собою и склад. Хранил я склад на чердаке, в отделении, принадлежавшем квартире какого-то генерала, около самого карниза, за ящиками. Дневной запас имел или в своей комнате или за обоями в ватерклозете, в стене которого были вынуты кирпичи и образована вместительная ниша.

В «Товариществе» были следующие книги, количество которых указываю приблизительно:

«Царь-голод», собственного гектографирования . . . . . около 10 — 12 экз.
«Сказка о четырех братьях», собственного гектографирования . . . . . » 10—15 »
«Хитрая механика» . . . . . » 5—10 »
«Слово на великий пяток» . . . . . » 3—5 »
«Речь Алексеева» . . . . . —
«Сущность социализма» Шеффле . . ?
«Речь Бардиной» . . . . . » 15—20 »
Письма Миртова . . . . . ?
«За что старика обидели» . . . . . » 3—5 »
«Процесс Лопатина Г.» . . . . . » 10—15 »
Л. Тихомиров. «Почему я перестал быть революционером» . . . . . « 1—2 »
«Календарь „Народной воли"» . . « 2—3 »
«Манифест Коммунистической партии» « 5—10 »
Разные биографии революционеров . « 10—20 »
Книжки „Народной воли" . . . . много
Брошюрки Л. Н. Толстого . . . . ?
Газета „Народной воли" . . . . . неск. экз.
Листки „Земля и воля" . . . . . —
„Рабочий" (газета) . . . . . 1 »
Плеханов. „Наши разногласия" . . около 5—8 »
Прокламации разные . . . . . много

Точисский требовал для рабочих очень редко, и из этих книг, помнится, он брал лишь «Царь-голод», «Манифест», Шеффле[6], «Хитрая механика», Дикштейна «Кто чем живет?»[7] и больше, кажется, ничего.

Рабочие охотно читали «Хитрую механику», «Царь-голод», «Сказку», «Календарь „Народной воли"», биографии и отчасти газеты. Такие брошюры, как «Манифест» и Шеффле, читались с пояснениями пропагандиста, то есть Точисского, Лазарева и рабочих, состоящих действительными членами кружка. Усиленно пропагандировали нелегальщину среди рабочих «интеллигенты» кружка, не исключая и Лазарева, а из рабочих лишь Нил Васильев.

На себя Точисский взваливал всегда самую сложную работу, никому не доверяя ее, и всего больше берег от полиции рабочих. Когда начались в Питере сезонные аресты, он временно прекратил доступ интеллигенции к рабочим, установив все передачи на глухих улицах. Помню, что мне приходилось по вечерам колесить по Фонтанке около Коломенской части вечер за вечером, причем я ходил справа налево, а рабочий, с которым мне

надлежало встретиться, слева направо. Иногда выходило так, что наша встреча совпадала с проходом кого-либо из прохожих, и тогда приходилось описывать еще раз круг, пока не совпадет удобный момент для передачи. Эти конспирации, однако, хотя и вызывали негодование, тем не менее мы их очень оценили, когда были арестованы. Несмотря на то что участвовавших в «Товариществе» было очень много, пред судом жандармов оказалось только одно ядро, а именно Точисский, Лазарев, два моих брата, я, Точисская, Аркадакская, Данилова и Шалаевский*; никто из рабочих не пострадал и даже и не привлекался. Благодаря конспирации не погибли библиотеки, да и весь процесс принял бледный характер, несмотря даже и на то, что были среди нас люди невоздержанные на язык. Этим мы были обязаны исключительно Точисскому[8].

Кроме перечисленных лиц в состав действительных членов кружка входили: Петропавловская Александра Ивановна, Анна Ивановна Иванова, Анна Горных, Амбарова, а также рабочие Нил Васильев, Клим (Климанов) **, Семка, или Семеныч (Семенов), и Фомка.

Наиболее деятельным пропагандистом, кроме самого Точисского, был Лазарев, который вел непосредственные сношения с фабриками и заводами и поставлял новых кружковцев. На обязанности остальных членов кружка, мужчин, лежало доставлять рабочим книги из библиотеки. Ежедневно вся мужская компания забирала с собой пачки книг — штук до 15 — и тащила в то или иное место для передачи рабочим. Пачки эти целиком передавались рабочему, состоящему в паре с интеллигентом кружка, и только изредка 2—3. Из женщин кружка только одна Мария Точисская имела доступ

---

* Иван Алексеевич Шалаевский (пермяк) приехал в Питер с целью поступить в Институт путей сообщения, но не выдержал конкурсного экзамена и потому должен был выехать на родину (таково было полицейское правило). Точисский предложил ему поступить в ремесленное училище, в котором обучался и сам. В 1886 году Шалаевский поступил и изучал столярное ремесло. Состоя членом «Товарищества», он существенной пользы делу не приносил и вообще к революционной деятельности был мало приспособлен, благодаря своей неподвижности и глухоте. В 1887 году выехал из Питера.

** Климанова (Бубнова) в 1918 году я встретил уже коммунистом; он был назначен комиссаром какого-то банка в Петербурге, с удовольствием вспоминал кружок Точисского и утверждал, что с тех пор не покидал революционной работы, неоднократно подвергался преследованиям. С 1918 года я снова утерял его из виду.

к рабочим. Остальные же обслуживали библиотеку: производили записи выданных книг, переплетали их, доставали средства и прочее.

Кроме действительных членов к кружку примыкала довольно обширная группа так называемых пассивных членов. Из них я помню Флегонта Волкова, Щербо, Вениамина Попова, Елисеева, Тихановича, Ивана, Василия Голубева, Петра Яковлева, Николая Игнатова, Юлию Михайловну Белову*. Фамилий остальных не помню. Пассивные члены хотя и знали о кружке, были знакомы с его уставом и рабочими, но не знали состава действительных членов, местонахождения библиотеки и размеров связей с заводами. О последних даже действительные члены могли только догадываться, зная, сколько человек из кружка снабжают рабочих литера-

---

* Юлия Михайловна Белова (слушательница Бестужевских курсов) была выслана из Питера в 1886 году за добролюбовскую панихиду. Уехала в Екатеринбург, где была домашней учительницей. Она отличалась своей искренней преданностью революционному делу и горячо отзывалась на всякий призыв, за что стяжала в революционных сферах глубокие симпатии.

В 1888 году во время ее прогулки с учениками за городом (Екатеринбургом) дети забрались в какой-то ров, в котором и увидали двух сидящих человек. Испуганные, они прибежали к своей учительнице и рассказали ей. Белова сразу сообразила, в чем дело, и, чтобы успокоить детей и отвлечь их внимание от этого факта, подошла ко рву и непринужденно заговорила с находящимися в нем людьми. Тогда к ней подошел высокий, обросший волосами мужчина и обратился приблизительно со следующими словами, не слышными для детей: «Личико у вас честное, а потому я буду с вами откровенен. Перед вами два политических беглеца. Вы можете нам или помочь или нас выдать полиции, за что получите от нее благодарность, а наши товарищи вам отомстят». Белова успокоила незнакомца и пообещала ему помочь.

И действительно, через некоторое время ко рву подошла Белова с молодым человеком, в руках которого был узелок с пищей. Беглецам было сказано, чтоб они не покидали своей берлоги до прихода провожатого, и когда стемнело и город успокоился, они были доставлены в удобную комнату, где после долгих скитаний могли отдохнуть и принять человеческий облик. Эти беглецы были первые политические каторжане, которым удалось бежать за границу, а именно: Иван Николаевич Ананьин (Кашинцев, Калина), осужденный по Киевскому процессу народовольцев на каторгу, и рабочий Федоров (Петро), участвовавший и сопутствовавший в неудавшемся побеге Ковальской. Заручившись через Белову паспортами, связями по пути и средствами, Ананьин и Федоров благополучно пробрались до Парижа, где, при встрече со мной и увидев у меня фотографическую карточку Беловой, Федоров рассказал мне этот случай. Кто помогал Беловой в этом деле, он не сообщил, да, по всей вероятности, и не знал, кто был его вторым спасителем.

турой и в каком количестве. На обязанности пассивных членов лежало добывать средства для кружка и собирать пожертвования деньгами и книгами.

Поставив дело в Питере, Точисский в 1887 году, с целью устроить аналогичное Питеру «Товарищество» в посаде Колпино, переехал туда, где работал на оружейном заводе. Я несколько раз ездил к нему и доставлял туда книги, но скоро мы навлекли на себя подозрение, и Колпино пришлось на время оставить. Связь с Колпином сохранилась, но без Точисского дело организовать не удалось.

Из всего кружка только один Точисский был осторожен с нелегальщиной и от распространения ее среди рабочих воздерживался. Все остальные члены кружка, имевшие доступ к рабочим, охотно распространяли нелегальную литературу без всякого разбора и выбора. К числу таких принадлежал и Лазарев, который не полностью соглашался с тактикой Точисского, и особенно рьяно распространяли ее Нил и Мария Точисская.

Под конец нелегальщину стали даже продавать, и рабочие охотно покупали ее. Это Точисскому особенно не нравилось; он полагал, что продажа нелегальщины увеличивает шансы провала. Однако овладеть своей интеллигенцией он уже не мог — его переставали слушаться. Тогда он решает изгнать интеллигенцию из руководящего кружка, каковой вопрос и ставит на обсуждение собрания основного ядра.

Это решение согласовалось с его вообще скептическим отношением к интеллигенции. Точисский, как сказано, не любил интеллигенции в революции и не верил ей. Мы ему были нужны постольку, поскольку могли помочь начать работу, и прекрасно понимали, что как только «Товарищество» встанет на твердую ногу, он отодвинет нас как элемент посторонний, как балласт. Дело было уже настроено, он надеялся справиться без интеллигенции. Поэтому он с легким сердцем принимает такое решение. Однако эта мера оказалась уже запоздалой. Нас выследили и хотя не поймали с поличным, но у полиции было достаточно данных, чтоб все основное ядро изъять из Петербурга.

Кружок работал более двух лет, не будучи замечен полицией. Столь продолжительным существованием он обязан исключительно только той конспирации, которую неуклонно проводил Точисский. Только в одном случае он делал большое отступление от своих конспиратив-

ных осторожностей и был непоследователен, но и эта непоследовательность объяснялась его страстной любовью к природе. Часто хмурый, нервный и недовольный собою, придирчивый и грубый, он оживал, когда выходил за черту города, в открытое поле или попадал в лес, где мог дышать чистым воздухом. Здесь он был совершенно другим человеком, и его хмурое, пепельного цвета лицо покрывалось румянцем, разглаживались характерные складки между бровями, и он резвился, смеялся от души заразительным смехом, кричал и бегал, как мальчишка.

Летом мы часто устраивали с ним прогулки, соблюдая все правила конспирации, в Саратовскую колонию, где были у нас знакомые, но лучшим местом для отдыха было Токсово. Это Токсово лежит в 30 верстах от города на северо-западе. В то время Токсово представляло собою бедное чухонское село с довольно красивыми окрестностями. Над Токсовом в глухом девственном лесу раскинулись два чудных больших озера — Хинноярви и Ряттиярви, и вот на эти-то озера мы и устраивали прогулки. К ним постоянно готовились, как к какому-то походу. Вырабатывался план встреч и сборный пункт. Обыкновенно все участники сходились за деревней Гражданка. Компания доходила до 8 — 10 человек. Обыкновенно в ней был кто-нибудь из вновь завербованных рабочих. Поздно вечером, а то и ночью добирались мы, усталые, к лесу до озера, где постоянно строили два шалаша из ветвей и папоротника. Один шалаш был женский, другой — мужской, и мы в этих шалашах проводили время по нескольку дней. Точисский эти прогулки устраивал не только с целью найти среди природы душевный отдых, нет, он видел и другую пользу от них: они ему служили, как реактив химику. Нигде так хорошо не поддается изучению человек, как именно тогда, когда у него бывает, что называется, «душа нараспашку», когда он всего меньше подозревает, что его анализируют. На таких прогулках, полных разных неожиданностей, люди выявлялись сами собою, со всеми своими хорошими и дурными качествами. Бывали случаи, что после такой прогулки он к тому или другому начинал охладевать, начинал его оттирать, сомневаться в его искренности к тому делу, за которое тот брался. Кроме того, на эти прогулки Точисский припасал постоянно и интересные книги, которые там читались и обсуждались, сидя около жаркого костра. Дебаты, не

стесняемые никакими подслушиваниями в этой феерической обстановке, велись иногда до утра, и тут тоже определялись люди, выявлялась душевная подоплека. Точисский очень любил эти прогулки и часто говаривал: «Развеет нас жизнь по разным краям России, но никакие края, никакие условия не вытравят из памяти моей эти прогулки в Токсово». Он был прав, и если он не забыл эти прогулки, то не забыли и мы, участники их, и с чувством глубокого благоговения вспоминаем эти давно прожитые, чистые, не омраченные жизнью часы и дни.

В феврале 1888 года некоторые из нас уже попали на подозрение полиции, и начали ходить слухи о слежке за нами. Предчувствуя собиравшуюся грозу, необходимо было собраться, распределить на всякий случай функции и принять необходимые меры для сохранения начатого дела и ценных библиотек. Точисский назначил собрание центра, но, так как удобных помещений в Питере не было, где бы можно было себя чувствовать в безопасности, он предложил собрание это устроить в деревне Заманиловке (за 3-м Парголовом). День был выбран воскресный. Всем участникам была дана инструкция друг к другу не подходить и ехать по Финляндской железной дороге в разных вагонах. На собрании должны были участвовать: Точисский, его сестра, Аркадакская, Данилова, Лазарев и я. Я пришел на вокзал первым и прохаживался по залу 3-го класса. Скоро пришли Аркадакская, Точисский и другие. Последней пришла Данилова и за собой привела шпионов. Она была очень близорука и никогда не умела следить за «хвостом». Я заметил это очень поздно, когда уже товарищи заняли места в вагонах. Необходимо было разыскать в вагоне Точисского и Лазарева и предупредить их, так как и в их вагоне были подозрительные субъекты, фиксировавшие Точисского. Это мне удалось только на станции Удельной. Мы втроем вышли для совещания на площадку, где и решили, имея при себе компрометирующие документы, не доезжая станции Парголово, соскочить с поезда и удрать, боясь ареста на станции Парголово. Удалось это нам только перед самой станцией. Первый выскочил Лазарев, потом я, а за мной Точисский. Выскочили мы удачно в снег на глазах у шпионов и благополучно добрались до Петрограда [Петербурга]. Больше нам всем вместе уже не удалось собраться. Аркадакская уехала в Париж к брату

своему эмигранту. Точисский, Лазарев и я были в марте месяце арестованы. В 1888 году я, будучи под надзором в Твери, был вызван в Москву, куда приехал из-под надзора из города Саратова Точисский. Встреча была радостная. Там же проживали в то время Аркадакская и Данилова. Точисский задумал устроить такое же «Товарищество» в Москве. Квартировал я с Точисским у какого-то средних лет офицера, которого Точисский посвятил в свои планы (имя его мне не было известно). Офицер этот работал, как я понял из разговоров, среди военных. Поразило меня то, что его вестовой вместе с ним участвовал в обсуждении вопроса. В кабинете, в котором мы спали с Точисским, было много связанной нелегальной литературы и свежеотпечатанные прокламации (содержания не помню). Из Москвы Точисскому и мне пришлось бежать, так как за нами началась слежка. Я уехал в Тверь, а Точисский — не помню куда.

Осенью того же года я был арестован в Твери, где некоторое время содержался в этапной старой тюрьме, а затем был перевезен в Питер и заключен в Дом предварительного заключения. Наутро, выглянув из окна, я увидел на прогулке в клетке своего брата Леонида[9], после — Точисского и Лазарева, и тогда понял причину своего ареста. Первый жандармский вопрос убедил меня, что мы привлекаемся за участие в «Товариществе». Дело наше вели прокурор Котляревский, товарищ прокурора Янкулио и жандармские ротмистры Потулов и Иванов.

После предварилки я видел Точисского на прогулке в «Крестах», в которых он, так же как и я, отбывал наказание.

Очутившись за границей, я переписывался с Точисским, жившим в то время в Екатеринославе. Знаю, что он там за что-то привлекался, но за что именно, не помню. В Екатеринославе он женился на гладильщице.

В 1893 или 1894 году я жил в Болгарии, в городе Варна, куда весной приезжал на отдых Точисский с женой. Устроить его мне там не удалось. Точисский очень заинтересовался болгарским социал-демократическим движением и через меня познакомился с вожаками, в том числе с Благоевым, который, в свою очередь заинтересовавшись работой кружка Точисского, подробно расспрашивал его и меня о том, как ставилась работа и какой тактики держался кружок. Из этих расспросов было видно, что ни Благоев, ни благоевцы вообще

не имели представления до этой встречи о работе этого своеобразного кружка [10]. Не найдя никакой работы в Болгарии, Точисский вынужден был осенью возвратиться в Россию [11].

Последний раз я встретился с Точисским в 1912 году, уже в России. Он приезжал в Питер хоронить свою мать, кажется, из Москвы.

Оставался он в Питере очень короткое время, но и за это время мне удалось выяснить, что Точисский не изменил своих юных воззрений, что оставался верен тем идеалам, которые залегли в его душу еще в дни юности.

В 1917 году летом я получил от него номер большевистской газеты, которую он издавал в Сибири [12]. Это была последняя непосредственная весточка от него. События захватили меня, и только теперь, несколько опомнившись, желая разыскать своего дорогого старого товарища, я получил тяжелое известие, что его нет больше в живых.

М. С. Ольминский

ДАВНИЕ СВЯЗИ

II
В ПЕТЕРБУРГЕ

По приезде в Петербург[1] удалось сблизиться с компанией молодежи из Ростова. Руководящую роль играл технолог Федор Олесинов*. В том же кружке был Яков Самойлович (в настоящее время — инженер по электричеству в Петербурге) и Мар. Ил. Югилевич из Таганрога. По указанию Олесинова кружок начал с политической экономии Д. С. Милля (с примечаниями Чернышевского), а затем перешел к первому тому «Капитала» Маркса К. Рядом с этим тщательно разбиралась статья Н. К. Михайловского «Что такое прогресс?» и возражение П. Л. Лаврова («Формула прогресса Михайловского»). Читались также «Исторические письма» Миртова (П. Л. Лаврова) и «Очерк теории личности» его же.

«Капитал» в кружке читали не весь, а только первые главы, с разъяснениями Олесинова. Дальше каждый читал самостоятельно. На меня «Капитал» произвел сильное впечатление — перед глазами развертывалась картина капиталистических отношений, непонятных раньше.

Первая зима прошла в занятиях по самообразованию. Пробовал было Олесинов связать меня с рабочими (помню Якова Серебрякова с Нового Адмиралтейства), но я вскоре отказался от занятий, сознавая свою неподготовленность. А к зиме 1884 года и Олесинов, и

* Вернулся из ссылки в конце 1892 г. В 1905 г. был крупной «шишкой» на Путиловском заводе. В газетах упоминалось его имя в связи с какой-то историей по отношению к рабочим.

Самойлович, и воронежец Михаил Орлов были уже арестованы в разное время. Около того же времени был арестован и член «Союза молодежи партии „Народная воля"»[2], через которого я вступил в эту организацию, — Абрам Достаков (впоследствии известный в Баку прислужник нефтепромышленников)

Взамен появились новые связи. С одной стороны — тифлисец Василий Яковлевич Головня, ставрополец (?) Владимир Иванов (кажется, умер в Восточной Сибири), Анна Ивановна Федотова (из Усмани) и др. А с другой — группа донских и кубанских казаков: Александр Иванович Александрин (отбыл каторгу на Сахалине), Говорухин, Генералов (не уверен, что это тот Генералов, который казнен по делу 1 марта 1887 г.[3]) и др.; близки к этой группе были также и уральские казаки: Н. А. Бородин*, Шапошников.

Через эту казачью компанию произошла у меня связь с кружком Благоева, первого в Петербурге пропагандиста социал-демократических идей и организатора первого кружка социал-демократов. Он в то время читал по квартирам на студенческих собраниях рефераты в защиту марксистских идей. В памяти остался только факт, что Благоев, полемизируя против ходячих народовольческих взглядов, главным образом доказывал, что интеллигенция не составляет самостоятельного, отдельного класса; отсюда он и делал марксистские выводы.

Насколько помню, в этой пропаганде Благоева и его кружка мы не видели особого принципиального греха; поэтому все время шел разговор о слиянии благоевского и народовольческого кружков, ведущих занятия с рабочими, так как в этой «специальной» области между нами, дескать, нет разногласий. Благоевцы от переговоров не отказывались, но от слияния уклонялись[4].

В работе обособление не было строго проведено. Только этим, да, может быть, еще недостатком интеллигентских сил, можно объяснить передачу рабочего кружка Колодонова мне, не скрывавшему своего тяготения к народовольчеству. Были и другие подобные случаи, например с Семеном Орловым (выслан в Орел и застрелился). Мне только раз случилось быть на собрании лиц, которые под руководством группы вели заня-

---

* Мне он называл себя народовольцем; впоследствии стал членом кадетской партии.

тия с рабочими. Из этого собрания помню, что поднимался вопрос об объединении всех рабочих через рабочих же представителей кружков. Из этого ничего не вышло: говорили, что рабочие сами отказались по конспиративным соображениям.

Когда появились в Петербурге первые брошюры Г. В. Плеханова («Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия»), они встретили более враждебное отношение, чем пропаганда кружка Благоева. Причина этого заключалась в значительной мере в резком полемическом тоне Плеханова по отношению к «Народной воле»: в этом тоне видели оскорбление святыни, а следовательно, и дезорганизующее влияние, и службу контрреволюции и т. д.

«Народная воля» в эти годы явно клонилась к упадку: все реже появлялась нелегальная литература; все менее крупными становились террористические акты (убийство Судейкина, шпиона Шкрябы в Харькове и т. п.). Вожди партии сходили со сцены, а на их место становились менее крупные люди.

На короткое время возродилась надежда на возврат недавней силы партии с приездом в Россию Германа Лопатина. Это был человек очень крупный во всех отношениях. Под его влиянием быстро стали собираться разрозненные силы; росла и крепла организация. Но Лопатину же суждено было нанести ей смертельный, непоправимый удар.

Еще до ареста Лопатина ходили легенды о его неуловимости, о той ловкости, с которой он умел выходить из самого трудного положения, когда арест казался неминуемым. По-видимому, и сам Лопатин уверовал в свою неуловимость. Только этим и возможно объяснить, что он имел при себе список, в который заносил все фамилии и адреса членов организации, каких он только знал или о ком слышал, — с характеристикой товарищей (на какое дело способен), с указанием роли в организации. При аресте этот список попал в руки жандармов, и организация была выметена; уцелели только те, о ком Лопатин не знал.

История со списком Лопатина мало того, что погубила множество народа: она надолго сделала невозможной самую речь о восстановлении широкой организации. Всякий проект, всякая попытка такой организации встречала возражение с указанием на случай с лопатинским списком [5].

Но, конечно, самая роковая ошибка крупнейшего вождя не могла бы убить движения, находящегося в периоде роста. Были более существенные причины и признаки упадка. Верным его показателем было измельчание лозунгов и практических задач. Вместо цельной программы, хотя бы и ошибочной, в отдельных кружках стали выдвигаться отдельные кусочки программ.

Появились террористы, не признававшие ничего, кроме террора. Создавались группы, признававшие только военные заговоры или только роль либерального «общества». Явились даже проповедники действия путем исключительно самозванства по образцу Пугачева. В первой половине 1880-х годов эти признаки разложения были еще не так ярки: упадок скорее чувствовался, чем сознавался. Несмотря на упадок, пропаганда среди рабочих не замирала. Вскоре и я попросил дать мне кружок.

Почти одновременно я получил два кружка: один — от благоевской группы, а другой — от рабочей организации при «Союзе молодежи партии „Народная воля"». Во главе первого кружка стоял наборщик государственной типографии Арсений Матвеич Колодонов, а во главе второго — Крутов.

Колодонов жил на Садовой, против Александровского рынка, в ветхом доме, на месте которого позже вырос огромный городской дом. Здесь в каморках, выходящих в бесконечные коридоры, ютились рабочие и всякая беднота. Каморка Колодонова была разгорожена занавесью, за которую часто отлучалась к ребенку жена Колодонова; если же ребенок не мешал, то она внимательно прислушивалась к занятиям в кружке.

В кружок входили метранпаж Панов, конторщик Беляев, один шляпник и еще кто-то. Читали брошюру «Царь-голод», приблизительно по одной главе в вечер.

Колодонову было в то время около 30 лет. Распропагандирован он был наборщиком Жарковым, который потом был убит за выдачу жандармам газеты «Черный передел». Колодонов рассказывал, как тяжело ему было услышать об этом убийстве и как перед ним тогда стал вопрос: кому же после этого верить?

Читал и знал Колодонов чуть ли не больше меня, и я перед ним робел, особенно в первое время. Он заметил это, старался помогать и ободрить.

Помимо меня Колодонов поддерживал непосредственную связь с членами благоевской группы. На осно-

вании отдельных, случайно прорывавшихся слов и фраз я вывел заключение, что через Колодонова добывался шрифт и ставилась первая в России социал-демократическая типография для издания газеты «Рабочий».

Вернуться в Петербург удалось мне только осенью 1890 года (после ареста в декабре 1885 года). Нашел Колодоновых через адресный стол. Они встретили меня приветливо. Жили уже в отдельной квартирке; имели несколько детей. Старый кружок давно распался; никакой связи с организацией не было. Но Колодонов был пропагандист по природе и не мог не высказываться. Вокруг него естественно создавалась среда более сознательных рабочих.

В благоевское время не произошло объединения рабочих кружков. А впоследствии, когда рабочие объединились, Колодонов остался в стороне. Но он охотно оказывал всяческое содействие, когда к нему обращались.

Например, в 1891 году произошло первое в Петербурге рабочее собрание, посвященное празднованию 1 Мая[6]. Были произнесены и записаны четыре дельно составленные речи. Они попали к Николаю Леонидовичу Мещерякову, а от него — ко мне. Мы решили издать их. К кому обратиться, если не к Арсению Матвеичу? Он порекомендовал конторщика из «Общества электрического освещения 1886 года» П. М. Земса. Земс добыл гектограф, переписал речи, и у него же на квартире в одну ночь брошюра была отгектографирована им с моею помощью.

Вслед за тем «Группа народовольцев», только что образовавшаяся, решила ставить типографию. И тут без услуг Арсения Матвенча ничего бы не вышло: через него добыли шрифт и краску; он же дал указания относительно устройства типографского станка.

После ареста весною 1894 года мне удалось попасть вновь в Петербург только в «дни свободы» осенью 1905 года. Опять разыскал Арсения Матвеича. Побывал с ним на Пороховом заводе за Охтой, у П. М. Земса. Между прочим, Земс спрашивает:

— Что теперь делать с типографскими принадлежностями, которые вы дали мне на хранение?

Двенадцать лет хранил он их, будучи оторван от организации, рискуя тюрьмой!

Вспомнили мы далекую старину; потолковали о том, как быстро развивалось революционное движение, какие богатые плоды дала подпольная работа — такая, каза-

лось бы, мелкая, кропотливая, требовавшая стольких лет тюрьмы и ссылки. Тут же я с сожалением увидел, что Арсений Матвеич не совсем понимает пролетарскую массовую борьбу нового времени. Воспитанный в старых правилах полного самоотвержения, он равнодушно относился к борьбе рабочих за непосредственное улучшение своего положения. Он шутя высказал свое мнение о рабочих социал-демократах:

— Хорошие они люди, но уж слишком ораторы: сработают на рубль, а требуют три.

Упрекнем ли память Арсения Матвеича за такое мнение? Или же будем помнить только о том, что этот незабвенный товарищ в глухую ночь полного торжества самодержавия неустанно подкапывал самые основы трона и десятками лет вел эту кротовую, опасную и тяжелую работу?

В «дни свободы», когда так сильно зашатался трон, Арсений Матвеич по праву мог сказать с гордостью:

— Это и моих рук дело!

Сколько таких кротов — Колодоновых — из числа рабочих подрывало в одиночку устои старого строя, стоя в стороне от более широкого, организованного движения пролетариата? И смогло ли бы потом это главное русло разлиться таким широким революционным потоком, если бы оно не питалось бесчисленными подземными ключами Колодоновых-одиночек?

В сентябре 1909 года я вернулся в Петербург из Баку. На этот раз в справке адресного стола стояло: Колодонов... умер в марте...

Возвращаюсь к старине 1884—1885 годов.

От народовольческой организации мною был получен кружок рабочих завода Берда (впоследствии Франко-Русского). Собирались на Мясной улице, в квартире Крутова, пожилого, семейного рабочего, бывшего в то время фактическим руководителем кружка.

Кружок этот был больше колодоновского, моложе по составу и в некоторых отношениях интереснее. Здесь я чувствовал себя смелее. Оживленные лица заводской молодежи, жадно ловившей каждое слово, а также поминутно прорывавшееся революционное настроение заражали и увлекали. Занятия шли не так систематично: больше времени уделялось обсуждению вопросов текущей жизни.

Осенью 1885 года произошли крупные аресты на юге. В Ростове, между прочим, взят Антон Остроумов, в Ека-

теринославе — рабочий Виталий Кудряшов, переехавший туда из Воронежа; в Воронеже — Кузин и Ливадин.

Остроумов с первого же допроса стал злостным предателем. Кудряшов подтверждал показания Остроумова. По этим показаниям были арестованы: Алексей Никифорович Лебедев («Лазарь») в Воронеже, Николай Павлович Иваньшин — кажется, там же (после моего отъезда из Воронежа в 1883 году они поддерживали связь с Ростовом); Семен Руднев — в Москве, я — в Петербурге. По случайному обыску попали в дело Константин Николаевич Вентцель и его жена Надежда Яковлевна (урожденная Ростовцева). Воронежцев выделили в отдельное дело, кроме Кузина и Ливадина, которые судились по процессу Германа Лопатина. Воронежское дело тянулось полтора года; пошли в Сибирь Руднев, Иваньшин и Лебедев. Лебедев из ссылки бежал, вновь арестован и сослан надолго в одно из самых гиблых мест, далеко за Полярный круг, в Булун на Лене, куда никого не ссылали.

После солдатчины мне пришлось прожить зиму (1889/90 г.) вновь в Воронеже. В это время познакомился с железнодорожным рабочим Михаилом Феофановичем Бернгардом; у него происходило собрание небольшого кружка рабочих. Читал я здесь брошюру П. Б. Аксельрода — о задачах рабочей интеллигенции в России[7], но неудачно: слушатели оказались неподготовленными.

В ту же зиму жил некоторое время в Воронеже наборщик Трофимов. Он был раньше арестован в Петербурге, в нелегальной типографии на Рижском проспекте; отбыл ссылку в Сибири; теперь вошел в так называемую сабунаевскую организацию народовольцев[8] и жил на нелегальном положении. Это был очень милый, простой, прямой и горячий человек. Из Воронежа он поехал в Задонск, где хозяин маленькой легальной типографии соглашался печатать нелегальщину, если ему пришлют партийного наборщика. Здесь Трофимовым была набрана и отпечатана «Программа Исполнительного комитета партии „Народная воля“».

Задонск — это город, живший исключительно мощами Тихона Задонского. Не пойти к «угоднику» было нельзя. Помню, как отплевывался Трофимов, рассказывая, что и ему пришлось идти в монастырь «прикладываться».

Трофимов умер от тифа в иркутской пересыльной тюрьме.

В интересах организации (сабунаевской) было решено мне с женой переехать в Петербург. Мы уже садились в вагон, когда пришли сказать, что ночью арестован Петр Павлович Мануйлов (кличка «Дед»). А на Николаевском вокзале в Москве мы увидели его при посадке в вагон с двумя жандармами. Это могло означать только одно: серьезный провал сабунаевской организации.

В Питере (осенью 1890 г.) мы оказались без связей, ежеминутно ожидая ареста. А уехать было некуда и не на что. Пришлось сидеть смирно. Да и время было застойное, подлое. Это печально-памятные «восьмидесятые годы» — годы упадка и измельчания среди интеллигенции. Не хотелось иметь с нею дела, не хотелось встречаться. Разыскал рабочих Колодонова и Фетисова. Но больше всего был обрадован случайной встречей с Гавриилом Александровичем Мефодиевым.

Узнал, что малоинтересная курсистка имеет знакомство с рабочим.

— Поведите меня к нему.

Пришли на квартиру Николая Дементьевича Богданова. Разговор плохо начался: присматривались друг к другу. Был в комнате еще рабочий, постарше; он смотрел пристально на меня и наконец сказал:

— Петр Петрович! Мы с вами встречались.

— Где?

— А помните, вы приходили на Мясную к Крутову? Я был в том кружке.

После этого мы часто виделись. У него на квартире (в «Сивковых домах», угол Забалканского и Обводного) собирался небольшой кружок, с которым я стал заниматься, не помню чем. Чем-то очень простым, чуть ли не грамотой. Мефодиев объяснил позже, что рабочие навели обо мне справки раньше, чем отнестись с полным доверием; указывал и мотив — что с 1885 года прошло много времени.

Больше всего удивило и обрадовало меня то, что среди рабочих не только не наблюдалось упадка и развала, а как раз наоборот: со времени благоевской группы и «Союза молодежи партии „Народная воля"» рабочее движение сделало крупный шаг вперед: в Петербурге была налицо общегородская организация.

Бросался в глаза и другой факт: в 1883—1885 годах

не хватало рабочих кружков для интеллигентов, желающих вести занятия с рабочими; теперь же наблюдался острый недостаток интеллигенции по сравнению с количеством рабочих, желавших участвовать в кружках.

В рабочий центр кроме представителей от районов входил один представитель интеллигенции. В первой половине 1891 года таким представителем был кончающий курс студент-технолог Михаил Иванович Бруснев. Уезжая из Петербурга, он ввел меня в центр как представителя от интеллигенции, или, точнее, просто как интеллигента, потому что в это время я не входил ни в какую организацию. Собрания центрального кружка происходили в квартире Егора Афанасьевича Афанасьева (Климанова), кузнеца из Экспедиции заготовления государственных бумаг. Я «председательствовал» (вернее — помогал чем мог) в центральном кружке в течение лета и в начале осени. Затем близко познакомился с товарищем Бруснева, социал-демократом Вацлавом Цивиньским, и уступил ему место. Отчасти к этому побудило и то, что образовалась «Группа народовольцев»; мы занялись устройством типографии, и совмещать эти две работы (по кружку и по типографии) было неудобно в конспиративном отношении.

«Группа народовольцев» первоначально состояла из следующих лиц: меня, Николая Леонидовича Мещерякова, Екатерины Михайловны Александровой, А. А. Федулова и Л. К. Чермака в Петербурге и Николая Николаевича Фрелиха, жившего в Нижнем Новгороде. Вскоре она пополнилась А. Ю. Фейтом. Близко к ней стояла Наталия Александровна Григорьева, швея из рабочей организации. В состав интеллигентского кружка при «Группе» первоначально вошли: А. А Ергин *, А. Н. Никитинский и В. И. Браудо; позднее в нее вошли Михаил Сущинский и Н. Белецкий. В дальнейшем роль этого кружка сводилась к обслуживанию рабочих кружков согласно указаниям рабочего центра. Незадолго до большого провала в апреле 1894 года отношения с социал-демократами стали портиться, кажется, преимущественно благодаря Сущинскому и Белецкому **. Впро-

---

* Ергин после 1894 года склонялся к социал-демократам, но не сделался им. В «дни свободы» 1905 года он был одним из активных социалистов-революционеров в Нижнем Новгороде.

** О «Группе народовольцев» более подробно я говорил в статье, напечатанной в журнале «Былое», 1906, № 11. О Колодонове и Мефодиеве — в журнале «Рабочий мир», 1919, № 4-5.

чем, и развитие политической жизни должно было к этому вести.

Мы, народовольцы, все еще продолжали исходить из триединой основы революции: интеллигенция, крестьянство, пролетариат. Поскольку речь шла практически о работе среди рабочих, часть из нас готова была стать на классовую пролетарскую точку зрения. Но именно «постольку»; а это «постольку» давало основание социал-демократам обвинять нас в демагогии, в обмане рабочих. Сознательного обмана у нас не было, но мы не связывали концов с концами и объективно наша линия действительно носила характер демагогии.

Практически разногласия обострялись из-за вопроса о политической агитации: социал-демократия еще не изжила педагогически-пропагандистского, подготовительного периода; мы же толкали к агитации.

Из рабочих, игравших видную роль в организации, мне приходилось сталкиваться с Петром Морозовым, Владимиром Прошиным, Егором Афанасьевичем Климановым; меньше — с Иваном Ивановичем Кейзером, Константином Максимовичем Норинским, с Фишером. За Невской заставой встречал ткача Афанасьева *.

В центральном рабочем кружке в 1891 году (с лета?) наиболее видную роль играл Егор Афанасьевич Климанов. Касса кружка пополнялась главным образом взносами рабочих. В то время в ней числилось несколько сот рублей. Из этой суммы около 600 рублей были взяты взаем интеллигентами на издание (не доведенное до конца) литографированных протоколов Парижского международного конгресса.

В литературе для пропаганды ощущался недостаток. По старой памяти брошюровались в синюю, тетрадочную обложку статьи из журналов (это повелось с начала 1880-х гг.). Говорили, что рабочие-массовики неохотно берут эти брошюры, считая их по обложке «пашковскими». (Пашковцы — секта, основанная полковником Пашковым.) Ходил в Петербурге единственный экземпляр изданной на юге нелегальной брошюры «Борьба общественных сил». Автором ее называли Богораза (впоследствии — кадетообразный литератор Тан) [9]. Брошюра — ярко террористического направления. Но по отсутствии другой литературы социал-демократы брали ее

---

* Думал, что это Федор. Теперь выяснил, что это был, по-видимому, его брат Егор.

за основу для занятий в наиболее сознательных рабочих кружках, сделавши предварительную разметку и кое-что выбрасывая. Несколько позже были получены издания группы «Освобождение труда» и очень плохо изданная (по слухам, в Казани) брошюра Дикштейна «Кто чем живет?» [10] (кажется, с переделками).

Помню, в это время приходилось слышать от социал-демократов разговор по поводу нелегальной статьи В. И. Засулич о революционерах из буржуазной среды [11]. В статье доказывалось на основании европейской истории, что молодежь из буржуазной среды бывает революционна только до свержения самодержавия. Это правильно, но к России было еще неприложимо, так как самодержавие находилось в полной силе. Из статьи В. Засулич был некоторыми социал-демократами сделан неверный вывод, будто уже теперь в России интеллигенты-революционеры являются последними революционерами из этой среды. Поэтому первой задачей признавалось дать хоть немногим рабочим обширное марксистское образование, подготовить из них будущих Бебелей [12].

Применительно к этой задаче была составлена программа занятий, начинавшаяся почти с грамоты и кончавшаяся социализмом.

Таким образом, деятельность среди рабочих в значительной мере носила педагогический характер. Конечно, в этом была виновата вовсе не статья В. Засулич, а общее положение, невозможность широкой агитации. Организованная же работа шла своим чередом.

Среди части голодающих социал-демократов держалось мнение, что не дело рабочих завоевывать политическую свободу: ее завоюет буржуазия, которая рано или поздно неминуемо столкнется с самодержавием. Дело же рабочих — подготовиться к тому, чтобы использовать в свое время политическую свободу, завоеванную буржуазией.

Кое-кто шел дальше: политическая свобода нужна рабочим, а завоюет ее буржуазия. Так не лучше ли, чтобы ускорить дело, оставить пока рабочих в стороне и начать работать среди буржуазии, на почве защиты ее интересов? Говорили, что эта мысль исходит от П. Струве. Указывали, что именно против Струве было направлено несколько страниц в брошюре Плеханова «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России» (Письмо третье) [13]. Плеханов писал:

«Представим себе такой случай. Русская буржуазия убедилась, что дальнейшее существование царизма не принесет ей ничего, кроме убытков... Ее недовольство... разрешается открытой борьбой и падением существующего правительства. Видя энергию буржуазии и ее твердую решимость добиться представительного правления, мы пристаем к ней и боремся в ее рядах вплоть до желанного дня победы... мы завоевали политическую свободу, а она впервые дает нам возможность вести в широких размерах социалистическую пропаганду и агитацию. Следовательно, мы очень хорошо сделали, перестав на время быть социалистами. Наша временная измена социализму на деле оказывается самой большой услугой, которую мы только могли оказать ему. Я спрашиваю вас, товарищи, верно ли будет подобное рассуждение?»

Затем Плеханов на нескольких страницах основательно доказывает неверность этого рассуждения. Случай этот показывает, что корни уклонения от революционного марксизма в сторону либеральной рабочей политики надо искать в очень далеком прошлом.

Весной 1891 года произошло первое в Петербурге публичное выступление сознательных рабочих социал-демократов во время похорон старика-литератора Николая Васильевича Шелгунова. Незадолго до смерти рабочие поднесли ему адрес. В депутации участвовал и Г. А. Мефодиев. Посещение умирающего Шелгунова и беседа с ним произвели на него сильное впечатление. Когда Мефодиев рассказал, волнуясь, о приеме депутации Шелгуновым, я заметил:

— Вероятно, он скоро умрет. Нужно будет рабочим демонстративно участвовать в похоронах.

— Ах, не говорите теперь об этом! — со слезами воскликнул Мефодиев.

К сожалению, говорить пришлось очень скоро.

В пятницу на литературном вечере в зале городской думы разнеслась весть о смерти. В субботу под вечер я сообщил об этом Мефодиеву. Он упрекнул:

— Почему вы не приехали в обед? Всех можно было бы оповестить на работе. А теперь... Я многих адресов не знаю. Как быть?

Тем не менее в воскресенье утром в квартире Шелгунова и на узкой лестнице можно было среди интеллигенции заметить до десятка рабочих. Мефодиев попал на фотографический снимок у гроба. Тут же на ле-

стнице, в нише окна, была решена надпись: «Указателю пути к свободе и братству — от петербургских рабочих». Тотчас все мы вместе поехали на Садовую, потом на Казанскую и купили металлический венок с темно-зелеными дубовыми листьями — символ крепости рабочей руки.

Надпись на ленте отпечатали в граверной мастерской эстонца Лийва, с согласия хозяина, сочувствовавшего рабочему движению.

Хоронили Шелгунова в понедельник — рабочий день. Тем не менее к выносу явились и рабочие. Публика хотела нести гроб на руках. Полиция стала грубо отрывать руки от ручек гроба. Гроб склонился набок, и был момент, когда труп готов был упасть на мостовую. Пришлось подчиниться насилию полиции. Но тут быстро были разобраны венки, уже сложенные на повозку (до 50 штук). Это было полным нарушением порядка, так как незадолго перед тем вышло запрещение нести венки во время похорон на руках. Полиция заволновалась больше прежнего. Протестующее настроение публики росло. Писатель Н. К. Михайловский уговаривал молодежь подчиниться, но безуспешно. В конце концов полиция уступила, и венки протянулись над головами длинной линией.

— Рабочих вперед! — послышались возгласы, и суровый венок с дубовыми листьями открыл шествие. Вокруг него, как вокруг знамени, тесно сомкнулись рабочие.

После реакции 1880-х годов это был первый публичный протест против самодержавного гнета. И знаменательно, что впереди противозаконного, демонстративного шествия шли рабочие и что первое же выступление рабочих сопровождалось победой над агентами самодержавия.

Путь от Воскресенского проспекта до Волкова кладбища шел по Знаменской улице; но рабочие свернули к Литейному, и процессия прошла по более людным улицам. На Литейном проспекте, несмотря на противодействие полиции, удалось остановить движение вагонов. Все это — победы маленькие, но все-таки победы, поднявшие настроение. У Обводного канала примкнула новая группа рабочих.

Для интеллигенции появление рабочих было полной неожиданностью. Мало кто подозревал, что семена народнической пропаганды не заглохли, а постепенно пре-

вращались в социал-демократическую сознательность и что количество пролетарских борцов все время росло, даже в годы самой сильной реакции, когда интеллигентское движение было совершенно раздавлено.

За участие в похоронах Шелгунова были высланы из Петербурга Г. А. Мефодиев, его брат (имени не помню), старик Крутов и десятка три учащихся. Кажется, поплатился высылкой в Любань и Н. К. Михайловский. Как я слышал, был произведен безрезультатный обыск в мастерской Лийва.

Вскоре после похорон состоялось тайное, первое в Петербурге, первомайское собрание рабочих. Когда были изданы речи рабочих, произнесенные на собрании, интеллигенция не хотела верить, что существуют в России рабочие, способные произносить или понимать такие речи.

Точно так же, когда в 1893 году «Группой народовольцев» была издана брошюра «Братцы-товарищи», написанная от имени рабочего, интеллигенция объявила ее подделкой. Между тем она была написана рабочим — социал-демократом с завода Сименс-Гальске Иваном Ивановичем Кайзером; в ней не было сделано ни одной поправки; даже явная ошибка (приравнивание парламента к российскому сенату) была пропущена ради неприкосновенности литературы, исходящей от рабочих.

Весной 1894 года «Группа народовольцев»* решила приступить к изданию подпольной рабочей газеты, а для начала—выпустить «Рабочий сборник». Интеллигенты социал-демократы считали издание газеты преждевременным, опасаясь арестов. Среди рабочих голоса разделились. Мне было поручено написать вступительную статью.

В это время шли у рабочей подгруппы переговоры с кружком студентов-медиков о совместном издательстве. Мой проект вступительной статьи встретил протест со стороны медиков.

— Это плехановщина! — заявил один из них.

Чтобы не потерять медиков, пришлось всюду, где говорилось об интересах и задачах рабочих, добавить: «и крестьян».

Когда вышел № 1 «Рабочего сборника» с некрологом Фридриха Энгельса (написан Б. Л. Зотовым), с моей вступительной статьей и с письмами с фабрик и заводов,

---

* Точнее: группа, работавшая среди народовольцев.

интеллигентные социал-демократы увидели в нем демагогическую попытку подделаться под социал-демократов; они не могли понять того, чего не понимали и мы сами,— что мы, называя себя народовольцами, успели далеко продвинуться в сторону социал-демократии [14].

Материал для № 2 «Рабочего сборника» не увидел света: он попал в руки жандармов во время большого провала в ночь на 21 апреля 1894 года, когда была арестована большая часть «Группы народовольцев» и ее рабочей подгруппы, а также были прихвачены многие рабочие социал-демократы.

Приближение провала чувствовалось заранее. Слежка на улице очень усилилась. Был и такой случай.

Произошла забастовка на фабрике Воронина. Меня вызвали на собрание рабочих, чтобы сформулировать требования. Собрались в большом доме на Ново-Петергофском проспекте, близ Рижского проспекта. Неожиданно для меня туда же явился с Выборгской стороны Григорий Штрипан, которого уже знали как провокатора. Отступать мне не было смысла, да и рабочие не думали отступать. Но по закрытии собрания мне предоставили выйти из квартиры первым. Шпики у ворот, как видно, не знали меня в лицо. А через день или два Василий Кузюткин рассказывает Зотову, как пристав ругал шпиков за то, что они прозевали интеллигента. Откуда мог бы знать об этом Кузюткин, если бы сам не был шпиком? (Он был позже распубликован как провокатор.)

Мы [были] арестованы 21 апреля 1894 года; заодно, как я сказал, взяли и социал-демократов, а в декабре 1895 года провалился «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», успевший за полтора года организоваться и развить широкую деятельность. Так быстро начали заполняться ряды работников, поредевшие от набегов полиции.

После 21 апреля остатки «Группы народовольцев» пополнились новыми силами и вошли в более тесную связь с социал-демократами. В 1895 году они тоже были арестованы. С ними сошло со сцены революционной борьбы в России имя «Народной воли»: часть народовольцев перешла к социал-демократам, часть вошла в новую партию социалистов-революционеров [15].

Мне пришлось пробыть в тюрьме до осени 1898 года: достаточно времени, чтобы подумать. Из социал-демократической литературы за эти годы удалось полу-

чить только Бельтова (Плеханова) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Читал и Струве «Критические заметки»[16]. Перед окнами тюрьмы прошла знаменитая майская забастовка 1896 года.

К концу срока я писал одному из товарищей по группе и по тюрьме, что для меня счастливейшим днем будет тот день, когда я психологически смогу назвать себя социал-демократом.

Этот день настал по прибытии в Сибирь, когда удалось прочесть Манифест Первого съезда об образовании Российской социал-демократической рабочей партии[17]. В нем, между прочим, было сказано:

«Ставя главнейшей из ближайших задач партии в ее целом завоевание политической свободы, социал-демократия идет к цели, ясно намеченной еще славными деятелями старой «Народной воли». Но средства и пути, которые выбирает социал-демократия, иные».

В Иркутске, по дороге в ссылку, мне пришлось отражать первые натиски старых народовольцев, оставшихся при старом и обвинявших меня за переход к социал-демократии, в поправении.

М. И. Бруснев

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПЕРВЫХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

В 1885 году я по окончании гимназии в Ставрополе приехал в Петербург и поступил в Технологический институт. Первые годы моего студенчества я мало интересовался политикой и хотя участвовал в разных студенческих кружках и землячествах, но активной деятельности в них не проявлял; да и кружки эти сами по себе далеко стояли от политики и были заняты более вопросами самообразования и взаимопомощи, а зачастую и просто веселым препровождением времени. Я был в это время настолько политически чист и невинен, что ко мне часто обращались товарищи по институту с просьбами припрятать или сохранить разного рода нелегальные книги и листки, которые я, благодаря этому, и имел возможность читать.

В 1887 году, когда готовилось покушение на Александра III, ко мне принесли на хранение даже целую лабораторию, приспособленную для добывания азотной кислоты, с большим запасом селитры. Лаборатория эта долго хранилась у меня после неудавшегося покушения.

Покушение 1887 года еще более усилило реакцию и, казалось, совершенно подавило всякие проблески студенческого свободомыслия. Настроение было в высшей степени подавленное. Все боялись друг друга и каждый всех вообще. Нелегальная литература, почти исключительно старая, времен расцвета «Народной воли», и отчасти издания группы «Освобождение труда», не читалась, а лишь хранилась в тайниках у лиц безукоризненно чистых и невинных в политическом отношении, каковым, например, был я.

В 1888 году политическая атмосфера среди студенчества начала мало-помалу проясняться. В этом году произошли грандиозные по тому времени студенческие «беспорядки»[1], хотя и закончившиеся, как всегда, суровыми репрессиями по отношению к виновным, а отчасти и неповинным в них студентам, но имевшие в то же время и благодеятельное влияние на настроение студенческих масс. Стали образовываться студенческие кружки саморазвития, причем кружки эти не стояли одиноко, а обнаруживали сильнейшую тенденцию к объединению и организованности не только по учебным заведениям, но и по всему Петербургу и даже, как теперь говорят, «во всероссийском масштабе». Заметно возрос интерес к книгам по общественным и политическим вопросам. Появился спрос на нелегальную литературу, что я мог заметить по моим хранилищам.

К концу 1888 года в Петрограде была сеть студенческих кружков саморазвития, где изучались политическая экономия, социология, штудировались «Капитал» К. Маркса, политическая экономия Милля с примечаниями Чернышевского и другие. Но все же это были только кружки саморазвития почти без всякого политического оттенка. Были и в это время отдельные лица, которые вели пропаганду среди рабочих, как, например, студент-технолог Г. Петровский[2] (покончил с собою в 1889 году в Доме предварительного заключения), но это были только отдельные лица, едва ли связанные между собою какими-либо организационными нитями.

В начале 1889 года в Петербург возвратился из ссылки бывший народоволец Карелин[3], который пытался объединить и сорганизовать разобщенные студенческие кружки вокруг старой программы «Народной воли», чуть-чуть подновленной согласно изменившимся условиям жизни и настроениям студенческих масс. Карелин повел усиленную и, надо сказать, умелую агитацию в пользу такого объединения. Были созваны с этой целью многочисленные и по тому времени многолюдные собрания, на которых Карелин подробно излагал программу «Народной воли» и призывал к объединению с целью сделать решительный натиск на правительство путем проведения в жизнь систематического террора. Изложив программу «Народной воли», Карелин прибавил, что существует другое революционное течение — социал-демократическое, представителем которого является

Г. В. Плеханов, но это течение не имеет сторонников в России, и что, во всяком случае, ничто не мешает лицам, сочувствующим этому течению, примкнуть к общей организации. После вступительной речи Карелин обыкновенно предлагал каждому из присутствующих вопрос, к какому течению он примыкает, и призывал вступить в ту или иную секцию для совместной работы против общего врага — самодержавия.

Я не знаю, какой результат имела агитация Карелина вообще в Петербурге и за какое направление высказалось большинство студенчества, но в тех кружках студентов-технологов, в которых я тогда вращался, большинство высказалось за социал-демократическую программу, и действительно студенты сорганизовались в довольно большое общество социал-демократического направления, поставившее себе целью подготовку к пропаганде среди рабочих. К этому обществу примкнул и я. Сначала в этом обществе была тенденция идти в тесном единении с народовольцами, которые тоже намеревались вести пропаганду среди рабочих, но вскоре в бесконечных спорах обнаружилось, что этим течениям не по пути, так как народовольцы, идя с пропагандою социализма к рабочим, преследовали особую цель — вербовать из этой среды смелых и самоотверженных террористов, тогда как мы, социал-демократы, шли к рабочим с целью приготовить из них преданных и сознательных руководителей рабочего движения, так как основою наших взглядов на рабочее движение было то, что «освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих».

К этому социал-демократическому сообществу, как мы себя тогда называли, примкнули студенты, у которых уже были непосредственные связи с рабочими. Таким образом, работа наша началась сейчас же. Конечно, не все члены сообщества сейчас же приступили к занятиям с рабочими, — большинство для этого не было подготовлено. Во главе сообщества стоял центр, объединявший социал-демократические студенческие кружки не только в Технологическом институте, но и в других учебных заведениях Петербурга, хотя в массе сообщество состояло, главным образом, из студентов-технологов.

Осенью 1889 года одним из членов центрального кружка мне было предложено принять непосредственное участие в занятиях с рабочими кружками. Я был кооптирован студенческим кружком пропагандистов. В

состав этого кружка пропагандистов входили студенты-технологи, большей частью поляки: Баньковский, Косинский, Лелевели, Бурачевский, Цивиньский и из русских В. Н. Иванов (тогда уже арестованный), Епифанов и я. Кроме этого кружка пропагандистов был еще другой, состоявший, главным образом, из универсантов; состав этого последнего кружка мне был неизвестен, знаю только, что туда входили В. С. Голубев, Голубев (студент Горного института), Родзевич.

Условия пропаганды в рабочих кружках были тогда своеобразны. Пропагандистами или руководителями рабочих кружков были исключительно студенты. Для всех студентов в то время было обязательным ношение форменной одежды, а так как студенты вообще, а те, которые шли на пропаганду, в особенности, были материально плохо обеспечены, то, конечно, не имели другого платья, кроме форменного, показаться же в форме в рабочих кварталах было невозможно по конспиративным соображениям. Наш кружок имел одну или две смены штатского платья, в которое мы и облекались, прежде чем идти к рабочим. Само собою разумеется, что такое переодевание требовало много времени, было неудобно и даже опасно в конспиративном отношении.

В рабочий кружок меня ввел Родзевич. Кружок этот был на Васильевском острове, в Гавани. Раньше там вел занятия сам Родзевич, так что я явился его преемником. Я выбрал себе псевдоним «Федор Васильевич» и выдавал себя за рабочего, хотя, конечно, всем было ясно, что я студент. Этот первый мой кружок насчитывал тогда человек 8—10 рабочих. Все это были молодые люди, главным образом рабочие-металлисты Балтийского завода. Рабочие были достаточно развиты и подготовлены еще моим предшественником. Собирались мы раз в неделю у рабочего Фомина[4], в маленькой, но совершенно отдельной комнате, так что нам никто не мешал. Хозяин квартиры, тоже рабочий, хотя не участвовал в наших собраниях, но был сочувствующим, и мы были с этой стороны обеспечены от шпионства и выдачи. В этом кружке велись занятия и по общему мироведению, и по истории, и политической экономии; много времени отводилось на беседы на общеполитические темы, на положение рабочих, на вопросы организации рабочих и борьбы за лучшее будущее и прочее. Подходящих книг для чтения в то время было очень мало, и доставать их было очень трудно; нелегальных брошюр

и листков почти не было, так что занятия приходилось вести устно, путем чтения лекций и бесед. Все участники моего кружка были уже социалистами. В беседах в кружках на политические темы мы всегда как на образец указывали на работу немецкой Социал-демократической рабочей партии; в этом нам большую службу сослужили «Русские ведомости», где часто появлялись отчеты о заседаниях германского рейхстага с речами социал-демократических депутатов. Бебель был нашим идеалом, и мы хотели из своих слушателей-рабочих выработать будущих российских Бебелей.

Кружок студентов-пропагандистов, в который я вступил, был молодым; он, как я уже упомянул, организовался в 1889 году; другой такой же кружок был немногим старше нашего. Участники кружков были тоже люди молодые и малоопытные в деле пропаганды, да и где было взяться опытности, когда в те времена более года редко кому удавалось без ареста продержаться на нелегальной работе. К тому же никто из нас не мог всецело отдаться рабочему движению, так как все мы должны были и учиться и добывать себе средства к жизни. В интеллигентах, готовых посвятить себя рабочему делу и способных к этому, всегда чувствовался недостаток. На собраниях своего кружка пропагандистов, где мы давали друг другу отчет о своих занятиях в рабочих кружках и обсуждали план дальнейшей нашей деятельности, мы выработали программу занятий с рабочими и общий план организации кружков рабочих. Исходя из постоянно ощущаемого недостатка в интеллигентах и из основного нашего принципа, что освобождение рабочего класса должно быть делом самих рабочих, мы поставили себе главной и основной целью выработать из участников наших рабочих кружков вполне развитых и сознательных социал-демократов, которые во всем могли бы заменить пропагандистов-интеллигентов. Согласно с этой целью мы подробно разработали программу занятий для подготовки пропагандистов-рабочих. Программа эта была настолько обширна, что не могла быть применена для всех участников наших кружков. (Программа эта, несколько измененная, была впоследствии взята у меня при обыске в 1892 году.) [5] Она предназначалась нами только для избранных и была, так сказать, нашей программой-максимум для занятий со всеми остальными членами наших кружков. Согласно с этим мы распределили наши кружки на два разря-

да — высший и низший, причем занятия в низшем разряде кружков, равно как и вербовка членов и организация кружков, были возложены на самих рабочих. Параллельно с этой работой мы старались не терять связей с чисто студенческими кружками, с тем чтобы оттуда вербовать интеллигентов. Для этого некоторые из нас входили в состав студенческих кружков, хотя, в общем, мы в целях конспирации стремились отгородиться от студенческого движения.

В этой работе прошел зимний сезон 1889/90 года. У нас организовалось около 20 кружков для пропагандистов и параллельно с ними целый ряд кружков второго порядка с руководителями из рабочих.

Весною 1890 года разразились большие студенческие беспорядки, в которые, несмотря на наше сопротивление, были втянуты и мы[6] Репрессии, последовавшие за беспорядками, вырвали из нашей среды некоторых очень видных и деятельных товарищей. Высланы были из Петербурга студенты Бурачевский, братья Л. Б. и Г. Б. Красины, которых мы только что привлекли в свою организацию, и другие. Приблизительно в это же время был арестован рабочий Путиловского завода Буянов и несколько других рабочих. По этому же делу был арестован и студент-технолог Бурачевский, высланный перед этим из Петербурга за студенческие беспорядки. Буянов был выслан в Тулу, а Бурачевский приговорен на 1 год в «Кресты» (по отбытии наказания эмигрировал). Мне пришлось восстановлять разрушенную арестами Бурачевского и Буянова организацию Путиловского завода.

Постепенно наше дело развивалось, число кружков увеличивалось, и мы остро чувствовали недостаток в интеллигентных силах, поредевших вследствие высылок студентов, а также вследствие того, что некоторые из поляков выехали на работу на родину. Поляки всегда смотрели на работу в русских рабочих кружках, как на временную и подготовительную к работе в Польше.

К осени 1890 года возвратился в Петербург высланный за студенческие беспорядки Л. Б. Красин, и, несмотря на то что за ним, вероятно, присматривали, мы поручили ему вести занятия с ткачами фабрик по Обводному каналу и у Нарвской заставы, где он и работал вместе с ткачами Ф. А. Афанасьевым (убит черносотенцами в Иваново-Вознесенске в 1905 году)[7] и его братом Е. А. Афанасьевым.

До этого времени руководительство всей нашей организации лежало на наших студенческих кружках или, вернее, на небольшом центральном комитете, выделенном из этих кружков. Неудобство такой организации давало сильно себя знать, так как студенчество было слишком текучим и непостоянным элементом: то их высылали за беспорядки и вообще по студенческим делам, то они уезжали на каникулы или оканчивали курс и уезжали совсем. Из-за этого мы часто теряли связи с рабочими в целых районах. Нужно было найти постоянную опору для организации, которая, несмотря ни на что, была бы преемственно непрерывной. Такой опорой могли быть только сами рабочие.

С осени 1890 года мы приступили к перестройке всей нашей сети рабочих кружков на новых основаниях: каждый кружок как первого, так и второго порядка имел своего руководителя или организатора из рабочих. При каждом кружке была учреждена местная касса из взносов рабочих. Из кружковой кассы делались ежемесячные отчисления в центральную кассу при комитете; остальные деньги по усмотрению кружка тратились на книги, на помощь пострадавшим от стачек и прочие местные нужды. Во главе всей организации стал комитет из представителей рабочих от районов и один представитель от интеллигентов. Первым представителем интеллигентов в комитете был Василий Семенович Голубев (умер в 1910 г.), а после его ареста в 1890 году — я. Из рабочих в комитет в мое время входили: Николай Дементьевич Богданов, Егор Афанасьевич Климанов (с 1905 г. нелегальный под именем Ивана Михайловича Бубнова, умер в 1919 г.), Петр Евграфов, Гавриил Мефодиев, Федор Афанасьевич Афанасьев.

В центральной кассе при комитете иногда скоплялась порядочная по тому времени сумма денег. Помимо отчислений из кружковых касс в центральную кассу притекали деньги и из других источников: доходы от лотерей, спектаклей, пожертвования и прочее. Хранить деньги в размере нескольких тысяч рублей как студентам, так и рабочим было неудобно и опасно, и потому наша центральная касса хранилась в семье Бартеневых. Семья эта состояла из Виктора Ивановича Бартенева, его жены Екатерины Егоровны Бартеневой (писательница) и сына-студента Виктора Викторовича[8]. Бартеневы сочувствовали нашему направлению, и Екатерина Егоровна иногда вела занятия в женских рабочих кружках.

В. В. Бартенев, студент, хотя и не принадлежал формально к нашей организации, но много помогал нам, привлекал интеллигентов из многочисленных студенческих кружков, в которых он вращался. Он, между прочим, свел нас, то есть наш кружок пропагандистов, с «попами», как мы их тогда называли, то есть студентами Духовной академии. В конце концов к нашей организации примкнуло человек 10 академистов, из которых некоторые (Колтынин, Богоявленский, Воскресенский) вели занятия в рабочих кружках.

Впрочем, революционная деятельность «попов» продолжалась недолго. Начальство во главе с ректором узнало, благодаря доносу одного студента-католика, принявшего православие, о существовании революционного кружка в академии, произошел обыск, и, не доводя до сведения полиции, выслало наших пропагандистов к их родителям. Что потом сталось с этими «попами» — примкнули ли они к революционному движению в другом месте или сделались настоящими попами, я не знаю.

Я уже сказал, что В. В. Бартенев не принадлежал формально к нашей организации. Но все же и ему пришлось пострадать за наше дело. В Петербург приехал — кажется, из Воронежа — рабочий-электротехник Петровский, который стал искать связи с социал-демократами и наткнулся на Бартенева. Петровский оказался провокатором и скоро выдал Бартенева, а затем и В. С. Голубева, с которым свел его Бартенев. К счастью, мы действовали тогда очень осторожно, и дальше в нашу организацию Петровскому проникнуть не удалось. Бартенев был выслан в Архангельскую губернию, а Голубев — в Иркутскую, на 5 лет.

С арестом и высылкою В. С. Голубева представительство в центральном рабочем кружке перешло ко мне. Еще при Голубеве наша организация стала постепенно выходить из сферы кружковой замкнутости на арену широкого рабочего движения. Зимой 1890/91 года нам удалось сорганизовать или, вернее, принять участие в двух стачках — одной у Торнтона и другой в Порту [9]. Мы выпустили прокламации и воззвание к стачечникам. Воззвание к рабочим фабрики Торнтона написал В. С. Голубев, а к рабочим Порта — Л. Б. Красин. Воззвания эти, напечатанные на гектографе, имели большой успех, особенно последнее, написанное с большим подъемом. Это воззвание мы даже использовали для сбора пожертвований в пользу стачечников среди либераль-

ной публики. Тогда еще не верили в возможность рабочего движения на западноевропейский образец. После стачек особенно стала чувствоваться необходимость в постоянном печатном органе, где сообщались бы сведения о рабочем движении на разных заводах и фабриках. Прототипом такого органа была наша рукописная газета. Газета переписывалась в нескольких экземплярах при помощи копировальной бумаги. Составлял газету В. С. Голубев, иногда я, на основании материалов и корреспонденций, поступавших в центр из рабочих кружков. Надо было видеть, с какой жадностью набрасывались рабочие на свой печатный (вернее, рукописный) орган. Номера газеты зачитывались до того, что от них в конце концов оставались лишь клочья. Едва ли мог где-либо сохраниться хотя один номер этой первобытной рабочей газеты.

В центральном кружке неоднократно возникала мысль о рабочем клубе, где рабочие, как примкнувшие к нашей организации, так и стоявшие вне ее, могли бы сходиться для обсуждения своего положения, для чтения и вообще для более или менее разумного времяпрепровождения. Но об организации легального клуба рабочим в те времена нечего было и мечтать. Раза два или три комитет устраивал вечеринки рабочих, наподобие вечеринок студенческих, на которых танцевали, пели революционные песни, велись общие беседы на научные и политические темы. Организатором этих вечеринок были Г. Мефодиев и его жена. На вечеринки приглашались и рабочие, не вступившие в наши кружки, и здесь велась агитация для их привлечения.

Тогда же приблизительно возникла мысль поднести адрес писателю-публицисту Н. В. Шелгунову, который в это время был сильно болен[10]. Мысль об адресе и вообще об открытом выступлении организации встретила некоторую оппозицию в интеллигентах, но рабочие настояли. Адрес был составлен В. С. Голубевым в сотрудничестве с другими членами комитета. Голубев же и Е. Г. Бартенева, близко стоявшие к писателю, устроили и самое подношение адреса. Е. Г. Бартенева рассказывала мне после, какое сильное впечатление на больного писателя произвела депутация рабочих. Кажется, при этом присутствовал и Н. К. Михайловский. В состав депутации, подносившей адрес, входили Ф. Афанасьев, Егор Климанов, Н. Богданов, Г. Мефодиев. Участие рабочих в демонстрациях на похоронах Шелгунова уст-

роилось как-то само собой. В нашем интеллигентском кружке против этого участия высказывался Цивиньский. Мы боялись, как бы не была разгромлена только что налаженная организация рабочих. Рабочий центр был за участие в демонстрации. На похоронах присутствовали далеко не все участники наших рабочих кружков. В общем, я думаю, в демонстрации приняло участие около 70—100 человек рабочих наших кружков, но стороннему наблюдателю число участников могло показаться значительно большим, так как к процессии пристало много рабочих, случайно проходивших мимо и привлеченных необычайным зрелищем — участием рабочих со своим венком в похоронах писателя. Особенно сильное впечатление на публику производила фигура рабочего Фунтикова, незадолго перед этим приехавшего из деревни и вступившего в нашу организацию. Человек атлетического сложения, лет 30, с красивым открытым лицом, с большой окладистой бородой, он имел скорее вид крестьянина, нежели городского рабочего. Венок рабочие заказали сами, сами же составили надпись: «Указателю пути к свободе и братству». Демонстрация на похоронах Шелгунова обошлась нам очень дорого. Из Петрограда выслали Л. Б. Красина и рабочего Г. Мефодиева.

При организации наших рабочих кружков и ведении в них пропаганды нам часто приходилось сталкиваться с интеллигентами, не входившими в группу, но так или иначе проникавшими в рабочую среду. Особенно много было связей с интеллигенцией у Е. А. Климанова, и он прекрасно умел использовать эти связи по части добывания книг, сбора денег и проч. Конечно, все такие связи находились в поле зрения комитета, так как мы боялись, с одной стороны, провокации, а с другой — вторжения чуждого нам направления — народовольческого. У нас господствовало мнение, что народовольцы идут в рабочую среду с целью вербовать оттуда террористов для своих боевых дружин. Приблизительно в начале 1891 года в комитете было доложено о появлении на горизонте наших кружков некоего Петра Петровича, интеллигента-народовольца, желающего проникнуть в самую толщу нашей организации. Мы были не на шутку встревожены: с одной стороны, мы боялись полицейской провокации, с другой — увлечения неустановившихся элементов нашей организации террором. Вообще у нас установлено было правило, не допускать в нашу среду

лиц, не согласных с нашим уже вполне определившимся социал-демократическим направлением. Но у нас всегда чувствовался недостаток в интеллигентских силах, и потому мы время от времени вынуждены были отступать от этого правила. Так было поступлено и с Петром Петровичем. Решено было сначала установить его непричастность к провокации, а затем уже допустить в рабочие кружки, но под контролем наших испытанных рабочих социал-демократов. По внешнему описанию, сделанному Г. Мефодиевым, мы установили при помощи В. В. Бартенева, хорошо знавшего студенческую революционную среду, что Петр Петрович есть, вероятно, М. С. Александров. На шелгуновской демонстрации Г. Мефодиев показал мне Петра Петровича, а я указал его В. В. Бартеневу, и тот подтвердил свое предположение, что это М. С. Александров и что бояться провокации с его стороны нечего.

После этого мне было поручено переговорить лично с Александровым, узнать его намерения и по возможности привлечь его на свою сторону. Я виделся, кажется, всего один раз с Александровым и его женой Е. М. Александровой у них на квартире. Я развил перед Александровым взгляды нашей организации, но переманить их на нашу сторону мне не удалось: я встретил сильную оппозицию, главным образом со стороны Е. М. Александровой. Несмотря на это, комитет решил не отвергать услуг Александрова и использовать его, насколько возможно, в своих целях [11]. После этого я свел Александрова с некоторыми членами нашего комитета (с Е. А. Климановым).

Участие рабочих в шелгуновской демонстрации имело чрезвычайное значение в жизни нашей организации: мы, тщательно скрывавшиеся до того времени в подполье, громко заявили о своем существовании. Затем последовало празднование 1 Мая 1891 года. Мысль устроить маевку возникла сейчас же после шелгуновской демонстрации. Сначала мы хотели воспользоваться для этого существовавшим у петербургских рабочих обычаем праздновать 1 Мая в Екатерингофском парке, но потом мысль эта была оставлена, и комитет поручил мне и Е. А. Климанову выбрать место для устройства первомайского собрания и назначить время. Первое число было уже пропущено, и мы назначили первое майское воскресенье по старому стилю. Разыскивать подходящее место для собрания мы поехали в лодке. Побывали на

Крестовском острове (тогда довольно пустынном) и на взморье у реки Екатерингофки. Последнее место нам показалось наиболее подходящим. Здесь мы нашли лужайку, почти со всех сторон закрытую деревьями. В комитете было решено, что на собрании с речами выступят только рабочие — Богданов, Ф. Афанасьев, В. Прошин и Егор Климанов. Прошин написал свою речь заранее и передал в кружок интеллигентов для некоторой литературной отделки. Впрочем, были исправлены лишь незначительные грамматические и стилистические промахи. Остальные речи были составлены без всякого участия интеллигентов, а Е. Климанов даже сказал свою речь экспромтом.

В назначенный день, в воскресенье, часов в 11, я поехал с Климановым на лодке на выбранную нами лужайку. Скоро туда начали стекаться рабочие. Всего присутствовало человек 70—80, не более. Один рабочий (кажется, Фишер) явился с женой или невестою. Во всяком случае на собрании была всего одна женщина, которая, впрочем, ушла до окончания собрания. Речи были произнесены с большим одушевлением, особенно В. Прошиным. После речей были частные групповые беседы, в которых приняли участие и я с Цивиньским. Расходились не сразу, а небольшими группами. Я уехал на лодке вместе с Цивиньским и Климановым. Первомайское собрание произвело чрезвычайно хорошее впечатление на всех рабочих, объединило разрозненные кружки в одну целую организацию [12].

Но не следует думать, что на первомайском собрании присутствовали все участники наших кружков. Комитет не хотел устраивать в первый раз слишком многолюдного собрания из боязни быть захваченными полицией, и потому приглашены были только наиболее испытанные рабочие. Только благодаря этой предосторожности первое празднование рабочего праздника обошлось без жертв.

За участие в шелгуновской демонстрации Г. Мефодиев был выслан из Петербурга. Он сначала поехал в Ревель, а затем перебрался в Тулу, где жили ранее высланные из Петербурга рабочие Буянов и Руделев, с которыми наша организация старалась не прерывать связей — посылала туда книги, газеты и даже делегата Ф. Афанасьева для установления прочной связи. Вообще у нас вошло в правило не оставлять в одиночестве высылаемых рабочих. Чернорабочий Егор Хренов, вы-

сланный в Череповец, находился с нами тоже в организационной связи и вел усиленную агитацию среди местных рабочих-дровяников. Л. Б. Красин был выслан в Нижний Новгород, и с ним мы тоже решили не прерывать связи, а использовать его высылку для организации местных кружков.

Весной 1891 года из «Крестов» вышел Ю. Д. Мельников [13] и провел на свободе несколько дней в Петербурге. Он хотел повидать кого-либо из петербургской социал-демократической организации, и его свели со мною. Мельников передал мне некоторые адреса киевских рабочих. В это же время из Москвы приехал студент П. М. Кашинский с целью завязать сношения с петербургской социал-демократической организацией. Он познакомился с Л. Б. Красиным, но так как Красин вскоре был выслан из Петрограда [Петербурга], то сношения с Москвой пришлось вести мне. Таким образом, у нас наметились связи с другими городами, и в нашем комитете был поставлен вопрос о расширении нашей организации на другие города и об организации рабочих кружков в тех местах, где у нас есть связи с рабочими. В Москве у нас не было никаких связей с рабочими, но была группа студентов социал-демократического направления (кружок Кашинского), желавшая активно работать в рабочей среде. Мы решили для заведения связей с рабочими послать в Москву Ф. Афанасьева, ткача, который должен был поступить на одну из московских фабрик и там вести работу в таком же направлении, как она велась в Петербурге. Ф. Афанасьев переселился в Москву весной 1891 года и поступил на Прохоровскую мануфактуру, где скоро у него и завязались сношения с московскими рабочими. К нему вскоре из Череповца приехал Е. Хренов, поступивший чернорабочим на какой-то механический завод.

Летом 1891 года я уехал из Петербурга, передав представительство в рабочем комитете Цивиньскому.

Я должен был посетить Москву, Нижний, Тулу и завязать сношения с Киевом, воспользовавшись адресами, данными мне Мельниковым. В Москве я видел Ф. Афанасьева и Е. Хренова. У них уже завелись сношения с рабочими — ткачами и металлистами и были образованы кружки, где занятия вел сам Ф. Афанасьев. Кашинского в это время в Москве не было. В Туле я был у Н. Руделева. Буянов, высланный ранее в Тулу, как-то отстранился от дела. Вокруг Руделева группировались

местные рабочие, но надлежащей организации не было. В Туле в это время было несколько рабочих и интеллигентов-народовольцев, возвратившихся из ссылки. Хотя они, по-видимому, ничем не занимались, все же вокруг них была народовольческая атмосфера, явно враждебная новому нарождающемуся течению — социал-демократическому. Одному Руделеву трудно было справиться с этим, и поэтому мы вызвали Мефодиева из Ревеля, где он сидел без дела. С приездом Мефодиева дела в Туле пошли хорошо, образовалась сеть кружков наподобие петербургской. Правда, чувствовался недостаток в интеллигентских силах, но мы намеревались устранить этот недостаток путем присылки время от времени пропагандистов из Москвы.

В Нижнем я был у Л. Б. Красина, он там устроился и завел связи с интеллигентскими кружками и земцами. Связей с рабочими у него не было, и мы условились с ним, что в помощь ему пришлем кого-либо из рабочих петербургской или московской организации. Наше направление еще не проникло до Нижнего, и Л. Б. Красину первому пришлось там его проповедовать.

Из Нижнего я возвратился в Москву, где застал уже П. М. Кашинского. Я свел Кашинского с Ф. Афанасьевым, а сам отправился в Петербург, чтобы ликвидировать там свои дела с организацией и наладить более тесные связи с Москвой, так как я решил основаться на постоянное жительство в Москве, где получил место в железнодорожных мастерских.

В Петербурге жизнь нашей организации текла обычным путем. Как всегда, чувствовался недостаток в интеллигентах и литературе. Наладив связь с комитетом, я возвратился в Москву, обещав снабжать Петербург литературой из Москвы, где у нас намечалась возможность присылки литературы из-за границы.

Конец 1891 года в Москве прошел в усиленной организационной работе.

Группа Кашинского, к которой я примкнул, хотя и стояла на социал-демократическом пути, но еще не отрешилась от некоторых народовольческих взглядов на политическую борьбу, и мне с Ф. Афанасьевым немало пришлось потратить энергии в борьбе с этими взглядами. Кроме группы Кашинского в Москве, по-видимому, социал-демократическое направление не пользовалось расположением — вернее, было вовсе неизвестно. Уезжая из Петербурга, я заручился письмом Е. Г. Бартене-

вой к писателю Астыреву и сейчас же по приезде в Москву свел знакомстмо с Астыревым и его кружком. У Астырева бывали Николаев (каракозовец), Златовратский (литератор) [14], много студентов и курсисток. Сам Астырев до некоторой степени склонялся к социал-демократии, но весь его кружок был явно народнического направления, и мне и здесь приходилось выступать в качестве первого застрельщика нового направления. Приходилось мне сталкиваться в Москве и с другими студенческими и интеллигентскими кружками, но все они были враждебны нашему направлению.

В конце 1891 года, мы, то есть наша московская группа социал-демократов, столкнулись с Егуповым и его довольно многочисленными кружками. Сам Егупов был террорист и конспиратор чистейшей воды, и нам, собственно говоря, незачем было сходиться. Но у Егупова были большие связи с границей, и он в большом количестве мог доставить нелегальную литературу, в которой мы так нуждались. Через него мы получали издания группы «Освобождение труда»: «Всероссийское разорение» Плеханова, четыре первомайские «Речи петербургских рабочих» и другие.

Сначала сношения велись с одним только Егуповым. Сношения вел Кашинский. Кашинский предложил вступить в более тесные сношения со всею группою Егупова, то есть договориться о совместной работе или даже слиянии. Мы с Ф. Афанасьевым сначала противились этому сближению, но затем уступили. Было устроено несколько предварительных совещаний. Егупов быстро переменил фронт и, я думаю, неискренно, присоединился к нашему социал-демократическому направлению [15].

С присоединением к нам Егупова дела нашей московской группы пошли быстрым темпом. Но мы росли вширь, а не вглубь. Не наладив рабочего дела в самой Москве, где у нас насчитывалось всего 2—3 рабочих кружка, не закрепив как следует нового направления в нашей собственной группе, мы стали заводить сношения и вступать в организационную связь со многими городами, где только была какая-либо зацепка в виде высланного студента, революционно настроенного земца и т. п. Это и привело нас к краху.

В начале 1892 года мы получили большой транспорт нелегальной литературы. Транспорт этот привез С. Райчин, приехавший из-за границы под именем Франца Лязовича [16]. Райчин приехал в Москву, и мы решили че-

рез него завести сношения с Г. В. Плехановым и группой «Освобождение труда». Райчин взялся доставить из-за границы социал-демократические издания и должен был вступить от имени нашей группы в сношения с Г. В. Плехановым. Перед отъездом Райчина из Москвы в моей квартире было устроено большое собрание (в ночь под пасху), на которое были приглашены все участники егуповских кружков, группы Кашинского, а из рабочих — Ф. Афанасьев и Н. Руделев из Тулы. На этом собрании П. Кашинский прочитал и защищал составленную им программу группы (программа эта была впоследствии взята у меня при обыске) [17]. Она была прочитана лишь как проект программы организующейся группы. Против программы возражали я и Ф. Афанасьев.

По отъезде Райчина из Москвы у нас наметился такой план действий. Кашинский едет в Киев и заводит там связи с рабочими (по явкам, полученным от Мельникова). Егупов едет в Тулу с нелегальной литературой, а затем в Ревель и Ригу, я в Петербург. В Петербург я должен был отвезти нелегальную литературу, полученную через Райчина, и привезти оттуда одного или двух рабочих-пропагандистов для усиления нашей московской рабочей организации. Но нас уже решили арестовать, и 26 апреля 1892 года арестовали — Егупова на вокзале с билетом в Тулу, меня на квартире с чемоданом литературы, приготовленной для Петербурга. Кашинский был арестован на пути в Киев. Ф. Афанасьев, бывший у меня ночью накануне ареста, убежал от сыщиков и был арестован позже (в сентябре) в Петербурге.

Л. Б. Красин

ДЕЛА ДАВНО МИНУВШИХ ДНЕЙ (1887—1892)

Осенью 1887 года, когда я впервые приехал в Петербург держать экзамены в Технологический институт, Петербург переживал время самой мрачной реакции. Правительство Александра III задушило «Народную волю», послав на виселицу Желябова, Перовскую и их товарищей. Оно жестоко расправилось с последними остатками этой геройской организации, отправив в казематы Шлиссельбурга Веру Фигнер и ее товарищей.

8 мая 1887 года были повешены Ульянов, Осипанов, Андреюшкин, Генералов и Шевырев — кажется, последняя активная народовольческая группа, пытавшаяся бороться с самодержавием теми же методами террора, какие применяла старая «Народная воля».

Всякие попытки не только революционного сопротивления, но и какой бы то ни было оппозиционной организации подавлялись самым свирепым образом. Студенчество, являвшееся в то время по преимуществу носителем революционных стремлений, было лишено всех своих вольностей, в университетах введен новый устав [1], закрыты все студенческие читальни, даже студенческие столовые. Участие в самом простом кружке самообразования, как только оно делалось известно полиции, вело немедленно к возбуждению «дела» и, в лучшем случае, к высылке участников в провинцию, а при малейших намеках на социализм — к тюремной высылке и ссылке в Сибирь или в самые северные уезды Вологодской и Архангельской губерний.

Безусым юношей явился я из далекой Сибири в Петербург «учиться». Реальное училище в Тюмени (школа, по тому времени очень хорошо организованная) дало мне порядочные знания в области математики и естественных наук, в частности химии, и в Технологический институт я попал с твердым намерением пойти по стопам моего знаменитого земляка Д. И. Менделеева. Правда, в последних классах реального училища у нас уже возникали кружки самообразования с уклоном в сторону изучения политической экономии и социологии, что для сибирской гимназии вообще было неудивительно ввиду наличности во всех сибирских городах политической ссылки, влияние которой просачивалось не только в обывательскую, но и в чиновничью сферу. Тем не менее в Питер я явился без каких бы то ни было определенных политических запросов и в первый год с головой ушел в науку.

Студенчество в те времена объединялось в так называемые землячества [2]. Это были очень неопределенные объединения молодежи с зачатками таких учреждений, как кассы взаимопомощи, библиотеки, кружки для изучения тех или иных наук. Внутри землячеств шла довольно сильная борьба различных течений. Остатки революционных организаций пытались использовать землячества для революционной пропаганды среди молодежи и для пополнения своих кадров. Наша небольшая группа тюменцев заняла очень сдержанную позицию в отношении тех течений, которые настаивали на немедленном и непосредственном участии молодежи в революционных организациях и революционной борьбе.

Мы говорили: «Мы еще совершенные невежды и, прежде чем браться за дело, хотим учиться, в частности, хотим изучить основательно политическую экономию» — так как мы уже смутно понимали, что в экономике — разгадка всех других общественных наук. Это вовлекло нас в нелегкую борьбу с представителями более «левых» течений, которые считали, что нечего корпеть над книгами, достаточно прочесть несколько статей Герцена, Чернышевского, Михайловского, проштудировать «Исторические письма» Лаврова, и теоретическая подготовка революционера может считаться законченной, и ему можно и должно идти немедленно в практическую работу. Любопытно, что как раз из этого «левого» крыла сибиряков вышли впоследствии видные социалисты-революционеры. Маркс где-то упоминает, что

при наличности враждующих течений позиция более молодого течения определяется часто как отрицание идей и воззрений его предшественников, и ради того, чтобы не быть похожими на них, «молодые» часто гораздо дальше и прямолинейнее идут по таким дорогам, по которым они, может быть, не пошли бы без этих споров и этой кружковой борьбы.

Так именно случилось и с нами. Усвоив почти каким-то внутренним чутьем, что в экономике ключ всего социального знания, наша тюменская группа действительно упорно принялась за изучение политической экономии. Мы выбрали книгу Милля с примечаниями Чернышевского и принялись за нее, можно сказать, с остервенением, вкладывая в это дело лучшие навыки по одолению других наук, вынесенные нами из училища.

В 1888—1889 годы наш небольшой кружок в 6—8 человек два или три раза в неделю вечерами собирался для заслушивания очередного реферата той или иной главы «Оснований политической экономии». Реферат кончался спорами и обсуждением, неясные места книги перечитывались в подлиннике, и собрание оканчивалось заданием новому члену кружка по очереди подготовить реферат следующей главы. Конечно, знакомство с этой книгой не давало сколько-нибудь систематического знания политической экономии, но оно дало нам здоровую закваску и помогло дальше разбираться в литературе. К концу года в различных петербургских кружках уже ходил слух о каких-то упрямых сибиряках, не поклоняющихся П. Л. Лаврову и не принимающих участия в восторженных овациях Н. К. Михайловскому.

Эти «дикие люди» возбуждали любопытство, и в 1889 году на студенческих вечеринках нам неоднократно приходилось вступать в словесные бои с универсантами и другими студентами, отстаивая первостепенное значение экономики и нападая на тех, кто предлагал программу студенческих кружков заполнить изучением социологии и политических вопросов. Мы, как провинциалы, разумеется, были несравненно менее образованными и даже просто невежественными по сравнению с такими представителями петербургского университетского студенчества, как Н. В. Водовозов, П. Б. Струве, Н. Д. Соколов[3] и многие другие. Помимо более систематического изучения общественных и исторических наук многие из них знали иностранные языки и читали в подлинниках книги, русские переводы которых либо вов-

се не существовали, либо были запрещены тогдашней цензурой; мы же явились из глухой Сибири, где, кроме толстых журналов, не было никакой литературы.

Недостаток знаний восполнялся юношеской горячностью и здоровыми голосами. Аудитория, состоявшая обычно из молчаливых юнцов и еще более молчаливых курсисток, не без некоторого уважения отзывалась на выступления сибирских «дикарей», и к концу 1889 года боевые качества нашего кружка считались в студенческих кругах Петербурга довольно прочно установившимися.

Разумеется, мы не ограничивались Миллем и Чернышевским: всякий уважающий себя студент в те времена считал для себя обязательным прочесть всю запретную литературу, и, борясь против «социологии» и «политики», мы, поскольку это позволяли студенческие библиотеки, знакомились кое-как не только с различными запрещенными книгами Герцена, Чернышевского, Лаврова, но и с теориями утопического социализма Сен-Симона, Фурье, а изредка и с нелегальными изданиями «Народной воли» и кое-какими заграничными подпольными брошюрами. Естественные науки отошли на второй план, тем более что казенное преподавание физики и химии в Технологическом и других институтах сильно охладило идеалистический пыл, и для многих из нас оно превратилось в отбывание повинности в виде репетиций и экзаменов.

К весне 1889 года мы покончили с Миллем, и я получил от кружка задание — летом подготовить реферат по первой и второй главам «Капитала». Лето это мне пришлось провести в Камышловском уезде Пермской губернии, и я действительно основательно просидел над этими двумя главами «Капитала» и вернулся в Петербург к осени с довольно толстым конспектом первой и второй глав «Капитала», превышавшим по объему во много раз самый оригинал, так как трудный и сжатый язык Маркса я старался сделать понятным для своих не очень искушенных в философии сотоварищей. Занятия наши «Капиталом» шли несколько менее усидчиво, и, если не ошибаюсь, кружок наш прекратил работу, не одолев до конца всей книги. Мы подросли, обзавелись всякими другими знакомствами и связями, каждый несколько больше углубился в свою специальную институтскую работу, и меньше времени и охоты оставалось для работы в кружке, который когда-то для первокурсников был

естественным прибежищем и крепостью в чуждой и даже враждебной среде. Еще более важная причина заключалась в том, что некоторые из нас стали заводить связи с группами, пытавшимися вести практическую революционную работу, а это обязывало к конспиративности.

В Технологическом институте в 1888—1889 годах существовал кружок, явившийся, сколько мне известно, зародышем первой организации, практически начавшей социал-демократическую работу [4]. Кружок пользовался студенческими организациями (касса взаимопомощи, библиотека, столовая), высматривая и выбирая в них тех студентов, которые казались пригодными для вовлечения в революционную работу.

В марте 1890 года в Петербурге в Технологическом институте, а затем и в других высших учебных заведениях вспыхнули так называемые студенческие беспорядки по случаю несправедливости увольнения одного студента. Движение выразилось в ряде сходок и в забастовке. Попытки начальства уговорить не имели успеха: студенты выставили ряд ораторов, клеймивших институтские порядки и выставлявших студенческие требования. Я не помню теперь всех этих требований, но они были до смешного скромны и тем не менее не были приняты начальством [5].

Студенты забаррикадировались в институте и очень весело и дружно проводили время в ораторских упражнениях и хоровом пении, пока институт не был занят отрядом городовых и конных жандармов. Явился градоначальник Грессер в сопровождении свиты из увешанных орденами приставов и околоточных и объявил нас всех арестованными. Под вечер в тюремных каретах всех развезли по различным полицейским частям города, и наша случайная группа в девяносто девять человек попала к ночи в арестантскую камеру Коломенской части. Весело и шумно, с пением, играми и всякими дурачествами, вплоть до выработки научного метода истребления клопов, мы просидели дня три. По истечении их нам было объявлено торжественное решение педагогического совета, утвержденное тогдашним министром народного просвещения Деляновым: исключить главных вожаков сходок из института без права поступления куда бы то ни было и выслать. Следующая группа была присуждена к высылке без права обратного поступления в петербургский институт; наконец, более многочисленная

группа, в которую попали и я с братом, была предназначена к высылке из Петербурга без дальнейшего упоминания.

Лето 1890 года мы с братом[6] провели в Казани, а к осени сначала мне, а потом и брату удалось получить разрешение на обратный прием в институт на тот же курс, с которого мы были уволены.

Разумеется, от внимания кружка технологов, пытавшегося вести революционную работу, о которой я только что упомянул, не могли ускользнуть студенты, оказавшиеся в первых рядах во время этих «беспорядков». Естественно поэтому, что по возвращении моем в Петербург члены кружка Бруснев, Цивиньский и др. попытались завязать со мною более тесное знакомство. С Цивиньским и в особенности с Брусневым у меня установились очень тесные, дружеские отношения. Наблюдая их в институте, я догадывался, что они ведут какую-то работу помимо знакомых мне студенческих учреждений, как-то: легальной столовой, полулегальной кассы взаимопомощи и библиотеки и пр. Мы часто толковали о разных вопросах, и Бруснев и Цивиньский знали, с кем имеют дело. В частности, им было известно, что по тогдашнему времени я уже успел приобрести довольно значительные знания по тем отраслям, которые считались обязательными для студента.

Между прочим, к тому времени я уже основательно знал первый том Маркса, а в более тесном кружке мы принялись уже и за изучение только что появившегося перевода второго тома[7]. (Ни немецкого, ни других языков никто из нас тогда еще не знал: только побывав в тогдашнем «всероссийском университете» — тюрьме, многие из нас начали читать на иностранных языках.) В одну из таких бесед кто-то, кажется Цивиньский, принес брошюру Г. В. Плеханова «Наши разногласия». Так я впервые узнал о существовании группы «Освобождение труда». Брошюра Плеханова была для всех нас откровением и дала нам совершенно твердую позицию в борьбе с теми народовольческими течениями, которые впоследствии выкристаллизовались в партию социалистов-революционеров.

Таким образом я вступил в кружок Бруснева, Цивиньского и других, но так как организация кружка была строго конспиративная, то о деятельности его во всем его объеме мне сообщалось еще очень немного. Из опасения провала всей организации вновь привлекае-

мые члены состояли в сношениях лишь с одним или двумя членами кружка, не зная ни адресов, ни прозвищ остальных членов.

Это были первые социал-демократы, с которыми мне пришлось столкнуться.

Конечно, о каком-либо стройном, законченном мировоззрении, которое в это время, несомненно, было у Г. В. Плеханова и его товарищей, тут еще нельзя было говорить. В частности, Цивиньский довольно часто сбивался в народовольческую и даже вообще народническую ересь. Помню, когда он впервые убеждал меня принять участие в их организации, он доказывал это необходимостью создания хотя бы небольшой инициативной группы, связанной с рабочими Петербурга, которая могла бы при неизбежно предстоящем падении самодержавия взять на себя руководство «восстанием» и организацию нового правительства.

Цивиньский, правда, во главу угла ставил работу среди рабочих, но, кажется, не столько потому, что ему тогда были ясны в полной мере значение и роль рабочего класса, сколько потому, что на основании примера рабочих-революционеров Халтурина и Петра Алексеева он считал питерскую рабочую среду наиболее пригодной для воспитания активных революционеров и для создания будущего революционного центра.

Механизм самого переворота представлялся весьма смутно; впрочем, я припоминаю определенное и даже резкое несочувствие методам террора со стороны участников группы. Когда при задушевных беседах я полушутя спрашивал: «Ну а как же отрицать целесообразность террора, если, скажем, технический прогресс в области взрывчатых веществ позволил бы осуществлять террористические акты не с громоздкими бомбами Кибальчича[8], а со снарядами величиной в грецкий орех?» — эта тема довольно сурово обрывалась моими старшими сотоварищами.

Студент-технолог Михаил Иванович Бруснев был одним из главных руководителей всей организации наряду с Василием Семеновичем Голубевым («дядя Сеня»), универсантом, о котором речь будет впереди. Бруснев уже тогда был вполне сложившимся марксистом, великолепно знал всю тогдашнюю популярную литературу социализма и был, кажется, главным организатором и вдохновителем всей пропагандистской работы. Он же поддерживал и непосредственные связи с руководителя-

ми рабочих кружков Петрограда [Петербурга] и, происходя сам из донских казаков, совершенно не имел того интеллигентского вида, который Цивиньскому, мне и другим несколько мешал при сношениях с рабочими. Нас всегда можно было отличить на собрании или в кружке как интеллигентов, Бруснев же в большинстве случаев сходил за своего брата рабочего. Будучи очень конспиративным и не выдаваясь особенно вперед в студенческих организациях — что больше всего способствовало провалам,— Бруснев проработал на свободе дольше всех нас и не провалился в Питере, несмотря на энергичную работу и личную связь со всеми другими руководителями.

В один из октябрьских дней 1890 года Цивиньский, подойдя ко мне в институтской столовой, мимоходом бросил: «Есть кружок на Обводном канале, из рабочих Резиновой мануфактуры и ткачей, туда нужен интеллигент для систематических занятий и пропаганды». Я выразил согласие, и тут же условились относительно конспиративной клички, под которою я буду работать в кружке. Так я превратился в «Никитича» и пользовался этим именем в последующие годы партийной работы.

В один из ближайших вечеров я, как было условлено, явился на квартиру Бруснева, где-то на Бронницкой, сменил в его комнате свою студенческую одежду на высокие сапоги, косоворотку, какое-то поношенное пальто и шапку, надвинутую по самые брови, выпачкал себе руки и немного лицо сажей из печной трубы, чтобы придать себе вид мастерового, и бойко вышел по направлению к Обводному каналу, где на условленном месте встретился с Цивиньским, который должен был ввести меня в рабочий кружок.

В морозном тумане, при слабом свете редких фонарей, оглядываясь по временам — не ведем ли за собою шпика, шагали мы по Обводному каналу, пока не пришли к большому дому на углу Обводного канала и Екатерингофского проспекта.

По плохо освещенной лестнице — электричество в Питере было лишь в Мариинском театре и на Невском проспекте, поднялись на четвертый или пятый этаж, вошли в квартиру, обычную квартиру доходного питерского дома в рабочем квартале, где на нас пахнуло своеобразным сырым и теплым воздухом рабочего жилья с запахом хлеба, щей и махорки. Вошли в небольшую комнату с двумя окнами; из-за стола с небольшой кero-

синовой лампой навстречу нам поднялся сухой, сутуловатый человек с бледным лицом и горящими глазами, выражение которых как-то скрывалось за сильно увеличивающими зрачки очками. Это был организатор кружков Федор Афанасьев, по профессии ткач, на вид лет тридцати семи, родом из Ямбургского уезда, проведший всю свою жизнь на фабриках Петербурга. Сухой кашель прерывал его речь, а тонкие, нервные пальцы выдавали многолетнюю привычку управляться с нежной хлопчатобумажной нитью на ткацком станке.

Имя Федора Афанасьева принадлежало к числу тех имен, которые на вечные времена должен чтить рабочий класс России. Уже в те дни вся его жизнь была посвящена исключительно пробуждению сознания и организации рабочего класса. Несмотря на свое слабое здоровье, этот человек носил в себе неисчерпаемый запас энергии и страсти и весь был полон планов, вечно будил и толкал менее развитых рабочих, организовывал кружки, кассы взаимопомощи, использовал каждое событие фабричной жизни, каждый номер газеты, чтобы указывать рабочим на их интересы и призывать их к объединению, к борьбе за отстаивание этих интересов.

Федор Афанасьев был одним из того десятка руководителей тогдашнего рабочего Питера, которые стояли во главе нескольких подпольных рабочих кружков, выступали руководителями рабочих при отдельных, тогда еще едва начинавшихся массовых выступлениях, вроде стачек, требований удаления нелюбимых мастеров, борьбы за увеличение заработной платы и т. д.

Цивиньский познакомил меня с Афанасьевым, от которого на меня с первых же слов повеяло теплом близкого, товарищеского отношения, к которому в него примешивался оттенок некоторого покровительства — тридцатисемилетний ткач, уже видавший виды на своем веку, вероятно, смотрел на меня, как на мальчика, берущегося за непривычное и опасное дело.

Мы условились относительно начала занятий, причем, за неимением иных возможностей, решили заниматься в этой же комнате Федора Афанасьева раза два в неделю.

Через несколько дней таким же порядком, но уже один я пришел к Федору Афанасьеву и застал у него в сборе весь кружок. Я уже не помню теперь всех его участников. Там было шесть или семь рабочих, большею частью молодежь, от двадцати до двадцати пяти

лет, среди них брат Федора — Егор, впоследствии также довольно известный в рабочих кружках Петербурга. Вместе с ними были и две девушки-работницы, кажется с Резиновой мануфактуры. Одна из них — Анюта (фамилии ее я теперь не помню) [9], а другая — Верочка, впоследствии Вера Марковна Карелина, очень известная в рабочих кругах Петербурга. Первое собрание нашего кружка было посвящено взаимному ознакомлению и общей цели наших будущих занятий. Согласно принятому правилу мы исходили из непосредственных интересов рабочих, и потому отправным пунктом моей беседы были краткие очерки тогдашнего положения рабочего класса в России, на основании главным образом тех материалов, которые публиковались в отчетах фабричных инспекторов и в особенности в отчетах наиболее известного из них тогда профессора Янжула — о бедственном и угнетенном положении рабочих. Естественно, мы переходили к выводам о необходимости борьбы за улучшение экономического положения, за повышение заработной платы, за сокращение рабочего дня, причем в виде сравнения приводились данные о положении рабочих на Западе. Это последнее рисовалось тогда в довольно розовом свете, и мы сами, руководители кружков, весьма наивно заблуждались относительно благоденствия европейских «белых рабов».

Но как добиться русскому рабочему человеческих условий существования? Разумеется, добровольно капиталист не уступит ни копейки из своих выгод, и единственный путь — это борьба, а борьба может рассчитывать на успех только при объединении рабочих. Силе капиталиста нужно противопоставить объединенную мощь организованных рабочих. Сама фабрика, сам капиталистический процесс производства ежедневно учит объединять свои силы в борьбе, противопоставлять интересы пролетариата интересам капитала, вести с последним непримиримую борьбу. Развитие самосознания отсталых слоев рабочих, необходимость на каждой фабрике и заводе указывать рабочим на их тяжелое положение и на борьбу как исход из него — вот какова была программа рабочих. Затем намечалась организация взаимопомощи, организация товарищей для борьбы за отстаивание своих интересов.

Но борьба даже за отстаивание только своих насущных материальных интересов наталкивалась не только на капиталиста, директора, приказчика, надсмотрщика,

но, пожалуй, еще больше на городового, околоточного, пристава. Весь аппарат царской власти был к услугам капиталистов и при малейшей попытке рабочих, не говоря уже к открытому сопротивлению, но и к мирной организации вызывал немедленно жесточайшие репрессии, вплоть до арестов, высылки по этапу на родину, отсидки в участке.

Бесправное положение деревни было также хорошо известно всем моим слушателям, так как и они большею частью были выходцами из деревни.

Поэтому борьба с самодержавием, борьба за изменение сурового и гнусного царского режима являлась совершенно необходимым выводом с точки зрения интересов рабочих. Тут же мною проводилось сравнение с более сносным положением рабочих на Западе, которые имели хотя бы возможность организовываться и вести борьбу против капитала в легальных рамках.

Наконец, как заключение всей беседы — единство интересов рабочих всех стран и всех народов, международная солидарность пролетариата, борьба за социализм и воцарение на всей земле вечного царства труда, в котором эксплуатация человека человеком будет возбуждать такое же изумление людей, как в нас — людоедство.

Часа два продолжалась эта первая моя речь, обращенная непосредственно к рабочим, и по лицам своих слушателей я мог безошибочно заключить, что нами был выбран правильный путь. Остальную часть вечера мы посвятили оживленным беседам по поводу высказанных замечаний; участники кружка наперебой из своей личной практики и наблюдений приводили случаи, подтверждающие выводы и положения беседы. Каждый из участников кружка заявлял о желании учиться и работать, чтобы стать сознательным борцом за интересы рабочего класса.

Следующие собрания были посвящены уже текущей работе по установленной нашим интеллигентским кружком программе. Обычный порядок был таков: сначала мой доклад или реферат по программе, затем вопросы слушателей, обсуждение заслушанного и мои вопросы отдельным товарищам, чтобы уяснить, насколько правильно понята ими та или иная мысль. Вторая половина собрания посвящалась обычно разговорам о текущих делах на той или иной фабрике или заводе, о различных случаях столкновений рабочих с фабричной ад-

министрацией, о фактах проявления и развития сознательности в рабочей среде. Затем говорили о более выдающихся городских событиях, о газетных известиях, касающихся Западной Европы и Америки. Как техник, да еще увлекающийся естествознанием, я часто рассказывал своим слушателям о новейших завоеваниях техники, грандиозных промышленных начинаниях Европы и Америки, сравнивая их с хозяйственным и техническим убожеством нашей страны, рост и развитие которой задерживались самодержавием.

До самого конца учебного года, то есть до весны 1891 года, я не припомню, чтобы в нашем кружке пришлось обсуждать какое-либо активное массовое выступление, в котором мне и моим слушателям приходилось бы принять непосредственное участие.

Агитационные моменты нашей работы, таким образом, не получали еще тогда непосредственного практического применения. Это были семена, давшие всходы впоследствии, в половине 90-х и начале 900-х годов.

Центром тяжести всей нашей работы того времени была, несомненно, пропаганда, так как организационная связь отдельных, существовавших тогда в Петербурге кружков была также еще очень слаба, и первые зародыши совместных выступлений надо отнести к маевке 1891 года и участию наших кружков в похоронах известного передового писателя и публициста Н. В. Шелгунова.

Зато пропаганда была поставлена с такой основательностью и даже академизмом, которых, вероятно, уже не наблюдалось в последующие годы. Мы рассуждали таким образом: чтобы сделать рабочего вполне восприимчивым к идеям социализма, чтобы подготовить действительных вождей рабочего класса, способных разбираться в трудной обстановке борьбы с капиталом и самодержавием, необходимо прежде всего познакомить их с основами естествознания, а уже дав рабочим знания в этой области, перейти к изучению общественных наук.

Разумеется, лишь со снисходительной усмешкой приходится теперь относиться к этой широченной программе, набросанной молодыми студентами. Но мы брались за нее всерьез и осуществляли, поскольку позволяло время и материальные возможности. Одним из необходимых условий были, разумеется, популярные книги или брошюры по различным отраслям знаний, ибо нельзя

было всю премудрость уложить в рефераты и лекции, и ознакомление с основами таких наук, как физика, химия, геология, приходилось осуществлять, давая на дом для прочтения достаточно популярные брошюрки. В те времена такой литературы почти еще не было, и, вероятно, по пальцам можно было бы перечесть отдельные книжки. Приходилось выискивать статьи из журналов, составлять рукописные рефераты. Иногда и самим пропагандистам с великим трудом удавалось достать источники, чтобы подготовиться к беседе.

В общем и целом, работа кружка протекала удовлетворительно, и хотя два-три члена после первых собраний начали пропускать собрания и частью даже совсем поотстали, все-таки занятия кружка продолжались благополучно вплоть до самой весны, когда по независящим обстоятельствам мне пришлось надолго покинуть Питер.

Один только раз судьба нашего кружка повисла было на волоске. В декабре 1890 года в Питере производилась всеобщая перепись населения, в которой студенты приняли большое участие в надежде в короткий срок заработать двадцать — двадцать пять рублей. Нужно же было случиться, что мне и моему брату достался по переписи как раз тот угловой дом на Обводном канале и Екатерингофском проспекте, в одну из квартир которого регулярно раза два в неделю я являлся под видом простого рабочего. Мы вели перепись в качестве студентов и должны были войти в непосредственное соприкосновение со старшим дворником дома, бородатым одноглазым детиной, который, подобно всем старшим дворникам, являлся, конечно, и агентом охранки. Само по себе это, конечно, еще ничего не означало, тем более что по переписи я являлся в дом одетым в форму студента. Но вот через несколько недель по окончании переписи, когда мы мирно сидели в комнате Федора Афанасьева, обсуждали очередные вопросы, раздался звонок, и «дежурный» возбужденным шепотом крикнул в нашу комнату:

— Старший дворник!

Мы переглянулись, переменили места, Федор Афанасьев вытащил из шкапчика бутылку с водкой и несколько рюмок, и вся компания приняла вид приятелей, собравшихся по поводу именин или чего-нибудь в этом роде. Через несколько минут вошел в комнату дворник и испытующим взглядом окинул всех присутствующих.

Федор предложил ему выпить, сказав, что один из его приятелей, именинник, занимая в своем доме лишь угол, попросил его разрешения собраться у него в комнате, чтобы с приятелями отпраздновать именины. Я, разумеется, ни в какие разговоры с представителем власти не вступал, а, напротив, повернулся к нему спиной, поддерживая разговор с кем-то из присутствующих. По счастью, костюм мой и вид не возбудили его подозрения, и все дело кончилось благополучно.

Могло бы кончиться иначе, и по тем временам раскрытие такого кружка, несомненно, послужило бы поводом для создания громкого дела, а для всех участников окончилось бы несколькими годами отсидки и высылки на продолжительное время в Сибирь или северные губернии.

Мне лично не пришлось ничем поплатиться за это первое пропагандистское выступление, и я вынужден был расстаться со своими учениками по совершенно другому, не имевшему прямой связи с этой работой поводу.

Я не помню, сколько именно кружков, подобных моему, было во всем тогдашнем Петербурге, но полагаю, что количество их колебалось между десятью и пятнадцатью. Соответственно этому и штаб рабочих руководителей кружков едва ли превышал в то время пятнадцать — двадцать человек. Кроме Федора Афанасьева лично мне тогда, по соображениям конспирации, не пришлось сталкиваться с кем-либо из других рабочих руководителей, и с некоторыми из них я познакомился уже значительно позднее, по возвращении из ссылки.

Из интеллигентов, стоявших во главе работы, кроме своих технологов, с которыми я соприкасался в институте, я был лично знаком только с В. С. Голубевым и В. В. Бартеневым, из которых последний, впрочем, кажется, не вступил еще окончательно в нашу организацию.

В. С. Голубев был известен в то время в рабочих кругах под кличкой «дяди Сени». Он был в такой же степени, как и М. И. Бруснев, душой всего дела и, имея тогда, вероятно, уже за тридцать лет, неутомимо шагал из одного рабочего района в другой, не возбуждая, так же как и Бруснев, благодаря своему рабочему виду, ничьих подозрений, особенно когда был соответственно одет. Я не особенно близко сталкивался с Голубевым и не могу доподлинно сказать, каково было его мировоз-

зрение. Во всяком случае, едва ли ошибусь, утверждая, что он был таким же марксистом, как и Бруснев, отрицал террор и в то время вел подлинную социал-демократическую работу. К сожалению, позднее, уже будучи в ссылке, В. С. Голубев начал уходить от социал-демократии и окончил свои дни редактором популярной газеты «Наша жизнь» [10]. Отправляясь в ссылку в 1895 году, на одной из почтовых станций между Красноярском и Иркутском я встретился с Голубевым, который возвращался из ссылки, и мы в течение двух часов жарко спорили на почтовой станции в ожидании перепряжки лошадей. Пламенному марксисту, настроенному весьма боевым образом по отношению ко всему, что имело какое-либо касательство к народничеству, конечно, невозможно было сговориться ни в чем с Голубевым, отошедшим от марксизма и возвращавшимся в Россию с какими-то непонятными мне взглядами, от которых он сам вскоре отказался в пользу еще более умеренной программы.

Возвращаюсь, однако, к нашим кружкам. Работа шла мирно до самой весны. В марте 1891 года в Петербурге скончался писатель Н. В. Шелгунов — событие, послужившее своего рода искрой и вызвавшее вспышку того горючего материала, который накопился в революционном и оппозиционном студенчестве за два-три года.

Похороны радикального писателя превратились в студенческую демонстрацию, которая повлекла за собою разгром большей части тогдашних студенческих организаций Петербурга и вызвала высылку ста пятидесяти наиболее активных вожаков студенчества.

Похороны Шелгунова были вместе с тем и той первой общественной манифестацией, на которой выступил русский рабочий. Как только известие о похоронах Шелгунова распространилось по Петербургу, руководители рабочих кружков, по-видимому не ожидая каких-либо указаний от руководящего коллектива интеллигентов, постановили принять участие в похоронах, возложив на гроб Шелгунова венок от имени рабочих. Этот венок был возложен на гроб с красной лентой и с надписью, составленной самими рабочими: «Указателю пути к свободе и братству». Сколько мне известно, для рабочих и для всей тогдашней нашей организации похороны Шелгунова сами по себе не повлекли за собой никаких результатов. Последовавшие вскоре аресты Бартенева и В. С. Голубева были, по всей вероятности, следстви-

ем общей слежки, достаточно в то время свирепой, чтобы по истечении одного-двух лет автоматически напасть на след любой организации.

К сожалению, лично я уже не мог участвовать в дальнейшей работе всей этой организации, так как оказался в числе высланных за шелгуновскую историю. Уже на другой день после похорон, рано утром, в комнату на Забалканском проспекте, в которой мы жили втроем с моим братом Г. Б. Красиным и одним технологом, явились околоточные надзиратели и агенты охранки, и часам к 10 утра мы были уже в помещении градоначальства и в тот же день со скудным студенческим багажом выезжали по Николаевской железной дороге из Петербурга.

Обосновавшись в Нижнем Новгороде и не теряя надежды когда-нибудь возвратиться в Петербург для окончания института, я решил поступить в солдаты и отбыть вольноопределяющимся воинскую повинность, чтобы не терять потом времени на ее отбывание по окончании курса. В поисках работы я попал к военному инженеру Г. П. Ревенскому, известному впоследствии специалисту по отоплению и вентиляции хлебопекарных и других помещений, печи которого, быть может, и по настоящее время сохранились еще кое-где в рабочих казармах фабрик Ивановского и Шуйского районов.

У Ревенского я проработал все лето в качестве чертежника, а осенью поехал десятником в село Кохму, на фабрику Ясюнинских, где и строил эти печи, весьма увлекаясь техникой дела. Прекращение строительных работ за зимним временем выгнало меня обратно в Нижний, где мой патрон, в воздаяние за мои технические подвиги, устроил мне службу вольноопределяющимся в качестве так называемого кондуктора при Ярославской инженерной дистанции, нечто вроде военного десятника по строительным работам. Я остался жить в Нижнем вместе с братом, который поступил в пехотный полк также вольноопределяющимся. Жили мы на вольной квартире и за исключением служебных часов, проводимых в канцелярии и казарме, вели образ жизни приблизительно одинаковый с другими высланными студентами, которыми в эту зиму был полон Нижний Новгород.

В Нижнем Новгороде жило в то время немало видных народников и либералов, как, например, известный писатель В. Короленко, статистик Анненский и другие.

В качестве высланных студентов и нам был открыт

доступ в салон этой радикальной интеллигенции. С первой же встречи выяснилось непримиримое расхождение взглядов, и вся нижегородская интеллигенция разделилась на два лагеря — народников и марксистов. Выступала от марксистов обыкновенно молодежь, в том числе мы с братом; наша молодежь нашла большую идейную поддержку в лице одного из самых ярких по тем временам марксистов — Павла Николаевича Скворцова [11].

Еще летом того же 1891 года, принимая участие в какой-то довольно многолюдной студенческой прогулке на лодках вверх по Оке, среди молодежи, разведшей костры, организовавшей одновременно и чехарду и хоровое пение, в те времена неизбежное всюду, где собиралось полдюжины студентов, я заметил довольно скромного человека, невысокого роста, в очках, с загорелым лицом и надвинутым по самые брови картузом. Даже для тогдашней компании он был одет уж слишком неприхотливо — в довольно грязную, поношенную красную рубаху с поясом и в пальто как будто с чужого плеча. Несмотря на теплую погоду, он кутался в это пальто и прятал на груди какой-то сверток. Мы разговорились, и, как всегда в те дни, очень скоро разговор перешел на теоретические темы. Собеседник пронзительно посматривал на меня серенькими глазками и задавал несколько насмешливым тоном вопросы. Затем начал высказываться и сам, и, к радостному удивлению моему, я открыл в нем не только сторонника марксистских воззрений, но и очень искушенного в этой материи человека, написавшего уже ряд статей в тогдашнем «Юридическом вестнике», издававшемся в Москве [12].

Сверток, который П. Н. прятал на своей груди, был не чем иным, как рукописью только что законченного им тогда произведения, в котором он наголову разбил столпа тогдашнего народничества — Воронцова (известного под псевдонимом В. В.) — уничтожающей критикой его книги «Судьбы капитализма в России». На мой вопрос, зачем же таскать с собой на Оку такую громоздкую рукопись, П. Н. Скворцов застенчиво ответил, что квартира у него где-то на чердаке, не очень надежная, рукопись может сгореть или быть украденной, например на цигарки, и тогда ему пришлось бы начинать всю работу сначала, а между тем это почти единственный его ресурс на предстоящую зиму. П. Н. Скворцов был тоже статистиком, но так как руководителями статистики были народники, а сам П. Н. отличался большой нетерпимо-

стью ко всем несогласно мыслящим, то его заработки от статистических работ в Нижнем не могли быть сколько-нибудь значительными, и гонорар, получавшийся от «Юридического вестника», был действительным подспорьем в его чрезвычайно демократическом бюджете.

Кажется, этой книге П. Н. так и не удалось увидеть свет. Тогдашний редактор «Юридического вестника» Муромцев (впоследствии председатель I Думы) не был достаточно либерален и смел, чтобы поместить в своем журнале столь резкую критику господствовавшего тогда направления русской общественной мысли. Предыдущие статьи П. Н. в московском журнале не носили столь резкого полемического характера и не задевали так больно народников, как эта книга. Статьи П. Н. Скворцова, посвященные тогдашнему крестьянскому хозяйству, были, вероятно, первой попыткой анализа производственных и экономических отношений русской деревни с марксистской точки зрения. П. Н. Скворцова приходится, таким образом, признать в этой области непосредственным предтечей Владимира Ильича.

Наши словесные бои со статистиками-народниками, несмотря на несравненное превосходство наших противников в отношении знания и знакомства с фактами, тем не менее привлекли на нашу сторону почти всю нижегородскую молодежь, и из тогдашних нижегородских гимназистов и гимназисток, присутствовавших при этих словопрениях, вышло потом немало работников нашей партии.

В самом Нижнем, да еще нося на плечах солдатскую шинель, трудно было думать в то время о непосредственной работе среди заводских рабочих. Впрочем, у П. Н. Скворцова, Григорьева и других нижегородских марксистов в то время, кажется, уже заводились кое-какие связи с сормовскими рабочими. Но, сидя в Нижнем, мне удалось оказать некоторое содействие организации пропаганды среди рабочих в самой Москве.

Еще до моей высылки из Петербурга мы нередко говорили с Федором Афанасьевым о желательности перенесения работы в Москву, и в частности о переезде его в Москву для поступления на какую-либо из ткацких фабрик и для установления связи с московскими рабочими. После лета 1891 года, когда с провалом В. С. Голубева и у Федора Афанасьева в Питере почва стала становиться горячей под ногами, это было вдвойне целесообразно, так как отдаляло вероятность его провала.

К тому же и Бруснев в эту весну окончил Технологический институт и подумывал об отъезде из Петербурга по конспиративным соображениям. Надо дополнить еще, что после моей высылки из Питера там произошло важное событие, а именно: первая маевка петербургских рабочих — празднование 1 Мая. Это важное событие, весть о котором прокатилась потом по всей России, уже описано его участниками, и я упоминаю здесь о нем потому, что эта массовая демонстрация для более старых и скомпрометированных работников делала желательной перемену места работы.

После высылки из Петербурга, по дороге в Нижний, я заехал в Москву к студенту университета П. М. Кашинскому. Кашинский был уже известен мне как довольно образованный и склонявшийся к марксизму студент, обладавший притом небольшими личными средствами, в противоположность всем нам, перебивавшимся уроками, чертежами и в исключительных случаях — стипендиями. Кашинский был знаком с «Капиталом» Маркса, статьями Энгельса и, кажется, более или менее правильно получал заграничные издания того времени, в том числе и социал-демократический двухнедельник «Neue Zeit» [13]. Я изложил Кашинскому наш план и уговорил его дать средства на переезд Федора Афанасьева в Москву и на то время, пока ему не удастся найти работу на фабрике. Сколько помнится, величина этого подспорья, вполне устраивающего Федора, определялась от восьми до десяти рублей ежемесячно. Было условлено, что к осени, когда студенты соберутся в Москву, Кашинский сорганизует интеллигентскую руководящую группу, а тем временем Федор Афанасьев завяжет связи в рабочей среде, и таким образом вся организация будет уже пущена в ход.

Часть лета Кашинский провел у меня в Нижнем, и мы разработали с ним этот план.

К осени М. И. Бруснев, окончивший курс в институте, случайно получил место инженера мастерских Брестской железной дороги в Москве, и таким образом у нас явилась полная уверенность в правильной постановке всего дела. Лично я, проживая в Нижнем, не мог принять непосредственного участия в московской работе, но, поддерживая связи с Брусневым и Кашинским, между прочим через Л. В. Миловидову, впоследствии мою жену, я узнал, что работа в Москве развивается довольно ходко, привлечены десятки интеллигентов, вполне подго-

товленных для пропаганды, и что Федору Афанасьеву удалось завести довольно широкие связи в рабочих кругах.

Сам я надеялся летом 1892 года покончить с солдатчиной и получить разрешение на въезд в Петербург. Расчетам этим, однако, не суждено было исполниться.

Рано утром 6 мая 1892 года мы с братом были разбужены неожиданным визитом жандармов, которые предъявили ордер местного жандармского генерала Познанского и после основательного обыска нашей комнаты увезли меня в одну из башен Нижегородского тюремного замка. Никакого допроса и обвинения не было предъявлено, и, просидев в башне дней пять, я был отправлен с двумя жандармами в Москву. Будучи привезен с Нижегородского вокзала в жандармское управление, помещавшееся тогда где-то в Георгиевском переулке, я предстал пред лицом маленького жандармского полковника Иванова, который, приняв рапорт зычными голосами приветствовавших его нижегородских жандармов, отпустил их и немедленно учинил мне допрос. Вопросы касались Бруснева, Кашинского, Епифанова и др., а также моей мнимой поездки в Москву, очень интересовавшей жандарма. Поводом для настойчивых расспросов о моей поездке в Москву было то обстоятельство, что в записной книжке Бруснева, отобранной у него при обыске, был найден петербургский адрес моей невесты Л. В. Миловидовой, записанный моей рукой. В действительности не я ездил в Москву, а однажды Бруснев приезжал ко мне из Москвы в Нижний, и я имел неосторожность собственноручно записать адрес в его книжку. Не желая давать вообще никаких подробностей, которые могли бы помочь жандармам разобраться в деле, я, разумеется, умолчал о моем свидании с Брусневым и вообще отрицал какую-либо осведомленность свою о работе Бруснева и других товарищей в Москве.

После допроса в сопровождении уже московского жандарма на извозчике с поднятым верхом меня отправили в Таганскую тюрьму, где я и водворился в верхнем этаже, в камере № 505, с великолепным видом на всю Москву с ее Кремлем в центре. Много месяцев смотрел я из окна этой камеры на силуэты московских церквей и на вырезные башни и соборы Кремля, и как ни смелы были мысли и планы двадцатилетнего марксиста, но и во сне не снилось, что мне удастся дожить до такого времени, когда на этих шпицах будет развеваться

красное знамя, а в кремлевском дворце заседать конгресс Коммунистического Интернационала.

Таганская тюрьма была в то время одной из образцовых одиночек, и вообще режим в тюрьмах при Александре III отличался большой строгостью. Чисто выбеленные стены, пол, натертый графитом до зеркального блеска, опрятно и даже щеголевато одетая стража, полная тишина в коридорах и на узеньких парапетах, окружавших каждый этаж, прерываемая лишь изредка хлопаньем небольших окошек в дверях, служивших для подачи пищи,— вся эта своеобразная атмосфера произвела на меня поначалу сильное впечатление. «Вот она,— думалось,— эта ужасная одиночка, в которой придется провести неопределенно долгое время». Однако уже после первых же дней я вполне вошел в колею тюремной жизни. Тут громадную службу сослужили книги вроде Кеннана или истории революции Туна [14], из которых я уже знал, что представляет собой политическая тюрьма, каковы методы и приемы жандармского и прокурорского допроса и т. д. Из слов полковника Иванова при окончании допроса, не скрывшего своего недовольства недостаточно пространными объяснениями, данными ему, я заключил, что сидеть, вероятно, придется довольно долго, и поэтому начал устраиваться в своей камере на длительное пребывание.

Прежде всего я заботливо изучил самую камеру, тюремные порядки и вообще весь доступный мне видимый мир, включая и ту часть тюремного двора, которую мне было видно, если влезть на стол, используя те минуты, когда затихающие шаги надзирателя позволяли быть уверенным, что у «глазка» двери никто не подсматривает. Первые недели я не получал никаких известий с воли, не имел ни денег, ни передач, ни книг. Износив свое платье, мне пришлось облачиться в арестантское белье, и несколько дней я привыкал к грубому, напоминавшему рогожу холсту. Эти первые недели были, несомненно, самыми тяжелыми за все время как по непривычности обстановки, беспокойству за брата и за то, как вся эта история отразится на отце и матери, а главное, по вынужденному бездействию.

Я, однако, довольно скоро нашел средство восстанавливать душевное равновесие, когда оно начинало колебаться. Работа или вообще какое-нибудь сосредоточенное, упорное занятие оказались этим действительным средством. Не имея ни книг, ни бумаги, я занимался

математическими задачами, используя найденный гвоздь и штукатурку стен. Из мякиша хлеба приготовил себе нечто вроде кеглей и из этого же материала сделал шахматы. Проделал и некоторый биологический опыт, посадив в свободный чайник пойманного клопа и наблюдая в течение месяцев, как он в процессе голодания превращается почти в прозрачную пластинку. Это — занятия, так сказать, теоретические, или кабинетные.

Одновременно не забывал и физическую культуру. Средством для этого был главным образом тяжелый табурет, имевшийся в камере, с которым можно было проделывать достаточное число гимнастических упражнений. Хорошей гимнастикой и вообще способом рассеять дурное настроение была чистка посуды. Посуда в камере была из красной меди, луженая и с течением времени приходила в довольно неказистый вид. Но если взять мелко истертый кирпичный порошок и кусок сукна, то, проработав усердно около часа, можно было добиться того, что и таз, и стакан, и кувшин для воды, и небольшая миска для супа, и стакан для кипятка горели, как будто были сделаны из червонного золота. Настроение после такой работы неизменно и прочно улучшалось.

Вытирание окон также было обычным моим занятием и, как вскоре оказалось, далеко не бесполезным и в других отношениях. Вытирая усердно стекла окна, я однажды заметил пролетку с поднятым верхом, приближавшуюся по переулку к воротам тюрьмы. Из-за кафтана извозчика выглянуло синее с красным кантом колено одного из седоков, и я понял, что везут арестанта. Пролетка въехала во двор тюрьмы, и, прильнув к стеклу, я увидел вслед за вышедшим из пролетки бравым жандармом какого-то студента, привезенного, очевидно, с допроса. Впоследствии я приучился слышать дребезжание пролетки, которая проезжала саженей за пятьдесят от ворот тюрьмы, мне удавалось видеть — правда, каждый раз в течение лишь нескольких секунд — некоторых из товарищей, привлеченных по делу Бруснева, в том числе самого Бруснева, Федора Афанасьева и Кашинского.

Через месяц сидения разрешили наконец переписку, и я был наверху блаженства, получив первые письма от Л. В. Миловидовой и от моего брата Германа, которого в Нижнем оставили на свободе. Вскоре разрешили и книги, и тут мое сидение превратилось уже в

сплошной университет, и я только одного желал — чтобы меня меньше беспокоили с допросами. По счастью, это, очевидно, совпадало и с желаниями самого жандармского полковника Иванова, так как за все одиннадцать месяцев сидения меня вызывали к допросу едва ли больше четырех раз.

Книги удавалось иметь в достаточном количестве, и, помимо основательного изучения немецкого языка, мне удалось проштудировать в Таганке целый ряд философских книг — Шопенгауэра, Канта, Вундта и ряд книг по биологии, дарвинизму и т. д., за исключением экономической литературы, которая почему-то не допускалась.

Свидание за все время я имел только одно — с братом Германом при проезде его из Нижнего в Петербург; по окончании солдатчины он получил разрешение обратно поступить в Технологический институт, и через двойную сетку в комнате, или, вернее, клетке для свиданий, я увидел его загоревшим и возмужавшим, одетым в офицерскую форму прапорщика пехоты.

В общем и целом, об этом таганском сидении вспоминаю и до сих пор с удовольствием, и, несомненно, этот многомесячный досуг сильно помог мне разобраться во многом, привести в порядок свои мысли и знания и познакомиться со многими сочинениями, которых в обыденной сутолоке жизни я, несомненно, никогда не успел бы прочесть. На людей нервных одиночка действовала плохо, и однажды утром я был разбужен истерическим криком, доносившимся со двора. Вскочив на стол и выглянув за окно, я увидел Кашинского в нервном припадке, втаскиваемого жандармом в извозчичью пролетку с поднятым верхом. На меня эта сцена тяжело подействовала, но сам я, следя очень внимательно за собой и при малейшем понижении настроения прибегая к испытанным средствам — гимнастике и работе, быстро прогонял дурное настроение и почти все время употреблял с пользой.

В двадцатых числах марта, после почти одиннадцати месяцев полного одиночного заключения, в мою камеру вошел старший надзиратель и сказал мне: «Собираться совсем». На мой вопрос он не мог мне дать никаких подробностей, сказав только, что из жандармского управления меня затребовали со всем моим имуществом.

В конторе тюрьмы мне возвратили отобранные при водворении в камеру вещи, остаток моего «текущего сче-

та» в тюремной кассе, и обычным порядком, с тем же бравым жандармом, который обычно возил меня на допросы, наша пролетка поплелась на другой конец Москвы, перемешивая высокий, только что выпавший и продолжавший валить мокрыми хлопьями весенний снег. В жандармском управлении жандарм оставил меня одного в кухне подвального этажа, а сам пошел куда-то наверх с докладом. Уже это показалось мне хорошим признаком. Действительно, через несколько минут другой вестовой пригласил меня наверх, в довольно приличную приемную, и оставил там опять-таки одного. Через некоторое время явился ротмистр и сообщил, что меня решено выпустить на поруки, в полк. Надо сказать, что во время моего сидения приказом командующего войсками Московского округа Костанда я был переведен из нижегородского отдела Ярославской инженерной дистанции, где я уже успел дослужиться до чина младшего унтер-офицера, в 12-й пехотный Великолуцкий полк, стоявший тогда в Туле и славившийся особо строгой дисциплиной, в частности по отношению к вольноопределяющимся. Через некоторое время меня попросили наверх, к полковнику Иванову, который, более для проформы, спросил меня, не имею ли я еще чего-либо дополнить к прежним показаниям, и после моего отрицательного ответа передал меня жандарму для передачи вместе с вещами в управление московского уездного воинского начальника для препровождения по месту службы в Тулу.

Опять мы поехали в пролетке куда-то в Лефортово, где меня «с пакетом» сдали в распоряжение плохо выбритого старика с полковничьими погонами, сейчас же вызвавшего какого-то унтера и отрекомендовавшего его мне в качестве «дядьки», с которым в ту же ночь я должен был отправиться в Тулу. На мой вопрос, что мне делать до ночи, полковник заявил, что я могу располагать собой как угодно; не веря еще сам себе, что я на свободе, я пошел бродить по Москве.

На этом я могу кончить свой рассказ, так как с переездом в Тулу начинается уже новая пора моей жизни, не имеющая непосредственного отношения к этому периоду пропагандистской работы. Упомяну только, что, будучи уже в Туле, от приезжавших ко мне из Питера моего брата Германа и Л. В. Миловидовой, а также других студентов я узнал, что начатая нами работа, несмотря на провалы, высылку и отъезд некоторых работ-

ников, не прекратилась, а, напротив, ширится и растет. В Технологическом институте ближайшим преемником нашего кружка сделался безвременно ушедший в могилу Степан Иванович Радченко, брат которого Иван Иванович, под кличкой «Касьян», был одним из самых видных нелегальных работников нашей партии в конце 90-х и в начале 900-х годов, а сейчас стоит во главе сахарного и торфяного дела Советской России [15]. Степан Иванович Радченко, виртуоз по части конспирации и дипломатии, вел очень тонкую работу как в России, так уже и по связи с заграничной группой Плеханова. Последующая группа технологов социал-демократов имела в своей среде Г. Б. Красина, Г. М. Кржижановского и др. Эта группа вскоре повела работу совместно с выступившим тогда впервые на сцену В. И. Ульяновым, Мартовым, Потресовым и другими основателями «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Чисто пропагандистский период доисторического развития нашей партии закончился, и новая организация самим ходом вещей должна была уделять все больше и больше внимания агитационной и организационной стороне работы, закладывая прочный фундамент будущего партийного здания.

Еще несколько слов о приговоре по нашему делу. Он был утвержден Николаем II в декабре 1894 года — первый приговор по политическому процессу, подписанный новым царем в первые месяцы царствования, когда российские либералы еще возлагали на него какие-то надежды. Приговор этот достаточно характеризует зверскую жестокость Николая II по отношению ко всему, что касалось каких-либо революционных выступлений.

М. И. Бруснев был приговорен в административном порядке к одиночному заключению в «Крестах» на четыре года с высылкой затем на десять лет в Верхоянск Якутской области. За разными манифестами пребывание его в Верхоянске было немного сокращено, и он возвратился в Россию только в половине 1904 года. Таким образом, царское правительство отняло у этого человека, правда, не четырнадцать, но все-таки двенадцать полных лет жизни. М. И. Бруснев вынес необыкновенно тяжелое заключение в «Крестах» и крайние лишения ссылки в самом холодном месте земного шара, но к политической работе он уже не возвращался.

Более трагической была судьба другого видного героя тогдашних рабочих организаций — Федора Афанась-

ева. По нашему делу он получил относительно умеренный приговор, а именно — тюремное заключение на один год с отдачей по отбытии его под гласный надзор полиции. Федор Афанасьев не прекращал своей революционной работы вплоть до революции 1905 года и погиб мученической смертью в Иваново-Вознесенске, убитый черносотенцами.

В. М. Карелина

НА ЗАРЕ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В С.-ПЕТЕРБУРГЕ

В 1890 году двадцатилетней девушкой я, питомица воспитательного дома, поступила ткачихой на Новую бумагопрядильню. Еще до поступления на фабрику я познакомилась с рабочим мастерских Варшавской жел[езной] дороги Карлом Грейнертом. Он носил мне книги для чтения, больше все беллетристику, напр[имер], стихотворения Некрасова, и тем самым дал толчок моему развитию. В техническом училище, где учился Грейнерт (в Дерптском переулке), занимались и его товарищи, в числе которых был и Николай Дементьевич Богданов. Скоро Карл Грейнерт познакомил меня и с ним.

Знакомство это принесло мне большую пользу, так как Богданов давал мне еще больше книг, и, таким образом, я прочла под руководством Николая Дементьевича почти всех русских классиков; особенным успехом пользовались такие книги, как сочинения Г. Успенского, Решетникова, Писарева, «Что делать?» Чернышевского. Пытался Богданов читать со мной даже Спенсера, но из этого ничего не вышло, так как у меня не было тогда подготовки для понимания этого писателя.

Когда я стала немного разбираться в прочитанном, познакомили меня с ткачом Федором Афанасьевым (ему тогда было года 32), замечательной личностью, который и организовал кружок ткачей.

В этот кружок входили: Федор Афанасьев, его брат Егор Афанасьев, их зять Яков, Анна Егоровна Гаври-

лова, ткачиха с фабрики Паля, я и рабочий, известный у нас под кличкой Григорий «Нечесаный».

Это был интересный малый, всегда оборванный и взлохмаченный, за что он и получил свое прозвище. Он был уже пожилым человеком, ему шел сороковой год, он был учеником Халтурина, работал в халтуринской организации, о чем и рассказывал нам. Помнил «Нечесаный» и других революционеров 70—80-х годов. Так, Халтурин познакомил его с Михайловым, которого даже арестовали в рубахе Григория «Нечесаного», потому что накануне ареста «Нечесаный» отдал Михайлову свою рубаху.

Занятия с нами вел в этом кружке молодой студент Леонид Борисович Красин. Прислал этого студента к нам Цивиньский. Занятия в кружке велись по экономическим вопросам. Какие книги читались в кружке, точно не помню; помню только, читались и сочинения Маркса о заработной плате и, насколько помнится, «Коммунистический манифест».

Занимались мы очень усердно в течение зимы 1890/91 года.

При посредстве нашего кружка началась очень энергичная работа среди женщин, и было положено начало женской организации. Вообще, работа того центра, откуда исходило все движение, раскинулась довольно широко.

Кроме нашего кружка были еще следующие кружки: 1) кружок слесарей; в нем организатором были Гаврила Мефодиев, Николай Дементьевич Богданов и Хлопов; 2) кружок Алексея Егоровича Карелина, литографов; в этом кружке находились Яков Иванов, Белов и другие литографы и печатники; 3) кружок за Нарвской заставой, на Путиловском заводе, и 4) кружок на Васильевском острове, на Балтийском заводе.

Эти пять кружков времени зимы 1890/91 года связывались центральной организацией, которая состояла из представителей, выбранных отдельными кружками; в центральный кружок входили: от красинского кружка я и Гаврилова, от литографов Карелин, от литейщиков Богданов, а также Федор Афанасьев и Мефодиев, Егор Афанасьев (от Экспедиции). Организатором этого кружка был Цивиньский. Этот центральный кружок собирался на коммунальной квартире, которую держал Мефодиев на Забалканском проспекте. Там жили коммуной Мефодиев с женой, Алексей Карелин, портниха Раиса,

Татьяна, жена Хлопова, рабочего Путиловского завода, высланного под надзор полиции из столицы, с двумя детьми.

Вскоре нам, мне и Гавриловой, удалось организовать еще один кружок, женский, из ткачих и служащих воспитательного дома. В этот кружок входили Маша (вышла замуж за рабочего Маклакова), Феня (впоследствии жена Норинского), Наташа (впоследствии жена Кейзера), Паша (вышла замуж за Желабина), Елена Николаевна, еще несколько ткачих и работниц других предприятий (например, Татьяна Разуева, фальцовщица из типографии Вольфа). Занималась пропагандой в этом кружке жена Михаила Степановича Александрова, Софья Александровна Александрова [1].

Привел Александрову в этот кружок Богданов. Для кружка имелась специальная квартира на Глазовой улице.

В конце 1890 года организовался еще один кружок — в Экспедиции заготовления государственных бумаг. Здесь занимался Бруснев, с которым я познакомилась в конце 1890 года и который, по моему мнению, играл если не главную, то, во всяком случае, крупную роль во всем движении. Он входил в центральную социал-демократическую организацию, которая была связана и с нашим рабочим центральным кружком.

В этот интеллигентский центр входили кроме Бруснева, по моему мнению, Цивиньские, Коробко, Красины и Святловский [2]. Занятия же вели в рабочих кружках: Бруснев, Цивиньский, братья Красины, Любовь Васильевна Миловидова (впоследствии Красина), курс[истки] Томсопьян, Коробко, «Петр Петрович» (Михаил Степанович Александров), его жена Софья Александровна.

Кружок, где занимался Бруснев, был организован кузнецом Егором Афанасьевым и собирался на своей специальной квартире на Рижском проспекте. С Брусневым приходилось встречаться часто, так как наш центральный рабочий кружок собирался каждое воскресенье; туда входил и Бруснев. Обыкновенно там делались доклады о положении организации и отдельных кружков, фильтровали их состав, обсуждали кандидатуры новых членов. Самыми выдающимися членами центрального рабочего кружка, по моему мнению, были Богданов, Карелин, Мефодиев, Федор Афанасьев (ткач) и Егор Афанасьев (кузнец).

Замечательный это был человек. Он был крестьяни-

ном Петербургской губернии, Ямбургского уезда, Редкинской волости, деревни Волны. Хотя по начитанности он и уступал другим рабочим, руководителям всего дела, как Богданов или Мефодиев, но зато отличался необыкновенной добротой, особой убежденностью, преданностью делу, умением подходить к человеку и поразительной красотой душевной. Этим он и брал и привлекал к себе, особенно женщин и ткачей. То, чего ему недоставало в смысле знаний, он с лихвой пополнял своей задушевностью и, если уступал в теории металлистам, которые вообще шли впереди всех рабочих, зато, как практик и организатор, был выдающимся человеком.

Таким образом, у нас в течение 1890—1891 годов было уже шесть кружков и насчитывалось организованных рабочих человек до ста. В 1891 году же произошло событие, которое на время расстроило наши ряды: похороны писателя Шелгунова. Мы все очень ценили его сочинения и в особенности со вниманием читали его экономические и исторические статьи.

Еще месяца за два до смерти Шелгунова мы, по мысли Цивиньского, на одном из собраний решили поднести адрес от рабочих умирающему писателю. Содержание адреса известно. На адресе подписалось много рабочих. Носили адрес Богданов, Карелин, Мефодиев, Афанасьевы и кто-то из интеллигентов. Адрес очень тронул Шелгунова. Он плакал и сказал, что если он встанет, то всю жизнь посвятит рабочим.

Как сейчас помню, пришел Егор Афанасьев и сообщил о смерти Шелгунова и о том, что нужно возложить на его гроб венок от рабочих, пойти на панихиду и похороны. Панихида была назначена в воскресенье в 6 часов вечера. Наши товарищи собрали деньги (с металлистов, кажется, по рублю, а с женщин и ткачей поменьше, и жалованье ведь наше было грошовое — 12—14 рублей в месяц), Ф. Афанасьев, Мефодиев, Богданов и Карелин пошли в типографию к Вифту на Садовой улице (Вифт сочувствовал нам) и заказали там ленту, на которой отпечатали: «Дорогому учителю и руководителю от рабочих» — «Указателю пути к свободе и братству от петербургских рабочих». На венке, на ленте подписались, были и наши женские подписи, моя и Гавриловой. В 6 часов отправились на квартиру Шелгуновых.

Представители рабочих возложили венок. Панихиду пели студенты. Венок и делегация рабочих очень тронули жену Шелгунова, и она со слезами благодарила нас.

Но на похороны, к сожалению, женщины не могли пойти, так как день был будний и уйти с ткацких фабрик было очень трудно, так как за отлучку штрафовали, а то и прямо не пускали.

Демонстрация рабочих на похоронах всполошила полицию, и вскоре начались аресты. Арестовали братьев Красиных, Коробко, из рабочих Мефодиева и Хлопова.

Бруснев уехал в Москву. Перед отъездом он на квартире Егора Афанасьева в Коломне на большом собрании, где было человек 15, и в том числе Богданов и Карелин, очень тепло прощался с нами.

Квартиру на Забалканском проследили, и пришлось переносить центр в другое место. Таким местом и стала наша квартира на Глазовой улице. Это была очень интересная и конспиративная квартира. Помещалась она в злачном месте, где находились и два дома терпимости. В большом здании, где расположились эти «учреждения», имелась небольшая квартирка, которую мы и сняли. Неприятное соседство скрашивалось тем, что полиция и на нас смотрела такими же глазами, как на обитателей веселых домов, и потому к нам безопасно могли ходить и наши товарищи. Занятия у нас всегда обставлялись так, что в одной комнате пели, играли на гармонике, танцевали, а в другой велись серьезные разговоры, пропаганда. В этой первой комнате обыкновенно мы приглядывались к новым, только что приглашенным товарищам; если не подходил, мы его больше не звали, а если был свой, скоро переходил и в другую, заднюю комнату. В кружки новых людей допускали со строгим выбором, по рекомендации двух членов, с ответственностью рекомендующих. Хорошее было время, чистота какая-то в наших отношениях. Бывало, придет много товарищей, засидятся допоздна, домой идти далеко, постелим что-нибудь на полу, ляжем все вповалку и заснем как убитые. И вышли потом в жизнь из нечистого дома в большинстве чистые и преданные рабочему делу борцы. И дворник был у нас свой, сочувствующий. Всегда предупреждал, если, по его мнению, полиция начинала посматривать на нас косо.

До какой степени были мы чистые и отзывчивые тогда. Помню, как мы судили Михаила Князева, который соблазнил девушку и не хотел жениться на ней, отговариваясь, что нечем жить вдвоем. Мы собрали ему деньги и сыграли свадьбу.

В конце 1891 года познакомились мы с литейщиком

Михаилом Князевым с Выборгской стороны, с завода Растеряева. На этом заводе образовался новый кружок, в котором кроме Михаила Князева (бывшего народовольца, лет около 30) большую роль играли литейщики Егор Туманов и еще один, фамилии его не помню, но называли его за красивую наружность Коля-Ляля.

В это время как раз проследили нашу глазовскую квартиру; об этом нас предупредил дворник, и мы по предложению Князева переехали на Выборгскую сторону, на Полюстровскую улицу. Когда мы жили уже на Выборгской стороне, к нам в кружок приезжали рабочие писчебумажной фабрики Печаткина из Красного Села. Из этого кружка помню только одного рабочего Федора. Входили в этот кружок рабочие с завода Растеряева. Здесь, на Полюстровой, мы также организовали коммунальную квартиру: я, Гаврилова, Егор Туманов, Князев (бывший народоволец) и еще рабочий из Москвы Иван (Калужской губернии). Этот рабочий привез с собой много нелегальной литературы: книжки были больше народовольческого характера, например письмо Цебриковой Александру III[3], «Календарь „Народной воли"».

Это происходило в начале 1892 года, когда мы еще не определились ясно как социал-демократы[4]. В это же время, начиная с середины года, у нас складываются уже более определенные убеждения, замечается тяга к социал-демократии. Тогда же мы познакомились через Иванова Якова с Кейзером, Фишером и Яковлевым, а также с Владимиром Владимировичем Святловским. Это последнее знакомство произошло при встрече Нового, 1892 года, стало быть, 31 декабря 1891 года, на квартире у кузнеца Егора Афанасьева.

Святловский очень нуждался, жил вместе с рабочими на коммунальной квартире на Рижском проспекте, отличался большой простотой и очень нравился рабочим. Пропагандистскую работу Святловский вел в кружке Экспедиции заготовления государственных бумаг. После празднования 1 Мая 1891 года (я на этой маевке не была) Святловский ездил по какому-то поручению товарищей в Польшу, но с какой целью, не знаю; кажется, он возил для напечатания речи рабочих, произнесенные на этом собрании, для напечатания силами польской социал-демократической организации.

В 1891 году работа пошла усиленно. Организовался особый кружок — организаторский, специально для под-

готовки ответственных организаторов, которые бы самостоятельно могли развивать дело, заводить связи, заниматься пропагандой и агитацией, так как многочисленные и частые аресты вырывали из наших рядов особенно много интеллигентов. Организовал этот кружок и руководил им Цивиньский. Организовали мы зимой 1892 года еще несколько и первоначально новых кружков: на заводе Растеряева, на фабрике Чешера, помню там рабочего по имени Яков. В феврале 1892 года арестовали Богданова, члена центрального кружка, и Филимонова с карточной фабрики за Невской заставой, где также был свой кружок. Аресты эти, впрочем, не повлияли на дело очень сильно, так как уже было много организованных и сознательных рабочих, втянутых в подполье. Да и дело мы вели осторожно и, завязывая новые знакомства, расширяли и укрепляли организацию. Дело велось так, что сначала давали большую культурную подготовку. Не говоря уже о том, что в центральном кружке имелась прекрасная легальная и нелегальная библиотека, имелись хорошие легальные библиотеки и в каждом кружке. Книги любили и покупали все. Покупали и мы, но жалованье у нас было небольшое, и на него много купить было нельзя. Зато очень много покупали книг металлисты и вообще те рабочие, что много зарабатывали,— Мефодиев, Богданов, Карелин. Особенно много покупал последний. Переплетали сами, у Карелина имелся переплетный станок, и в свободное время он занимался этим делом. Кроме нелегальных книг и беллетристики большой популярностью пользовались книги естественноисторического содержания, особенно книжки Рубакина [5] и астрономия Фламмариона.

До 1892 года мы, как я сказала, не определились и не могли считать себя социал-демократами, но уже после 1 Мая этого года для нас ясно стало, что социал-демократы к нам ближе.

В праздновании 1 Мая 1892 года принимала участие и я. Организацию празднования подготовил центральный наш кружок. Был заранее разработан план, дорогу к месту собрания на Петровском острове нарисовали на бумажках и дали каждому участнику, сходиться предложили поодиночке, кто ехал на лодке, кто шел пешком, кто на конке, так что сошлись незаметно к условленному месту и в условленный час, именно в час дня. Собрались аккуратно, расположились с едой и чаем на берегу, как будто на прогулке. Было человек 200, в чис-

ле рабочих Цивиньский и Святловский, одетые в крестьянское платье. Распространялись прокламации, книжки, карикатуры на Александра III. Уже намеревались приступить к произнесению речей, как явился сторож владений князя Белосельского (ему принадлежала эта земля) и стал нас прогонять с занятого нами места. Мы уходить не хотели, но в это время пришел патрульный Маклаков (мы их расставили тоже по плану) и сообщил, что едут жандармы. Пришлось уходить, а так как многие из нас приехали в одиночку на лодках, то мы сейчас разместились в них и стали удаляться по направлению к взморью с гармониками и песнями. Показались конные жандармы, но мы были уже на середине реки. Жандармы, бессильные что-либо сделать, смотрели на нас, а Святловский снял шляпу и сказал: «До свидания!»

Так неудачно окончилась эта маевка, хотя никто из нас и не пострадал.

Через несколько времени произошло второе большое собрание, на котором было тоже человек 200. Собрание было за Волковым кладбищем. Сошлись кружки всех районов — Нарвского, Выборгского, Невского, Петроградского, Василеостровского (Медведев, токарь).

Первым на этом собрании говорил Егор Афанасьев, кузнец, о тяжелой жизни рабочих, гнете и эксплуатации капитала, о необходимости борьбы за улучшение рабочей жизни. После Афанасьева другие ораторы указывали на успешную борьбу, какую вели рабочие на Западе, и делали вывод, что это происходит потому, что там рабочие организованы, а организованы они в силу уже завоеванной свободы, и, стало быть, и нам надобно завоевать свободу, а для этого надобно организоваться в рабочую партию.

Читали здесь и брусневскую программу, отпечатанную на гектографе [6].

Вскоре после этого собрания нас арестовали. Шпионы кого-то проследили, началась усиленная слежка, и в июне 1892 года было арестовано 162 человека. Святловский и Цивиньский не присутствовали на волковской сходке, уцелели и благополучно уехали из Петербурга.

У меня арестовали всю библиотеку, собранную с таким трудом; посадили меня в предвариловку. Просидела я три месяца, после чего была выпущена под особый надзор полиции до окончания дела. Других — кого тоже

оставили в Питере, а кого выслали подальше, под гласный надзор.

Нужно сказать, что здесь мы уже определенно стали социал-демократами. Уже после 1 Мая 1892 года в наших кружках читались программа «Группы освобождения»[7] и какое-то послание от польских социал-демократов[8].

Из арестованных и выпущенных вскоре в Петербурге остались, между прочим, Фишер и весь наш выборгский кружок. И вот теперь-то и началась уже явная борьба в наших рабочих кружках между народовольцами и социал-демократами. Спорили обыкновенно интеллигенты, но принимали иногда участие в этих спорах и мы. От народовольцев выступали Петр Петрович и другие, а от социал-демократов — Цивиньский и наши рабочие.

Выйдя из тюрьмы, я поступила на Мариинские акушерские курсы. Поступить помогли мне Стасова и Серебренникова, посоветовавшие обратиться к Дрентельн, которая и поместила меня на курсы[9]. Окончить курсы, впрочем, тогда не удалось, так как в марте 1893 года снова арестовали и посадили в предвариловку. На этот раз продержали $1^1/_2$ месяца и выслали за сходку на 1 Мая 1892 года. Уехала в г. Сумы Харьковской губ.

Вспоминая теперь, почти через 30 лет, эту нашу чисто рабочую революционную социал-демократическую организацию, я думаю, что рост и успех происходили потому, что организовали ее мы, рабочие и работницы, правда при помощи интеллигенции. С интеллигенцией у нас была самая тесная связь. К ее словам мы прислушивались и уважали ее. Самые формы нашей жизни выливались так просто и естественно из наших потребностей. Сходились мы с людьми близкими, с кем сжились и кого знали хорошо. На Выборгской стороне жили мы действительно настоящей коммуной. Жило нас четыре девушки: я, Наташа Александрова (портниха), Варя Николаева, горничная, и сестра Александровой, работница с красильной фабрики. Жили и мужчины, рабочие Растеряевского сталелитейного завода. Квартира считалась на имя матери Вари. Жили мы, действительно, коммуной: деньги вносились в общую кассу, имели общий стол, общую стирку, библиотеку. Все работали по дому, и никаких ссор и споров по этим делам у нас не было.

Девушки сыграли в организации большую роль. Молодые, здоровые, веселые, мы привлекали мужскую рабочую молодежь. Из ухаживанья выходило хорошее ре-

волюционное дело. Я любила, как и другие, поплясать, попеть. «Вера хочет плясать»,—говорили частенько у нас, и мы устраивали вечеринки. На одной из таких вечеринок-собраний и познакомились с Шелгуновым (рабочим) в ноябре 1891 года. Это была большая организационная сходка, где ввели много женщин в организацию. Такие вечеринки бывали обыкновенно каждое воскресенье и на Глазовой, и на Выборгской стороне. Хорошая была жизнь. Бывало, встанем утром и вместо молитвы запоем «Стеньку Разина».

Организация была большая, всех кружков и не помню. Так, уже в 1893 году завязали сношения с заводом Сан-Галли через Варина мужа, рабочего фабрики Печаткина. Были, вероятно, связи и с другими заводами, но теперь не помню. Хочу указать на чисто рабочий характер организации. Организаторами главными были рабочие Афанасьев (ткач), Богданов, Карелин, Мефодиев, а затем, после, Норинский (с ним познакомил меня Фишер), Кейзер, Фишер, Иван Яковлев, Маклаков, Прошин, Медведев. И потому что организаторы были рабочие и действовали мы в своей знакомой среде, дело шло быстро. Сначала собирались два-три человека, а под конец, например на Петроградской стороне, нередки были собрания по квартирам человек 40—50. Удавалось это потому, что мы быстро выработали приемы конспирации: кроме уже того, что говорила,— вечеринки, гармошка, песни — были у нас и клички, никто своим именем не назывался, когда, например, сходились на большие собрания, ставили патрульных, были пароли.

У всех имелись конспиративные клички, а так как мы любили читать «Спартака», то дали себе названия по имени героев этого романа: Наташа называлась «Лукрецией», я — «Валерией», Коля-Ляля — «Спартаком».

На Полюстровской улице в доме имелись плотные ставни; с дворниками жили в мире: бывало, позовет его девушка, пошутит, посмеется, накормит, напоит, и все хорошо. Зато и предупреждали они нас об опасности нередко.

В Сумах я тоже без дела не осталась. Уехала я туда потому, что туда был уже выслан Алексей Егорович Карелин. Он там скоро организовал кружок литографов, а когда приехала я, то присоединила еще и гимназисток. Кружок этот был уже чисто социал-демократический. В ноябре 1893 года меня снова арестовали и увезли в Харьковскую тюрьму. Здесь сидела 6 месяцев в губерн-

ской тюрьме, в одиночке. Женщина в тюрьме была только я одна.

Сначала сидеть было очень тяжело, а затем, когда познакомилась с украинской группой социал-демократов, стало немного полегче. Как-то раз внезапно открывается форточка, летит сверток, там записочка, читаю, спрашивают: кто я и за что в тюрьме? Там же содержался совет, как переписываться. Скоро научилась вести переписку, и благодаря этому сразу же стала чувствовать себя лучше. Книг в библиотеке не было, и потому огромное удовольствие доставляла та литература, что доставала от украинцев. В тюрьме же единственная книга только и была — «Тридцатилетняя война» Шиллера.

Нравы и режим в тюрьме заставляли содрогаться людей очень сильных. Помню, как привезли в тюрьму убийц — уголовных и сильно били их. Битье и истязания в тюрьме процветали. Уголовные обыкновенно ходили на работы. Одной из таких работ являлось рытье могил, за что уголовные и получали деньги. Однажды надзиратели хотели отобрать у арестантов деньги, арестанты отказывались эти деньги отдавать, их начали бить; начальник тюрьмы бегал по тюрьме и науськивал на избиваемых уголовных свою собаку, огромного дога, который рвал арестантское тело в клочья. Двух арестантов убили. Подобные этой истории происходили нередко, и чувствовала я себя оттого ужасно. Если бы не сношения с украинцами, не знаю, что и было бы со мной. Сноситься помогал надзиратель, которому я шила рубашки.

В мае 1894 года вышла на волю. Дали $1^1/_2$ года гласного надзора полиции в Сумах. В 1895 году А. Е. Карелин уехал из Сум в Питер, осталась сначала одна, а затем приехала Гаврилова. Мы уже вдвоем продолжали работу с гимназистками; я завязала связи со студентами в Харькове. В 1896 году Гаврилову выслали в Вологодскую губернию, а вскоре после этого окончился мой срок надзора, и я уехала в марте 1896 года в Петербург.

В. С. Голубев

СТРАНИЧКА ИЗ ИСТОРИИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ (ПАМЯТИ Н. В. ШЕЛГУНОВА)

Вторая половина восьмидесятых годов по справедливости считается самым глухим временем в истории нашего общественно-политического движения. Но в 1889, 1890, а в особенности в 1891 годах можно было заметить уже и нечто свежее, хотя еще и слабое, но уже начинавшее брать верх над пассивным настроением. Хорошо помню, как в 1888, особенно же в 1889 годах решительно велась в среде студенческой молодежи энергичная борьба против толстовщины. На собеседованиях с толстовцами, из которых особенно часто выступал П. Бирюков, студенты одерживали блестящие словесные победы. Тем не менее гектографированные «Исповедь», «В чем моя вера», «О деньгах» распространялись и читались все еще весьма охотно. В многочисленных тогда кружках самообразования наряду с политической экономией, Марксом, Михайловским и Лавровым все еще большое внимание отводилось и вопросам нравственности, например, «Задачам этики» Кавелина[1]. Рядом с революционными кружками, с кружками самообразования действовали и кружки, подготовлявшиеся к работе в области «малых дел». Вся эта борьба пассивности с активностью превосходно уловлена и с замечательной глубиной разработана у Шелгунова в его «Очерках русской жизни», которые читались тогда едва ли не больше, чем что-либо другое[2]. Борьба эта велась, однако, больше внутри, не выходя на поверхность, но велась напряженно до болезненности.

Шелгунов писал, между прочим: «Теперь напряжен каждый; каждый пытается найти какой-нибудь точный, руководящий выход для своей мысли. ...Теперешний наш умственный момент — великий исторический момент. В нем как бы повторяются сороковые годы, когда в окружающем затишье работало наболевшее чувство и зрела широкая общественная мысль» *.

Переходный период конца восьмидесятых и начала девяностых годов, так верно понятый Шелгуновым, выражался в двух вопросах: что *читать* и что *делать?* Шелгунов отвечал на эти волнующие вопросы в полном соответствии со старыми традициями общественности шестидесятников и семидесятников и с замечательной чуткостью отмечал возрождавшиеся и начинавшие преобладать среди молодежи течения широкой общественной и политической борьбы.

Вопросы о том, что читать и что делать, ставились в то время не только относительно интеллигенции, но и относительно народа.

Просветительная работа в народе и вообще стремление к народу были в то время уже довольно сильны: начиналась усиленная работа в вечерних классах, в народных школах и т. д. Но, как и все общественное, эти стремления и эта работа находились тогда в периоде смутных исканий и в области все тех же вопросов, что читать и что делать. Между прочим, Шелгунов в одном из последних своих «очерков» с особенной страстностью напал на стремления интеллигенции опекать народ. Разбирая известный коллективный труд харьковских воскресных учительниц «Что читать народу», Шелгунов отвечал решительно и определенно, что читать народ должен все. Но он ставил другой вопрос, как писать для народа, «удовлетворяя его нравственной правде и относясь к нему с тем уважением, какого требуем для себя мы, интеллигенты и народные проповедники». Этот вопрос Шелгунов переводил на более широкую постановку о том, как «создать живую и нравственную связь с народом, как установить непосредственные отношения с ним» ** Отсюда вытекал и ответ на вопрос, что делать. Конкретно решался этот вопрос в различных формах: все еще частью в виде толстовских колоний и культурных скитов, частью в форме чисто культурной просветительной деятельности. Наконец, часть интеллиген-

* Очерки русской жизни, изд. 1895 г., с. 697.

** Там же, с. 1036.

ции конкретно решала его в смысле пропаганды в рабочей среде социализма и организации рабочих масс для борьбы за улучшение ее положения и для завоевания политической свободы. Вот об этой-то последней форме деятельности интеллигенции в народе в самый глухой, хотя и переходный период нашего общественно-политического движения (1889, 1890 и 1891 гг.) я и позволю себе поделиться с читателями своими воспоминаниями, решаясь посвятить их памяти покойного Н. В. Шелгунова.

12 апреля текущего (1906) года исполнилось 15 лет со дня смерти покойного писателя. С этим днем, между прочим, связан как бы конец глухой, совершенно незаметной снаружи работы среди рабочей массы и едва ли не первое, хотя и робкое, но открытое проявление того могучего движения российского пролетариата, которое имело столь громадное значение в победе народа над старым режимом в прошлом 1905 году. Мне припомнилось участие на похоронах Н. В. Шелгунова петербургских рабочих, возложивших на его могилу венок с красными лентами и надписью: «Указателю пути к свободе и братству от петербургских рабочих».

Со времени этого выступления в среде петербургских рабочих началась несравненно более интенсивная работа, чем то было раньше, а с 1895 года рабочее социалистическое движение начинает приобретать уже весьма широкие размеры и окрашивать собой, можно сказать, все тогдашнее революционное движение. Период же конца восьмидесятых годов, 1890 и 1891 годы, о котором мне хотелось бы припомнить, является, так сказать, слабым началом подготовительного периода рабочего движения. К тому же о нем меньше всего известно и по литературе, и по воспоминаниям, а между тем и в нем имеется несколько небезынтересных и характерных черточек, небесполезных для будущего историка. В этот период и в рабочем движении было то, на что по отношению к молодежи указывал, между прочим, покойный Шелгунов на последних страницах своих «Очерков русской жизни» как на действительно отрадное явление. На этих страницах Шелгунов пел отходную восьмидесятникам и приветствовал девятидесятников с их стремлением к широкому и серьезному научному изучению общественных вопросов и к широкой общественной деятельности. То же движение намечалось и среди рабочей массы.

I

Лично мне пришлось впервые услышать о революционной пропаганде среди петербургских рабочих в 1887 году от одного из пропагандистов, студента Горного института Егора Николаевича Лаврова, сосланного в 1888 году административно на 5 лет в Киренский округ Иркутской губернии. Из того кружка, в котором участвовал и Лавров, было арестовано еще несколько человек, между прочим, студент-технолог Герасимов, тоже сосланный в Сибирь; затем технолог Петровский, покончивший самоубийством в Доме предварительного заключения [3]. Надо заметить, что преемственность по пропаганде среди рабочих сохранялась главным образом среди студентов Технологического и Горного институтов. Остальные учебные заведения имели сравнительно мало отношений к рабочим. Как велась пропаганда этим кружком, в каком направлении — точно я не знаю. Знаю только одно, что воззрения этого кружка были близки к социал-демократическому направлению. У Е. Н. Лаврова я видел множество записок — популярных бесед по политической экономии и рабочему вопросу, составленных преимущественно по I тому «Капитала», списки книг и журнальных статей, предназначавшихся для чтения самим рабочим, и пр.

От пропагандиста непременно требовалось знакомство с Марксом, знание рабочего вопроса и истории европейских революций. Требовалось немало и чисто личных качеств. Надо было быть «подходящим человеком» как с внутренней, так и с внешней стороны. «Подходящим» считался человек простой, умевший отнестись к рабочим душевно, внимательно, так как во главу пропаганды ставилось сближение с рабочими, а не агитация. Надо было и с внешней стороны хоть немного походить на рабочего, что представлялось важным и с точки зрения знакомства с нераспропагандированными рабочими, и с точки зрения чисто полицейских условий. Наконец, как это ни странно с точки зрения современности, но тогда приходилось считаться и с вопросом национальным, и принимать во внимание националистические предрассудки малоразвитых рабочих.

В 1888 году, несмотря на арест упомянутых лиц, пропаганда среди рабочих не прерывалась. Кружок интеллигенции из технологов и горняков продолжал действовать, причем видную роль играл тогда бывший студент-

медик Р[одзевич] и его супруга; но были немногие, впрочем одиночки-пропагандисты, имевшие случайные связи с рабочими или остатки связей от прежних кружков.

Мне пришлось познакомиться с рабочими через одного из таких одиночек в начале 1889 года, причем одним из первых знакомых рабочих был рабочий Балтийского завода старик Крутов, около которого группировалось несколько молодых рабочих с того же Балтийского завода. Старика Крутова стоит вспомнить. Он умел привлекать молодежь своей веселостью, балагурством и был предан «рабочему делу» всей душой.

Первые впечатления знакомства с рабочими были таковы, что чувствовалось, как будто я взял на себя, с одной стороны, необычайно тяжелую ответственность, с другой — увлекательное дело. Приходилось подготовляться к занятиям с ними не по какой-либо выработанной программе, а самостоятельно придумывая ее. Вопрос о программе занятий с рабочими составлял большую трудность не только для одиночки-новичка в деле пропаганды среди рабочих, а и для организованного кружка, специально работавшего над этим делом. И вот я бросался от статьи о Роберте Оуэне Добролюбова [4] к Дикштейну «Кто чем живет», а то и к какой-либо книжке по естествознанию. Потребности рабочих были неясны: им как будто и ничего не нужно было, и как будто все — начиная с объяснения явлений природы и кончая социализмом. Часто после чтения или без чтения мы просто беседовали на разные житейские и политические темы.

Так я работал месяца два в этом рабочем кружке, как одиночка, не входя еще в кружок интеллигенции, а только зная о его существовании из намеков того же старика Крутова. Вскоре, однако, пришлось познакомиться и с интеллигентским кружком. На этот счет была большая конспирация. Сначала познакомиться пришлось только с одним из членов кружка, и только впоследствии со всем кружком. Такой порядок приема в члены интеллигентского кружка и вообще практиковался в те времена.

Припоминаю из времени первой же половины 1889 года следующий небезынтересный эпизод, ярко характеризующий младенческий период тогдашнего движения среди рабочих.

Весной 1889 года стало известно, что в Париже на международной выставке соберется целый ряд конгрес-

сов, и в частности Международный социалистический конгресс. Я знал, что в Париж на этот конгресс едет одна старая русская социалистка, писательница Е. Гр. Б[артене]ва [5]. В разговоре с нею по поводу этого конгресса явилась у нас мысль послать конгрессу приветствие и от русских рабочих. Я сообщил об этом своим знакомым рабочим, которые встретили эту мысль с большим сочувствием. Но послать приветствие нужно было с какими-нибудь доказательствами, что оно идет действительно от рабочих, а не от интеллигенции. Представителей русской социалистической интеллигенции можно было найти много. Нам казалось чрезвычайно важным, чтобы на этом конгрессе было представительство доподлинных рабочих. Но как это сделать? Это затруднение с точки зрения нынешнего положения вещей покажется странным и, может быть, смешным. Но тогда время было другое. На отправку делегата от рабочих нужны были большие деньги, которых у нас не было, да и опасно, потому что вернуться ему назад в Россию казалось невозможным. Опасной представлялась и посылка приветствия с подписями рабочих — вдруг да узнают и засадят. Готовы были послать письменное приветствие даже с крестами по русскому неграмотному обычаю вместо подписей. Дело это, однако, в Петербурге не выгорело. Интеллигентский кружок, узнав о такой затее, да еще в таком исполнении, отнесся к ней весьма скептически и решил, что это дело не представляет значения и может только повредить рабочим. Но, как я узнал впоследствии, посылка приветственного адреса с крестами вместо подписей состоялась от харьковских рабочих. Европейцы, собравшиеся на конгресс, как мне передавали, были весьма тронуты приветствием и искренно радовались, что в России есть доподлинные рабочие социалисты, а не только социалистическая интеллигенция.

Младенческий период движения сказывался и во многих других случаях. Расскажу попутно еще о двух маленьких эпизодах.

Рабочие кружки были замкнуты в самих себе, а при полной тишине в то время самостоятельного рабочего движения (не было ни стачек, ни протестов), а также и общеполитического движения это создавало какую-то мертвящую атмосферу. При таких внешних обстоятельствах мне казалось, что нужно пользоваться каждым малейшим поводом для оживления рабочих.

Весной 1889 года умер Салтыков. Студенчество, ин-

теллигенция и литераторы устроили торжественные похороны. Мне казалось, что за гробом великого сатирика должны идти и рабочие. Не имея еще в то время связей с кружком интеллигенции, а следовательно, и с другими рабочими кружками, я мог сообщить свою мысль только своему василеостровскому кружку. Рабочие отнеслись с полным сочувствием и действительно были на похоронах М. Е. Салтыкова. Но их было только 6—7 человек и, как сейчас помню, они шли за гробом в ряду студентов и пели вместе с ними «Вечную память». Кстати упомяну здесь и о другом подобном же факте — о панихиде по Чернышевском в октябре того же 1889 года. В то время я уже имел связи не только с Балтийским заводом, но и с некоторыми рабочими за Невской заставой.

Панихиду по Чернышевском устраивали студенты разных учебных заведений. Время, однако, было настолько глухое, что руководители студенческих кружков сомневались, соберется ли достаточно студентов на эту панихиду. Уверенность была только за Военно-медицинскую академию, в которой все старосты (институт старост был только в академии) оповестили о панихиде по своим курсам и поручились, что придет во Владимирский собор, где устраивалась панихида, вся академия. Медики действительно оправдали свое обещание. Поднят был вопрос и об участии на панихиде рабочих. Но из опасения повредить рабочим на этот счет решение было уклончивое и, скорее, отрицательное. Мне, однако, казалось, что рабочих постепенно нужно приобщать к общему движению. Поэтому я и на этот раз сообщил своим знакомым рабочим о панихиде по Чернышевском. Панихида состоялась, как я сказал, во Владимирском соборе, но вышла она уже чересчур скромна, без всякой демонстрации, не было ни речей, ни шествия, ни венков — ничего. Церковь была переполнена студентами в форме. Священник долго колебался, да так и не решился отслужить панихиду. Студенты постояли и затем с пением «Святый боже» и «Вечная память» в самой церкви стали выходить на паперть и на площадь. На площади, кроме одного околоточного, полиции совсем не было. Она была спрятана. Студенты, потолкавшись на площади, постепенно разошлись по домам.

Да, читатель, бледное, серое, глухое было время... Между прочим, среди студентов в церкви было несколько и моих знакомых рабочих. Они были одеты в обычный штатский костюм, что среди массы форменного сту-

денчества обращало на себя невольное внимание. И вот молодежь приняла их за сыщиков, а по адресу одного из рабочих был даже пущен эпитет «гороховое пальто». Об этом с чувством обиды рабочие мне сами потом рассказывали. Настолько в то время было необычно участие рабочих в демонстрации вместе с учащейся молодежью, что последняя как-то не могла себе даже представить, чтобы на панихиде по Чернышевском люди, по лицам и одежде похожие на рабочих, были действительно рабочие.

II

С кружком интеллигенции, состоявшим по преимуществу из технологов, я близко сошелся и вошел в него только в конце 1889 и начале 1890 года. Была ли у нас какая-либо программа, были ли руководящие тенденции в деятельности среди рабочих? В сущности мы не имели строго определенной программы и с современной точки зрения не выражали каких-либо строго партийных взглядов. Но нас называли социал-демократами в отличие от народовольцев. И это название в значительной мере было правильно. Мы не были народовольцами, потому что отрицали террор; потому что считали необходимым образование самостоятельной рабочей партии; потому что теоретически мы близки были к марксизму. Но в то же время мы не были и социал-демократами в собственном смысле этого слова. Относительно самостоятельности рабочего движения нужно заметить, что оно было как бы нашим символом веры. Свою роль как интеллигенции мы понимали как служебную и только временно руководящую. Это выражалось и в организации рабочих, и в бытовой помощи в различных их нуждах, и даже в характере пропаганды, и наконец, в попытках привлечения рабочих к участию в периодическом издании, которое мы затеяли и о котором я скажу несколько слов ниже.

Теоретических разговоров, особенно на программные темы, у нас бывало очень мало. Все как-то сходились на указанных выше положениях и на наших общих собраниях больше вели разговоры о практических вопросах: о распределении рабочих кружков, о сборе денег, о программе чтений и, наконец, об организации рабочих.

Мы были практики и даже сознательно уклонялись

от обсуждения программных и теоретических вопросов, не видя возможности решить такие, например, из них, как вопрос об общине, о судьбах капитализма, об отношении к крестьянству и т. п. Когда мы, например, решили издать на русском языке протоколы парижского Международного социалистического конгресса 1889 года, то при обсуждении предисловия к этому изданию мы старательно подчеркивали свою теоретическую неопределенность и чисто практические наши цели объединения рабочих и развития в них самодеятельности. Мы тем более не решались причислять себя к какой-либо партии. Это было еще слишком рано. До «партий» было еще далеко. «Народная воля» окончательно разлагалась, а с существовавшими тогда народовольческими кружками (например, с кружком Качоровского, Беляева, Истоминой) мы даже вели борьбу, стараясь отвлечь от них и тех немногих рабочих, которые у них были. Социал-демократия только-только еще намечалась. О группе же «Освобождение труда» как-то позабыли. Из новых, заграничных органов после «Самоуправления», в котором была какая-то смесь народовольчества с либерализмом, начал было выходить в 1890 году в Швейцарии «Социалист» [6], но и он в сущности ничего определенного не давал и, кажется, на первом номере прекратился. А нам как-то было *некогда* разбираться во всех этих вопросах.

Надо сознаться, что и здесь, даже в таком деле, как пропаганда среди рабочих, нас охватывала атмосфера тех «маленьких дел», которые увлекали многих интеллигентов, даже занимавшихся революционной деятельностью. Да, такое настроение было. В стремлении делать практическое дело мы доходили в отрицании партийных программ до крайности и теряли общие политические перспективы. Политическая и социалистическая пропаганда перемешивалась с чисто культурной. Помню, например, как я водил нескольких рабочих ткачей из-за Невской заставы в Александринский театр в целях приобщения их к общей культуре.

Немалую роль в нашей работе играла и та бытовая помощь рабочим, о которой я упомянул выше. Эта бытовая помощь состояла в том, что мы старались оказывать всякого рода содействие рабочим в их борьбе с хозяевами и даже в их личной жизни. У нас были знакомые юристы, которые вели дела рабочих по искам их с хозяев, мы составляли заявления и жалобы рабочим к фабричным инспекторам на разные фабричные притес-

нения и непорядки. Но, конечно, все это было в ограниченных размерах, как и вся тогдашняя деятельность среди рабочих. Я указываю на эту тенденцию, отчасти как на зародыш того, что потом выразилось в так называемом «экономизме».

Главной нашей работой была все-таки пропаганда, основной задачей которой было выяснение рабочим их положения, как рабочей силы, которая создает прибавочную стоимость. Отсюда переходили к выяснению капиталистических отношений, а затем к понятию о социализме. В качестве примера самодеятельности рабочего класса приводилась борьба рабочих на Западе. Однако подходящей литературы, особенно для чтения самим рабочим, было очень мало, тем более что народовольческой литературой прежних времен пользовались мы крайне неохотно, своя же социал-демократическая еще не народилась. Потребность в чтении и в знаниях среди рабочих была уже, однако, довольно развита, чему немало содействовали начинавшиеся в то время вечерние классы для рабочих, в особенности за Невской заставой. Ввиду этого нам приходилось давать для чтения рабочим даже популярную литературу по естественным наукам и астрономии. Одно время была предпринята попытка объединения нашего пропагандистского кружка с кружком учительниц воскресных школ за Невской заставой [7] для совместных действий среди рабочих на почве их умственного и политического развития.

Немалую роль в нашей пропаганде играла и легальная периодическая печать, в то время проявлявшая себя в либеральном направлении едва ли только не в одних «Русских ведомостях». Некоторые из нас аккуратно читали рабочим кое-какие статьи из «Русских ведомостей», а в особенности иностранные корреспонденции. Особенно читались, например, корреспонденции о Международном социалистическом конгрессе в Париже и о других происходивших там конгрессах, имевших то или иное отношение к рабочему вопросу. В некоторые рабочие кружки мы прямо выписывали газеты на наши общие средства и... опять-таки все те же «Русские ведомости».

Чтения с рабочими происходили преимущественно на их квартирах, маленькими кружками, в 5—6 человек, а летом, где можно, на окраинах в лесу или на полянках. Так бывало, например, за Невской заставой.

Что касается организации рабочих, то разговоры о

ней начались у нас весной 1890 года, когда рабочих кружков было уже довольно много — много, конечно, по тогдашним временам, а именно около 20, считая в каждом 6—7 человек. В каждом кружке участвовал один интеллигент, и нас было в это время тоже человек 20. Рабочие кружки были уже почти во всех районах — на Путиловском заводе, на Васильевском острове, в Галерной гавани, за Невской заставой, на Выборгской стороне, на Петербургской и т. д.

Необходимость в организации чувствовалась в силу самых различных причин и необходимости иметь общую кассу на случай высылки рабочих, и для приобретения литературы, и для поддержки стачек и протестов и т. д. Но как, в какой форме устроить организацию? Наш интеллигентский кружок, придерживаясь основной нашей задачи — исходить из самодеятельности рабочих, предложил обсудить план организации на общих собраниях самих рабочих и тут же перезнакомить между собой наиболее развитых рабочих из разных районов. Таких собраний было два — за Нарвской заставой и на Васильевском острове. Мнения рабочих сводились к тому, чтобы принцип организации был чисто демократический: кружки каждого района выбирают представителей в районные центральные кружки, а эти последние — в главный, общий центральный кружок, в который должен входить и один представитель от кружка интеллигенции.

Однако этот план не осуществился. Весной 1890 года за Невской заставой было сразу арестовано человек 15 рабочих и выслано на родину. Среди них был выслан и рабочий Николай К[учки]н, ткач, игравший за Невской заставой весьма видную роль в рабочих кружках. Странно было то, что у всех этих рабочих не было даже обысков. Вскоре же было арестовано и выслано несколько рабочих с Путиловского завода. Между прочим, некоторые из них, в том числе Василий Б[уя]нов, игравший в то время видную роль среди путиловских рабочих, поселились в Туле, поступили на патронный завод, а впоследствии завели там кружки и вступили в сношения с нашими петербургскими товарищами. Кстати уж расскажу в нескольких словах о том, как это произошло. Зимой 1890 года один из наших петербургских товарищей рабочих получил от товарищей, высланных в Тулу, письмо с просьбой прислать к ним кого-либо из интеллигентов, чтобы наладить у них в Туле организацию рабочих кружков, а вместе с тем привезти и литературы.

Из интеллигенции поехать никому не пришлось, и мы, в центральном рабочем кружке, решили отправить одного из путиловских рабочих, старого знакомого наших туляков, причем снабдили его письмом и инструкцией. Письмо было написано в теплых, ободряющих выражениях по адресу высланных товарищей; в нем говорилось о том, что их высылка не пройдет бесплодно для рабочего движения, так как они будут продолжать там прежнее дело и по примеру германских социал-демократов, которых, при исключительном законе, рассылали по всей Германии, распространять идеи социализма и покроют рабочими организациями всю нашу страну. Письмо это очень тронуло рабочих и здесь, а в особенности там, в Туле, наших изгнанников, о чем с умилением рассказывал нам вернувшийся назад наш посланец. Между прочим, но уже в 1891 году эта связь с Тулой подала нам мысль связать петербургскую рабочую организацию с организацией других городов. Отчасти это было исполнено.

Возвращаюсь, однако, к Петербургу. Весна и лето 1890 года были чрезвычайно тяжелым временем для нас. Из нашего кружка были арестованы технолог Бурачевский, горняк П. А. Г[олубев]ъ[8] и др. Об арестах среди рабочих я уже упоминал. Но особенно сильные аресты среди интеллигенции произведены были в связи с провалом народовольцев — кружка Беляева, Качоровского, Фойницкого и других. Стало известно, что выдает И-а. Благодаря этим выдачам было арестовано еще несколько человек из нашей компании, так как связи с народовольцами у нас все же были, хотя мы и резко расходились с ними и даже на собраниях рабочих вели против народовольческой деятельности решительную полемику.

Все эти провалы, а затем и летнее время, когда кое-кто из студентов-пропагандистов поразъехались на каникулы, привели к тому, что наш кружок совсем как-то развалился, а оставшиеся члены кружка растеряли связи с рабочими.

К началу осени дело, однако, опять наладилось.

III

Небольшой кружок рабочих, в котором, между прочим, были Н. Богданов, Федор Афанасьев, Егор Афанасьев, Гавриил Мефодиев, Петр Евграфов и еще кое-кто, продолжал сходиться и поддерживать кое-какие из

прежних рабочих кружков. Но в их среде не было интеллигенции. Из интеллигентского кружка 1889 и 1890 годов оставалось к осени всего 3—4 человека, причем и они потеряли связи с рабочими. Эту связь удалось восстановить через посредство одного молодого рабочего, Яковлева, служившего в то время в качестве приказчика в книжном магазине «Посредник» (толстовский магазин). Этот молодой рабочий Яковлев был потом одним из деятельных участников на похоронах Шелгунова. Как после я узнал, он покончил жизнь самоубийством, не знаю точно по каким только причинам. Услуги движению он оказывал для того времени большие.

Восстановив связь со старыми кружковыми рабочими, наша небольшая интеллигентская компания должна была пополнить и себя. Привлекли кое-кого из студентов-технологов и из студентов университета, а затем неожиданное пополнение явилось из среды студентов Духовной академии. Там оказался кружок из десяти человек, уже давно теоретически подготовлявшихся для деятельности среди рабочих. С этими академиками нас свел опять-таки тот же молодой рабочий из магазина «Посредник», куда частенько они захаживали за книжками и свели там с этим рабочим знакомство. Для более близкого знакомства с ними, а также для обсуждения разных наших вопросов мы собирались неоднократно в помещении Духовной академии. Академики оказались хорошим народом, все склонные к социал-демократии, и большинство из них тогда же взяли на себя ведение рабочих кружков. Дело пошло довольно успешно. К началу 1891 года у нас снова было уже около 20 рабочих кружков. Направление пропаганды в кружках оставалось в сущности прежнее. Новым в чтениях с рабочими было — ознакомление их с политическим устройством европейских государств, а не только одна политическая экономия и рабочий вопрос, как в предыдущие годы. Кроме того, намечены были также две программы занятий — одна агитационного характера для малоподготовленных рабочих, другая — для более подготовленных, рассчитанная на более продолжительное время, включавшая в себя и естествознание, и историю культуры. В действительности, конечно, выполнялась только первая, так как продолжительность существования кружков была очень невелика. К тому же некоторые из интеллигентов относились к большой программе довольно скептически. Она была скучна и содействовала образо-

ванию из рабочих «заученных» и в то же время пассивных людей. Был в то время, да и после еще, такой тип рабочих, которые много читали, много перевидали пропагандистов, перебывали в нескольких кружках и в конце концов становились большими скептиками по отношению к рабочему движению, а главное — почти ничего не делали практически. К такому типу мы относились отрицательно и старались поставить дело таким образом, чтобы отнюдь не содействовать выработке подобных пассивных типов [9].

Развитие самостоятельности в рабочем движении поставлено было еще сильнее на первый план, чем прежде, а для этого нам снова пришлось взяться за организацию рабочих, имея в виду побольше обратить внимания на чисто экономическую борьбу рабочих. Организацию, однако, начали, так сказать, из центра, каковым явился именно тот самый рабочий кружок, восстановивший с осени 1890 года наши связи с рабочими, о котором я упомянул выше. В него входило, насколько помнится, 6 человек рабочих, являвшихся естественным путем представителями от различных районов, и один представитель от кружка интеллигенции, каковым с конца 1890 года и вплоть почти до шелгуновских похорон был некто, бывший студент университета, называвшийся Семеном Петровичем [10], а после него — М. И. Б[русне]в, о котором упоминает в своей статье М. Александров (в № 11 «Былого») [11]. На одном из первых собраний центрального кружка рабочие поставили С[емену] Петровичу прямой вопрос: что делать, к чему готовить рабочих? Настроение у них было боевое, высказывались решительные требования не только по части организации кружков, пропаганды и устройства кассы, но и активных действий против фабричной администрации и против властей. Эти порывы были довольно характерны для настроения рабочих. Но интеллигентский кружок относился к этому настроению скептически и упавший дух народовольчества не собирался восстановлять. Наше социал-демократическое направление того периода усматривало ближайшую цель пока только в организации и пропаганде. Поэтому представитель интеллигенции решительно воспротивился боевому настроению рабочих, и те в конце концов признали его правым. Но сначала казалось, что центральному кружку как будто нечего будет делать. Дела, однако, нашлось сколько угодно.

Вскоре же ему пришлось выступить на одном прак-

тическом деле, о котором стоит упомянуть для характеристики рабочего движения в тот младенческий период.

В конце января 1891 года в Новом Адмиралтействе на постройке судов возникла стачка, насколько помню, из-за понижения рабочей платы и из-за частых штрафов и взысканий. Управляющим заводом был тогда адмирал Верховский (кажется, строивший тот самый броненосец «Гангут», который впоследствии утонул в Балтийском море), упорно не желавший делать никаких уступок рабочим. Это была едва ли не первая крупная стачка за те годы в Петербурге. Наше отношение к стачкам было таково, что вызывать их мы не считали возможным, имея в виду большую ответственность за последствия для рабочих, как материальные, так и уголовные. Но если стачка возникала помимо нашего влияния, то мы считали необходимым вмешаться в нее, с тем чтобы выяснить рабочим общее значение стачек, а также и помочь в успешном проведении ее. Стачка в Новом Адмиралтействе возникла без всякого с нашей стороны влияния. Там, на заводе, не было у нас даже никаких знакомств. И вот, чтобы не упустить случая, мы решили принять в ней участие. С этой целью одному из рабочих центрального кружка удалось поступить на этот завод в одну из мастерских, не принимавших участия в стачке. Затем мы решили помочь стачечникам деньгами. Сборы шли и среди интеллигенции и среди рабочих различных фабрик и заводов по особым листкам со скромным штемпелем: «Временный рабочий комитет». Порядочная сумма была собрана также на студенческом вечере в день 8 февраля. Было, между прочим, прислано на стачку 10 рублей из Казани от студентов с выражением сочувствия «временному рабочему комитету». Теперь все это покажется чем-то чересчур мизерным. А тогда это трогало и вселяло надежды. Всего, однако, собрано было не больше 500—600 рублей. Но по тогдашним временам эта сумма казалась очень крупной. Сборы на фабриках и заводах сопровождались открытым чтением особой прокламации, в которой разъяснялось значение стачек вообще и необходимости солидарности рабочих [12]. И это в те глухие времена казалось новым и незаурядным явлением. Разбросаны были прокламации и в том самом Новом Адмиралтействе, где происходила стачка. Словом, насчет разъяснения смысла стачек как средства борьбы рабочих с капиталом и с правительством (разъяснение в этом последнем

смысле было удобно, потому что завод-то был казенный), а также и насчет сбора денег все было обставлено сравнительно удачно. Но вот в чем оказалось неожиданное затруднение. Предстояло раздать собранные деньги стачечникам, в то время уже сильно нуждавшимся, так как стачка тянулась уже недели две. Но как раздать? Вот какой поистине странный вопрос стоял перед центральным рабочим кружком. На самом заводе сначала оказалось это невозможным. Разузнали, что на Васильевском острове, в одном из домов, где жил наш знакомый рабочий, помещается артель рабочих (низших), работавших в Новом Адмиралтействе и участвовавших в стачке. Попробовали двое из центрального рабочего кружка пойти в эту артель и поговорить со стачечниками, а также предложить и помощь деньгами. Те отнеслись крайне недоверчиво к нашим посланцам, а потом говорили, что их приходили подкупать от адмирала Верховского.

Кое-как все же удалось уладить дело. На заводе через того рабочего из центрального кружка, который поступил туда на работу, разузнали адреса квартир семейных забастовщиков и относили им деньги на дом. Помощь принималась с большой благодарностью. Наши рабочие рассказывали, что особенно нуждавшиеся забастовщики благодарили за помощь в 5—10 рублей чуть не на коленях.

Поистине были времена младенчества рабочего движения.

К таким же проявлениям первобытности относится, например, издание рукописной (даже не гектографированной — техника вообще была у нас больным местом) рабочей газетки, которая имела целью не столько руководство рабочим движением и тем более не принципиальную разработку программных вопросов, сколько главным образом освещение нужд самих рабочих. Наиболее ценным в ней были помещавшиеся на ее страницах сообщения самих рабочих, особенно о стачках и столкновениях рабочих с мастерами. Газетка эта, однако, вышла, насколько помнится, не больше как из двух номеров.

Но возвращусь, однако, к центральному кружку. Упомянутая стачка внесла все же большое оживление в нашу работу. О рабочих заговорили и среди интеллигенции, преимущественно, конечно, среди студенчества. Желающих работать среди рабочих из студенческой

молодежи было много. Так, между прочим, несколько студентов, и в том числе известный впоследствии марксист, автор первой марксистской книги, а затем лидер освобожденцев [13], просили нас познакомить их с рабочими. Кое с кем из развитых рабочих (не состоявших, впрочем, в центральном кружке) мы действительно их познакомили, а главное — просили этот кружок помогать нам литературной работой, переводами из немецкой социал-демократической литературы и пр., так как эти студенты, а в особенности упомянутый освобожденец, выделялись своими теоретическими знаниями, а нам наукой и литературными работами заниматься было некогда. Но в организацию новых людей мы принимали с большой осторожностью. Кое-где возникали независимо от нашей организации отдельные рабочие кружки с участием интеллигентов. В таких случаях центральному рабочему кружку поручалось производить расследование. И вот интеллигент Семен Петрович под видом рабочего отправлялся в такой, так сказать, самовольный кружок и старался разузнать, кто это был за интеллигент, откуда он явился и зачем. Раз на этих расследованиях произошла такая сценка. Под видом рабочего Семен Петрович явился в кружок рабочего Г. А. М[ефодие]ва, куда должен был прийти прежний его знакомый интеллигент, М. С. А[лександро]в, недавно вернувшийся из ссылки. Рабочие посидели, посидели и нарочно ушли, чтобы оставить Семена Петровича с глазу на глаз с А[лександро]вым. Последний, конечно, скоро разобрал, кто такой якобы рабочий Семен Петрович, и разговор пошел уже на интеллигентском языке. Между прочим, А[лександро]в, человек, далеко стоявший от организации, однако, как оказалось, хорошо знал фамилии многих из интеллигентского кружка. Значит, как говорится, «болтали» о нас и там, где не нужно было. Помню, например, как один из студенческих кружков проектировал устроить широкое празднование рабочими 19 февраля, а именно объявить на этот день как бы однодневную забастовку. Но, хорошо сознавая слабость рабочей организации, мы старательно отклоняли подобные широкие планы. Однако стремление к чему-то более широкому становилось все сильнее и сильнее. Заботы об оживлении рабочих кружков стали занимать нас в то время больше всего; ради этого оживления на пасхе предполагалось устроить сравнительно большое собрание рабочих с участием нескольких лиц и из ин-

теллигенции. Предполагалась вечеринка с речами и разговорами. Но она не осуществилась. Как раз в это время в центральном рабочем кружке по инициативе упомянутого Семена Петровича возникла другая мысль — почтить больного Н. В. Шелгунова.

Покойный писатель в феврале и марте 1891 года сильно заболел и не вставал с постели. К нему ходили выражать соболезнование депутации от студентов, от литераторов, вообще от интеллигенции. Через Семена Петровича мы обратились к знакомой нам писательнице Е. Г. Б[артене]вой, хорошо знавшей и семью Шелгуновых, с просьбой, чтобы она узнала, согласится ли Шелгунов принять депутацию от рабочих с выражением ему соболезнования. Шелгунов, как передавала г-жа Б[артене]ва, был необычайно тронут таким сообщением и был несколько удивлен тем, что его знают рабочие. А рабочие его действительно знали по некоторым его статьям, и главным образом по статьям его «Пролетариат во Франции и в Англии».

Заручившись согласием на прием депутации, в центральном рабочем кружке стал обсуждаться вопрос об адресе и о составе депутации. Было решено, что адрес напишут сами рабочие, а депутатов пойдет двое, причем одним из них должен быть непременно Федор Афанасьев, пожилой рабочий, ткач *. Его мы намечали и за то, что он был умный, весьма уважаемый товарищами и горячо преданный делу рабочий, и за то, что он имел весьма почтенный вид, казался даже стариком, несмотря на то что ему в то время было не больше 40 лет. В таком зрелом возрасте рабочих-социалистов было, конечно, очень мало. Вот почему так ценились нами и возраст и почтенность вида.

На этом, однако, мои личные воспоминания и кончаются. Ни во время отправки депутации, ни на похоронах покойного Шелгунова мне уже не пришлось быть...

Летом 1891 года на одном из сибирских этапов перед Красноярском случайно попался мне апрельский номер «Русских ведомостей», и в нем я прочитал маленькое сообщение из Петербурга о похоронах Шелгунова. В этом сообщении упоминалось и о венке петербургских рабочих... К сожалению о смерти хорошего, честного писате-

---

* Он был убит черносотенцами в Иваново-Вознесенске в 1905 году, о чем упоминает и М. Александров в своей статье в № 11 «Былого».

ля прибавилось ободряющее чувство... и даже некоторое удовлетворение. Да, это не было уже случайное участие маленькой-маленькой кучки рабочих, скромно скрывавшейся в толпе студентов, как то было на похоронах Салтыкова или на панихиде по Чернышевском, это была хотя и тоже небольшая кучка, но уже открыто заявлявшая о себе...

Описание похорон Шелгунова и участия в них рабочих читатель найдет в упоминавшейся уже мною статье М. С. Александрова. Может быть, это описание, а также и самое приготовление к шелгуновским похоронам в среде рабочих дополнит еще кто-либо из тогдашних участников движения. Думается мне, что это будет нелишним и для памяти Шелгунова и для истории рабочего движения в его младенческом периоде.

Глухое, серое время восьмидесятых годов кончалось, начиналось новое подготовительное десятилетие к зрелому десятилетию первого десятка девятисотых годов...

В заключение своих кратких воспоминаний привожу адрес рабочих, поднесенный Шелгунову незадолго до его смерти.

АДРЕС ПЕТЕРБУРГСКИХ РАБОЧИХ Н. В. ШЕЛГУНОВУ

Дорогой учитель Николай Васильевич!

Читая Ваши сочинения, научаешься любить и ценить людей, подобных Вам. Вы первый признали жалкое положение рабочего класса в России. Вы всегда старались и стараетесь до сих пор объяснить нам причины, которые отодвигают нас назад и держат нас в том угнетенном состоянии, в котором мы закованы, словно в железные цепи, нашими правителями и капиталистами.

Вы познакомили нас с положением братьев-рабочих в других странах, где их тоже эксплуатируют и давят. Картина, которую Вы нарисовали, пробудила интерес сначала не в рабочих, а в других классах; да не для рабочих Вы и писали. Русские рабочие принуждены так много и так постоянно работать, чтобы только жить, что им некогда читать. Да большая часть и не умеет читать, а если кто из них и умеет, что он найдет в книгах, написанных для рабочих? Никто не учит нас, как выбираться из жалкого положения, в котором мы теперь находимся. Нам твердят о терпении, о молчании, о том, чтобы мы не давали воли выражению наших страданий, и

за это обещают награду в будущем. Только благодаря людям, которые, по Вашим собственным словам, имеют несчастие смотреть выше общего уровня или выше классовых интересов, научились мы понимать Ваши сочинения и узнали, как наши товарищи-рабочие в Западной Европе добились прав, борясь за них и соединяясь вместе. Мы поняли, что нам, русским рабочим, подобно рабочим Западной Европы, нечего рассчитывать на какую-нибудь внешнюю помощь, помимо самих себя, чтобы улучшить свое положение и достигнуть свободы.

Те рабочие, которые поняли это, будут бороться без устали за лучшие условия. Вы выполнили Вашу задачу — Вы показали нам, как вести борьбу.

Может быть, ни Вы, ни мы не доживем до того, чтобы увидеть будущее, к которому стремимся и о котором мечтаем. Может быть, не один из нас падет жертвою борьбы. Но это не удержит нас от стараний достигнуть нашей цели.

Этот адрес был напечатан в 6-м выпуске «Рабочей библиотеки» в женевском издании 1892 года [14].

Е. Д. Стасова

ПУТЬ ВЫБРАН

1892—1893 годы оказались весьма знаменательными для меня в смысле моего умственного развития. В этом году я слушала в той же гимназии (Л. С. Таганцевой.— *Сост.*) специальный курс по истории первобытной культуры человека. Читал профессор университета А. С. Лаппо-Данилевский [1].

Как теперь помню, какое огромное впечатление произвела на меня одна его лекция, когда, рассказывая нам, как у первобытного человека появилось чувство собственности, он сказал, что оно первоначально зародилось не у охотников, а у дикарей, питавшихся плодами пальм. Плоды эти были их собственностью, но так как они получались от пальм, то и пальма стала их собственностью, и ту землю, на которой она росла, они стали считать своей собственностью. Эта мысль меня тогда так поразила, что я решила обязательно проследить дальнейшее развитие этого экономического понятия. А с другой стороны, мне казалось прямо необходимым узнать поосновательнее историю человека вообще. Стала читать Ю. Липперта «Историю первобытного человека», Ф. Ратцеля «Человек», Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», чем и закончила этот свой «курс».

Тут же я решила, что для понимания жизни необходимо познакомиться с политической экономией. В библиотеке отца я нашла «Основы политической экономии» Джемса Стюарта Милля с предисловием Чернышевско-

го. Вся эта книга была мною проконспектирована. Затем были прочитаны «Курс политической экономии» А. И. Чупрова, «Капитал» Маркса, два тома, «Аграрный вопрос» К. Каутского и другие[2]. Все эти книги мною конспектировались.

Очевидно, все разговоры, которые я слышала дома об эпохе 60-х годов прошлого века, произвели на меня определенное впечатление, и я до некоторой степени почувствовала себя в роли «кающегося дворянина», так как у меня в голове сложилось впечатление «о долге перед народом». Прежде всего я стала изучать историю крепостного права. Прочитала «Падение крепостного права» И. И. Иванюкова, «Крестьянский вопрос» В. И. Семевского, «Из эпохи великих реформ» Г. А. Джаншиева.

Оглядываясь на прошлое, я, конечно, ясно вижу, что в своем чтении отдала дань народничеству, ибо читала и Н. А. Карышева, и Г. И. Успенского, и Н. Н. Златовратского, и В. П. Воронцова, и Н. К. Михайловского. Михайловского читать было очень трудно вследствие своеобразной манеры его писания. Он нагромождал огромное количество самых разнообразных фактов и данных и этим лишал читателя возможности следить за развитием основной мысли. Лишь в конце статьи он подводил итог всем этим фактам, и только тогда можно было уловить его мысль. Ленин великолепно охарактеризовал эту его манеру в «Что такое „друзья народа"...», сказав:

«Как же, спрашивается теперь, должны мы судить о человеке, который пожелал критиковать один из «устоев» научного материализма, т. е. диалектику, и стал говорить обо всем, что вам угодно, даже о лягушках и Наполеоне, но только не о том, в чем состоит эта диалектика, не о том, действительно ли развитие общества есть естественно-исторический процесс?»[3]

И то, что я в это время интересовалась политической экономией, крестьянским вопросом, и было одной из причин моей работы в области просвещения крестьян.

В имении Языково-Рождественское мать моя принимала больных и оказывала им посильную помощь. У парадного подъезда в первом этаже дома была специальная комната, куда каждую весну завозилось бесконечное количество всяческих лекарств, перевязочных материалов и т. д. Иногда приходилось мне помогать маме в приеме больных. Но, однако, своей общественной

работой я должна назвать то, что я ходила в расположенную на противоположном берегу речонки деревню Шевцово по воскресным дням читать крестьянам вслух популярные книжечки издания «Комитета грамотности»[4], которыми меня весной снабжала Александра Михайловна Калмыкова, владелица книжного магазина в Питере, на Литейном, д. № 60, а также издательница популярной литературы. Она была дружна с моей матерью и была активным работником «Комитета грамотности» и других обществ того времени, как, например, «Литературный фонд»[5] и другие. Свои чтения я сопровождала пояснениями и вообще вела беседу на затронутые в брошюре и близкие к ним темы. Крестьян собиралось человек 10—15. Грамотных в деревне было очень мало, и это натолкнуло меня на мысль создать в имении отца начальную школу, в которой могли бы учиться дети из соседних деревень Шевцово, Волхово, Шегринка, Иногоша. Отец не хотел строить частной, ему лично принадлежащей школы, а был сторонником именно земской. Он бы построил ее и содержал, но считал, что не надо ей быть частной, зависевшей от его личной воли, воли помещика.

Я обошла все вышеупомянутые деревни, провела там сходы и агитировала за то, чтобы они вынесли постановление о постройке в Языкове земской школы, причем и заручилась согласием крестьян. Необходимо было, так сказать, решение общего схода. И вот во дворе против нашего дома собрались крестьяне, при этом присутствовал и волостной старшина. Однако решение, которое они вынесли, было отрицательным. Позднее мне удалось выяснить, в чем дело. Оказалось, что около железнодорожной станции Угловка жил священник, который зимою брал себе пансионеров — ребят крестьян, за что, конечно, получал соответствующую мзду. Естественно, что в случае открытия в Языкове школы крестьяне стали бы посылать своих детей туда, и таким образом, он лишился бы своего заработка. Вот он и подговорил крестьян, а в основном волостного старшину, отказаться от строительства школы в Языкове. Так и окончилась моя затея со школой.

Жизнь в семье, отличавшейся лучшими чертами, свойственными прогрессивной русской интеллигенции 60-х годов, постоянное общение с выдающимися в куль-

турном отношении людьми, несомненно, оказали на меня большое влияние. Помню, что во мне стало все сильнее и сильнее говорить чувство долга по отношению к народу — к рабочим и крестьянам, которые давали нам, интеллигенции, возможность жить так, как мы жили.

В библиотеке отца я нашла книгу «За сто лет» В. Л. Бурцева [6], которая меня очень заинтересовала и дала первое знакомство с деятелями революционного движения в России. В той же библиотеке я прочитала книгу В. Флеровского «Положение рабочего класса в России», «Историю германской социал-демократии» Ф. Меринга.

Очевидно, что вся эта работа над повышением своей политической грамотности плюс события внешней жизни, в которых немаловажную роль в то время играли студенческие демонстрации, избиение студентов полицией, заставляли меня искать приложения своих сил в практической деятельности.

Мне очень трудно вспомнить самые первые шаги своей работы на революционном поприще, так как налицо имеются моменты разного порядка.

Осенью 1893 года я начала учительствовать в Петербурге в Лиговской воскресно-вечерней школе для взрослых женщин и подростков «Императорского технического общества» [7]. Таким образом, мое первое знакомство с рабочими произошло через школу. Ученицы были работницами текстильных фабрик, как, например, Новой бумагопрядильной на Обводном канале, табачной фабрики Богданова. Вспоминаю, что ученицы последней иногда опаздывали на вечерние занятия, так как после работы забегали домой переодеться: их одежда была настолько пропитана табачным запахом, что от него болела голова.

Но были и другие, как, например, одна вологодская кружевница, которая хотела научиться грамоте и арифметике, чтобы быть в состоянии записывать по-настоящему, кто ей и сколько должен, а не записывать какими-то значками и сумму денег и лицо должника.

В обеих школах, то есть в нашей женской и Глазовской мужской, мы давали нашим ученикам книги: «На рассвете» Т. Т. Ежа, «Борьба за право» К. Э. Франциоза, «Овод» Э. Л. Войнич, «Спартак» Р. Джованьоли, «Один в поле не воин» Ф. Шпильгагена, «Углекопы» Э. Золя. Кроме того, многие произведения мы читали и разбирали с учениками, например, «Лес шумит» и

«Сон Макара» В. Г. Короленко. На самих уроках мы заучивали стихи Г. Гейне «Ткачи», «8 часов» П. Ф. Мельшина-Якубовича, «Свободный батрак» М. Конопницкой и другие.

В воскресной школе мы, конечно, делали что можно, чтобы расширить кругозор наших учениц. Уроки географии использовались, чтобы показать, как живут люди в других странах, рассказать им о борьбе рабочего класса в европейских странах, о существовании парламентского строя, о республиках — Соединенные Штаты Америки, Швейцария, Франция. С той же целью устраивали мы чтения с волшебным фонарем. Надо сказать, что первое время, когда в школе еще не было проведено электричество и приходилось сидеть в темной комнате, оставляя только свечку для лектора, ученицы жаловались, что при всем интересе к предмету и желании слушать и смотреть они в темноте засыпают, настолько утомлены после 12-часового рабочего дня.

После проведения электричества чтения с фонарем пошли живее. Иной раз темы чтений определяли сами слушательницы. Так, помню, что мне была предложена тема о русском церковном расколе и раскольниках. Конечно, и эту тему я постаралась использовать для пропаганды и показать то положительное, что было в борьбе раскольников с царизмом, и в то же время мракобесие их, выражавшееся в самосожжении «за веру», как в «Хованщине» Мусоргского. Должна сказать, что эта тема заставила меня очень основательно поработать в Публичной библиотеке. Очень помог мне В. В. Стасов, так как дал мне возможность ознакомиться с сочинениями А. П. Щапова[8] и других авторов, не выдававшимися в читальный зал, но которые он, как заведующий отделом библиотеки, имел право получить на свое имя из других и секретных отделов. Я лишний раз убедилась, что чем популярнее хочешь изложить предмет, тем основательнее надо изучить его, так как, только зная предмет во всех мелочах и подробностях, можно сделать его простым и понятным для неподготовленного слушателя.

Частенько мы направляли своих учеников в книжный склад и магазин А. М. Калмыковой, где они могли купить дешевые издания «Комитета грамотности» и других прогрессивных издательств. Водили мы своих учениц и в Русский музей, где были собраны лучшие произведения наших художников, и тоже пользовались эти-

ми экскурсиями для пропаганды. Многие из наших учениц, подготовленные школой, становились потом членами нашей партии.

Большую роль в нашей работе играл «Подвижной музей учебных пособий». Он был создан учительницами воскресных школ, так как мы испытывали большой недостаток в этих пособиях. Каждая из учительниц принесла то, что у нее было: кто гербарий, кто минералы или спиртовые препараты, волшебный фонарь и картины к нему, иллюстрации, вырезанные из журналов и иллюстрированных изданий. Все это помещалось в небольшой комнате, которую выделил нам при своей библиотеке Н. А. Рубакин[9]. Во главе музея стояла Мария Ивановна Страхова; она в свое время была учительницей, у нее же училась и А. М. Коллонтай. Все предметы из музея выдавались, как книги в библиотеках. Постепенно музей разросся и занял в том же доме на Большой Подьяческой улице несколько комнат, а затем один из наших абонентов, графиня София Владимировна Панина[10], построила для музея дом на углу Прилукской и Тамбовской улиц с астрономической обсерваторией, лабораторией и большим зрительным залом. В этом доме в 1906 году и выступил В. И. Ленин под фамилией Карпова[11].

Средства, собранные от абонентов и разовой платы, а также от устройства лотерей, лекций, концертов и взносов членов музея, дали возможность приобрести волшебные фонари, таблицы, издаваемые фирмой Кнебель и Гроссман, физические приборы Вятской мастерской учебных пособий и т. д.

«Подвижной музей» сыграл также свою роль в помощи шлиссельбуржцам. В Шлиссельбургской тюрьме работал доктор Серебряный, и вот ему удалось добиться, чтобы заключенным разрешили заниматься столярным, слесарным, переплетным делом и огородничеством. Однажды доктор явился в музей и взял какие-то материалы, а потом договорился с заведующей, и мы из музея стали давать в «переплет» журналы годичной давности, книги; например, я дала I том «Капитала» Маркса, так как его хотела прочитать В. Н. Фигнер. Мы посылали туда неразобранные минералогические и геологические коллекции, которые заключенные приводили в порядок.

Работа в «Подвижном музее учебных пособий» и в вечерних школах столкнула меня непосредственно с ра-

бочими, а знакомство с А. Л. Якубовой, З. П. Невзоровой, Е. Д. Устругоной (Плаксиной), В. В. Сибилевой сблизило меня с товарищами, работавшими уже на политическом поприще. Постепенно я начала работать в нелегальном Красном Кресте.

Я пользовалась музеем для получения и передачи нелегальной литературы. При помощи двух сотрудников музея — Федора Федоровича Ильина и Сергея Васильевича Меркулова — я как-то получила одну из «посылок» — брошюру «Как русским сахаром откармливают в Англии свиней», отпечатанную в нашей типографии. Получить такую посылку можно было незаметно, так как в музей поступали посылки из провинции. Выносить пакеты из музея тоже можно было открыто. Да и других работников музея я использовала для устройства у них ночевок и для хранения литературы.

История «Подвижного музея» интересна и как культурное начинание интеллигенции конца XIX и начала XX века, и как показатель того, что мы, подпольщики, умели использовать всякую легальную возможность для наших партийных целей.

Возможно, что связи с партийными товарищами я получала через Н. К. Крупскую, которая участвовала в создании музея. Мы обе были учительницами в воскресных школах и на этой почве часто встречались.

Работать и помогать партии я стала еще в 1896 году. Когда происходила стачка текстильщиков в Петербурге, товарищи, работавшие в Глазовской вечерне-воскресной школе, поддержавшие забастовку текстильщиков, дали мне на хранение печать «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Вероятно, через Е. Д. Устругову и В. В. Сибилеву я получала зимой 1896 года на хранение революционную литературу, например «Кто чем живет?» Ш. Дикштейна, «Ничего с нами не поделаешь» С. Некрасова, «Как держать себя на допросе» В. Бахарева, «Пауки и мухи» Вильгельма Либкнехта и отдельные листовки. Был среди них листок с надписью синим карандашом «Петухи». Это было воззвание к рабочим фабрики Торнтона, написанное В. И. Лениным.

Думаю, что товарищи сделали это потому, что уже хорошо меня знали. Очевидно, товарищи обнаружили во мне во время моей «подсобной» работы конспиративные и организаторские способности, и вот, когда в январе или феврале 1898 года была арестована Варвара

Пономарева, заведовавшая всеми складами и «техникой» Петербургского комитета РСДРП[12], меня вызвали в комитет и сказали: «Ты должна взять на себя заведование всей техникой». С этого момента я и считаю себя членом партии, а всю предыдущую свою работу только «оказанием услуг».

Иван Иванович Попов (1862—1942)

Родился в Петербурге в семье фельдфебеля. В 1882 г. окончил Петербургский педагогический институт. Еще будучи студентом, принимал участие в революционной деятельности: хранил нелегальную литературу, помогал устраивать конспиративные встречи, оказывал другие услуги революционерам. Тогда же сблизился с поэтом-революционером П. Ф. Якубовичем и группой Флерова — Бодаева, которая занималась революционной пропагандой, главным образом среди рабочих. Весной 1882 г. член Центрального народовольческого кружка в Петербурге В. А. Караулов ввел Попова в руководящий состав «Общества помощи политическим ссыльным и заключенным». В 1883—1884 гг. Попов принимал активное участие в создании «Молодой партии „Народной воли"». Был членом ее Центрального комитета. Дважды арестовывался: в марте 1884 г. (выпущен на поруки под залог) и в январе 1885 г. После двухлетнего заключения в тюрьме выслан в Кяхту (Забайкальская область). В Кяхте организовал музей, отделение Географического общества, общественную библиотеку. С 1894 по 1906 г. жил в Иркутске, где состоял консерватором музея Восточно-Сибирского отделения Географического общества. Принимал участие в организации экспедиций в Монголию и Китай, о чем впоследствии написал книгу «От небесной империи к Срединной республике» (1912). Не раз выезжал на научные конгрессы за границу. Был широко известен как редактор газеты «Восточное обозрение» и журнала «Сибирский сборник», в которых печатались многие политические ссыльные, в том числе Л. Б. Красин, М. С. Ольминский. С конца 1906 г. жил в Москве.

После Великой Октябрьской социалистической революции занимался литературной деятельностью. Состоял членом кружка народовольцев при Всесоюзном обществе бывших каторжан и ссыльнопоселенцев. И. И. Попов был хорошо знаком со многими видными революционерами, писателями, публицистами, художниками, что нашло отражение в его ярких, богатых фактическим материалом воспоминаниях. Перу Попова принадлежит ряд биографических книг о революционерах, в частности о П. Ф. Якубовиче, Г. А. Лопатине, Д. А. Клеменце, а также статья «Революционные организации в Петербурге в 1882—1885 годах» в кн.: Народовольцы после 1-го марта 1881 года. М., 1928, с. 49—80.

Текст воспоминаний приводится по кн.: Минувшее и пережитое. 2-е изд. М., 1933, гл. XII — XVII. Воспоминания охватывают период с 1881 по 1887 г.

[1] Центральный студенческий кружок Петербургского университета был в то время одной из самых значительных организаций студенчества. Образован в начале 1880 г. по инициативе и под руководством А. И. Желябова и С. Л. Перовской.

[2] П. Ф. Якубович (1860—1911) — поэт, писатель, критик. Родился в Новгородской губернии, в дворянской семье. В начале

1880-х гг. вступил в «Народную волю». Один из организаторов «Союза молодежи партии „Народная воля"» (1883—1884). В январе 1884 г. принимал участие в организации «Молодой партии „Народной воли"». 15 ноября 1884 г. был арестован. Судился по лопатинскому процессу (1887). Смертная казнь ему была заменена 18 годами каторги, которую он отбывал на Каре и в Акатуе. В 1895 г. был выпущен на поселение. В 1899 г. заболел сильным нервным расстройством и получил разрешение приехать для лечения сначала в Казань, потом в Петербург. Сотрудничал в журналах «Дело», «Слово», «Отечественные записки», «Вестник Европы», «Русское богатство». В «Русском богатстве» печатались его очерки «В мире отверженных», рассказывающие о жизни на каторге. В 1898 г. вышла первая книга его стихов, имевшая большой успех.

[3] Журнал «Русское богатство» выходил в Петербурге в 1876—1918 гг. В 1890-х гг. — орган либерального народничества. (Об участии П. Ф. Якубовича в редактировании журнала в 1882 г. и попытках реформировать его см. также: Из истории журнала «Русское богатство». — Советские архивы, 1982, № 4, с. 41—44.)

[4] Вероятнее всего, между Поповым и Якубовичем шли переговоры об издании газеты «Борьба». Газета представляла собой тетрадь с гектографированным рукописным текстом. Основными сотрудниками ее являлись члены Центрального студенческого кружка П. Якубович, В. Богораз, Л. Штернберг. (см.: *Волк С. С.* Революционные издания народовольческих кружков Петербургского университета в 1882 г. — В кн.: Очерки по истории Ленинградского университета. Вып. 2. Л., 1968, с. 52—62).

[5] Н. М. Флеров (1858—1915) — член Центрального студенческого кружка. В 1882 г. — руководитель «Подготовительной группы партии „Народная воля"», член центрального кружка «Рабочей группы партии „Народная воля"», один из руководителей «Молодой партии „Народной воли"», а затем не присоединившейся к «Народной воле» «Петербургской рабочей группы». 18 июня 1884 г. арестован и сослан в Березов. В 1893—1894 гг. участвовал в создании революционной народнической организации — партии «Народного права». Позже стал социал-демократом. С 1900 г. жил под надзором в Полтаве, входил в группы содействия «Искре». В 1902 г. был арестован, освободившись, переехал в Баку. Был членом Бакинского комитета РСДРП.

В. А. Бодаев (1861—1933). С Флеровым был знаком еще по Рязанской гимназии. «Наши братские отношения, — писал Н. М. Флеров, — не прерывались до конца его жизни» (Каторга и ссылка, 1933, № 9, с. 145). Бодаев входил в те же революционные кружки и объединения, что и Флеров, занимался пропагандой, главным образом среди рабочих. Арестован 3 апреля 1884 г. В 1885 г. выслан в Рязань. Затем проходил военную службу в Средней Азии. В конце 1890-х гг. вошел в состав РСДРП. В 1904 г. от активной партийной деятельности отошел, но оказывал различные услуги как меньшевикам, так и большевикам. Жил в Баку. Был хорошо знаком с Л. Б. Красиным. В 1917 г. входил в меньшевистскую организацию «Единство». Оставил воспоминания «Н. М. Флеров и подготовительная группа „Народной воли"». Опубликованы в кн.: Народовольцы 80-х и 90-х годов. М., 1929.

[6] 8 февраля 1881 г. на торжественном акте в Петербургском университете, посвященном годовщине со дня его основания, произошла демонстрация, организованная Центральным студенческим кружком. Намерение части студенчества устроить на акте «разные

овации начальству» побудило кружок принять меры для выражения министерству народного просвещения «недоверия студентов и их неудовлетворения одними посулами» (*Щетинина Г. И.* Университеты в России и устав 1884 г. М., 1976, с. 95). После прочтения ректором университета А. Д. Градовским годового отчета студент Л. М. Коган-Бернштейн произнес речь и бросил пачку гектографированных прокламаций. В своей речи он сказал: «Из отчета ясно: единодушные требования всех университетов оставлены без внимания. Нас выслушали для того, чтобы посмеяться над нами. Вместе с насилием нас хотят подавить хитростью. Но мы понимаем лживую политику правительства: ему не удастся остановить движение русской мысли обманом! Мы не позволим издеваться над собой... Сабуров найдет в рядах интеллигенции своего мстителя» (*Коган-Бернштейн Н.* Паппий Павлович Подбельский. — В кн.: Якутская трагедия. М., 1925, с. 110). Тогда же студент П. П. Подбельский нанес министру народного просвещения А. А. Сабурову «оскорбление действием» — пощечину. Во время этой демонстрации в Актовом зале присутствовали члены Исполнительного комитета «Народной воли» В. Н. Фигнер, А. И. Желябов, а также другие народовольцы.

[7] Речь идет о курсах, организованных Русским техническим обществом. Общество было организовано группой петербургских инженеров и профессоров в 1866 г. и просуществовало до 1929 г. Это была общественная организация, административно не подчинявшаяся ни одному из правительственных учреждений. Важнейшей стороной деятельности общества было содействие развитию технического образования в России. В воскресных школах, созданных обществом, преподавали впоследствии такие известные революционеры, как Н. К. Крупская, А. М. Коллонтай, Е. Д. Стасова, А. В. Луначарский, В. М. Бонч-Бруевич и др. (см.: *Филиппов Н. С.* Научно-технические общества России (1866—1917). М., 1976, с. 25—35, 156—170).

[8] В. А. Караулов (1854—1910) в 1884 г. был членом центральной группы «Народной воли». Арестован 4 марта 1884 г. в Киеве, осужден к 4 годам каторги, которую отбывал в Шлиссельбурге. Затем был выслан в Сибирь. В Шлиссельбурге камера Караулова находилась по соседству с камерой Г. А. Лопатина. Последний оставил о нем небольшие, но яркие воспоминания. «Вообще, ни раньше, ни позже, — писал он, — я не встречал такого уживчивого, доброго, ласкового товарища, как Караулов» (Герман Александрович Лопатин. Пг., 1922, с. 158). В 1906 г. Караулов получил полную амнистию. Отошел от революционной деятельности. В качестве делегата от кадетов был членом III Государственной думы.

[9] В данном случае Попов не точен. Либо он был знаком с Латышевым, когда тот был еще чернопередельцем, и речь идет об одном из чернопередельческих кружков, либо эта встреча относится к лету 1884 г., так как благоевская группа была создана в конце 1883 г. Между благоевцами и «Рабочей группой партии „Народная воля“», а затем «Молодой партией „Народной воли“» в 1884—1885 гг. велись переговоры об объединении. «Причем выяснилось, — писали благоевцы членам группы «Освобождение труда», — что во взглядах на деятельность среди рабочих нет равно никакого различия, и рабочая группа «Народной воли» вполне согласна вести дело сообща, как относительно средств, так и относительно библиотечного дела, но формального соглашения, которое мы предполагали опубликовать, не состоялось до сих пор, да едва ли и состоит-

ся без разрешения на это центра» (Программа первого в России социал-демократического кружка. Публ. Б. Николаевского. — Былое, 1918, № 13, кн. 7, с. 50). Впоследствии благоевская группа объединилась с той частью «Молодой партией „Народной воли"», которая не признала объединения с «Народной волей», в частности с «Петербургской рабочей группой».

[10] Группа Благоева была разгромлена в феврале 1886 г., но отдельные ее представители действовали до 1887 г. Благоев был арестован в феврале 1885 г. и в марте выслан в Болгарию. Латышева арестовали весной 1887 г., в июне 1888 г. выслали на 3 года в Вологодскую губернию.

[11] Это одно и то же. Именно группа Благоева издавала в 1885 г. газету «Рабочий».

[12] Красный Крест партии «Народная воля» или «Общество помощи политическим ссыльным и заключенным» возникло вскоре после 1 марта 1881 г. по инициативе народовольца Ю. Г. Богдановича и при ближайшем участии И. В. Калюжного. В уставе говорилось, что в цели общества прежде всего входит оказание материальной и нравственной поддержки лицам, «пострадавшим за свободу совести, без различия партий, к которым они принадлежали», а также установление связей с ссыльными и организация побегов. Общество пыталось распространить свою деятельность и за границей. Был создан заграничный отдел, который возглавили П. Л. Лавров и В. И. Засулич (*Аркушенко Т. А.* Заграничный отдел Красного Креста партии «Народной воли». (1881—1884). — В кн.: Проблемы источниковедческого изучения рукописных и старопечатных фондов. Вып. 2. Л., 1980, с. 26).

[13] Молокане — религиозная секта, возникшая в XVIII в.

[14] Имеется в виду кружок «студентов-прогрессистов». Кроме перечисленных в него входили В. И. Вернадский, Н. Г. Ушинский, Л. А. Обольянинов и другие. Идейными руководителями кружка были братья С. Ф. и Ф. Ф. Ольденбург и Д. И. Шаховской (внук декабриста Ф. П. Шаховского). Кружок выдвигал лозунг «Свобода и культура», утверждая, что политика «неблаговременна в университете, что дело студентов готовиться к борьбе в жизни путем углубления в научную работу и сплочения друг с другом во имя серьезного просвещения» (*Гревс И. М.* В годы юности. За культуру. — Былое, 1918, № 12, с. 53). Большинство членов этого кружка впоследствии примкнуло к кадетам. Ф. Ф. Ольденбург и Д. И. Шаховской стали известными земскими деятелями в области народного образования. Имена многих кружковцев вошли в историю советской науки. Это академик-востоковед С. Ф. Ольденбург, академик, основоположник учения о биосфере, минералог В. И. Вернадский, профессор, один из основоположников семинарской системы в университете И. М. Гревс.

[15] Идея создания «Научно-литературного общества» зародилась после 1 марта 1881 г. среди реакционно настроенных студентов университета. Первое учредительное собрание общества состоялось 18 января 1882 г. Тайной целью организации являлась борьба с революционерами в студенческой среде. Но замыслы правых потерпели поражение, и произошло это не без влияния кружка братьев Ольденбург и Д. И. Шаховского, члены которого вошли в состав общества. В организации действовало несколько кружков: политико-экономический, исторический и др. Во главе стоял научный отдел, состоявший из 20 человек. Деятельность общества была прекращена правительством в июне 1887 г. в связи с тем, что в него

входили А. И. Ульянов и члены его группы (см.: *Казакевич Р. Л., Мандель С. З.* Научная и культурно-просветительная деятельность прогрессивного студенчества 80-х годов XIX века. Л., 1967; *Гревс И. М.* В годы юности. За культуру. — Былое, 1918, № 12, с. 42—97; 1921, № 16, с. 137—166).

В 1883 г. был образован кружок народной литературы, в который вошли Д. И. Шаховской, С. Ф. Ольденбург, В. И. Вернадский, И. М. Гревс и др. Кружок установил связи с Х. Д. Алчевской и А. М. Калмыковой, которые занимались издательско-просветительской деятельностью, а также с издательством «Посредник» (см. примеч. 50 к воспоминаниям В. В. Бартенева). Члены кружка участвовали в учреждении первой бесплатной читальни в Петербурге. В 1885 г. кружок вошел в состав С.-Петербургского комитета грамотности и существенно повлиял на его деятельность (см.: *Протопопов Д. Д.* История С.-Петербургского комитета грамотности. 1861—1895. Спб., 1898, с. 48).

[16] О. Ф. Миллер (1833—1889) был единственным его председателем. Он был также товарищем председателя «Общества вспомоществования недостаточным студентам Петербургского университета». Вскоре после закрытия «Научно-литературного общества» Миллер был уволен из университета. Официальной причиной увольнения послужила его лекция по случаю смерти М. Н. Каткова, в которой он открыто осудил вождя реакции 1880-х гг. Писатель В. В. Вересаев (а тогда студент университета В. Смидович) вспоминал об этом защитнике студенческих интересов: «Только постепенно, уже много позднее, мы научились любить и глубоко уважать этого маленького горбуна с напыщенной речью, так заклейменного Добролюбовым. Орест Миллер не был крупным ученым. <...> За что его горячо любило и уважало студенчество, это за необычайную отзывчивость на все студенческие горести и невзгоды, за всегдашнюю готовность прийти на помощь решительно всем, чем только мог. Это был святой бессребреник. Слово «студент» служило для него полной гарантией благородства и порядочности человека» (Ленинградский университет в воспоминаниях современников, т. 1. Л., 1963, с. 201—202).

[17] Миллионер С. Л. Поляков, нажившийся на военных поставках во время русско-турецкой войны, подарил университету студенческое общежитие. Часть студентов подписала ему адрес с выражением благодарности. Другая часть хотела подписать контрадрес, что и обсуждалось на сходках 6—7 октября 1882 г. «Поляков, по мнению собравшихся студентов, не принадлежит к той среде людей, которых университет мог бы почтить своей особой благодарностью»,— сообщал в докладе Александру III министр внутренних дел граф Д. А. Толстой (Былое, 1917, № 1 (23), с. 276). На гектографе были отпечатаны две прокламации. 10 и 11 октября в университете состоялись новые сходки. В них приняло участие около 1000 человек. Полиция арестовала 91 студента. 50 человек были исключены из университета и высланы на родину (см.: *Барабанова А. И., Ямщикова Е. А.* Народовольцы в Петербурге. Л., 1984, с. 119) После этого в университете распространялась листовка с народовольческим эпиграфом: «Карфаген (т. е. самодержавие. — *Сост.*) должен быть разрушен», которая призывала студентов всех университетов объединиться и заставить правительство изменить политику по отношению к студентам. Протест был поддержан студентами Петербурга, Киева, Харькова, Москвы. 23 ноября была выпущена листовка «Студенческое движение», в которой сообща-

лось о повсеместных студенческих волнениях, вызванных солидарностью со студентами Петербургского университета.

[18] В. Л. Бурцев (1862—1942) — публицист, издатель. В 1889 г. издавал в Женеве журнал «Свободное слово». В 1890 г. привлекался в Париже по делу об изготовлении бомб, но успел скрыться. Затем жил в Лондоне, где в 1896 г. издал книгу «За сто лет. (1796—1896)», в которой было собрано значительное количество материалов по истории русского освободительного движения. В 1897—1898 гг. издавал в Лондоне газету «Народоволец», за что по требованию русского правительства был арестован и приговорен к 18 месяцам каторжных работ, которые отбывал в лондонской тюрьме. С 1900 г. издавал журнал «Былое», в дальнейшем приобрел широкую известность в связи с разоблачением провокаторов. Был близок к эсерам, затем к кадетам.

[19] 23 августа 1884 г. Сенатом был подписан указ о введении в 1884/85 учебном году в 6 университетах нового устава. Уставом уничтожались остатки университетской автономии. Профессура фактически лишалась своих корпоративных прав, демократически настроенных профессоров увольняли. Регламентировался объем преподавания на каждом факультете. Одним из основных положений устава стало усиление «правительственного влияния». За нарушения студента ожидали различные наказания: выговор, исключение, арест, карцер. Положения устава были конкретизированы и дополнены в «Правилах о приеме в студенты университета», «Правилах о плате за слушание лекций» и «Правилах для студентов во время прохождения курса», которые ставили студентов в полную зависимость от инспекции, контролировавшей посещение лекций, распределение стипендий и пособий. Положение студента зависело от степени его «благонадежности». Поступающий в университет должен был представить свидетельство о своем поведении, выданное местной полицией. Студенты должны были ежегодно возобновлять вид на жительство. Участие в «беспорядках» надолго лишало студента возможности научной деятельности в будущем. С 1885 г. студентам вменялось в обязанность ношение формы. Запрещалось выражение одобрения или неодобрения преподавателей в любой форме. Для поездки по делам или на каникулы студент должен был иметь отпускное свидетельство от инспектора (проректора) университета. Все эти нововведения вызвали резкий протест со стороны студентов, и борьба их за академические права часто сочеталась с борьбой с правительством против подавления личности, за политические свободы (см.: *Шетинина Г. И.* Университеты в России и устав 1884 г. М., 1976; *Мошкович Г. Г.* Университетский устав и либеральная профессура 70—80-х годов XIX века.— В кн.: Краснодарский педагогический институт. Исторические науки, т. 3. Краснодар, 1969, с. 147—175).

[20] Журнал «Отечественные записки» выходил с 1839 по 1884 г. В описываемый период в редактировании журнала принимали участие Н. К. Михайловский, Г. З. Елисеев, М. Е. Салтыков-Щедрин. По существу журнал был легальным органом народничества. В апреле 1884 г. был закрыт. В правительственном сообщении одной из главных причин закрытия журнала указывалось то, что в его редакции «группировались лица, состоявшие в близкой связи с революционной организацией», т. е. Н. К. Михайловский и С. Н. Кривенко. Это стало известно властям из показаний Дегаева (см. *Балуев Б. П.* Политическая реакция 80-х годов XIX века и русская журналистика. М., 1971, с. 48; *Колосов Е. Е.* Н. К. Михай-

ловский. Пг., 1917, с. 60). При журналах «Отечественные записки» и «Дело» существовал фонд помощи революционерам, который образовывался из отчислений литераторами 1% своего гонорара (см.: *Кубалов Б. Г.* Ветеран «Народной воли». (М. П. Овчинников). — Каторга и ссылка, 1924, кн. 12, с. 92).

[21] Речи Н. К. Михайловского и Н. В. Шелгунова на балу студентов Технологического института 27 ноября 1882 г. явились лишь официальным поводом к высылке из столицы. Действительной же причиной послужил донос Дегаева о свидании Михайловского с В. Н. Фигнер в Харькове по поводу переговоров революционеров с «высшими сферами». Причиной высылки Шелгунова также были его связи с революционерами, хотя прямых улик у полиции не было.

[22] Первая политическая партия польского пролетариата, вставшая на путь освоения марксизма, действовала в 1882—1886 гг. Одним из основателей ее был Л. Варыньский. После его ареста в сентябре 1883 г. во главе партии встал С. Куницкий, одновременно являвшийся представителем Исполнительного комитета «Народной воли» при ЦК «Пролетариата». В марте 1884 г. «Пролетариат» и «Народная воля» заключили соглашение о совместной борьбе против самодержавия. В 1886 г. организация была разгромлена. С. Куницкий, П. Бардовский, Я. Петрусинский, М. Куницкий были повешены по приговору военного суда 28 октября 1886 г. Л. Варыньский погиб в тюрьме (см.: Очерки революционных связей народов России и Польши. М., 1976, с. 248—262).

[23] Имеется в виду восстановление Польши в границах до 1772 г.

[24] В. Д. Спасович (1829—1906) — известный адвокат. Современники называли его «королем адвокатуры». В правительственных кругах считался неблагонадежным, и целая группа сыщиков вела за ним слежку, но улик добыть не смогла. Спасович выступал на 10 крупных политических процессах, в том числе на процессе «Пролетариата» (см.: *Троицкий Н. А.* Царизм под судом прогрессивной общественности, 1886—1895. М., 1979, с. 186—187).

[25] Попов не мог видеть Э. Л. Войнич (Лилю Буль) на собраниях у Караулова. Л. Буль приехала в Россию в конце весны — начале лета 1887 г., когда Караулов был уже в тюрьме, как и сам Попов. Но Буль действительно жила у П. В. Карауловой, куда ее направила сестра Прасковьи Васильевны — Фани Марковна, жена С. М. Степняка-Кравчинского. В Англию Л. Буль вернулась в июне 1889 г. Позднее П. В. Караулова дала М. Войничу адрес Кравчинских, на квартире которых он в первый же вечер познакомился с Л. Буль (*Таратута Е.* С. М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. М., 1973, с. 448—449).

[26] Слова из стихотворения в прозе И. С. Тургенева «Мы еще повоюем!»:

> И пусть надо мной кружится мой ястреб...
> Мы еще повоюем, черт возьми!

[27] В декабре 1882 г. в Одессе был арестован член военного центра «Народной воли» С. П. Дегаев. «Играя на слабостях Дегаева и козыряя перед ним своей силой, Судейкин морально выпотрошил его и прельстил поистине сатанинским планом: он, Дегаев, должен был при содействии жандармской охранки устранить старых революционеров и заново скомплектовать террористическое подполье, в котором стал бы диктатором; затем Судейкин и Дегаев

вдвоем, чередуя то убийства правителей России (руками террористов), то раскрытие заговоров и расправу с убийцами (руками охранки), возглавили бы страну, приводя в повиновение правительство террором, а террористов — охранкой» (*Троицкий Н. А.* Царизм под судом прогрессивной общественности, с. 37).

[28] В. Н. Фигнер (1852—1942), последний член Исполнительного комитета в России, была выдана Дегаевым и арестована 10 февраля 1883 г. В 1884 г. по «процессу 14-ти» была приговорена к смертной казни, замененной пожизненной каторгой. 20 лет провела в Шлиссельбургской крепости. В 1906 г. уехала за границу, примыкала к эсерам, выступала с публичными лекциями в пользу русских политических ссыльных. В 1915 г. вернулась в Россию. На границе была арестована и отправлена в Петропавловскую крепость, но из-за отсутствия улик вскоре освобождена. После 1917 г. занималась литературным трудом.

[29] Весной 1883 г. вследствие предательства Дегаева произошли массовые аресты в военной организации «Народной воли», существовавшей с 1880 г. Было арестовано около 200 человек. Военная организация перестала существовать (см.: *Сенчакова Л. Т.* «Народная воля» после 1 марта 1881 г. — Преподавание истории в школе, 1965, № 6, с. 19—31).

[30] К. А. Степурин участвовал в революционном движении с начала 80-х гг. Был введен Дегаевым, с которым был знаком по службе в Кронштадте, в Центральный петербургский кружок. Г. А. Лопатин, уезжая за границу после убийства Судейкина в декабре 1883 г., передал Степурину все явки, связи полномочия, и Степурин остался в Петербурге «временным представителем центра». Однако возникшая к этому времени оппозиция в лице «молодых» и их лидера Якубовича отказывалась от каких-либо сношений со Степуриным. Арестованный в январе 1884 г. С. Н. Кривенко просил не доверять Степурину, а Якубович в марте писал народовольцам в Киев, что со Степуриным они порвали все отношения. 9 марта 1884 г., накануне приезда Лопатина, Степурин был арестован. На следствии ему показали письма Якубовича с очень резкими отзывами о нем не только с политической, но и с человеческой стороны. Еще будучи на воле, он чувствовал недоверчивое отношение к себе со стороны революционеров. Все это тяжело повлияло на его психическое состояние, и 20 февраля 1885 г. он покончил с собой. Якубович вскоре после ареста Степурина получил о нем прекрасный отзыв служившего вместе со Степуриным поэта Надсона и впоследствии раскаивался в своем несправедливом и резком отношении к Степурину, о чем даже сделал заявление на суде (см.: *Шебалин М. П.* Клочки воспоминаний. М., 1935, с. 251—265, 367—370).

[31] Это были переговоры с представителями «Священной дружины» (см. примеч. 41). Они проходили за границей летом и осенью 1882 г. В переговорах принимали участие М. Н. Ошанина, П. Л. Лавров, Л. А. Тихомиров и в самом начале Л. Г. Дейч. Обязуясь прекратить на время террор, революционеры выдвигали следующие условия: полная амнистия политических заключенных и ссыльных; свобода печати, обществ, социалистической пропаганды; расширение земского и городского самоуправления. Переговоры были внезапно прекращены в декабре 1882 г., вероятно в связи с арестом и предательством Дегаева (см.: *Сенчакова Л. Т.* «Священная дружина» и ее состав. — Вестник Московского университета, 1967, № 2, с. 62—81).

[32] «Сказка про то, как царь Ахреян ходил богу жаловаться» издана в летучей типографии «Народной воли» М. П. Шебалина в 1883 г. Неоднократно переиздавалась в России и за границей. Автором ее была А. П. Барыкова (1839—1893), поэтесса, писавшая в основном на социальные темы.

[33] Прокламация «Чего ждать от коронации» была выпущена 5 мая 1883 г. Автором ее был С. Н. Кривенко.

[34] Пушкинские торжества состоялись в 1880 г. по случаю открытия в Москве памятника А. С. Пушкину.

[35] Поводом к написанию стихотворения послужил процесс В. И. Засулич, стрелявшей 24 января 1878 г. в петербургского градоначальника Трепова и оправданной судом присяжных. Впервые это стихотворение было опубликовано в прокламации «И. С. Тургенев» 25 сентября 1883 г. и воспринималось современниками как посвященное В. Н. Фигнер.

[36] Газета «Московские ведомости» издавалась в 1756—1917 гг. В описываемый период (до 1887 г.) редактором ее был М. Н. Катков — один из идеологов реакции 80-х гг. В 80-е гг. газета злобно выступала против рабочего движения, оспаривала оправдательный приговор суда по делу морозовской стачки. Александр II и Александр III считали ее «своей» газетой (см.: *Твардовская В. А.* Идеология пореформенного самодержавия. М., 1978, с. 4).

[37] И. С. Тургенев был знаком со многими революционерами, в частности с Г. А. Лопатиным, П. Л. Лавровым. В 1873 г. Лавров послал Тургеневу программу журнала «Вперед». «Программу вашу, — писал в ответ Тургенев, — я прочел два раза со всем подобающим вниманием: со всеми главными положениями я согласен» (*Тургенев И. С.* Собр соч., т. 12. М., 1958, с. 450). В дальнейшем Тургенев ежегодно давал для издания журнала 500 франков, а также материально помогал отдельным политическим эмигрантам.

[38] М. М. Стасюлевич (1826—1911) — основатель и редактор журнала «Вестник Европы» Я. П. Полонский (1820—1898) — поэт, друг И. С. Тургенева. Оба состояли в переписке с И. С. Тургеневым.

[39] «Вестник Европы» — ежемесячный журнал буржуазно-либерального направления, издавался в Петербурге в 1866—1918 гг. Преимущественное внимание уделял вопросам истории и политики.

Газета «Новости» (полное название «Новости и Биржевая газета») выходила в Петербурге в 1880—1906 гг. Орган крупных промышленников. Отстаивала необходимость буржуазно-конституционного переустройства России.

[40] Дегаев ездил в Париж дважды: в мае и в сентябре. О своем предательстве он рассказал во время первой поездки. До приезда Дегаева у Тихомирова и Ошаниной был делегат от южных народовольцев, сообщивший о подозрениях относительно Дегаева.

[41] «Священная дружина» — организация, возникшая вскоре после 1 марта 1881 г. для борьбы с революционным движением. Во главе ее стояли представители высшей знати, придворной аристократии и чиновничества Петербурга и Москвы, в частности Н. И. Воронцов-Дашков, В. А. Долгоруков, П. П. и П. А. Шуваловы. Почти половину составляли военные. Дружина имела двойную конспирацию — от полиции и от революционеров. Организовала самостоятельный политический сыск как в России, так и за границей. С провокационными целями издавала три газеты: «Вольное слово» и «Правда» за границей, «Московский телеграф» в России. Распущена в декабре 1882 г.

«Добровольная охрана» создана руководителями «Священной

дружины» в октябре 1881 г. как вспомогательное общество, задачей которого являлась главным образом охрана царя (см.: *Сенчакова Л. Т.* «Священная дружина» и ее состав, с. 62—83; *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* С. Ю. Витте, М. П. Драгоманов и «Вольное слово». — В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. М. — Л., 1964; *Они же.* О достоверности одного документа из архива М. К. Лемке. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, т. 3. Л., 1970).

[42] 17—19 октября 1883 г. в Петербурге проходил съезд народовольцев. Члены «Рабочей группы» не принимали в нем участия. На съезде было решено подготовить покушение на Г. П. Судейкина и ликвидировать типографию М. П. Шебалина ввиду возможных арестов после покушения. Было решено устроить типографию на юге и наладить издание рабочей газеты. На съезде обсуждались и программные вопросы, в частности о допустимости аграрного и фабричного террора и усилении самостоятельности местных революционных групп вплоть до роспуска Исполнительного комитета (см.: *Валк С. Н.* Молодая партия «Народной воли». — Проблемы марксизма, 1930, № 1, с. 101—102).

[43] Александр III на докладе об убийстве Судейкина написал: «Я страшно поражен и огорчен известием. Потеря положительно незаменимая» (*Троицкий Н. А.* Дегаевщина. — Вопросы истории, 1976, № 3, с. 133).

[44] В. К. Плеве (1846—1904) — директор Департамента полиции с 1881 по 1884 г. С 1902 г. — министр внутренних дел и шеф жандармов. Убит эсером Е. С. Сазоновым 15 июля 1904 г.

[45] Дегаев жил на Невском пр., 91, где и было совершено покушение на Судейкина (см.: *Барабанова А. И., Ямщикова Е. А.* Народовольцы в Петербурге, с. 162).

[46] Прокламация была напечатана 26 февраля 1884 г. тиражом более 1000 экз. Предназначалась главным образом для дворников и прочих пособников полиции. Автор ее — П. Ф. Якубович.

[47] С. А. Росси на следствии выдал Стародворского и Конашевича, его показания были единственной уликой, доказывавшей их участие в убийстве Судейкина.

[48] Некоторое время Дегаев жил в Париже. В 90-х гг. переехал в США, где сделал карьеру от грузчика до профессора математики, декана университета. Жил в Верминионе (штат Дакота) под именем Алегзендер Пэлл. Умер в 1920 г. (см.: *Генкин И.* Предатель С. П. Дегаев в Америке. — Каторга и ссылка, 1933, № 9, с. 132—135).

[49] М. П. Овчинников участвовал в революционном движении с середины 1870-х гг. Один из инициаторов создания «Молодой партии „Народной воли"», непримиримый противник объединения с «Народной волей». В апреле 1884 г. был арестован, в 1887 г. сослан в Восточную Сибирь, в Олекму. В ссылке отошел от революционной деятельности (см.: *Кубалов Б. Г.* Ветеран «Народной воли» (М. П. Овчинников). — Каторга и ссылка, 1924, № 12, с. 78—105).

[50] Якубович вернулся из Киева 3 февраля, по его словам, «уже бунтовщиком». «Но открытый мятеж против Комитета, — говорил он на следствии, — я поднял только тогда, когда в конце февраля приехал из провинции Овчинников. <...> Появление его в нашей наэлектризованной уже молодой среде было каплей, переполнившей чашу» (Каторга и ссылка, 1926, кн. 24, с. 150—151).

[51] А. Н. Бах (1857—1946) входил в киевскую группу «Народной воли», занимался революционной пропагандой на юге России. Оставил интересные воспоминания о своей революционной деятель-

ности (Записки народовольца. 2-е изд. М., 1931). Принимал активное участие в переговорах с «Народной волей» и в немалой степени способствовал тому, что они в конце концов закончились объединением. Оказал в этом направлении сильное влияние на Якубовича. Однако начало переговоров проходило очень бурно. «Неуспеху переговоров, — вспоминал Бах, — много содействовал тот факт, что пока мы переговаривались, Лопатин вел против Александра Ивановича (Якубовича. — *Сост.*) «партизанскую войну», или, по образному его выражению, «косил у него траву под ногами», т. е. отбивал у него молодежь. И всякий раз, когда до Александра Ивановича доходили какие-нибудь сведения в этом смысле, он являлся на свидание с удвоенной дозой непримиримости» (*Бах А. Н.* Воспоминания народовольца. — Былое, 1907, № 2, с. 202).

[52] Одним из главных вопросов расхождения был рабочий вопрос, т. е. вопрос о пропаганде в рабочей среде (см.: *Сайкин С. О.* Из истории «Молодой партии „Народной воли"». — История СССР, 1971, № 6, с. 71—83). «Мы не могли не видеть, — писал один из участников переговоров В. И. Сухомлин, — что оппозиционное движение, возглавляемое Якубовичем и Флеровым, провозглашая неправильную тактику фабричного и аграрного террора, по существу было право в своем желании опереться на широкое сочувствие трудящихся масс», в чем сказывалась потребность времени «расширить базу партии, превратив ее из чисто интеллигентской в народную». (*Сухомлин В.* Из эпохи упадка партии «Народной воли». — Каторга и ссылка, 1926, № 7—8, с. 99).

[53] В начале апреля переговоры были прерваны, начался, как писал Якубович, период «открытого разделения организации на две партии» (К истории процесса 21-го. — Красный архив, 1929, т. 5 (36), с. 126). В конце мая переговоры были возобновлены и в июне завершились присоединением «Молодой партии „Народной воли"» к «Народной воле». Однако большая часть рабочей группы не признала этого соглашения и продолжала самостоятельное существование под названием «Петербургская рабочая группа», заявив в своем программном документе, что она «не вступает ни в какие обязательные отношения к ИК» (*Сенчакова Л. Т.* Новые факты по истории народовольческого движения. — Вестник Московского университета, 1966, № 2, с. 84. Там же опубликованы Устав «Молодой партии „Народной воли"» и «Программное заявление „Петербургской рабочей группы"». Программа «Молодой партии „Народной воли"» опубликована С. О. Сайкиным в журнале «Советские архивы», 1969, № 3, с. 63—66).

[54] В тексте ошибка. Письмо Попову Якубович написал 14 ноября 1884 г. (Опубликовано С. Н. Валком в журнале «Красный архив», 1929, № 5, с. 157—163). Из письма видно, что Попов принадлежал к неприсоединившейся части «молодых», т. е. к «Петербургской рабочей группе». «Умоляю вас: прекратите раздор, — писал ему Якубович, — пойдите на уступки, мы тоже пойдем».

[55] Попов просидел несколько месяцев в Доме предварительного заключения.

[56] Статья была опубликована под названием «Закрытие „Отечественных записок"» (Литература партии «Народная воля». М., 1930, с. 227—228). «Бурбон стоеросовый! чижика съел!» — слова М. Е. Салтыкова-Щедрина. Этими словами начиналась и кончалась статья Н. К. Михайловского.

[57] Д. А. Толстой (1823—1889) — с 1882 г. министр внутренних дел и шеф жандармов. Один из идеологов реакции 80-х гг.

[58] При аресте у Лопатина нашли частично зашифрованные записи с адресами, фамилиями и характеристиками. У Саловой, которая была хранительницей партийного архива, нашли еще 20 зашифрованных записей. Путем сопоставления с лопатинскими их удалось расшифровать. В результате по всей России начались аресты среди революционеров и сочувствовавших им (см.: *Сухомлин В.* Из эпохи упадка партии «Народной воли», с. 62—67; *Троицкий Н. А.* Царизм под судом прогрессивной общественности, с. 13).

[59] П. Ф. Якубович был выдан Дегаевым еще осенью 1883 г., т.е. целый год он находился под наблюдением полиции. В результате была выслежена и разгромлена киевская группа. От провокатора А. Геккельмана (известного позднее под фамилиями Ландезен и Гартинг) полиция знала о существовании типографии в Дерпте и о содержании печатавшихся там прокламаций, в частности объявления «От Центрального комитета «Молодой партии „Народной воли"» и № 1 журнала «Народная борьба». Толстой докладывал Александру III: «Предполагается допустить издание этих листков, так как с их появлением в обращении окончательно упраздняется прежняя подпольная организация с эмигрантами во главе, опасная потому, что в ее среде нет секретных «агентов» и противоправительственные элементы, находящиеся внутри России, получают возможность группироваться около такого центра, каждый шаг членов коего может быть известен полиции» (*Валк С. Н.* Распорядительная комиссия и Молодая партия «Народная воля». — Каторга и ссылка, 1931, № 2, с. 132).

[60] Протест ссыльных возник в связи с отправкой их из Якутска в Вилюйск и Среднеколымск. Ссыльные, завладев оружием, оказали властям вооруженное сопротивление. В перестрелке 6 ссыльных погибли. По приговору военного суда три человека в августе 1889 г. были повешены, остальные приговорены к каторжным работам.

[61] П. Елько, студент Харьковского университета, был секретным агентом Судейкина. На следствии и на суде оговорил многих революционеров. Впоследствии полицейский чиновник в Средней Азии.

[62] Е. Ф. Азеф (1869—1918) — один из лидеров партии эсеров и одновременно (с 1892 г.) сотрудник Департамента полиции. В 1908 г. разоблачен В. Л. Бурцевым. Был приговорен эсерами к смерти, но успел скрыться. С 1910 г. жил в Берлине. В 1915 г. был арестован как русский шпион и содержался в Моабитской тюрьме до 1917 г. Умер в апреле 1918 г. в Берлине.

Василий Григорьевич Харитонов (1860 — после 1928)

В. Г. Харитонов был одним из основателей и руководителей первой социал-демократической группы в Петербурге, известной как группа Благоева. Революционное мировоззрение сложилось у него еще в период обучения в гимназии. В студенческие годы входил в различные студенческие объединения. Осенью 1883 г. участвовал в организации студенческого кружка, в котором по легальным газетам изучались политические процессы 1870—1880-х гг. Интересно, что в этот кружок входили В. Барыбин и Ф. Волков — студенты университета, руководители С.-Петербургской студенческой корпорации (нелегальной организации, объединявшей революционно настроенную молодежь всех высших учебных заведений города), являвшиеся членами пермского землячества (См.: *Брамсон М. А.* Отрыв-

ки из воспоминания (1883—1886 гг.). — В кн.: Народовольцы после 1-го марта 1881 г. М., 1929, с. 82). Это землячество еще в конце 1883 г. установило связи с группой «Освобождение труда». Примерно в то же время оформилась и группа Благоева, с которым Харитонов жил в студенческой коммуне. Харитонов был автором первого варианта проекта программы «Партии русских социал-демократов». На его квартире помещалась типография группы и печатался ее орган — газета «Рабочий». После высылки Д. Благоева в Болгарию в марте 1885 г. Харитонов фактически руководил группой. Одновременно он входил в состав С.-Петербургской студенческой корпорации. После ареста в 1884 г. большинства ее членов предпринял попытку возродить организацию в расширенном виде. (см.: *Жуйков Г. С.* Петербургские марксисты и группа «Освобождение труда». Л., 1975, с. 213). В январе 1886 г. был арестован. В 1888 г. выслан на 5 лет в Восточную Сибирь. О дальнейшей его судьбе известно лишь, что после революции он жил в Петрограде.

Воспоминания публикуются по тексту журнала «Пролетарская революция», 1928, № 8.

[1] Харитонов входил в гимназический кружок, организованный по инициативе П. Подбельского. Кружок выписывал журналы «Отечественные записки», «Слово», «Знание», «Дело» и популярные книги по естествознанию, истории, политике, социологии.

[2] См. примеч. 6 к воспоминаниям И. И. Попова.

[3] Все студенческие объединения, в том числе и библиотеки, были запрещены. По воспоминаниям члена благоевской группы Г. В. Хлопина, «при составлении таких библиотек пользовались списком книг, составленным преимущественно группой писателей-народников при участии публициста Н. К. Михайловского, историка В. И. Семевского и других» (*Хлопин Г. В.* Из воспоминаний студента 80-х годов. — В кн.: Юбилейный сборник Военно-медицинской академии. Л., 1927, с. 120).

[4] Более трети студентов составляли приезжие, которые объединялись в землячества. Землячества возникли в Петербурге еще в 60-х гг. XIX в. с целью материальной и нравственной взаимопомощи. Но постепенно их функции расширились. При землячествах часто создавались кружки саморазвития, организовывались библиотеки как из легальных, так и запрещенных книг. Члены землячеств помогали политическому Красному Кресту. Землячества были нелегальными организациями, участие в них могло повлечь исключение, высылку на родину и другие репрессивные меры. В «совершенно секретной» записке петербургского градоначальника Грессера о землячествах говорилось, что после их запрещения «они стали приобретать политическую окраску и явились первою ступенью, так сказать, школою для ознакомления с доктриною социально-революционного учения» (*Крикунов В. П.* А. И. Ульянов и революционные разночинцы Дона и Северного Кавказа. Нальчик, 1963, с. 26). Участие в землячествах воспитывало студентов в оппозиционном духе. «Землячества как бы собирали и сортировали материал, и не только для себя, но и для дальнейших более широких политических организаций», — писал один из активных участников революционного движения середины 80-х гг., товарищ А. И. Ульянова С. А. Никонов (Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 года. М. — Л., 1927, с.141). По его словам, в Петербурге в то время было около 20 землячеств. Министр внутренних дел Д. А. Толстой 22 января 1887 г. представил Александру III доклад, в котором обосновывал

необходимость полного искоренения землячеств, указывая на их революционную роль. Он приводил цифру — 60 землячеств «от 10 до 150 человек каждое» (*Овсянникова С.* Группа Благоева. М., 1959, с. 23).

[5] См. примеч. 17 к воспоминаниям И. И. Попова.

[6] Миртов — псевдоним П. Л. Лаврова. Его «Исторические письма» вышли в 1870 г. Пользовались большой популярностью среди молодежи.

[7] В. Е. Благославов в начале 80-х гг. входил в чернопередельческий кружок, занимался пропагандой среди рабочих. Являлся одним из основателей благоевской группы. Был руководителем С.-Петербургской студенческой корпорации. В июне 1884 г. арестован и выслан в Пензу, где организовал социал-демократическую группу.

Д. Благоев (1856—1924) приехал в Россию в 1878 г. В 1881 г. после окончания Одесского реального училища переехал в Петербург. Здесь быстро сошелся с революционными народниками. В декабре 1883 г. по его инициативе была создана социал-демократическая группа. В последних числах февраля 1885 г. арестован и в марте выслан в Болгарию. Одной из причин ареста послужила попытка установить контакты с группой «Освобождение труда» и Исполнительным комитетом «Народной воли», находившимся за границей. О руководящей роли Благоева в «Партии русских социал-демократов» полиция не знала. В дальнейшем Благоев стал первым пропагандистом марксизма в Болгарии. В 1891 г. под его руководством была основана Болгарская рабочая социал-демократическая партия. С момента ее возникновения Благоев возглавлял революционное марксистское крыло, которое в 1903 г. оформилось в самостоятельную партию «тесных социалистов» (в отличие от «широких социалистов», стоявших за классовый мир с буржуазией. Официально две партии имели одно название БСДРП). В 1919 г. партия «тесных социалистов» была переименована в коммунистическую. В 1922 г. Благоев в ответ на избрание его почетным членом Петроградского Совета писал: «Я встретил Октябрьскую революцию 1917 г., разумеется, с большой радостью, восторгаясь товарищами, которые защищали великую русскую пролетарскую революцию» (Димитр Благоев и революционная Россия. — Коммунист, 1981, № 11, с. 80—81). Благоев принимал деятельное участие в основании Коминтерна. О пребывании Благоева в России см. его воспоминания «Краткие записки моей жизни». М., 1981.

[8] Биография С. Л. Перовской была написана Л. А. Тихомировым и впервые опубликована в 1882 г. в Женеве от имени Заграничного отдела Красного Креста «Народной воли».

[9] По-видимому, Латышев ненадолго уезжал из Петербурга, так как в феврале 1886 г. он снова принимал участие в деятельности группы. В марте 1887 г. во время массовых арестов после неудачного покушения группы Шевырева — Ульянова на Александра III, он вместе с другими членами благоевской группы был арестован, поскольку давно находился под наблюдением полиции. Интересно, что Латышев был знаком с М. Т. Елизаровым (см.: *Поляков А. С.* Второе 1-е марта. М., 1919, с. 48; Рабочее движение в России в XIX веке, т. 3, ч. 3. М., 1952, с. 375—376). В июне 1888 г. Латышев был выслан в Вологодскую губернию.

[10] В. И. Семевский (1849—1916) — историк народнического направления, приват-доцент Петербургского университета, занимался историей крестьян. Его лекции пользовались огромной популяр-

ностью у студентов. Был связан с революционерами, в частности с Г. А. Лопатиным. В январе 1886 г. по распоряжению министра просвещения уволен из университета. В течение многих лет вел занятия со студентами на дому. В дальнейшем занимался изучением освободительного движения в России. Автор книг «Политические и общественные идеи декабристов» (Спб., 1909), «М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы» (М., 1932). Принимал активное участие в общественной жизни. Организовал издание книг для народа и программ чтения для самообразования. Выступал с публичными лекциями. В 1905 г. был председателем Комитета по оказанию помощи освобожденным узникам Шлиссельбургской крепости и членом Комитета по оказанию помощи ссыльным. В 1906 г. участвовал в создании партии народных социалистов и был председателем ее ЦК. Один из создателей и редакторов журнала «Голос минувшего».

[11] Н. А. Бородин жил некоторое время на одной квартире с А. Александриным и О. Говорухиным, игравшими руководящую роль в «Кружке донцов и кубанцев». Кружок существовал в Петербурге в 1881—1887 гг. «Прибывающие в столицу и другие университетские города уроженцы Кубанской области отличаются вредным политическим направлением, — докладывалось царю 11 марта 1887 г., — кубанские уроженцы составляют тесную, сплоченную группу близких между собой людей и вместе с уроженцами из Донской области поставили наибольшее число членов в так называемую „партию социал-демократов"» (группу Благоева, 8 человек из 16, привлекавшихся к дознанию.— *Сост.*). Александр III на полях сделал помету: «Благодаря Новочеркасской гимназии, которая имела скверную репутацию» (*Поляков А. С.* Второе 1-е марта, с. 42—43). «Кружок донцов и кубанцев» имел свою программу, и члены его вели революционную пропаганду среди рабочих и студентов. При обысках у членов кружка не раз находили революционные брошюры, в том числе издания группы «Освобождение труда». Члены кружка занимались распространением революционных изданий, в частности газеты «Рабочий», не только в Петербурге, но и других городах — Одессе, Киеве, Харькове, Самаре и др. (см.: *Крикунов В. П.* А. И. Ульянов и революционные разночинцы Дона и Северного Кавказа, с. 54—83).

[12] А. А. Герасимов после ареста Харитонова играл руководящую роль в группе. Арестован в октябре 1886 г. Трагически погиб в 1909 г. (см.: *Андрюшин Е. Н.* Поиск верного пути. Димитр Благоев и первые социал-демократы в России. М., 1981, с. 97—101). Отец известного советского кинорежиссера С. А. Герасимова.

[13] Письмо Д. Благоева Д. Кольцову частично опубликовано в статье Кольцова «Конец „Народной воли"и начало социал-демократии (80-е годы)» в кн.: *Тун А.* История революционных движений в России. Женева, 1903, с. 245—248. Полностью опубликовано на болгарском языке в кн.: Интернационализм. Документы и материалы. 1891—1944. София, 1974, с. 48—49.

[14] Вероятно, Харитонов имеет в виду «Письмо в редакцию „Отечественных записок"» К. Маркса.

[15] Статья «Чего добиваться рабочему народу?» была написана Д. Благоевым, который вместе с П. А. Латышевым переработал проект программы, написанный Харитоновым.

[16] К проекту программы были приложены письма, в которых содержалось предложение о совместной деятельности, а также просьба высказать свои замечания по поводу программы. Документы были отправлены вклеенными в переплет книги. Тем не менее они

были обнаружены полицией и перлюстрированы. Опубликованы в журнале «Былое», 1917, № 13, кн. 7, с. 38—52.

[17] В 1886 г. в качестве программы группы был принят второй проект программы группы «Освобождение труда», написанный Г. В. Плехановым (см.: *Щетинина Г. И.* Усвоение марксизма студентами-революционерами (1883—1886). — В кн.: Группа «Освобождение труда» и общественно-политическая борьба в России. М., 1984, с. 159).

[18] Группа Благоева организовала 15 рабочих кружков в различных районах города. В каждый кружок входило до 10 рабочих.

[19] Статья принадлежит Н. А. Бородину.

[20] Члены группы «Освобождение труда» отмечали политическую незрелость этого номера. В. И. Засулич писала С. М. Кравчинскому в Лондон: «1-й № очень слабая неудачная попытка стать на точку зрения социал-демократии» (Первая марксистская организация России — группа «Освобождение труда». 1883—1903. М., 1984, с. 142). Л. Г. Дейч писал из тюрьмы, что, как ему стало известно, недовольны газетой и «меньшие братья» (рабочие. — *Сост.*) (цит. по кн.: *Жуйков Г. С.* Петербургские марксисты и группа «Освобождение труда», с. 177).

[21] На Шпалерной ул., 23 (ныне ул. Воинова, 25), находился Дом предварительного заключения, на Гороховой ул. (ныне ул. Дзержинского), 2, — петербургское охранное отделение.

[22] «Специалист» — кличка С. Гринфеста, работавшего в типографии группы «Освобождение труда». В конце 1883 — начале 1884 г. он приезжал в Россию для установления связи с революционными кружками (см.: *Жуйков Г. С.* Петербургские марксисты и группа «Освобождение труда», с. 156—157).

[23] Л. К. Бутков и М. М. Теселкин, члены «Кружка донцов и кубанцев», поселились на квартире Харитонова, чтобы спасти типографию. В специально сшитых мешочках, которые привязывали к поясу под пальто, революционерам удалось вынести из квартиры часть шрифта, благодаря чему «шрифт типографии Харитонова на $^2/_3$ был спасен» (*Сергиевский Н. Л.* Партия русских социал-демократов. Группа Благоева. М. — Л., 1929, с. 126—127). Арестованы в конце февраля.

[24] Д. Гофман руководил кружком студентов Технологического института. Арестован 6 августа 1886 г. В записке начальника охранного отделения указывалось, что по типографским принадлежностям, найденным у Харитонова и Гофмана, можно судить о сравнительно широком размахе «их подготовительной работы к расширению издательского дела» (*Полевой Ю. З.* Из истории рабочей печати. М., 1962, с. 58).

[25] Надо отметить, что ни один социал-демократ на протяжении 80—90-х гг. (за исключением Л. Г. Дейча, который был осужден за участие в народническом движении) не попал на скамью подсудимых — правительство расправлялось с ними административными мерами. Масштабы дознаний по социал-демократическим делам небольшие: по делу группы Благоева было привлечено 16 человек, группы Точисского — 10, группы Бруснева — 38. В то время как по делу Лопатина было привлечено 300 человек, по делу 1 марта 1887 г. — около 200, сабунаевской организации (см. примеч. 7 к воспоминаниям М. С. Ольминского) — 150 (см.: *Троицкий Н. А.* Царизм под судом прогрессивной общественности. М., 1979, с. 31, 117; Народовольцы. Сб. 3. М., 1931, с. 262).

Анна Ильинична Ульянова-Елизарова (1864—1935)

А. И. Ульянова — старшая из детей в семье Ульяновых — прожила более долгую жизнь, чем ее братья и сестры. Она стала первым летописцем семьи. А. И. Ульянова — активный участник революционного движения: работала в петербургском и московском «Союзах борьбы за освобождение рабочего класса», в 1898—1900 гг. была членом Московского комитета РСДРП, затем агентом «Искры», занималась транспортировкой нелегальной партийной литературы. В годы первой российской революции А. И. Ульянова жила в Петербурге, заведовала финансами Петербургского комитета РСДРП, входила в редакционную коллегию большевистского легального издательства «Вперед». Накануне первой мировой войны сотрудничала в газете «Правда» и других изданиях большевиков. По ее инициативе в «Правде» была создана специальная страница, где публиковались материалы о положении работниц и заметки, написанные ими самими. Эта идея получила свое развитие в журнале «Работница», в редакционную коллегию которого вошла и А. И. Ульянова. «Джемс», «Старый приятель», «Андрей Петрович» — под такими партийными псевдонимами была известна в революционной среде Анна Ильинична.

После Октябрьской революции с 1918 по 1921 г. А. И. Ульянова-Елизарова работала в Отделе охраны детства Народного комиссариата социального обеспечения, а затем Народного комиссариата просвещения. В 1919 г. она была в числе инициаторов создания «Совета защиты детей». В 1921 г. специальным решением ЦК партии был создан Истпарт, в задачи которого входила научная разработка вопросов истории партии, создание архивов, выпуск журнала «Пролетарская революция». А. И. Ульянова-Елизарова была в числе первых сотрудников Истпарта, она была также членом редакционной коллегии журнала «Пролетарская революция».

Работая в Истпарте, Анна Ильинична досконально изучила по архивным материалам дело А. И. Ульянова. Еще до революции она много лет переписывалась с сибирскими ссыльными, осужденными по делу 1 марта 1887 г. Находясь за границей, А. И. Ульянова-Елизарова с помощью В. И. Засулич познакомилась с воспоминаниями О. М. Говорухина. В полицейском досье на А. И. Ульянову сохранилась копия ее письма к Говорухину, датированного 11 апреля 1901 г. «Мне прислали Ваш адрес, — пишет Анна Ильинична,— причем написали, что Вам сообщено, что я, прочитав Ваш реферат о деле 1 марта 87 г., хотела бы выяснить некоторые, оставшиеся для меня неясными пункты и что Вы ответили, что готовы написать мне то, что помните...» Далее на десяти страницах идут вопросы: «В какое время оживление сменилось унынием, и брат увидал невозможность «систематического террора», неподготовленность людей и стал колебаться, продолжать ли? <...> Почему не бежал он, когда кончены были приготовления, как было решено, и несмотря на то, что ему достался жребий бежать? <...> Вы пишете, что в группе были соц[иал]-демократы... Кто были они и каким образом соц[иал]-демократы могли предпринимать террор? Каких теоретических воззрений придерживался, насколько Вы помните, брат? Скорее народоволец? Как относился он к соц[иал]-демократизму? Признавал ли возможность особого пути для России или смотрел на террор только как на средство добытия политич[ских] уступок?» (ЦГАОР СССР, ф. 102, 1898, оп. 00, д. 317, л. 48—50).

Об ответе Говорухина на это письмо ничего не известно. Судя по воспоминаниям А. И. Ульяновой и О. М. Говорухина, ответа либо не было, либо он был неудовлетворительным. Результатом же научных исследований А. И. Ульяновой-Елизаровой явился сборник воспоминаний и документов «Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 года», вышедший в 1927 г.

Воспоминания, публикуемые в настоящем издании, приводятся по этому сборнику.

[1] А. И. Ульянова приехала в Петербург в сентябре 1883 г. для учебы на Высших женских (Бестужевских) курсах.

[2] Воспоминания И. Н. Чеботарева опубликованы в сборнике «Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 года». М. — Л., 1927, с. 239—254.

[3] См. примеч. 4 к воспоминаниям В. Г. Харитонова.

[4] Сборник «Галерея шлиссельбургских узников» был издан в 1907 г. Комитетом по оказанию помощи освобожденным узникам Шлиссельбургской крепости. Весь доход от издания предназначался для бывших узников. А. И. Ульянова-Елизарова написала для него очерк об А. И. Ульянове.

[5] Имеется в виду журнал «Отечественные записки». См. о нем примеч. 20 к воспоминаниям И. И. Попова.

[6] А. И. Ульянов жил сначала на Съезжинской ул., д. 4, а потом в д. 12.

[7] Экономический кружок играл ведущую роль в образовавшемся весной 1886 г. «Союзе землячеств» — общестуденческой петербургской организации. Кружок сложился при университете к весне 1885 г. из студентов-первокурсников по инициативе В. В. Бартенева и С. А. Никонова. Руководителем кружка был А. В. Гизетти, заведующий статистическим бюро Петербургского уездного земства, «либеральный народник». В конце 1885 — начале 1886 г. С. А. Никонов ввел в кружок А. Ульянова. Вскоре в его состав вошли также М. Т. Елизаров и О. М. Говорухин. Интересные воспоминания о кружке оставили В. В. Бартенев и С. А. Никонов (см.: Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 года, с. 138—181).

[8] См. примеч. 10 к воспоминаниям В. Г. Харитонова.

[9] См. примеч. 12 к воспоминаниям И. И. Попова.

[10] По новым «Правилам для студентов», введенным в 1885 г., запрещалось вступать в брак во время пребывания в университете.

[11] М. Т. Елизаров (1863—1919), член РСДРП с 1893 г. За участие в революционной деятельности неоднократно подвергался ссылкам и арестам. После Октябрьской революции — первый народный комиссар путей сообщения. Муж А. И. Ульяновой.

[12] Стихотворение написано в связи с убийством 4 августа 1878 г. шефа жандармов Мезенцева. Автором его был А. А. Ольхин. Впервые опубликовано в журнале «Земля и воля» (1878, №1). Неоднократно переиздавалось в нелегальных изданиях, ходило в списках. В нем есть такие строки:

Там, где Плевна, дымится огромный курган;
В нем останки еще не догнили;
Чтоб уважить царя, в именины его
Много тысяч «своих» уложили.

Именинный пирог из начинки людской
Брат подносит державному брату;

А на родине ветер холодный шумит
И разносит солдатскую хату.

Имеется в виду третий, неудачный штурм Плевны, который был предпринят 30 августа 1877 г., в день именин Александра II, его братом великим князем Николаем Николаевичем. При штурме было убито и ранено более 15 тысяч русских солдат (см.: Вольная русская поэзия второй половины XIX века. Л., 1959, с. 443, 803).

[13] Песня на слова Г. А. Мачтета, написанная по случаю смерти в тюрьме в 1876 г. студента П. Ф. Чернышева. Стихотворение начиналось словами: «Замученный тяжкой неволей...» и называлось «Последнее прости!». Это название не привилось, и песня была широко известна по измененной первой строке.

[14] Нервная болезнь после смерти отца.

[15] И. Н. Чеботарев вспоминал: «Александр Ильич политической экономией стал много заниматься; в частности, заинтересовался судьбами капитализма в России; он много по этому поводу читал: у меня долго хранились его заметки на книгу В. В. («Судьбы капитализма») (*Воронцов В. П.* Судьбы капитализма в России. Спб., 1882.— *Сост.*) с большими выписками из современной периодической прессы о развитии крупного хозяйства на юге России» (Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 года, с. 244). Эти выписки не сохранились. Но, по воспоминаниям Чеботарева, А. Ульянов отрицательно относился к роли общины.

[16] В своей речи на суде А. Ульянов сказал: «Есть только один правильный путь развития (общества. — *Сост.*) — это путь слова и печати, научной печатной пропаганды, потому что всякие изменения общественного строя являются как результат изменения сознания в обществе. <...> Но по мере того, как теоретические размышления приводили меня все к этому выводу, жизнь показывала самым наглядным образом, что при существующих условиях таким путем идти невозможно. При отношении правительства к умственной жизни, которое у нас существует, невозможна не только социалистическая пропаганда, но даже общекультурная, даже научная разработка вопросов в высшей степени затруднительна» (Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 года, с. 339, 340).

[17] В показаниях от 19 и 21 марта А. Ульянов писал: «Печатание первой части этой программы, которую я выдавал за опыт новой программы, объединяющей партии «Народной воли» и «социал-демократов», было начато мною после 15 февраля. <...> Мысль о составлении программы террористической фракции явилась вскоре вслед за решением организовать террористическую группу, т. е. приблизительно во 2-й половине декабря 1886 года.<...> Вскоре к этому присоединилась мысль составить опыт общепартийной программы, которая могла бы объединить революционные партии<...>и послужить делу объединения революционных сил тем вернее, что предполагавшийся террористический факт должен был вызвать оживление и подъем духа в революционной среде» (Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 года, с. 374—375).

[18] Программа «Террористической фракции партии „Народная воля"» состоит как бы из двух частей: общепартийной и специально-теоретической. Вопросы, связанные с написанием ее, стали обсуждаться в конце декабря 1886 г. Составление программы было закончено незадолго до покушения, а печатание происходило 28 февраля и 1 марта, т. е. в дни выхода метальщиков на улицу, и не было закончено. В печатном виде она не дошла до нашего време-

ни и известна по варианту, написанному по памяти А. И. Ульяновым во время следствия. Первая часть программы, в которой ни слова нет о терроре, указывает на знакомство ее составителей с «Манифестом», «Капиталом», работами Г. В. Плеханова, проектом программы группы Благоева и отражает правильное понимание одного из главных выводов «Капитала» о неизбежности развития общества, вступившего на путь капитализма, к социалистическому строю и о рабочем классе, который является «естественным носителем социалистических идей». В то же время Ульянов и его товарищи выдвигали на первое место необходимость систематического террора как средства завоевания политической свободы. «Таким образом, будучи по существу социалистической, партия лишь временно посвящает часть своих сил политической борьбе, так как видит в этом необходимое средство, чтобы сделать более правильной и продуктивной свою деятельность во имя конечных экономических идеалов. <...> Что касается до социал-демократов, то наши разногласия с ними кажутся нам очень несущественными и лишь теоретическими. Они сводятся к тому, что мы возлагаем больше надежды на непосредственный переход нашего хозяйства в высшую форму и, придавая большое значение самостоятельно интеллигенции, считаем необходимым и полезным немедленное введение политической борьбы с правительством. На практике же, действуя во имя одних и тех же идеалов, одними и теми же средствами, мы убеждены, что всегда будем оставаться их ближайшими товарищами» (Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 года, с. 378—379). Таким образом, выдвигая на первый план единоборство интеллигенции с правительством, члены группы не смогли полностью преодолеть народнические и народовольческие воззрения. (Подробный анализ программы и обстоятельств ее появления см.: *Альтман И. А.* Программа группы А. И. Ульянова. — Вопросы истории, 1977, № 4, с. 34—44; *Побегайло Э. Ф.* Политические взгляды А. И. Ульянова. — Правоведение, 1970, № 6, с. 39—47.

[19] Шмидова (Клюге) Р. А. (1862—1942) по делу 1 марта 1887 г. была приговорена к поселению в Сибири. Ее воспоминания опубликованы в журналах «Пути революции» (1927, кн. 1) и «Простор» (1967, № 4).

[20] М. И. Туган-Барановский (1865—1919) — экономист. В середине 80-х гг. был членом биологического кружка, часто собиравшегося на квартире Ульянова и Чеботарева. Позже стал «легальным марксистом». В 1905—1907 гг. вступил в партию кадетов.

П. Б. Струве (1870—1944) — публицист и общественный деятель. Участник студенческих кружков конца 80-х — начала 90-х гг. Один из авторов Манифеста I съезда РСДРП. После 1902 г. порвал все связи с социал-демократией и перешел на позиции религиозного мировоззрения. Редактор буржуазно-либерального журнала «Освобождение». Член ЦК партии кадетов.

«Легальные марксисты» использовали марксистские доводы в борьбе с народничеством, но отрицали необходимость революционной борьбы с капиталистическим строем, а также выступали против философских основ марксизма, являясь сторонниками неокантианства.

[21] Демонстрация состоялась 17 ноября 1886 г., в день 25-летия со дня смерти Н. А. Добролюбова. Проведению ее предшествовала длительная подготовка, благодаря чему в ней приняло участие около 1500 человек. После демонстрации властями было выслано 40 че-

ловек (см.: *Итенберг Б. С., Черняк А. Я.* Жизнь Александра Ульянова. М., 1966, с. 105—107).

[22] Александр III специальным указом запретил праздновать 25-летие отмены крепостного права. Вопреки этому члены экономического кружка и «Союза землячеств» начали агитацию по случаю предстоящей даты, причем не только среди студентов университета, но и других учебных заведений. Утром 19 февраля на Волковом кладбище собралось около 400 человек. На могилы Н. А. Добролюбова и В. Г. Белинского были возложены цветы. Затем студенты прошли по улицам.

[23] Позже Туган-Барановский говорил В. А. Поссе, что высылка из Петербурга спасла его от участия в деле 1 марта 1887 г., к которому он непременно оказался бы причастным (см.: *Поссе В. А.* Пережитое и передуманное, т. 1. Л., 1933, с. 99).

[24] Прокламация «17 ноября в Петербурге» была написана А. Ульяновым и отчасти П. Шевыревым. Полностью ее текст приведен в сборнике «Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 года» (с. 355—357). «Грубой силе, на которую опирается правительство, — говорилось в прокламации, — мы противопоставим тоже силу, но силу, организованную и объединенную сознанием своей духовной сплоченности». Прокламации были разосланы предводителям дворянства, председателям управ, профессорам, в редакции газет и журналов, общественным деятелям Петербурга и других городов. «Отпечатали несколько сот писем, — вспоминал И. Н. Чеботарев, — и по частям опускали их в несколько ящиков на Петербургской стороне, Васильевском острове и Адмиралтейской части, но в каждый ящик клали все-таки пачками. Это обстоятельство, и то, что большинство конвертов, наспех купленных в ближайших магазинах, были однообразные, должно было обратить на себя внимание на почте» (Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 года, с. 247). Рассылка конвертов продолжалась несколько дней. Однако большая часть прокламаций не дошла до адресатов, попав в руки полиции. Было задержано 124 конверта (см.: *Крикунов В. П.* А. И. Ульянов и революционные разночинцы Дона и Северного Кавказа. Нальчик, 1963, с. 102—104).

[25] В конце февраля 1887 г. Говорухин эмигрировал в Швейцарию и стал там одним из основателей «Социалистического литературного фонда», который совместно с кружком народовольцев издал в конце 1887 г. работу К. Маркса «Введение к критике философии права Гегеля» с предисловием П. Л. Лаврова. Возможно, это тот самый перевод, о котором идет речь в воспоминаниях.

[26] В. В. Водовозов (1864—1933) — экономист, публицист либерально-народнического направления. В середине 80-х гг. — студент юридического факультета Петербургского университета. Принимал участие в революционном движении, занимался литографированием нелегальных изданий. Его воспоминания об этом опубликованы в журнале «Былое» (1907, № 7, с. 307—314). В январе 1887 г. был арестован и через год выслан на 5 лет в Архангельскую губернию.

[27] П. Я. Шевырев (1863—1887) — один из организаторов и руководителей «Террористической фракции партии „Народная воля"». Говорухин так охарактеризовал его в письме к П. Л. Лаврову в мае 1887 г.: «...отличался необыкновенной организаторской способностью и необыкновенной энергичностью и неутомимостью При больном теле (он чахоточный, вообще очень слабый здоро-

вьем) живая страстная душа: всюду, где он появлялся, вырастали организации» (*Итенберг Б. С.* Лавров и «Народная воля». — Исторические записки, 1984, т. 110, с. 217).

[28] С. А. Никонов — один из организаторов экономического кружка, член «Народной воли», участвовал в подготовке покушения 1 марта 1887 г. Арестован 28 января 1887 г. по делу о военно-революционной организации. Выслан в административном порядке на 4 года в Восточную Сибирь (см.: *Поляков А. С.* Второе 1-е марта. Пг., 1919, с. 24). Затем жил за границей. Автор статьи «Петербургские студенческие землячества 80-х годов и их значение» (Материалы для истории русского социально-революционного движения. Женева, 1895, кн. X). Никонову принадлежат также воспоминания «Жизнь студенчества и работа 80-х годов» (Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 года) и «Из воспоминаний об А. И. Ульянове» (Пролетарская революция, 1929, № 2-3). По словам Никонова, А. Ульянов просил его в случае ареста и суда выступить в качестве представителя террористической фракции с программным заявлением, на что Никонов дал согласие.

[29] Это была телеграмма от виленского народовольческого кружка, члены которого оказывали различные услуги группе Шевырева — Ульянова. По этой телеграмме Ульянов должен был встретить М. Канчера, который вез из Вильно азотную кислоту и стрихнин, необходимые для изготовления снарядов. Контакты с Вильно осуществлялись через польский университетский кружок, в который входил И. Лукашевич (см. о нем примеч. 32). Через виленцев были переправлены за границу Н. П. Рудевич и О. М. Говорухин. О вильнской группе см.: *Раппопорт Х. Л.* Воспоминания о деле 1-го марта 1887 года. — Красная летопись, 1922, № 5, с. 7—12; *Лукашевич И. Д.* 1 марта 1887 года. Воспоминания. Пг., 1920.

[30] 10—12 февраля Ульянов находился в Парголове, где занимался изготовлением динамита. Ранее это делал И. Лукашевич, но квартира, на которой он работал, попала под наблюдение полиции. Тогда Ульянов обратился к студенту Духовной академии М. Новорусскому, которого знал по «Союзу землячеств», с просьбой предоставить свою квартиру для этой цели. Новорусский предложил квартиру матери своей невесты Л. И. Ананьиной — М. А. Ананьиной, которая проживала в Парголове. Впоследствии Ананьины и Новорусский были осуждены по делу 1 марта 1887 г. М. А. Ананьину, как хозяйку динамитной мастерской, приговорили к 20 годам каторжных работ, которые она отбывала на Каре и в Акатуе, где и умерла. Ее дочь была выслана на 5 лет в Западную Сибирь. Смертный приговор Новорусскому был заменен пожизненной каторгой, которую он отбывал в Шлиссельбургской крепости (см.: *Ананьина Л. И.* Первое марта 1887 г. — В кн.: Народовольцы после 1 марта 1881 года. М., 1928, с. 151—159).

[31] М. А. Дьяконов (1855—1919) — член экономического кружка и «Научно-литературного общества» (см. примеч. 15 к воспоминаниям И. И. Попова). Впоследствии стал известным историком, академиком. Ему принадлежит ряд работ по истории крестьянства, государства и церкви в России.

[32] И. Д. Лукашевич (1863—1928), будучи студентом Петербургского университета, вошел в польский кружок самообразования, в котором изучали политическую экономию, конституции западноевропейских государств, нелегальную литературу. В 1885—1886 гг. познакомился с П. Я. Шевыревым. Принимал активное участие в

организации террористической группы и непосредственно покушения: добывал денежные средства, готовил динамит. В ночь со 2 на 3 марта 1887 г. был арестован. Приговорен к смертной казни, которая была заменена пожизненным заключением в Шлиссельбургской крепости. После освобождения в 1905 г. от политической деятельности отошел. С 1921 г. — профессор Виленского университета. Оставил воспоминания — «1 марта 1887 года» (Пг., 1920) (*Н. П.* Памяти Иосифа Дементьевича Лукашевича. — Каторга и ссылка, 1929, № 5, с. 170—175).

[33] Совещание было посвящено обсуждению программы. Таких совещаний в этот период было два. Одно состоялось на квартире А. Ульянова между 15 и 20 февраля. Второе, на котором происходило чтение программы и распределялись роли участников покушения, состоялось 25 февраля на квартире Канчера и Горкуна (см.: *Альтман И. А.* К вопросу о показаниях А. И. Ульянова на следствии как историческом источнике.— Советские архивы, 1977, № 3, с. 55—62; *Он же.* Программа группы А. Ульянова.— Вопросы истории, 1977, №. 4, с. 34—44).

[34] День рождения Александра III.

[35] В этот день была предпринята первая попытка покушения. Его предполагалось совершить на Невском проспекте, между Публичной библиотекой и Адмиралтейством. Царь должен был проехать из Аничкова дворца, где он в то время жил, в Исаакиевский собор, но поездка не состоялась (см.: *Поляков А. С.* Второе 1-е марта, с. 35).

[36] См. о нем в воспоминаниях О. М. Говорухина в настоящем сборнике, а также примеч. 24 к этим воспоминаниям.

[37] Шевырев уехал в Крым 17 февраля в связи с обострением туберкулеза. Говорухин уехал 20 февраля.

[38] Казнь состоялась 8 мая 1887 г. в 4 часа утра во дворе Шлиссельбургской крепости. Публичные казни были к тому времени отменены. Из-за малого пространства двора эшафот был устроен для троих. Сначала были казнены Андреюшкин, Генералов, Осипанов, через полчаса — Ульянов и Шевырев. О месте погребения стало известно только в 1906 г., после ликвидации Шлиссельбургской тюрьмы. В 1919 г. на месте братской могилы всех погибших в Шлиссельбурге был сооружен памятник (см.: *Трофимов Ж.* Второе «первое марта». — Молодой коммунист, 1986, № 3, с. 39).

[39] Письмо опубликовано в сборнике «Александр Ильич Ульянов и 1 марта 1887 года», с. 133—134.

[40] А. И. Ульянова была осуждена по делу 1 марта к 5 годам ссылки, которую отбывала в селе Кокушкино, Самаре, Казани.

[41] Суд состоялся 15—19 апреля 1887 г. Было привлечено 15 человек. Первоначально Александр III хотел расправиться с участниками покушения в административном порядке. На докладе министра внутренних дел Толстого по поводу необходимости правительственного сообщения во избежание преувеличенных слухов царь поставил резолюцию: «По-моему, лучше было бы, узнавши от них все, что только возможно, не предавать их суду, а просто без всякого шуму отправить в Шлиссельбургскую крепость — это самое сильное и неприятное наказание» (*Поляков А. С.* Второе 1-е марта, с. 39).

[42] А. Ульянов подал прошение о помиловании, но оно осталось без последствий и не было даже показано Александру III, поскольку при рассмотрении в сенате нашли, что оно «не заслуживает уважения», так как Ульянов признал невозможным просить снисхожде-

ния и обратился с просьбой даровать ему жизнь «ради его матери и малолетних детей». Прошение опубликовано в кн.: *Сутырин В. А.* Александр Ульянов. 3-е изд. М., 1979, с. 164—165.

Орест Михайлович (Макарович) Говорухин (1864—1939)

Родился в кубанской станице, в семье казака. В начале 1880-х гг. поступил в Петербургский университет на физико-математический факультет. 5 апреля 1886 г. арестован и привлечен по делу подпольной типографии благоевцев. 22 апреля за неимением улик освобожден под гласный надзор полиции. Как делегат «Кружка донцов и кубанцев» (см. примеч. 11 к воспоминаниям В. Г. Харитонова) входил в совет «Союза землячеств». Член «Научно-литературного общества» (см. примеч. 15 к воспоминаниям И. И. Попова). «Он, видно, был умница, — вспоминал о нем писатель В. В. Вересаев, — очень был начитан в общественных вопросах» (Ленинградский университет в воспоминаниях современников, т. 1. Л., 1963, с. 203). Говорухин — один из организаторов покушения на Александра III. 20 февраля 1887 г., скрываясь от полиции, уехал за границу. Сначала жил в Цюрихе, затем переехал в Женеву, где сблизился с членами группы «Освобождение труда» и некоторое время работал в типографии группы. Спустя 50 лет он так вспоминал об этом периоде жизни: «После разговора с Г. В. Плехановым я понял, что социал-демократам действительно не следует заниматься террором, а тем более систематическим, который отнял бы все их силы и средства и таким образом не дал бы возможности посвятить себя главнейшей задаче — пропаганде социал-демократических идей среди рабочих. Когда я это понял, я окончательно примкнул к социал-демократам и скоро, кажется, в 1888 году, вступил в „Союз русских социал-демократов за границей"» (*Говорухин О. М.* Воспоминания о террористической группе Александра Ильича Ульянова. — Октябрь, 1927, № 3, с. 128). Однако из-за разногласий среди эмигрантов «Союз» вскоре прекратил свое существование. Вместо него был создан «Социалистический литературный фонд». Говорухин стал одним из его основателей. В 1891 г. он переехал в Париж, а в 1894 г. вместе с семьей — в Болгарию, сначала в Пловдив, где жил знакомый ему по Петербургу Д. Благоев, а затем в Софию. В 1903 г. окончил естественный факультет Софийского университета. В 1911 г. был приглашен в этот университет для чтения лекций по русскому языку и литературе. В 1919 г. издал «Русскую хрестоматию», ставшую настольной книгой целого поколения болгарской молодежи. В 20-х гг. журнал «Новое время», редактором которого был Благоев, опубликовал цикл статей Говорухина «Русская литература и революционное движение в России». Принимал активное участие в деятельности Болгарской социал-демократической рабочей партии (с 1919 г. — коммунистической). На его квартире переводилась и перепечатывалась переписка между ЦК РКП(б) и ЦК БКП. Член Политбюро ЦК БКП Цола Драгойчева вспоминала, что профессор Георгиев (псевдоним Говорухина. — *Сост.*) пользовался «большим авторитетом и уважением всей Софийской партийной организации ...отдавал все свои силы делу сближения русского и болгарского революционного движения, страстно пропагандировал революционную стратегию и тактику большевиков» (цит. по ст.: *Альтман И. А.* О. М. Говорухин в эми-

грации. — Советское славяноведение, 1978, № 5, с. 106). После фашистского переворота в Болгарии в 1923 г. Говорухин с семьей переехал в Советский Союз. Занимался, главным образом, литературной работой. Умер в Москве.

Воспоминания О. М. Говорухина представляют собой реферат, прочитанный им в 1887—1888 гг. в Швейцарии. Выписки из рукописи реферата, хранившейся у В. И. Засулич, были сделаны А. И. Ульяновой-Елизаровой в 90-х гг. В 1925 г. она опубликовала в журнале «Пролетарская революция» (№ 7) первую часть — воспоминания о А. И. Ульянове и П. Я. Шевыреве. В 1926 г. издававшийся в Германии журнал «Голос минувшего на чужбине» в № 3 поместил реферат полностью. При этом указывалось, что в рукописи характеристика Андреюшкина написана не почерком Говорухина и, по всей вероятности, принадлежит Н. П. Рудевичу. Взяв из этой публикации характеристики Генералова и Андреюшкина, А. И. Ульянова-Елизарова опубликовала их вместе с характеристиками Ульянова и Шевырева, помещенными в журнале «Пролетарская революция», в сборнике «Александр Ильич Ульянов и 1 марта 1887 года» (М. — Л., 1927, с. 211—238). По этому изданию приводится текст и в данном сборнике.

[1] См. воспоминания А. И. Ульяновой-Елизаровой в настоящем издании.

[2] А. И. Ульянова-Елизарова опровергла это заявление Говорухина (см.: Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 года, с. 214).

[3] Речь идет об экономическом кружке. См. о нем примеч. 7 к воспоминаниям А. И. Ульяновой-Елизаровой.

[4] Об этой демонстрации см. также воспоминания А. И. Ульяновой-Елизаровой.

[5] О подготовке покушения на Грессера см. воспоминания А. Л. Брейтфуса.

[6] См. примеч. 24 к воспоминаниям А. И. Ульяновой-Елизаровой

[7] Большую часть динамита — 10 из 13,5 фунтов — приготовил на своей квартире И. Лукашевич. Ульянов присоединился на последнем этапе этой работы. См. примеч. 30 к воспоминаниям А. И. Ульяновой-Елизаровой.

[8] Профессор Михайловской артиллерийской академии генерал-майор Федоров доказывал, что при производстве нитроглицерина распространяется сильный удушливый запах, и поэтому хозяева квартиры в Парголове не могли не знать, чем занимается их гость. Ульянов доказал, что существует другой способ производства нитроглицерина, без запаха.

[9] См. примеч. 18 к воспоминаниям А. И. Ульяновой-Елизаровой.

[10] Член «Союза землячеств» Е. И. Яковенко писал: «Для террористической группы 1 марта 1887 года именно и характерно то, что она возникла не из партийной организации и не была надумана отдельными личностями, но естественно выросла из революционного студенчества, сильно взволнованного после добролюбовской демонстрации, во время которой в откровенной форме обнаружились грубость, произвол и бестактность адептов власти. Почва, на которой росло и оформилось это революционное настроение, были студенческие землячества и кружки» (*Яковенко Е. И.* О втором 1-е марта. — Каторга и ссылка, 1927, № 3, с. 18).

[11] «L'Independance Belge» («Независимая Бельгия») — буржуазная газета, выходившая в Брюсселе, орган либералов.

[12] О какой группе идет речь, установить не удалось. Возможно, Говорухин имеет в виду несостоявшееся покушение на Грессера (см. воспоминания А. Л. Брейтфуса). Лукашевич также вспоминает о предложении одного москвича убить М. Н. Каткова, но группа отказалась от этого предложения, так как Катков не занимал никакого официального поста, а члены группы «не считали справедливым без крайней нужды прибегать к террору» (*Лукашевич И. Д.* Воспоминания о деле 1 марта 1887 года. — Былое, 1917, № 1 (23), с. 38). Кроме того, Лукашевич упоминает о двух неудачных покушениях на Александра III. «Первым нам предложил свои услуги в качестве прямого исполнителя террористического акта один молодой человек С.... Но он не мог удержаться, чтобы не сообщить своим товарищам, что он решился пожертвовать жизнью для общего блага. Вследствие этого из опасения, чтобы он дальше не сказал чтонибудь лишнего, мы отклонили его предложение и под благовидным предлогом тотчас удалили из Питера» (там же, с. 27—28). Другим был георгиевский кавалер, который хотел застрелить Александра III во время собрания кавалеров в Зимнем дворце, но в последнюю минуту «опешил» (там же).

[13] Говорухин имеет в виду себя и Н. П. Рудевича, который помогал Андреюшкину в приготовлении азотной кислоты. Они покинули Петербург во второй половине февраля.

[14] Речь идет о «Союзе землячеств», оформившемся в марте — апреле 1886 г. «Союз» объединял почти все землячества Петербурга и охватывал около 1500 студентов. В состав совета входили А. И. Ульянов, С. А Никонов, М. Сосновский, О. М. Говорухин, Е. И. Яковенко, И. Д. Лукашевич, М. В. Новорусский и др. «Союз» имел свою литографию и подготовил номер студенческого журнала. См. также примеч. 4 к воспоминаниям В. Г. Харитонова.

[15] Что имел в виду Говорухин, установить не удалось.

[16] П. Я. Шевырев следствием был признан главным зачинщиком и «действительным руководителем покушения» (*Поляков А. С.* Второе 1-е марта. Пг., 1919, с. 50). Во время следствия отрицал все имеющиеся против него показания. «Когда мне придется предстать перед судом, — говорил он товарищам задолго до ареста, — я не намерен излагать своих воззрений... Как бы ни были явны улики, практичнее всего отрицать свое участие «в деле» (там же, с. 49). См. о нем также воспоминания А. И. Ульяновой-Елизаровой.

[17] А. И. Ульянов поддерживал тесные связи с «Кружком донцов и кубанцев» (см. примеч. 11 к воспоминаниям В. Г. Харитонова), куда входили Говорухин, Генералов, Андреюшкин.

[18] О. Конт (1798—1857) — французский философ, родоначальник позитивизма.

[19] К этому времени в группу входили П. Шевырев, И. Лукашевич, В. Осипанов. В. С. Осипанов (1864—1887) родился в Томске, в семье солдата. В гимназические годы познакомился с романом Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Закалял себя для последующей борьбы: спал на досках с гвоздями. В 1881 г. поступил в Казанский университет, был членом студенческой организации. В 1882 г. привлекался к дознанию о политическом Красном Кресте. За участие в студенческих сходках был исключен на год из университета. Осенью 1886 г. приехал в Петербург, поступил на четвертый курс юридического факультета университета. К этому времени у него уже созрело решение совершить покушение на Александра III, но трудности, связанные с осуществлением этого дела в

одиночку, заставили его искать единомышленников. Так он познакомился с Шевыревым и Лукашевичем. Войдя в состав группы, Осипанов встал во главе метальщиков. На совещании террористической группы было решено, что в случае суда Осипанов выступит с программным заявлением. Он был хорошо теоретически подготовлен. В тюрьме он написал такое заявление, так как не был уверен, что ему будет предоставлена возможность высказать свои взгляды. (Опубликовано в сб. «Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 года», с. 380—390). «Я на снисхождение не признаю за собою никакого права», — заявил он на суде в своем последнем слове (1 марта 1887 г. Дело П. Шевырева, А. Ульянова и др. М. — Л., 1927, с. 333).

[20] Это был сам Говорухин. В целях конспирации он говорит о себе в третьем лице.

[21] То есть от «Террористической фракции партии „Народная воля"». Е. Е. Гарнак, тогда член экономического кружка, вспоминал, что ему было поручено А. Ульяновым составить прокламацию для выпуска в случае удачного покушения (см.: Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 года, с. 270).

[22] Кого имеет в виду Говорухин, установить не удалось. С. А. Никонов, член «Народной воли», писал: «Молодежь в это время очень искала Исполнительного комитета, но он уже не существовал, и мы это отлично знали. <...> Я уверен, что и Александр Ильич не создавал себе в этом иллюзий. Поэтому я решительно не могу себе представить, к кому бы из членов ИК мог ходить на свидания А. И., как это утверждает Говорухин. Здесь, кажется, есть что-то странное» (Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 года, с. 158). В другом месте Никонов писал, что об отсутствии ИК не раз говорил с А. Ульяновым. «Именно вследствие отсутствия ИК и просто какой-либо оформленной центральной организации партии «Народной воли» и вытекало образование террористической фракции партии „Народная воля"» (там же, с. 231). Возможно, таким лицом Говорухин считал Б. А. Кольцова (Гинзбурга), члена Центрального народовольческого кружка, сосредоточившего в то время в своих руках все связи среди народовольцев в Петербурге. Он встречался в то время с А. И. Ульяновым по поводу подготовки «Социально-революционной библиотеки». Существует также предположение, что таким представителем Исполнительного комитета мог быть московский студент С. С. Зарудный, который вел переговоры с Шевыревым и Ульяновым и имел связи с народовольческой типографией в Туле (см.: *Альтман И. А.* К вопросу о показаниях А. И. Ульянова на следствии как историческом источнике. — Советские архивы, 1977, № 3, с. 62). Кроме того, у группы, по-видимому, была связь с эмигрантами — П. Л. Лавровым и Л. А. Тихомировым через С. М. Гинсбург, которая должна была доставить за границу программу террористической фракции (см.: *Итенберг Б. С.* П. Л. Лавров и «Народная воля». — Исторические записки, 1984, т. 110, с. 217).

[23] 21 марта 1887 г. Ф. Энгельс писал П. Лафаргу: «А динамитные бомбы в Санкт-Петербурге, очевидно, в конечном счете достигли своей цели <...>Царь ползает на коленях перед революцией» (цит. по ст.: *Пермяков К. М.* К характеристике идейной позиции А. И. Ульянова.— Научный коммунизм, 1981, № 5, с. 133).

[24] В. Д. Генералов (1867—1887). В 1886 г. поступил на юридический факультет Петербургского университета. Входил в «Кружок донцов и кубанцев» (см. примеч. 11 к воспоминаниям В. Г Ха-

ритонова). В начале января 1887 г. Генералов, по его словам, «предоставил себя в распоряжение революционной партии на всякий террористический факт» (Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 года, с. 304—305). Принимал участие в приготовлении азотной кислоты, взял на себя обязанности метальщика. Прошение о помиловании подать отказался.

[25] Писатель А. Серафимович, состоявший в «Кружке донцов и кубанцев», вспоминает о чтении произведений Маркса: «Нас, молодежи, студентов и курсисток, собралось человек пятнадцать. И начались муки. <...> Каждое слово в отдельности понималось. Слова складывались в фразы — это понималось. Но когда надо было фразы слепить вместе в одно целое, все разваливалось, и мы, ничего не понимая, сидели опять у разбитого корыта и мучительно начинали сызнова. <...> Мы подвигались. Прошла сонливость. Точно из болота мы вылезали на твердую, незыблемую почву, и кругом стало светло. Прежде мы просто сердцем болели за страшную жизнь трудового народа. Теперь мы понимали, какой бы благородный, какой бы честный, отзывчивый человек ни был фабрикант, — а такие есть, — сколько бы он ни строил для рабочих больниц, библиотек, домов, все равно он — хищник, ибо все это делает на прибавочную стоимость, на отнятую у рабочего часть труда. И мы впервые не только поняли, но и почувствовали классовую непримиримость. Заставив нас мучительно преодолеть первые трудности, Маркс дальше разворачивался неотразимо увлекательно, как роман» *(Серафимович А. С.* Как мы читали Карла Маркса. — Собр. соч., т. 8. М., 1948, с. 72—75).

[26] Н. Ф. Даниельсон (1844—1918), переводчик и издатель «Капитала». Состоял в переписке с К. Марксом и Ф. Энгельсом. В 1880 г. в журнале «Слово» печаталась серия его статей «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства» (отдельным изданием вышла в 1893 г.), написанная с народнических позиций. См. о нем: *Грин Ц. И.* Переводчик и издатель «Капитала». Очерк жизни и деятельности Николая Францевича Даниельсона. М., 1985.

И. И. Янжул (1846—1914) — экономист, историк, статистик. В 1882—1887 гг. — фабричный инспектор Московского округа. В своих отчетах показал тяжелый быт рабочих.

В. В. — В. П. Воронцов (1847—1919) — либеральный народник

Н. С. Русанов (1859—1939) — народоволец. В 1882—1905 гг. жил в эмиграции. Один из организаторов группы старых народовольцев, образовавшейся в 90-е гг. в Париже.

[27] Об этом реферате Генералова вспоминал В. В. Вересаев: «Раскатали его жестоко за сумбурность доклада, за неясность и противоречивость высказанных взглядов. Говорухин защищал его твердо и искусно. <...>Во взглядах, высказанных Говорухиным, было что-то для меня совершенно новое: никакой не было боязни перед развивающимся капитализмом, перед обезземеливанием мужика, подчеркивалась исключительно революционная и творческая роль пролетариата» (Ленинградский университет в воспоминаниях современников, т. 1. Л., 1963, с. 203—204).

[28] П. И. Андреюшкин (1865—1887) входил в «Кружок донцов и кубанцев». С лета 1886 г. находился под негласным надзором полиции. В конце 1886 г. вошел в группу Шевырева — Ульянова. Вместе с Генераловым занимался приготовлением азотной кислоты. В конце февраля полиция перехватила письмо Андреюшкина к студенту И. Никитину, в котором содержался намек на готовящееся покушение. За Андреюшкиным было организовано «неустанное на-

блюдение» (*Крикунов В. П.* А. И. Ульянов и революционные разночинцы Дона и Северного Кавказа, Нальчик, 1963, с. 149—150). На суде он сказал: «Я заранее отказываюсь от всяких просьб о снисхождении, потому что такую просьбу считаю позором тому знамени, которому я служил» (1 марта 1887 г. Дело П. Шевырева, А. Ульянова и др., с. 284).

[29] «В особенности обращаю внимание на наши гимназии, от них идет главное зло, — написал Александр III на докладе министра просвещения Делянова от 29 марта 1887 г., — и развели мы их слишком большое число. Весьма желательно сократить их число и переформировать в реальные и промышленные» (*Крикунов В. П.* А. И. Ульянов и революционные разночинцы Дона и Северного Кавказа, с. 32). Реальные и промышленные училища не давали права воспитанникам поступать в университеты.

[30] См. примеч. 19 к воспоминаниям И. И. Попова.

Андрей Львович Брейтфус
(1866 — после 1933)

Три старших сына петербургского портного, обрусевшего немца Людвига Брейтфуса стали революционерами. Людвиг Готлиб (по лютеранскому обычаю детям давали несколько имен) родился в 1864 г., Андрей Генрих Эдуард — в 1866 г., Эдуард Карл — в 1868 г. На русский лад они сами себя звали Леонид, Андрей и Эдуард. Отчество указывали — Львович. В нашей литературе допускается путаница с именами братьев Брейтфус. Автора публикуемых воспоминаний часто называют Генрихом по его второму имени (см., например: История КПСС, т. 1. М., 1964, с. 147).

Все трое учились в лютеранском училище, но окончил его только Андрей, который после этого поступил в консерваторию. Но заниматься музыкой ему пришлось недолго: за участие в добролюбовской демонстрации в 1886 г. он был исключен. Участвовал в подготовке покушения на петербургского градоначальника Грессера. В это время несколько раз встречался с А. И. Ульяновым и другими членами «Террористической фракции партии „Народная воля"». С 1885 г. Брейтфус вел пропагандистскую работу среди пролетариев Невской заставы. Постепенно он отказывается от народовольческих идей и становится социал-демократом. Немалую роль в этом сыграла критика его взглядов П. В. Точисским. Брейтфус вошел в «Товарищество санкт-петербургских мастеровых», которым руководил П. В. Точисский. Участвовал в выработке устава, заведовал библиотекой «Товарищества» и «Кассой помощи политическим заключенным и ссыльным рабочим». Привлек к работе в «Товариществе» братьев Леонида и Эдуарда. Точисский, относившийся к интеллигентам с недоверием, Андрею вполне доверял. Он познакомил его с ведущими деятелями организации — рабочими, передал ему на хранение типографский шрифт, поручил ему связь с периферийными кружками. Партийные клички Брейтфуса — «Милая» и «Бегуиов». В феврале 1888 г. Брейтфус был выслан за границу, но через несколько месяцев вернулся и поселился в Твери. Вел революционную пропаганду на Морозовской мануфактуре, принимал участие в устройстве подпольной типографии. В октябре 1888 г. был арестован и привлечен по делу «Товарищества». В марте 1890 г. осужден на 4 месяца одиночного заключения с последующей безвозвратной высылкой за границу как иностранный

подданный. (Брейтфусы сохранили прусское подданство). До 1912 г. жил в Берлине, Париже, Варне, Софии и везде принимал участие в революционной работе: помогал деятельности Красного Креста, содействовал убийству провокатора, участвовал в пересылке нелегальной литературы в Россию, о чем написал воспоминания «Мемельская переправа конца 90-х годов» (Историко-революционный сборник, 1924, т. 1, с. 170—176). В 1912 г. вернулся в Россию и вновь занялся революционной пропагандой среди рабочих. Некоторое время примыкал к эсерам. В советское время работал в пожарной инспекции Петрограда — Ленинграда.

В 1927 г. исполнилось 40 лет со дня покушения на Александра III и героической смерти его участников. В связи с этим были написаны и публикуемые воспоминания А. Брейтфуса. Они представляют собой автограф. На обложке рукой историка Э. А. Корольчук написано: «Воспоминания Андрея Брейтфуса об Александре Ильиче Ульянове (собственноручно написанные)». Сравнение почерка воспоминаний с письмом А. Л. Брейтфуса к членам группы «Освобождение труда» (1891 г.) подтверждает, что они написаны одним лицом.

Воспоминания публикуются впервые. Заглавие дано составителями. Рукопись хранится в отделе рукописей и редких книг Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Архив Дома Плеханова (ф. 1134 (Э. А. Корольчук), оп. 1, д. 3).

[1] О Добролюбовской демонстрации см. воспоминания А. И. Ульяновой-Елизаровой и О. М. Говорухина.

[2] А. Мясникова входила в нелегальный кружок бестужевок (Ю. Родзевич, А. Разумовская, А. Ивановская, Н. Истомина и др.), направление которого было неопределенным.

[3] И. Д. Лукашевич. См. о нем примеч. 32 к воспоминаниям А. И. Ульяновой-Елизаровой.

Виктор Викторович Бартенев (1864—1921)

В. В. Бартенев был одним из руководителей революционных студенческих кружков второй половины 1880-х гг. «Высокий, сгорбленный, черный, с большими добрыми влажными глазами, постоянно сосет папироску, покашливает и, улыбаясь, тихим грудным голосом говорит просто, искренно и метко». Таким он остался в памяти современника (*Поссе В. А.* Пережитое и передуманное, т. 1. Л., 1933, с. 98).

Революционные убеждения Бартенева сформировались рано, еще в семье. Его мать, Е. Г. Бартенева, была известной писательницей и общественным деятелем. Полученную по наследству землю она раздала крестьянам и в дальнейшем жила литературным трудом. В конце 1860-х гг. Бартеневы уехали в Швейцарию, где Е. Г. Бартенева «стала в Женеве одним из организаторов свободной русской прессы» (*Ефремова Н. П.* Новое о Екатерине Бартеневой. — Вопросы истории, 1984, № 9, с. 84) Бартеневы — участники Русской секции I Интернационала. Екатерина Григорьевна публиковала на страницах петербургской газеты «Неделя» статьи о его деятельности. В 1871 г. Бартеневы вернулись в Россию. В их доме в Петербурге бывали такие крупные революционеры, как

Д. А. Клеменц, Н. И. Кибальчич, С. М. Степняк-Кравчинский, а также известные литераторы и публицисты.

В 1885 г. В. В. Бартенев окончил гимназию, а в 1890 г. — юридический факультет Петербургского университета. Принимал активное участие в организации экономического кружка (см. примеч. 7 к воспоминаниям А. И. Ульяновой-Елизаровой), в работе «Научно-литературного студенческого общества» (см. примеч. 15 к воспоминаниям И. И. Попова), был членом «Союза землячеств». И. Н. Чеботарев, член этих студенческих объединений, так характеризовал Бартенева: «Молодой человек, игравший роль застрельщика всякого рода вопросов и споров по поводу прочитанного» (Ленинградский университет в воспоминаниях, т. 1. Л., 1963, с. 222). На квартире Бартеневых происходили чтения запрещенной литературы. С 1886 г. В. В. Бартенев состоял под негласным надзором полиции по делу военно-революционной организации, так как на его квартире проводились собрания юнкеров.

Семья Бартеневых была связана с семьей Ульяновых. Имеются сведения, что коммунар Виктор Жаклар передал Е. Г. Бартеневой портрет К. Маркса, который был размножен в России, и один экземпляр попал к В. И. Ленину, в 1888—1891 гг. состоявшему с Бартеневым в переписке (см.: *Хаит Г.* Неразысканные строки Ильича. — Наука и жизнь, 1983, № 6, с. 40). Вырезки из журнала «Минувшие годы» с воспоминаниями В. В. Бартенева имелись в библиотеке В. И. Ленина в Кремле.

В 1890 г. за участие в студенческих волнениях Бартенев был арестован и выслан из Петербурга. Вернувшись осенью того же года, он продолжил работу в организации Бруснева и был известен среди рабочих под фамилией «Исагин». На квартире Бартеневых хранилась касса брусневцев. Е. Г. Бартенева принимала участие в деятельности этой организации: руководила занятиями в кружке женщин-работниц, входила в интеллигентский центр. После демонстрации, состоявшейся во время похорон Н. В. Шелгунова, В. В. Бартенев вновь был арестован. Полиция считала его и братьев Красиных «главными коноводами» (*Ефремова Н. П.* Новое о Екатерине Бартеневой, с. 90). В административном порядке он был выслан на 4 года в Тобольскую губернию. В 1895 г. Бартенев вместе с членом организации Бруснева В. С. Голубевым приехал в Псков, где отбывала ссылку Е. Г. Бартенева. На ее квартире часто собирались местные и ссыльные интеллигенты. В ноябре 1898 г. Бартеневы принимали участие в совещании «по поводу вновь предложенного к изданию революционного органа» (*Ефремова Н. П.* Новое о Екатерине Бартеневой, с. 91). В начале 1900-х гг. Бартенев жил в ссылке в Опочке. Поддерживал связи с местными социал-демократами, помогал им материально. С 1907 г. жил в Архангельске, был редактором газеты.

Воспоминания приводятся по тексту журнала «Минувшие годы», 1908, № 9—10. Полностью перепечатываются впервые.

[1] См. примеч. 4 к воспоминаниям В. Г. Харитонова.

[2] «Крейцерова соната» Л. Н. Толстого в нелегальной печати появилась в 1889 г., легально была издана в 1891 г.

[3] Речь идет о группе Благоева, с членами которой Бартенев был связан.

[4] Столкновения московских студентов с полицией произошли 26 ноября. По этому поводу были изданы и разосланы в другие университеты несколько листовок. Сходки в петербургском универ-

ситете продолжались в течение нескольких дней. Студенты требовали удаления нового ректора М. А. Владиславцева и инспектора Цивилькова, открытия студенческой столовой, разрешения землячеств и пр. В университет была введена полиция, он был закрыт, а студенты распущены на каникулы (см.: *Воропонов Ф. Ф.* На рубеже двух уставов. — В кн.: В волнах прошедшего. Пб., 1911, с. 315—334).

[5] См. примеч. 19 к воспоминаниям И. И. Попова.

[6] Речь идет об экономическом кружке. См. примеч. 7 к воспоминаниям А. И. Ульяновой-Елизаровой.

[7] А. И. Ульянов вошел в кружок в начале 1886 г.

[8] См. примеч. 21 к воспоминаниям А. И. Ульяновой-Елизаровой.

[9] Фрей Вильям — псевдоним В. К. Гейнса (1839—?). Служил офицером Генерального штаба. В 1868 г. оставил службу и эмигрировал в Северную Америку, где основал земледельческую коммуну. Коммуна просуществовала несколько лет. В начале 1880-х гг. переехал в Англию. Под влиянием идей О. Конта выработал собственный взгляд на переустройство общества, в основе которого лежало нравственное самосовершенствование и ненасильственный образ действий. С целью пропаганды своих идей и приобщения к ним Л. Н. Толстого в 1885—1886 гг. посетил Россию.

[10] Н. В. Водовозов, младший брат В. В. Водовозова (см. примеч. 26 к воспоминаниям А. И. Ульяновой-Елизаровой), играл руководящую роль в студенческом движении второй половины 80-х гг.

[11] Б. В. Никольский в 1905 г. стал одним из лидеров черносотенной организации «Союз русского народа».

[12] П. Ф. Лесгафт (1837—1909) — педагог, анатом, общественный деятель. В 1886—1897 гг. читал лекции на естественном факультете Петербургского университета и Рождественских женских курсах. Активный поборник народного и женского образования. Находился под негласным надзором полиции.

[13] По поводу волнений в Петербургском университете известно несколько изданий: воззвание «К русскому обществу от учащейся молодежи» (гектографировано до 2 апреля 1890 г.); «Воззвание к обществу»; брошюра «Студенческие волнения марта 90-го г. в С.-Петербургском университете» (Спб., 1890), в конце которой стояла подпись: студенты С.-Петербургского университета. Вероятно, Бартенев имеет в виду эту брошюру.

[14] Имеется в виду «Студенческий вестник» № 1, вышедший в мае 1890 г. в литографированном виде. В нем были опубликованы статьи о студенческих волнениях.

[15] Речь идет об интеллигентском кружке группы Бруснева.

[16] К. А. Сен-Симон (1760—1825) — французский мыслитель, социалист-утопист. По его мнению, каждая общественная система проходит две стадии. Сначала она развивает свои идеи и господствующие формы собственности — это созидательная, «синтетическая» эпоха. Она сменяется разрушительной, «критической» эпохой, которая означает кризис данной общественной системы и ведет к построению на базе новых философских и моральных идей более развитого общественного строя.

[17] С этим утверждением Бартенева согласиться нельзя. См. вступительную статью.

[18] О П. Б. Струве и М. И. Туган-Барановском см. примеч. 20 к воспоминаниям А. И. Ульяновой-Елизаровой.

Бельтов — псевдоним Г. В. Плеханова.

А. И. Потресов (1869—1934) в начале 90-х гг. был участником марксистских кружков. В 1896 г. вошел в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». После 1903 г. один из лидеров меньшевиков.

Ильин — псевдоним В. И. Ленина.

[19] К суду по делу 1 марта было привлечено 15 человек.

[20] В начале 1888 г. в Петербурге оформился народовольческий кружок, в который вошли К. Кочаровский (впоследствии лидер партии эсеров), Н. Беляев, В. и Н. Истомины, С. Я. Фойницкий и др. Весной 1888 г. кружок установил связь с цюрихским народовольческим кружком, готовившим покушение на Александра III и издававшим газету «Социалист» в Париже. В 1889 г. члены петербургского кружка совершили ряд поездок по России с целью объединения разрозненных групп, установили связь с кружками 17 губерний, в том числе с сабунаевской организацией (см. примеч. 7 к воспоминаниям М. С. Ольминского), действовавшей в Поволжье. Кружок выступал за систематический террор, но считал его преждевременным, поскольку для этого не хватало сил, а отдельные акты, по их мнению, не имели смысла. Часть членов кружка была близка к социал-демократическим воззрениям (см.: *Жуйков Г. С.* Петербургские марксисты и группа «Освобождение труда». Л., 1975, с. 225—226). Организации Кочаровского — Фойницкого и Сабунаева провели два съезда: в 1889 г. в Казани и в 1890 г. в Пензе (Бартенев, по-видимому, объединяет их). Из-за неудачного испытания снарядов заграничная народовольческая группа была раскрыта, выявились ее связи с петербургским кружком. В результате в России было арестовано 63 человека. Судебный процесс по этому делу (делу С. Гинсбург) состоялся осенью 1890 г. К суду были привлечены 5 человек. Это был последний процесс над революционерами в XIX в. С большинством членов организации правительство расправилось административными мерами (см.: *Спиридович А. И.* Революционное движение в России. Вып. 2. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. Пг., 1916, с. 17—24). Об этой организации см. воспоминания Л. В. Фрейфельда в кн.: Народовольцы 80-х и 90-х гг. М., 1929, с. 143—154; *Лавров П. Л.* Воспоминания о Софье Михайловне Гинсбург. — Голос минувшего, 1917, № 7—8, с. 225—226.

[21] О «Группе народовольцев» см. воспоминания М. С. Ольминского.

[22] Речь идет о группе Бруснева.

[23] А. Тун (1853—1885) — немецкий буржуазный историк. Его книга «История революционных движений в России» пользовалась большой популярностью в студенческой среде и марксистских кружках. В 80—90-х гг. в России вышло пять известных нам нелегальных переводов этой книги, размноженных на гектографе и литографским способом. Только в 1903 г. книга вышла на русском языке в печатном виде. Она была издана в Женеве в переводе В. И. Засулич, Д. Кольцова и с предисловием Г. В. Плеханова.

[24] Липецкий съезд, на котором было положено начало организации «Народная воля», состоялся в 1879 г.

В. И. Засулич стреляла в петербургского градоначальника Трепова в январе 1878 г.

[25] «Новое время» — реакционная газета, издателем которой был А. С. Суворин. Выходила в Петербурге в 1868—1917 гг.

[26] Эти воспоминания опубликованы в настоящем сборнике.

[27] Речь идет о кружке К. Кочаровского.

[28] Это была социал-демократическая группа. См. вступительную статью и воспоминания Л. Б. Красина, М. И. Бруснева.

[29] Были арестованы Бартенев и Л. Красин. О шелгуновской демонстрации см. воспоминания В. С. Голубева.

[30] Речь идет о статье М. С. Ольминского «Группа народовольцев (1891—1894)».

[31] С. Н. Южаков (1849—1910) — социолог, публицист. В своих работах проповедовал классовый мир между всеми группами населения. Сотрудничал в журналах «Вестник Европы», «Отечественные записки», «Дело» и др. Основы своего миросозерцания изложил в книге «Социологические этюды» (Спб., 1891—1896). В. И. Ленин в работе «Что такое „друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?» подверг взгляды Южакова резкой критике.

Я. В. Абрамов (1858—1906) — публицист, исследователь народной жизни. Сотрудничал в журналах «Слово», «Дело», «Отечественные записки». Много внимания уделял изучению жизни раскольников. Проповедовал «теорию малых дел».

[32] Об этих журналах см. примеч. 20 и 39 к воспоминаниям И. И. Попова.

[33] К. К. Арсеньев (1837—1919) — публицист, литературовед, общественный деятель. С 1886 г. сотрудничал в журнале «Вестник Европы». С 1906 г. — редактор этого журнала. С начала 80-х гг. — гласный петербургского губернского земства, глава либеральной оппозиции. На собраниях у Арсеньева, по словам историка литературы Н. А. Котляревского, выступал с докладами «весь цвет тогдашней петербургской интеллигенции» (цит. по кн.: *Пирумова Н. М.* Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XIX в. М., 1977, с. 95).

[34] «Дело» — литературно-политический журнал. Выходил в Петербурге в 1866—1888 гг. До 1885 г. — один из наиболее прогрессивных русских журналов. В 80-х гг. в редактировании журнала принимали участие Н. В. Шелгунов, К. М. Станюкович. После их ссылки издание перешло на реакционные позиции. В последние годы своего существования журнал утратил общественное значение и перестал издаваться за неимением подписчиков (см.: Русская периодическая печать. М., 1959, с. 474).

[35] «Самоуправление» — орган социалистов-революционеров. Издавался в Цюрихе в 1887—1889 гг. Вышло 4 номера. Журнал был основан московской группой, разгромленной в октябре 1888 г. Из эмигрантов в издании журнала принимали участие В. К. Дебогорий-Мокриевич, С. М. Кравчинский. В № 1 была опубликована «Программа социалистов-федералистов», в которой доказывалась необходимость ведения систематического террора. Одновременно на страницах журнала признавалась необходимость культурной деятельности, легальной агитации в печати, земствах. В качестве ближайшей задачи выдвигалось требование созыва Земского собора. Журнал пытался объединить все течения русского освободительного движения. №№ 3 и 4 редактировал Н. К. Михайловский.

[36] См. примеч. 15 к воспоминаниям И. И. Попова.

[37] См. примеч. 16 к воспоминаниям И. И. Попова.

[38] Уход правых не был добровольным, как описывает Бартенев. Они вынуждены были покинуть общество в момент его организационного оформления в связи с протестом прогрессивно настроенной части студентов.

[39] В 1886 г. в общество вступил А. И. Ульянов и вскоре был выбран секретарем. Членами общества были и другие участники

1 марта — Генералов, Андреюшкин, Шевырев, Канчер, Рудевич. По воспоминаниям Говорухина, А. Ульянов считал общество «чрезвычайно полезным с точки зрения пропаганды революционных по существу идей, облеченных в литературную одежду. Александр Ильич в конце 1886 г. или в начале 1887 г. проектировал взять этот кружок в свои руки. Поэтому он убедил всех своих знакомых, и меня в том числе, записаться и посещать этот кружок. Но посещать его нам пришлось недолго» (*Говорухин О. М.* Воспоминания о террористической группе Александра Ильича Ульянова. — Октябрь, 1927, № 3, с. 137).

[40] М. М. Свешников преподавал на кафедре государственного права. На его практических занятиях велись оживленные дискуссии, которые студенты называли «разговорами марксистов промеж себя» (*Воден А. М.* На заре «легального марксизма». — Летописи марксизма, 1927, III, с. 74).

[41] В. Ю. Скалон (1846—1907) — земский деятель и публицист. Выступал за создание либеральной партии.

Ф. И. Родичев (1856—1938) — один из лидеров земского либерализма, впоследствии кадет.

[42] Рождественки — слушательницы Рождественских женских курсов.

[43] Партия «Народного права» — революционная народническая организация, существовавшая в 1893—1894 гг. Целью ее было свержение самодержавия. Руководителями партии стали бывшие народники 1870-х гг. — М. А. Натансон, Н. С. Тютчев, О. В. Аптекман и др. К организации были близки Н. К. Михайловский и В. Г. Короленко. Партия действовала в Петербурге, Москве, Саратове, Баку, Тбилиси и др. Члены ее вели пропаганду в нелегальных кружках и в легальных просветительских организациях. Партия была раскрыта в 1894 г. вследствие провала «Группы народовольцев». По делу организации было привлечено 158 человек. Остатки народоправческих групп действовали до 1898 г. Впоследствии большинство народоправцев стали эсерами (см.: *Широкова В. В.* Партия «Народного права». Саратов, 1972).

[44] Н. И. Кареев (1850—1931) — историк, профессор Петербургского университета. По своим воззрениям либерал, сторонник социальных реформ, впоследствии кадет.

В. В. Лесевич (1837—1905) — философ. В 1879 г. был выслан в Сибирь. Затем жил в Полтаве, Твери под надзором полиции. В Петербург вернулся в 1888 г. Примыкал к кружку Н. К. Михайловского, группировавшемуся около журнала «Русское богатство» (см. примеч. 3 к воспоминаниям И. И. Попова).

В. С. Соловьев (1853—1900) — религиозный философ, поэт, публицист. Сын историка С. М. Соловьева. В 1881 г. за речь против смертной казни народовольцев 1 марта 1881 г. был лишен права преподавать. С 1883 г. сотрудничал в журнале «Вестник Европы».

[45] См. воспоминания И. И. Попова.

[46] Сервитут (от servitus (*лат.*) — подчиненность, повинность) — ограниченное право пользования чужой собственностью. В данном случае право крестьян пользоваться помещичьими угодьями (косить траву, собирать хворост в помещичьем лесу). Помещики стремились свести на нет эти права.

[47] См. примеч. 36 к воспоминаниям И. И. Попова.

[48] Конституционно-демократическая партия (официальное название — «Партия народной свободы») организационно оформилась

в годы первой российской революции как партия либеральной буржуазии. С 1917 г. — главная партия контрреволюционной буржуазии.

[49] Весной и летом 1886 г. развернулась бурная полемика вокруг 12-й части Сочинений Л. Н. Толстого, куда вошли отрывки из его публицистических работ последних лет. В этих работах отразился перелом во взглядах Толстого, его переход на позиции патриархального крестьянства и критического отношения к церковным догматам. С особенной страстью критики обрушились на теорию непротивления злу насилием. Среди них были Н. К. Михайловский, А. М. Скабичевский, В. Г. Короленко и др. (См.: *Опульская Л. Д.* Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1886 по 1892 г. М., 1979, с. 43—47).

[50] «Посредник» — просветительское издательство. Возникло по инициативе Л. Н. Толстого в 1884 г. в Петербурге. Направление и суть изданий Толстой кратко определял так: «Направление ясно — выражение в художественных образах учения Христа, его пяти заповедей; характер — чтобы можно было прочесть эту книгу старику, женщине, ребенку, и чтобы и тот, и другой заинтересовались, умилились и почувствовали бы себя добрее» (цит. по кн.: *Опульская Л. Д.* Лев Николаевич Толстой, с. 18). Издательство выпускало книги преимущественно художественной и нравоучительной тематики, продававшиеся по доступной цене. В 1892 г. издательство было переведено в Москву. Толстой принимал активное участие в работе «Посредника»: привлекал авторов, отбирал произведения, редактировал их, помогал распространять книги. В 1888 г. была предпринята попытка создать международный «Посредник» с центром в Лейпциге (см.: *Опульская Л. Д.* Лев Николаевич Толстой, с. 98).

[51] Л. Н. Толстого очень интересовали революционеры, их образ мысли. Неоднократно он хлопотал об облегчении их участи (см.: *Троицкий Н. А.* Царизм под судом прогрессивной общественности. М., 1979, с. 147). В июне 1886 г. Толстого посетил Д. Кеннан, американский журналист, автор книги «Сибирь и ссылка» (русский перевод вышел в 1890 г.), которого политические ссыльные просили рассказать Толстому о своем положении. «Я не сомневаюсь, — ответил Толстой, — что мужество и сила этих людей поистине героические, но методы их неразумны, и я не могу сочувствовать им» (цит. по кн.: *Опульская Л. Д.* Лев Николаевич Толстой, с. 48).

[52] О рукописных гимназических журналах см.: *Крайнева Н. И., Сажин В. Н.* Рукописные журналы и газеты в фондах ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — В кн.: Русская демократическая книга. Книжное дело Петербурга — Петрограда — Ленинграда. Сб. научных трудов. Л., 1983, с. 90—109.

[53] В конце 1880-х гг. Департаментом полиции была составлена записка о вовлечении гимназистов и учащихся реальных училищ в революционное движение за период 1881—1887 гг. и о том, какую роль играли в этом процессе так называемые «кружки саморазвития». В записке указывалось: «...какою бы целью они первоначально ни задавались, они все-таки зло, раз в основе их легли хотя бы и смутные представления о необходимости самопомощи и протеста...» По словам авторов записки, это была «игра в революцию». В числе виновников появления этих кружков назывались студенты высших учебных заведений (Из истории революционного движения учащихся в России в 80-х годах XIX века. Публ. подг. А. Н. Катренко. — Советские архивы, 1983, № 6, с. 13—35).

[54] Этот кружок был связан с благоевской группой (см.: *Жуйков Г. С.* Петербургские марксисты и группа «Освобождение труда», с. 201).

[55] Знакомство с учениками Пиротехнического училища произошло через самого Бартенева (см.: *Сенчакова Л. Т.* Революционное движение в русской армии и флоте. М., 1972, с. 69).

Андрей Львович Брейтфус

Биографическую справку об А. Л. Брейтфусе см. с. 363—364 настоящего издания. Воспоминания А. Л. Брейтфуса о группе Точисского практически единственный и самый полный источник для изучения деятельности «Товарищества санкт-петербургских мастеровых». Воспоминания были записаны по инициативе Н. Л. Сергиевского и опубликованы в 1923 г. в журнале «Красная летопись», № 7. Первая часть их напечатана в кн.: «Начало рабочего движения и распространение марксизма в России» (М., 1960). В данном сборнике тоже помещена только первая часть. Текст публикуется по журналу «Красная летопись».

[1] П. В. Точисский (1864—1918) — один из наиболее активных деятелей социал-демократического движения конца 80-х гг. XIX в. Родился в семье отставного полковника, начальника Екатеринбургской тюрьмы. В 1883 г. ушел из семьи, бросил гимназию и поступил простым рабочим на завод под Нижним Тагилом, а потом в Екатеринбургские железнодорожные мастерские. В конце 1884 г. переселился в Петербург. Здесь работал на заводе и учился в ремесленном училище. В 1885 г. по его инициативе было создано «Общество содействия поднятию морального, интеллектуального и материального положения рабочего класса в России». В 1886 г. объединившаяся вокруг Точисского группа единомышленников-интеллигентов создала новую организацию — «Товарищество санкт-петербургских мастеровых». Члены группы имели прочные связи с передовыми рабочими и стояли в основном на социал-демократических позициях. В 1888 г. «Товарищество» было разгромлено, Точисского выслали в Житомир. Но к месту ссылки он не поехал, а, пытаясь установить связь с единомышленниками, побывал в Москве, Коломне, Тамбове, Саратове и Нижнем Новгороде, где был арестован и выслан в Екатеринослав. В 90-х гг. вел пропаганду в Екатеринославе, Москве, Астрахани, Вологодской губернии, выезжал за границу. Революция 1905 г. застала большевика Точисского в Златоусте, а весной он переехал в Москву, где принял активное участие в Декабрьском вооруженном восстании. Во время Великой Октябрьской социалистической революции Точисский — председатель ВРК в г. Белорецке (Урал), военный комиссар округа. Убит в июле 1918 г. во время эсеровского мятежа. См. о нем: *Лисовский Н. К.* П. В. Точисский — один из организаторов первых марксистских кружков в России. Л., 1975.

[2] В журнале «Красная летопись» здесь сделано примечание: «Точисский родился 16 апреля 1865 г., что видно из описи личных документов Точисского, составленной секретарем Спб. прокурора судебной палаты». Однако в советской литературе везде указывается 1864 г.

[3] Слова из стихотворения Н. А. Некрасова «Рыцарь на час»:

От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови,
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви.

[4] «Царь-голод» — произведение народовольца А. Н. Баха (впоследствии видного советского ученого, академика), в котором он в популярной форме излагал экономическое учение Маркса, правда, непоследовательно, под влиянием теорий либерального экономиста Зибера и Лассаля. Брошюра была отпечатана в 1883 г. в Киеве и несколько раз переиздавалась. В 1886 г. была переиздана благоевцами. Брейтфус, видимо, размножал именно это издание.

Автором «Сказки о четырех братьях» является народоволец Л. А. Тихомиров (конец написал П. А. Кропоткин). Первые издания вышли в Женеве в 1873 и 1875 гг. В России были изданы в 1884 г. в Одессе на гектографе, и в 1885 г. — в типографии «Народной воли».

[5] Текст устава не сохранился.

[6] А. Шеффле (1831—1903) — немецкий и австрийский буржуазный экономист и социолог, представитель буржуазной школы катедер-социализма, которая призывала к сотрудничеству между пролетариатом и буржуазией. Его неоднократно критиковал Ф. Энгельс, в том числе за книгу «Квинтэссенция социализма». И тем не менее в 1881 г. в Женеве вышел ее русский перевод с предисловием и примечаниями П. Л. Лаврова. В 80-х и 90-х гг. он неоднократно размножался и активно изучался в революционных кружках народовольцев и социал-демократов.

[7] Брошюра польского социалиста Ш. Дикштейна «Кто чем живет?» была издана на русском языке группой «Освобождение труда» в 1885 г. В ней популярно пересказываются основные идеи I тома «Капитала». Перевод был снабжен предисловием и примечаниями Г. В. Плеханова. Неоднократно переиздавался в России на гектографе.

[8] Прокурор предполагал, что в 1886—1888 гг. существовало «имевшее свой устав тайное общество», ставившее своей целью «развитие и поддержание в среде рабочих противоправительственных идей в интересах революционной партии». Однако министр юстиции считал, что «дознанием не добыто никаких данных, свидетельствующих, чтобы члены сего „товарищества" приступили к пропаганде революционных идей в среде рабочих и вообще приняли какое-либо участие в революционном движении» (Красная летопись, 1923, № 7, с. 384, 387).

[9] Л. Л. Брейтфус — старший брат А. Брейтфуса. В 1887 г. тоже стал членом «Товарищества», заведовал легальной частью библиотеки. В 1888 г. был выбран старостой, хранил устав и заведовал ссудо-вспомогательной кассой. Вел занятия с рабочими. На квартире, где он жил с младшим братом Эдуардом, тоже членом «Товарищества», часто проходили собрания. В июле 1888 г. выслан из Петербурга, в октябре арестован и привлечен к дознанию. После 6-месячного одиночного заключения выслан за границу.

[10] Точисский и Благоев не были лично знакомы до 1894 г., т. к. Благоев был выслан из России в марте 1885 г., т. е. еще до организации Точисским первых кружков. Но утверждение Брейтфуса, что благоевцы не знали о деятельности кружка Точисского и наоборот, ошибочно, хотя его придерживаются и некоторые со-

ветские исследователи. Во-первых, некоторые рабочие, например Е. А. Климанов (Афанасьев), Г. А. Мефодиев, А. С. Филимонов, примыкали к обеим организациям. Во-вторых, происходил обмен литературой. Известно, что в нелегальной библиотеке «Товарищества» хранилось несколько экземпляров газеты благоевцев «Рабочий».

[11] Точисский вернулся в Россию в июне 1894 г.

[12] Вероятно, это был большевистский «Листок Белорецкого комитета Российской социал-демократической рабочей партии», единственный номер которого вышел в апреле 1917 г. В нем были напечатаны статьи Точисского «Что такое учредительное собрание», «Что такое рабочий класс», «Что такое республика», где он излагал марксистские взгляды на революцию (см.: *Борозинец Л. Г.* Белорецк, Уфа, 1979, с. 21).

Михаил Степанович Ольминский (Александров) (1863—1933)

М. С. Ольминский — видный деятель революционного движения, блестящий партийный публицист, историк, литературовед. Родился в Воронеже в семье мелкого чиновника. Революционные настроения его сформировались еще в гимназические годы. Он состоял членом тайного гимназического кружка. Входивших в кружок объединяла горячая симпатия к героическим личностям первомартовцев — А. И. Желябова, С. Л. Перовской. В 1883 г. Ольминский поступил на юридический факультет Петербургского университета. Тогда же вступил в нелегальную организацию «Союз молодежи партии „Народная воля"» и познакомился со студентами университета, входившими в группу Благоева. По их заданию вел пропаганду в рабочих кружках. В декабре 1885 г. был арестован, сослан, затем отбывал воинскую повинность и только осенью 1890 г. вернулся в Петербург. Сначала примкнул к кружку, называвшемуся «Общество имени Герцена», а после его распада в 1891 г. стал инициатором создания «Группы народовольцев» (см. его воспоминания в журнале «Былое», 1907, № 11). Поддерживал связь с рабочими кружками, писал листовки, прокламации, воззвания. 21 апреля 1894 г. был вновь арестован и заключен в Петропавловскую крепость, о чем впоследствии написал книгу «Три года в одиночной тюрьме» (1896—1898 гг.)» (М.—Пг., 1923). «Мне пришлось пробыть в тюрьме до осени 1898 года, — писал М. С. Ольминский. — К концу срока я писал одному из товарищей по группе и по тюрьме, что для меня счастливейшим днем будет тот день, когда я психологически смогу назвать себя социал-демократом. Этот день настал по прибытии в Сибирь, когда удалось прочесть Манифест первого съезда об образовании Российской социал-демократической рабочей партии». Ольминский был выслан в Восточную Сибирь на 5 лет. Жил в небольшом городке Олекминске, откуда посылал корреспонденции в иркутскую газету «Восточное обозрение» под различными псевдонимами, в том числе и Ольминский — производное от Олекминска. В ссылке познакомился с произведениями В. И. Ленина. В 1904 г. эмигрировал в Швейцарию. В 1904—1917 гг. входил в редакции и был ведущим сотрудником почти всех большевистских газет, выступая под различными псевдонимами, наиболее известным из которых был — «Галерка». В марте 1917 г. был членом редколлегии «Правды» и Бюро ЦК РСДРП(б). После

Великой Октябрьской социалистической революции заведовал Большим Кремлевским дворцом, был профессором Социалистической академии, делегатом II конгресса Коминтерна, почетным председателем Общества старых большевиков. Еще в годы революции 1905—1907 гг. выступил с призывом собирать и публиковать материалы по истории русского революционного движения. В 1920 г. стал во главе Комиссии по истории партии и Октябрьской революции (сокращенное название по предложению Ольминского — Истпарт). В последние годы жизни тяжело болел, но по-прежнему продолжал писать статьи и рецензии. Похоронен у Кремлевской стены. См. о нем: *Веревкин Б. П.* М. С. Ольминский. М., 1972.

Текст воспоминаний приводится по сборнику «От группы Благоева к „Союзу борьбы"» (Ростов-на-Дону, 1921). Ольминский был составителем и редактором этого сборника. В настоящем издании печатается только часть 2-й главы.

[1] В августе 1883 г.

[2] «Союз молодежи партии „Народная воля"» — нелегальная студенческая организация оформилась осенью 1883 г. под руководством П. Ф. Якубовича. По своей программе была близка к «Молодой партии „Народной воли"». Впоследствии Якубович признавал, что целью «Союза» было «сплотить подающие надежды молодые революционные элементы между собою, занять их посильной им работой, чтобы таким образом создалась как бы умственная практическая революционная школа» (*Валк С. Н.* Распорядительная комиссия и Молодая партия «Народная воля». — Каторга и ссылка, 1931, кн. 2, с. 105). «Союз» выпустил несколько прокламаций по поводу студенческих волнений, организовал кружки саморазвития среди революционно настроенной молодежи, вел пропаганду среди рабочих. В один из кружков входили А. А. Александрин, С. Хлебников (впоследствии вел пропаганду вместе с А. Ульяновым в рабочих кружках), Р. Шмидова, О. Говорухин (впоследствии члены группы Ульянова—Шевырева) и др. Осенью 1884 г. центральный кружок «Союза» был полностью разгромлен (см.: *Жуйкова Р. Г.* Революционные студенческие кружки С.-Петербургского университета 80-х годов XIX века. — В кн.: Очерки по истории Ленинградского университета, т. 2. Л., 1968, с. 45—46).

[3] Это был действительно В. Д. Генералов.

[4] Речь идет о «молодых народовольцах». См. воспоминания И. И. Попова.

[5] См. примеч. 58 к воспоминаниям И. И. Попова.

[6] О праздновании 1 Мая см. воспоминания М. И. Бруснева.

[7] Брошюра П. Б. Аксельрода «Задачи рабочей интеллигенции в России. Письмо к русским рабочим» была издана в Женеве группой «Освобождение труда» в 1889 г.

[8] Основателем организации был М. В. Сабунаев, студент-филолог, народоволец. В 80-х гг. занимался революционной пропагандой, главным образом в Москве. В 1885 г. был арестован, в марте 1886 г. сослан в Туруханск на 5 лет, в октябре 1888 г. бежал. Один из его современников писал, что по части нелегального образа жизни Сабунаев достиг совершенства: «Является, исчезает, словно в шапке-невидимке; знает все новости, умеет всюду проникать, конспиративен, осторожен, положиться на него можно всегда, как на каменную гору» (Голос минувшего, 1917, № 7-8, с. 218). Сабунаев объездил ряд городов Центральной России, пытаясь объединить разрозненные кружки. По свидетельству участника органи-

зации, «план Сабунаева заключался в том, чтобы подготовительную организационную работу начинать не в центрах, а в провинциальных глухих городах, воспитывая местные группы вне связи со столичными кружками, находящимися обычно в «шпионском мешке» (К истории Сабунаевской революционной организации 1889—1890 гг. Из воспоминаний С. А. Островского и В. С. Турковского. — В кн.: Народовольцы, сб. 3. М., 1931, с. 258). Организация имела свое паспортное бюро, типографию, выпустила ряд брошюр, в 1889 г. установила связь с петербургской народовольческой группой Кочаровского (см. примеч. 20 к воспоминаниям В. В. Бартенева). В сентябре того же года в Казани был созван съезд, на котором присутствовало 6 человек. По постановлению съезда европейская часть России делилась на 7 областей. Во главе каждой области стоял руководящий центр. Организация была связана с парижским народовольческим кружком. Разгромлена в мае 1890 г. во время съезда в Пензе. Сабунаев был арестован 4 декабря 1890 г. в Костроме. По делу организации проходило 150 человек. Сабунаев был сослан в Восточную Сибирь на 10 лет (см.: Народовольцы, сб. 3. М, 1931, с. 262).

[9] Речь идет о брошюре В. Г. Богораза-Тана «Борьба общественных сил в России», которая была издана в Новочеркасске и Екатеринославе под псевдонимом «Н. С.» в 1886 г. как 2-й выпуск серии «Библиотека „Народной воли"».

[10] См. примеч. 7 к воспоминаниям А. Л. Брейтфуса. В Казани брошюра была переиздана студенческим кружком К. И. Кобелева в 1891 г. без предисловия и заключения Г. В. Плеханова.

[11] Статья В. И. Засулич «Революционеры из буржуазной среды» опубликована в журнале группы «Освобождение труда» — «Социал-демократ» (1890, № 1).

[12] А. Бебель (1840—1913) — один из основателей и руководителей II Интернационала и германской социал-демократии.

[13] Работа Г. В. Плеханова «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России (Письмо к молодым товарищам)» была напечатана в Женеве в 1892 г. как 10-й выпуск «Библиотеки современного социализма». В ней Плеханов впервые выступил против зарождавшегося «легального марксизма», основы которого были изложены в изданной на множительном аппарате брошюре «Русский монархизм, русская интеллигенция и их отношение к народному голоду. Опыт программы юной русской социал-демократии». Автором был П. Б. Струве или С. Н. Булгаков. Брошюра издана в марте 1892 г. под псевдонимом Nemo (см.: Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века. Книги и периодические издания. 2-е изд. Ч. 3. М., 1982, с. 28—29; *Жуйков Г. С.* Петербургские марксисты и группа «Освобождение труда». Л., 1975, с. 245—246).

[14] «Рабочий сборник», гектографированный с машинописного текста, вышел 1 апреля 1894 г. В нем был помещен некролог С. Я. Фойницкому (автор Б. Л. Зотов), передовая статья Ольминского, информация Зотова о стачке на ткацкой мануфактуре Воронина, изложение брошюры П. Лафарга «Рабочая партия», внутреннее обозрение, хроника фабрично-заводской жизни, книжный листок, хроника арестов. Некролога Энгельсу там не было и не могло быть, т. к. Энгельс умер в 1895 г.

[15] Партия социалистов-революционеров (эсеров) была образована в 1901—1902 гг. из отдельных народнических групп и кружков, в частности в нее вошли «Северный союз социалистов-рево-

люционеров», «Аграрно-социалистическая лига». Идеология эсеров представляла собой эклектическое смешение народнических доктрин с идеями западноевропейского ревизионизма и «легального марксизма».

[16] В. И. Ленин подверг критике эту работу П. Б. Струве (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 347—534).

[17] I съезд РСДРП состоялся в Минске 1—3 марта 1898 г. Манифест РСДРП см.: Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 2. М., 1983, с. 17.

Михаил Иванович Бруснев (1866—1937)

Н. К. Крупская в немногих словах так охарактеризовала М. И. Бруснева: «Из группы Красина я знала Бруснева, в кружок которого входила. Бруснев был чрезвычайно умным и каким-то необыкновенно простым человеком, целиком ушедшим в рабочее движение. Придавила его жизнь. В Москве его пришили к террористическому делу, около 5 лет промаялся он по тюрьмам, потом был выслан на много лет в Верхоленск. Там и пропал человек для движения, а была это незаурядная сила» (Леонид Борисович Красин («Никитич»). Сборник воспоминаний, статей, документов. М.—Л., 1928, с. 137).

М. И. Бруснев активной революционной работой был занят всего 4 года, однако его роль в революционном движении конца 80-х — начала 90-х гг. оказалась весьма значительной, а организация, которой он руководил, получила название брусневской.

Бруснев родился на Кубани в семье казака. В 1885 г. окончил Ставропольскую гимназию и поступил в Петербургский технологический институт. Сразу же принял участие в студенческих волнениях, попал под наблюдение полиции. По полицейским данным, Бруснев пользовался доверием членов группы Шевырева—Ульянова. В активную революционную деятельность он включился осенью 1889 г., когда его кооптировали в кружок «Социал-демократическое сообщество», объединявшее студентов Технологического института, университета и других вузов с рабочими кружками. Эта организация вскоре стала называться «Рабочий союз», а Бруснев стал ее признанным руководителем. Л. Б. Красин писал, что Бруснев «уже тогда был вполне сложившимся марксистом». После окончания института он переселился в Москву, где пытался сплотить местных революционных деятелей и создать социал-демократическую организацию. В апреле 1892 г. был арестован. Следствие длилось до декабря 1894 г. Бруснев был осужден на 4 года тюремного заключения с последующей ссылкой на 10 лет. Ссылку отбывал в Верхоленске. Занимался изучением Сибири, принимал участие в полярных экспедициях. В 1903 г. переехал в европейскую Россию, жил в Баку и Петербурге. Помогал в издании большевистской литературы, считался владельцем партийного издательства «Дело», выпускавшего газету «Новая жизнь». После Великой Октябрьской социалистической революции работал в Наркомате труда и торговых представительствах за рубежом. В 30-х гг. работал в Ленинграде в Гипромезе по своей специальности — инженер-технолог.

Воспоминания печатаются по журналу «Пролетарская революция», 1923, № 2/14, с. 17—33.

[1] См. примеч. 4 к воспоминаниям В. В. Бартенева.

[2] Г. В. Петровский возглавлял кружок студентов-технологов, проходивших практику на Путиловском заводе, вел занятия в кружке, организованном рабочим Н. Паршуковым. Был связан с членами группы Благоева и группы Точисского. До конца его роль еще не выяснена.

[3] А. А. Карелин — руководитель народовольческого кружка в Нижнем Новгороде.

[4] В. В. Фомин (1870—1930) — один из руководителей брусневской организации. Оставил интересные воспоминания (см.: В начале пути. Л., 1975, с. 180—224).

[5] Программа опубликована в кн.: От группы Благоева к «Союзу борьбы». Ростов-на-Дону, 1921, с. 85—87; Рабочее движение в России в XIX веке, т. 3, ч. 2. М., 1952, с. 131—132.

[6] См. воспоминания В. В. Бартенева.

[7] Ф. А. Афанасьев (1859—1905) во время революции в 1905 г. стоял во главе революционных масс Иваново-Вознесенска. 22 октября 1905 г. рабочими была предпринята попытка освободить политзаключенных, состоялась демонстрация. Ф. А. Афанасьеву было поручено вести переговоры с казаками, во время которых он был схвачен и избит до смерти.

[8] См. биографическую справку о В. В. Бартеневе.

[9] Забастовка рабочих суконной фабрики Торнтона произошла в конце 1890 г., забастовка рабочих судостроительного завода «Новое Адмиралтейство» в порту — 21—22 января 1891 г.

[10] Н. В. Шелгунов (1824—1891) — революционный демократ, активный деятель русского освободительного движения 60—80 гг. В начале 1891 г. тяжело больной Шелгунов вернулся в Петербург из ссылки. В эти последние месяцы своей жизни он получил несколько приветственных адресов, в том числе от рабочих — членов брусневской организации. Он писал своему другу: «Для меня эти документы драгоценны как публичная нравственная аттестация». Воспоминания Н. В. Шелгунова см. в кн.: Штурманы будущей бури. Л., 1983, с. 35—139.

[11] М. С. Александров (Ольминский) и его жена Е. М. Александрова в 1891—1894 гг. принимали участие в пропаганде в рабочих кружках, входивших в брусневскую организацию. М. С. Александров был даже введен в Центральный рабочий кружок в качестве представителя от интеллигенции. В конце 1890-х гг. стал социал-демократом. Его воспоминания печатаются в этом сборнике.

[12] О праздновании Первомая 1892 г. см. также воспоминания В. М. Карелиной.

[13] Ю. Д. Мельников (1868—1900) — один из организаторов революционного движения на Украине. Успешно вел социал-демократическую пропаганду в рабочем кружке саморазвития в Харькове, где раньше преобладало влияние народовольцев.

[14] Н. М. Астырев (1857—1894) сотрудничал в «Русских ведомостях», «Вестнике Европы», «Русской мысли». В 1891—1892 гг. жил в Москве, где объединил вокруг себя группы демократической интеллигенции, близкой к народовольцам. Написал прокламацию «Первое письмо к голодающим крестьянам», подписанную «Мужицкие доброхоты», за которую был арестован. В 80-х гг. служил волостным писарем. Его произведения «Очерки крестьянского самоуправления», «В волостных писарях», «Деревенские типы в кар-

тинках», «На таежных прогалинах» ярко живописали тяжелое положение крестьян.

Н. Ф. Николаев (1844—1910) входил в тайное революционное общество, организованное Н. А. Ишутиным. После покушения Д. В. Каракозова на Александра II в 1866 г. значительная часть ишутинцев была арестована. Николаева приговорили к 8 годам каторги и к ссылке. Вернувшись из ссылки в 1885 г., продолжал участвовать в освободительном движении.

Н. Н. Златовратский (1845—1911) — писатель-народник, творчество которого было посвящено описанию крестьянской жизни в России. Г. В. Плеханов использовал его сочинения для иллюстрации экономического положения деревни и подчеркивал художественные достоинства этих произведений, «где действующие лица являются по большей части уже живыми людьми, а не антропоморфными отвлеченностями» (*Плеханов Г. В.* Избр. философские произведения, т. 5. М., 1958, с. 143).

[15] М. М. Егупов на следствии дал подробные показания, что повлияло на тяжесть приговоров участникам группы Бруснева.

[16] Посланец группы «Освобождение труда» С. Г. Райчин приехал с подложным паспортом на имя Франца Ляховича.

[17] Документ назывался «Программа группы. Программа временного организационного исполнительного комитета» и представлял собой смесь марксистских и лассальянских идей с народовольческой тактикой, причем последняя преобладала (см.: От группы Благоева к «Союзу борьбы», с. 87—88).

Леонид Борисович Красин (1870—1926)

«Обаяние Красина вообще было неотразимо, его личная значительность сразу постигалась разнообразными людьми, — писал А. М. Горький. — <...> Он вызывал у меня впечатление человека несокрушимой, неисчерпаемой энергии. <...> Есть художники нашего, земного дела, для них работа — наслаждение. Леонид Красин был из тех редких людей, которые глубоко чувствуют поэзию труда, для них вся жизнь — искусство» (*Горький А. М.* Собр. соч., т. 17. М., 1962, с. 55, 57, 58).

Л. Б. Красин родился в г. Кургане в семье чиновника. После окончания реального училища в Тюмени переехал в Петербург и поступил в Технологический институт. В 1891 г. за участие в студенческом движении и в брусневской организации был сослан в Нижний Новгород. После ссылки работал техником и инженером на строительстве Сибирской железной дороги. Только в 1900 г. ему удалось защитить диплом в Харьковском технологическом институте. Будучи талантливым инженером и организатором производства занимал руководящие посты на электростанциях в Баку, Орехово-Зуеве, Петербурге, Берлине. Одновременно вел активную революционную деятельность. Социал-демократ, с 1903 г. — большевик. Партийный псевдоним — «Никитич». Работая в Баку, организовал транспортировку «Искры» через Иран, вместе с товарищами устроил нелегальную типографию «Нина» для перепечатки ленинской газеты. После II съезда РСДРП кооптирован в ЦК. Налаживал финансовую деятельность, транспорт и связи партии. В 1904 г. вынужден был перейти на нелегальное положение, и только революция 1905 г. позволила ему легализоваться. Делегат

III, IV и V съездов РСДРП, на которых выступал с докладами, избирался в ЦК. Был членом Русского бюро ЦК РСДРП(б) в Петербурге, Петербургского Совета рабочих депутатов, возглавлял по предложению В. И. Ленина Боевую техническую группу при ЦК и ПК РСДРП, руководил боевыми дружинами. Работал в тесном контакте с В. И. Лениным, хотя иногда занимал примиренческую позицию по отношению к меньшевикам. В марте 1908 г. уехал за границу. Постепенно отошел от партийной деятельности и целиком посвятил себя работе на руководящих постах в фирме «Сименс—Шуккерт». В декабре 1917 г. вернулся в Россию и вновь был привлечен В. И. Лениным к политической деятельности. Являлся членом Президиума ВСНХ, руководил наркоматами торговли, промышленности, путей сообщения, внешней торговли. Проявил себя как талантливый дипломат. В 1918 г. был членом советской делегации в Берлине, в 1920—1923 гг. — полпред и торгпред в Великобритании.

Н. К. Крупская в своих воспоминаниях о Красине писала: «Владимир Ильич не только ценил, но и любил Красина. <...> Смерть Красина — потеря для дела, потеря для трудящихся» (Леонид Борисович Красин («Никитич»). Сборник воспоминаний, статей, документов. М.—Л., 1928, с. 140).

Незадолго до смерти Л. Б. Красин написал воспоминания «Дела давно минувших дней», которые были опубликованы в журнале «Пролетарская революция» (1923, № 3(15)), а позже вошли без изменений в сборник его воспоминаний, изданный под этим же названием в 1925, 1931 и 1934 гг. В настоящем сборнике печатаются по тексту журнала «Пролетарская революция».

[1] См. примеч. 19 к воспоминаниям И. И. Попова.

[2] См. примеч. 4 к воспоминаниям В. Г. Харитонова.

[3] Н. Д. Соколов (1870—1928) считался, так же как Водовозов и Струве, знатоком марксизма и социал-демократом. Впоследствии стал известным адвокатом по политическим делам. После Февральской революции был членом Петербургского Совета. После Октября вернулся к юридической работе.

[4] Имеется в виду «Социал-демократическое сообщество». См. воспоминания М. И. Бруснева.

[5] См. воспоминания В. В. Бартенева.

[6] Г. Б. Красин (1871—1947) в 1893 г. был одним из руководителей кружка в Технологическом институте. В ноябре 1893 г. на занятии, где читался его реферат о значении рынков для развития капитализма, впервые выступил В. И. Ленин. Его замечания по реферату Красина были потом переработаны в реферат «По поводу так называемого вопроса о рынках».

[7] II том «Капитала» был издан в Петербурге в 1885 г. Н. Ф. Даниельсоном в его же переводе тиражом 3030 экз. Книга вышла всего через несколько месяцев после немецкого издания, т. к. Даниельсон делал перевод с корректурных оттисков, которые ему пересылал Ф. Энгельс (см.: *Грин Ц. И.* Переводчик и издатель «Капитала». Очерк жизни и деятельности Н. Ф. Даниельсона. М., 1985, с. 114—128).

[8] Н. И. Кибальчич (1853—1881) — «главный техник» «Народной воли». Под его руководством были изготовлены снаряды, использованные во время покушения на Александра II. Казнен вместе с другими руководителями «Народной воли».

[9] Это была А. Г. Болдырева. Она, в частности, вспоминала,

что в кружок входили Ф. А. Афанасьев, Е. А. Климанов (Афанасьев), Н. Д. Богданов, А. Е. Карелин, В. М. Карелина и др. (см.: В начале пути. Л., 1975, с. 259—260).

[10] «Наша жизнь» — газета, отражавшая интересы левого крыла партии кадетов, выходила в Петербурге в 1904—1906 гг.

[11] П. Н. Скворцов — член казанского кружка марксистов, которым руководил Н. Е. Федосеев. Встречался с В. И. Лениным. Один из авторов марксистского сборника «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», который был подготовлен к печати в 1895 г., но запрещен цензурой. Вскоре после этого Скворцов перешел на позиции «легального марксизма», выступил с критикой работы В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 611—636).

[12] «Юридический вестник» — журнал буржуазно-либерального направления. В 1888 г. здесь была напечатана статья К. Маркса «Письмо в редакцию „Отечественных записок“» в переводе Н. Ф. Даниельсона. В «Письме» Маркс поднимал вопрос о судьбе русской общины.

[13] «Die Neue Zeit» («Новое время») — орган Социал-демократической партии Германии. Выходил в 1883—1923 гг. под редакцией К. Каутского. На его страницах печатались работы К. Маркса, Ф. Энгельса, А. Бебеля, Ф. Меринга, Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и др. В первой половине 90-х гг. деятельность редакции направлял Ф. Энгельс.

[14] См. примеч. 23 и 51 к воспоминаниям В. В. Бартенева.

[15] С. И. Радченко (1868—1911) революционную деятельность начал в 1890 г., входил в группу Бруснева. После ареста основной части группы возглавил марксистский кружок студентов-технологов, в который входили Г. М. Кржижановский, А. А. Ванеев, В. В. Старков, Г. Б. Красин, М. А. Сильвин, А. Л. Малченко. С осени 1893 г. руководителем кружка стал В. И. Ленин. Радченко — один из организаторов петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», участник I съезда РСДРП. Участвовал в подготовке издания газеты «Искра». В 1902 г. арестован и сослан в Вологодскую губернию. После возвращения из ссылки в 1905 г., будучи тяжело больным, отошел от активной политической деятельности.

И. И. Радченко (1874—1942) — член петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», агент «Искры». В советское время один из руководителей торфяной промышленности.

Вера Марковна Карелина (1870—1931)

Детство В. М. Карелиной прошло в воспитательном доме и в крестьянской семье, куда ее отдали на содержание. 14-летней девочкой приехала она в Петербург, где стала работать санитаркой. Ее политическому образованию способствовало знакомство с рабочими Екатерингофской бумагопрядильной фабрики. В 1890 г. В. М. Карелина (тогда Сибилева) перешла работать на ткацкую фабрику и вступила в кружок, входивший в группу Бруснева. Здесь она начала изучать основы марксистского учения. После празднования 1 Мая 1892 г. В. М. Карелина была арестована. 4 года провела в тюрьме и ссылке, затем снова вернулась в Петербург. Восстановились связи со старыми знакомыми, ставшими те-

перь членами «Союза борьбы», в том числе с С. И. Радченко. В 1898 г. Карелину вновь арестовывают, но после ссылки она опять возвращается в столицу, где занимается революционной деятельностью, распространяя нелегальную литературу. В 1903—1904 гг. В. М. Карелина вместе с мужем А. Е. Карелиным входила в гапоновское «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Петербурга», стараясь через эту организацию поднять классовое сознание питерских рабочих. Участвовала в январской стачке 1905 г., организовывала отряды санитарок. Поддерживала тесную связь с большевиками, особенно с Л. Б. и Г. Б. Красиными, которых знала с 1890 г. В январе 1905 г. была арестована. После освобождения, осенью того же года, избрана в Петербургский Совет рабочих депутатов. Впоследствии работала в профсоюзном и кооперативном движениях.

Публикуемые воспоминания написаны В. М. Карелиной в 1922 г. В 1923 г. она продиктовала историку Э. А. Корольчук воспоминания о том же периоде, но более кратко. Они были опубликованы в сборнике «В начале пути» (Л., 1975, с. 269—291). В настоящем издании текст воспоминаний приводится по журналу «Красная летопись», 1922, № 4, с. 12—20.

[1] «Софья Александровна» — партийная кличка жены М. С. Ольминского Е. М. Александровой. В конце 80-х — начале 90-х гг. она входила в «Группу народовольцев», вела пропаганду в рабочих кружках, в том числе и принадлежавших группе Бруснева. В 1894 г. арестована и сослана на 5 лет в Вологодскую губернию, где стала социал-демократкой. Была агентом «Искры». После II съезда РСДРП — меньшевик. После 1917 г. работала в культурно-просветительных учреждениях.

[2] В. С. Святловский (1869—1927) — один из активных деятелей группы Бруснева, входил в ее интеллигентский центр. В 1892 г. эмигрировал, защитил в Мюнхене докторскую диссертацию. После возвращения в Россию снова принял участие в социал-демократическом движении, но сначала примыкал к «экономистам», а потом к меньшевикам. В 1905 г. был членом Исполкома Петербургского Совета рабочих депутатов. В советское время преподавал в вузах историю социализма, профсоюзного движения и экономической мысли. Его воспоминания о революционной работе в 1890—1892 гг. опубликованы в журнале «Былое», 1922, № 19, с. 139—160.

[3] Публицист радикального направления М. К. Цебрикова в 1889 г. опубликовала в Женеве «Письмо императору Александру III», в котором резко осуждала правительственный террор и оправдывала террор революционеров-народников. «Там, где гибнут тысячами жертвы произвола, где народ безнаказанно грабится и засекается, — писала она, — там жгучее чувство жалости будет всегда поднимать мстителей» (цит. по кн.: *Троицкий Н. А.* Царизм под судом прогрессивной общественности. М., 1979, с. 129). Письмо, напечатанное тиражом 1000 экз., Цебрикова разослала всем редакциям петербургских журналов и газет, а также царю и наследнику престола. Она была арестована и выслана в Вологодскую губернию. Письмо неоднократно перепечатывали за границей, а в России размножали на гектографе. Критический анализ этого «Письма» дан Г. В. Плехановым в журнале «Социал-демократ» в 1890 г. (см.: *Плеханов Г. В.* Соч., т. 3, с. 214).

[4] Карелина ошибается. Группа Бруснева с самого начала определилась как социал-демократическая организация.

[5] Н. А. Рубакин (1862—1946) — выдающийся русский библиограф, книговед и писатель. В 80-х гг. издал несколько книг, в которых в популярной форме излагал проблемы естествознания, геологии, истории — «Из мира науки и из истории мысли», «Рассказы о друзьях человечества», «Рассказы о великих и грозных явлениях природы», «Вода», «Рассказы о делах в царстве животных» и др. Возглавлял библиотеку, организованную его матерью Л. Т. Рубакиной еще в 1875 г. Библиотека была одной из лучших по составу фондов и по организации обслуживания читателей. Являлась центром культурной жизни передовых демократических деятелей Петербурга и страны.

[6] О каком документе идет речь, неясно. Группа Бруснева не имела своей программы, а опиралась на программу группы «Освобождение труда», написанную Г. В. Плехановым. Брусневым была составлена программа для чтения, но она предназначалась для работы пропагандистов, а не для митингов. Возможно, имеется в виду Устав рабочей группы петербургских социал-демократов, разработанный в 1891 г., в котором главной задачей рабочего движения признавалась «борьба за политическое и экономическое освобождение рабочего класса» (*Жуйков Г. С.* Петербургские марксисты и группа «Освобождение труда». Л., 1975, с. 227). Но сведений о том, что этот документ был гектографирован, нет.

[7] В распоряжении группы Бруснева были оба проекта программы группы «Освобождение труда»: «Программа социал-демократической группы „Освобождение труда“» (вышла отдельным изданием в Женеве в 1884 г.) и «Проект программы русских социал-демократов» (написан в 1885 г., напечатан в виде приложения к брошюре «Чего хотят социал-демократы?» в Женеве в 1888 г.). «Проект программы русских социал-демократов» был составлен Плехановым с учетом замечаний членов группы Благоева.

[8] «Союз польских рабочих» издал в апреле 1892 г. воззвание с призывом второй раз отметить первомайский праздник. 20—27 апреля рабочие Лодзи устроили всеобщую забастовку и обратились с письмом к петербургским рабочим. В Центральном рабочем кружке брусневской организации был составлен ответ — «Открытое письмо к польским рабочим» (автор, возможно, В. Цивиньский). Письмо удалось размножить на гектографе и отослать в Польшу (см.: Рабочее движение в XIX веке, т. 3, ч. 2. М., 1952, с. 130—131).

[9] Е. П. Серебренникова и Е. С. Дрентельн — врачи и общественные деятельницы либерального направления. Дрентельн в то время заведовала Мариинскими акушерскими курсами.

Василий Семенович Голубев (1867—1911)

«Первый интеллигент, который пришел к нам, был Василий Семенович Голубев. Мы пришли от него в восторг», — вспоминал участник рабочих кружков А. Е. Карелин (В начале пути. Л., 1975, с. 244).

Будучи студентом университета, В. С. Голубев участвовал в создании «Социал-демократического сообщества» и «Рабочего союза». В 1891 г., накануне шелгуновской демонстрации, был арестован за пропаганду среди рабочих и выслан в Восточную Сибирь на 4 года. После окончания ссылки поселился в Саратове, где

в 1903—1904 гг. служил секретарем земской управы. Перешел на либеральные позиции. Но его жена М. П. Голубева (1861—1936), в прошлом член группы Бруснева, в 1902—1904 гг. была секретарем Саратовского комитета РСДРП, после II съезда — большевичкой. Именно поэтому В. И. Ленин упоминает В. С. Голубева в письме к Л. А. Фотиевой в августе 1904 г., как человека, через которого должно быть отправлено его письмо — директива для большевиков: «Пошлите это письмо немедленно в... Саратов (по адресу Голубева) и вообще по всем адресам друзей, в которых вполне можно быть уверенными» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 372). В ноябре 1904 г. Голубевы переехали в Петербург. М. П. Голубева работала в большевистских организациях, В. С. Голубев стал публицистом либерального направления. Опубликовал брошюру «Роль земства в общественном движении» (Ростов-на-Дону, 1905) и статьи в «Трудах Вольного экономического общества» об аграрном движении в России в 1905—1906 гг. в малороссийских губерниях (1908). В этих работах содержится богатый фактический материал, но выводов почти нет.

Несмотря на то, что в конце жизни В. С. Голубев отошел от революционной деятельности, его пропагандистская деятельность в рабочих кружках повлияла на формирование многих революционеров.

Воспоминания были напечатаны в 1906 г. в журнале «Былое» (№ 12, с. 105—121). Отрывки из них опубликованы в кн.: Рабочее движение в России в XIX веке, т. 3, ч. 2. М., 1952; Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания, т. 1. М., 1967. Печатаются по тексту журнала «Былое».

[1] «Задачи этики» буржуазно-либерального социолога, правоведа и историка К. Д. Кавелина вышли в Петербурге в 1885 г. Автор в этой книге выступал против материализма с позиций агностицизма и позитивизма.

[2] «Очерки русской жизни» Н. В. Шелгунова регулярно печатались в 1886—1891 гг. в журнале «Русская мысль». В них он выступал против самодержавия, писал о тяжелом экономическом и политическом положении народа, в том числе рабочих.

[3] Речь идет о членах группы Благоева.

[4] В статье «Роберт Оуэн и его попытки общественных реформ» Н. А. Добролюбов исследовал проблему, очень волновавшую в то время передовую молодежь, — нравственный облик личности нового типа. Добролюбов показывает, что искренняя убежденность, готовность осуществить свои идеалы на практике, политическая принципиальность и бескорыстие Оуэна возвышают его над окружающими. Добролюбов видел в Оуэне образец гармонично развитого человека.

[5] О Е. Г. Бартеневой см. биографическую справку на В. В. Бартенева.

[6] О журнале «Самоуправление» см. примеч. 35 к воспоминаниям В. В. Бартенева.

«Социалист» — журнал, издававшийся группой «молодых народовольцев» под редакцией Ю. Г. Раппопорта. Вышел только один номер — в июне 1889 г. в Париже. В нем были напечатаны статьи не только народников — П. Л. Лаврова, Н. С. Русанова, Э. А. Серебрякова и др., но и марксистов — Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода.

[7] См. примеч. 7 к воспоминаниям И. И. Попова.

[8] П. А. Голубев, студент Горного института, еще в 1887—1888 г. вел занятия в кружке рабочих Путиловского завода, организованном рабочим Паршуковым. Затем вошел в «Социал-демократическое сообщество» и группу Бруснева.

[9] Об этом же писал в своих воспоминаниях В. В. Фомин, но называл таких рабочих «постепенновцами» (см.: В начале пути, с. 181—182).

[10] «Семен Петрович» — партийная кличка В. С. Голубева. Воспоминания были написаны в конце 1906 г., когда усилились репрессии правительства против революционеров, поэтому автор не мог открыто называть себя и других руководителей группы Бруснева.

[11] В № 11 журнала «Былое» за 1906 г. был опубликован отрывок из воспоминаний М. С. Ольминского (Александрова), которые печатаются в этом сборнике.

[12] Эти листовки были написаны Л. Б. Красиным и В. С. Голубевым и размножены на пишущей машинке.

[13] Имеется в виду П. Б. Струве. См. о нем примеч. 20 к воспоминаниям А. И. Ульяновой-Елизаровой.

[14] Впервые адрес был опубликован в виде листовки, а затем напечатан в издании группы «Освобождение труда» «Первое мая 1891 г. Четыре речи рабочих, произнесенные на тайном собрании в Петербурге. С приложением Адреса петербургских рабочих Н. В. Шелгунову и предисловием Г. Плеханова». Группа «Освобождение труда» издавала две серии: «Библиотека современного социализма» и «Рабочая библиотека». Данная брошюра вышла в Женеве в 1892 г. как № 6 «Рабочей библиотеки».

Елена Дмитриевна Стасова (1873—1966)

Большую жизнь прожила Е. Д. Стасова, профессиональный революционер, последовательный большевик, соратник В. И. Ленина.

Семья Стасовых находилась в центре культурной жизни Петербурга, да и всей России (см. воспоминания Н. Е. Буренина в кн.: Пролетарский пролог. Л., 1983, с. 317—322). Дядя Елены Дмитриевны, Владимир Васильевич Стасов, был выдающимся художественным и музыкальным критиком, историком искусства, археологом. В доме Стасовых часто бывали лучшие представители российской, особенно музыкальной, культуры. Очевидно, большое влияние на формирование взглядов Елены Дмитриевны оказали и встречи с политическими обвиняемыми, которых защищал ее отец, блестящий адвокат Д. В. Стасов. Некоторые из них, взятые им на поруки, жили в ожидании суда на квартире Стасовых.

Е. Д. Стасова считала себя членом партии с 1898 г. Начиная с 1901 г., она работала агентом «Искры», вела подпольную работу в Петербурге, Москве, Орле, Минске, Вильнюсе. В 1907—1912 гг. входила в руководящее ядро большевистской организации Тифлиса. На VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП избрана кандидатом в члены ЦК, а на VII и VIII съездах партии — членом Центрального Комитета. С 1917 по 1920 г. являлась секретарем ЦК партии. В 20—30-х гг. Е. Д. Стасова представляла партию в интернациональных организациях пролетариата — Коминтерне, МОПРе, Всемирном антивоенном и антифашистском женском комитете. Была редактором журнала «Интернациональная литература» на английском и французском языках. До конца своей жизни

Е. Д. Стасова продолжала заниматься общественной и литературной деятельностью. Награждена четырьмя орденами Ленина. Похоронена на Красной площади у Кремлевской стены.

В отрывке, публикуемом в данном сборнике, речь идет о первых шагах Елены Дмитриевны Стасовой на пути в революцию, когда она еще не была членом партии. Следующий этап этого пути освещен в ее воспоминаниях, вошедших в сборник «Пролетарский пролог».

Воспоминания написаны в 1950—1960-х гг., печатаются по последнему изданию: *Стасова Е. Д.* Воспоминания. М., 1969.

[1] А. С. Лаппо-Данилевский (1863—1919) — известный русский историк, с 1899 г. — академик. Автор ряда крупных исследований по истории скифов, Московского государства периода феодализма, источниковедению (см. о нем воспоминания С. Н. Валка в кн.: Ленинградский университет в воспоминаниях современников, т. 2. Л., 1982, с. 118—127).

[2] Е. Д. Стасова с детства владела несколькими иностранными языками. Книгу Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» она, видимо, читала на немецком языке, т. к. русский перевод вышел в 1894 г. Книгу К. Каутского «Аграрный вопрос» она не могла читать в 1892—1893 гг., т. к. книга вышла только в 1899 г., а русский перевод — в 1900 г.

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 168.

[4] Петербургский комитет грамотности был создан при Вольном экономическом обществе в 1861 г. В 1895 г. правительство закрыло организацию, обвинив ее членов в связи с революционерами. Комитет ставил своей целью просвещение народа. Им издавались популярные книги, продававшиеся по низкой цене. Председателем издательского отдела Комитета грамотности была А. М. Калмыкова (1849—1926). Вдова сенатора, она посвятила свою жизнь просвещению народа. Открыв в январе 1890 г. книжный склад, Калмыкова снабжала литературой библиотеки и земские школы. Через склад проходили лучшие издания того времени, в том числе и нелегальная литература. Кроме того, склад был явкой для революционеров. В 1894—1895 гг. здесь неоднократно бывали В. И. Ленин и Н. К. Крупская. На квартире Калмыковой (Литейный пр., д. 60) В. И. Ленин останавливался в 1900 г., возвращаясь из ссылки. У нее же скрывалась тайно приехавшая в Петербург В. И. Засулич. Калмыкова передала крупную сумму денег на издание «Искры», поддерживала большевиков и в последующие годы. После Великой Октябрьской социалистической революции писала книги для детей.

[5] Литературный фонд (Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым и их семьям) был основан в 1859 г. в Петербурге. Среди его основателей — Н. А. Некрасов, А. Н. Островский, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Н. Г. Чернышевский. Хотя цель его была утилитарная — оказание материальной помощи, он имел важное значение, являясь одной из форм объединения интеллигенции в условиях самодержавной России.

[6] См. примеч. 18 к воспоминаниям И. И. Попова.

[7] См. примеч. 7 к воспоминаниям И. И. Попова.

[8] А. П. Щапов (1830—1876) — русский прогрессивный общественный деятель, историк, сторонник общинно-федералистической концепции русского исторического процесса. Часть жизни провел в сибирской ссылке. Революционные народники чтили его за то,

что в своих работах он писал о русской общине и тем самым поддерживал их концепцию развития экономики России. Произведения Щапова были внесены в реестр книг, запрещенных к выдаче в публичных библиотеках и общественных читальнях. В. В. Стасов, дядя Е. Д. Стасовой, свыше 30 лет проработал в Публичной библиотеке, заведовал отделением искусств. При его помощи в библиотеку поступило много ценных коллекций книг и рукописных материалов. Являясь одним из старейших сотрудников библиотеки, В. В. Стасов пользовался особыми правами использования ее фондов.

[9] См. примеч. 5 к воспоминаниям В. М. Карелиной.

[10] С. В. Панина впоследствии стала членом кадетской партии. После Февральской революции занимала во Временном правительстве посты товарища министра государственного призрения и товарища министра народного просвещения. После Октябрьской революции саботировала постановления Советской власти. Умерла в эмиграции.

[11] 9 мая 1906 г. В. И. Ленин под фамилией Карпов выступил на трехтысячном митинге в Народном доме Паниной (ныне Дом культуры железнодорожников). В своей речи он призывал осудить предательскую тактику кадетов (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 91—94).

[12] Руководящий центр петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» только после I съезда РСДРП (март 1898 г.) стал называться Петербургским комитетом РСДРП.

Абрамов Я. В. 197, 206, 210, 211, 368
Абрамович Ф. В. 174, 179
Агафонов В. К. 166, 200
Азеф Е. В. 346
Акимов (Махновец) В. П. (Бахарев В.) 333
Аксельрод П. Б. 10, 17, 42, 88, 90, 244, 374, 383
Александр II 5, 122, 343, 353, 378, 379
Александр III 5, 56, 141, 152, 153, 161, 201, 254, 270, 290, 301, 303, 343, 344, 346, 348, 349, 355, 357, 360, 363, 364, 367, 381
Александренко 200
Александрин А. И. 83, 239, 349, 374
Александров М. С. см. Ольминский М. С.
Александрова Е. М. («Софья Александровна») 28, 246, 264, 298, 377, 381
Александрова Л. С. 203
Александрова Н. 304, 305
Александровский А. Н. 78
Алексеев П. А. 230, 276
Алчевская Х. Д. 339
Альтман И. А. 32, 354, 357, 358, 361
Алюшкевич Н. О. 28
Амбарова 231
Ананьин И. Н. 232
Ананьина Л. И. 356
Ананьина М. А. 356
Ананьич Б. В. 344
Андреевы Н. П. и П. П. 87
Андреюшкин П. И. 20, 22, 33, 134, 148, 156—158, 171, 184, 270, 357, 359, 360, 362, 369
Андржейкович С. А. 43, 44, 50, 57, 72, 78
Андронников Г. З. 46, 72
Андрюшин Е. Н. 19, 349
Аничков Е. В. 200
Анненский Н. Ф. 36, 285
Анучин Д. Г. 43
Анюта см. Болдырева А. Г.
Аптекман О. В. 369
Аркадакская Л. В. 22, 226, 228, 231, 235, 236
Арсеньев К. К. 197, 198, 203—205, 209, 368
Архангельский П. Ф. 42, 78
Аршаулов П. П. 15, 42, 83, 84, 87
Астырев Н. М. 268, 377
Афанасьев Ф. А. 25, 247, 259, 262, 265—269, 278, 279, 282, 283, 287—289, 291, 294—299, 305, 318, 324, 377, 380
Ашенбреннер М. Ю. 74
Ауслендер А. Я. 46
Бабушкин И. В. 28
Бажина С. Н. 36
Бакунин М. А. 11
Балдин А. Н. 179
Балуев Б. П. 340
Баньковский Ч. И. 257
Барабанова А. И. 339, 344
Бардах Я. Ю. 46
Бардина С. И. 230
Бардовский П. В. 341
Бартенев В. В. («Иван Иванович») 34, 162, 189, 260, 261, 264, 283, 284, 339, 352, 364—366, 368, 375, 377, 379, 380, 383
Бартенев В. И. 260
Бартенева Е. Г. 27, 260, 262, 267, 312, 324, 364, 365, 383
Барыбин В. П. 346
Барыкова А. П. 343
Баснин И. В. 75
Бах А. Н. 69, 70, 73, 78, 344, 345, 372
Бахарев В. см. Акимов (Махновец) В. П.
Бебель А. 248, 258, 375, 380
Белецкий Н. Г. 246
Белинский В. Г. 355
Белов К. 297
Белова Ю. М. 232
Белосельский-Белозерский, кн. 303
Беляев Н. Н. 315, 318, 367
Беляев 241
Берви-Флеровский В. В. 330
Берд Д. 226, 227, 243
Березин Н. 174, 176, 177, 179
Бернгард М. Ф. 244
Бенуа 179
Бирюков П. И. 211, 213, 307

Благославов В. Е. 42, 81, 82, 91, 348
Благосв Д. Б. 15—19, 22, 24, 29, 33, 42, 80, 81, 84, 86—88, 91, 236, 239—241, 245, 337, 338, 346—350, 354, 358, 365, 372—374, 377, 378, 383
Блок А. А. 6
Бобровский Л. С. 218
Богданов А. 330
Богданов Н. Д. 25, 26, 245, 260, 262, 265, 296—300, 302, 305, 318, 380
Богданов П. И. 74
Богданович Ю. Г. 338
Богораз П. В. 57
Богораз-Тан В. Г. 247, 336, 375
Богоявленский 261
Бодаев В. А. 33, 36, 37, 41, 43, 48, 50, 52, 55, 65, 68, 72, 78, 335, 336
Бодлер Ш. 53, 78
Бокль Г. Т. 217
Болдырева А. Г. («Анюта») 279, 379
Бонч-Бруевич В. М. 337
Борисов Я. В. 44
Бородин Н. А. 42, 83, 91, 239, 349, 350
Бородина Л. С. 83
Бороздин А. К. 201
Борозинец Л. Г. 373
Борткевич В. 200, 216
Брагинский М. А. 20, 221
Бражников В. П. 46
Брамсон М. В. 218, 221, 347
Браудо В. И. 246
Брейтфус А. Л. (Бегунов) 22, 23, 33, 159—161, 222, 359, 360, 363, 364, 371, 372, 375
Брейтфус Л. Л. 231, 236, 363, 364, 372
Брейтфус Л. 363
Брейтфус Э. Л. 231, 363, 364, 372
Бруснев М. И. («Федор Васильевич») 22, 24—29, 31, 34, 179, 193, 194, 196, 246, 254, 275—277, 283, 284, 288, 289, 291, 294, 298, 303, 320, 350, 365—368, 374, 376, 378—384
Брызгалов А. А. 165
Буковский К. Р. 169
Булгаков С. Н. 375
Бурачевский И. К. 257, 259, 318
Буренин Н. Е. 384
Бурцев В. Л. 47, 66, 330, 340, 346
Буташевич-Петрашевский М. В. 349
Бутков Л. К. 90, 91, 350
Буцевич А. В. 52, 78
Буянов В. В. 22, 259, 265, 266, 317
Валк С. Н. 344—346, 374, 385
Ванеев А. А. 380
Варгунин Н. А. 23, 227
Варыньский Л. 341
Василий Николаевич («Старик») 160
Васильев А. В. 172
Васильев Нил 227, 230, 231, 233
Ватсон Н. Э. 169
Вебер Г. 216
Великолюд 179
Вентцель К. Н. 244
Вентцель (Ростовцева) Н. Я. 244
Веревкин Б. П. 374
Вересаев (Смидович) В. В. 339, 358, 362
Верещагин В. В. 96
Веретенникова Е. И. 129
Вернадский В. И. 200, 338, 339
Вернер К. А. 203
Верховский В. П. 321, 322
Винберг В. К. 122, 123, 203, 204
Винберг Л. В. 109, 122
Витте С. Ю. 344
Вифт 299
Владимир Николаевич, вел. кн. 62
Владиславцев М. А. 176, 202, 366
Воден А. М. 369
Водовозов В. В. 115, 132, 200, 201, 355, 366, 379
Водовозов Н. В. 175, 177, 217, 272, 366
Воеводин 103
Войнич Э. Л. (Буль Л.) 52, 53, 330, 341
Войнич М. Н. 52, 341
Волк С. С. 336
Волкенштейн Л. А. 74
Волков 160
Волков Фл. 179, 232
Волков Ф. 346
Волохов С. А. 21
Вольтке Г. С. 201
Вольф 298
Воронин И. А. 252, 375

Воронцов В. П. (В. В.) 20, 30, 31, 155, 182, 197, 205, 286, 328, 353, 362
Воронцов-Дашков Н. И. 343
Воропонов Ф. Ф. 366
Воскресенский А. А. 261
Вундт В. 292
Гаврилова А. Е. 296—299, 301, 306
Гаевский Л. 219
Гайдебуров В. В. 216
Галковский 179
Ганелин Р. Ш. 344
Гарнак Е. Е. 169, 188, 361
Гаусман А. Л. 19
Гегель Г. 21, 355
Гедеоновский А. В. 70
Гейне Г. 132, 331
Геккельман А. М. (Ландензен, Гартинг) 346
Генералов В. Д. 20, 22, 33, 128, 134, 142, 148, 153—156, 171, 184, 239, 270, 357, 359—362, 369, 374
Генкин И. 344
Герасимов А. А. 15, 83, 84, 87, 310, 349
Герасимов С. А. 349
Герцен А. И. 101, 209, 271, 273, 373
Гизетти А. В. 170, 210, 352
Гинсбург С. М. 14, 361, 367
Глинский Б. В. 200
Говорухин (Григорьев) О. М. 20, 21, 33, 91, 107, 108, 110, 112, 114—116, 119, 120, 128, 132, 134, 149, 150, 161, 170, 239, 349, 351, 352, 355—362, 364, 369, 374
Головня В. Я. 239
Голубев В. С. («Семен Петрович», «дядя Сеня») 25, 34, 166, 175, 179, 193—196, 198, 232, 257, 260—262, 276, 283, 284, 287, 307, 320, 323, 324, 368, 382—384
Голубев П. А., студент 24, 257, 318, 384
Голубев П. А., учитель 80
Голубева М. П. 383
Гомолицкая 43—46
Горбунов И. И. 211
Горкун П. С. 20, 21, 357
Горных А. 231
Горький А. М. 13, 378
Горянский 216
Гофман Д. 91, 92, 350
Гофман 214
Градовский А. Д. 337
Грачевский М. Ф. 52, 78
Гревс И. М. 47, 201, 210, 338, 339
Грейнерт К. 296
Грессер П. А. 33, 109, 111, 138, 141, 159, 160, 274, 347, 359, 360, 363
Григорий «Нечесаный» 297
Григорьев М. Г. 287
Григорьева Н. А. 246
Грин Ц. И. 362, 379
Гриневицкий 44
Гринфест С. 90, 350
Гроссман 332
Губин 211
Гуревич Я. Г. 53
Д. Х. З. 177
Давыдов Ю. В. 8
Даниельсон Н. Ф. 30, 155, 362, 379, 380
Данилова Е. А. 22, 226, 228, 231, 235, 236
Дарвин Ч. 94
Дебогорий-Мокриевич В. К. 368
Дегаев С. П. (Яблонский, Петр Алексеевич) 6—8, 46, 54, 55—58, 61—67, 340—344, 346
Дейч Л. Г. 10, 11, 342, 350
Делянов И. Д. 274, 363
Дембский А. Н. 50, 51, 54, 62, 63
Джаншиев Г. А. 328
Джованьоли Р. 330
Дикштейн Ш. 230, 248, 311, 333, 372
Диордиенко А. С. 179
Добкевич 175, 179
Добролюбов Н. А. 137, 159, 170, 216, 219, 223, 226, 311, 339, 354, 355, 364, 383
Доброхотов 176
Добрускина Г. Н. 40, 68, 78
Долгова 113
Доливо-Добровольский А. П. 218
Долгоруков В. А. 343
Достаков А. 239
Достоевский Ф. М. 35
Драгойчева Ц. 358
Драгоманов М. П. 344
Драницын М. 200
Дрентельн Е. С. 304, 382
Дьяконов М. А. 123, 124, 201, 356

Евграфов П. Е. 260, 318
Егупов М. М. 268, 269, 378
Еж Т. Т. 330
Езов 41, 78
Елизаров М. Т. 103, 105, 110, 112, 117, 127, 169, 200, 348, 352
Елисеев 232
Елисеев Г. З. 340
Елько П. А. («Ельников Петр Николаевич») 76, 346
Емельянова М. Н. 73, 75—78
Епифанов И. П. 179, 257, 289
Ермолаев 70, 76
Ергин А. А. 28, 29, 246
Ерофеев 131
Ефремова Н. П. 364, 365

Жаклар В. 365
Жарков А. Я. 241
Желабин Н. И. 298
Желабина П. 298
Желтухина 91
Желябов А. И. 36, 43, 270, 335, 337, 373
Жуйков Г. С. 32, 347, 350, 371, 375, 382
Жуйкова Р. Г. 374

Завриев 216
Задонский Тихон 244
Залкинд С. М. 218, 221
Зарудный С. С. 361
Засулич В. И. 10, 14, 32, 90, 192, 248, 338, 343, 350, 351, 359, 367, 375, 380, 385
Земс П. М. 26, 242
Зибер Н. И. 219, 372
Златовратский Н. Н. 196, 198, 268, 328, 378
Золя Э. 330
Зотов Б. Л. 28, 251, 252, 375

И-а см. Истомина Н. К.
Иваницкий 210
Иванов А. И. 236, 289, 290, 292, 293
Иванов В. 239
Иванов В. Н. 24, 257
Иванов И. М. 169, 170
Иванов М. 216
Иванов Н. М. 170
Иванов С. А. («Заика») 50, 52—54, 57
Иванов Я. 297, 301
Иванова А. И. 160, 231
Ивановская А. А. 179, 364
Иваньшин Н. П. 244
Иванюков И. И. 163, 216, 217, 328
Игнатов В. Н. 10, 12
Игнатов Н. 232
Ильин Ф. Ф. 333
Исаев Г. П. 36
Истомин В. 367
Истомина Н. К. 315, 318, 364, 367
Итенберг Б. С. 22, 23, 355, 356, 361
Ишерский И. В. 125
Ишутин Н. А. 378

Кавелин К. Д. 202, 307, 383
Казакевич Р. Л. 22, 339
Калайтан Р. И. 103
Калмыкова А. М. 329, 331, 339, 385
Калюжный И. В. 338
Каминка А. И. 200
Компаниец (Кампаниец) Ф. Н. 78
Кант И. 292
Канчер М. Н. 20, 21, 356, 357, 369
Караваев А. Л. 197, 198, 203, 227
Каракозов Д. В. 378
Караулов В. А. 38, 44, 48, 49, 52—54, 65, 71, 335, 337, 341
Караулов Н. А. 48, 52, 53
Караулова П. В. (Личкус) 52, 53, 341
Карсев Н. И. 30, 205, 369
Карелин А. Е. 297—300, 302, 305, 306, 380—382
Карелин А. А. 173, 174, 255, 256, 377
Карелина (Сибилева) В. М. 25, 34, 279, 296, 377, 380, 381, 386
Карножицкая М. 174, 179
Карцев 41
Карышев Н. А. 328
Катков М. Н. 60, 339, 343, 360
Катренко А. Н. 370
Каутский К. 328, 380, 385
Кауфман А. А. 200
Каховский И. 36
Кашинский П. М. 266—269, 288, 289, 291, 292, 378
Кейзер И. И. 247, 251, 298, 301
Кейзер Н. 298
Кеннан Д. 290, 370
Кибальчич Н. И. 276, 365, 379

Клейбер (Клейнбер) И. А. 109, 110, 200, 210
Клеменц Д. А. 335, 365
Климанов Е. А. (Афанасьев) 22, 25, 26, 231, 246, 247, 259, 260, 262—265, 279, 296—301, 303, 318, 373, 380
Клименко М. Ф. 52
Кнебель 332
Князев М. П. 300, 301
Князев 131, 132
Кобелев К. И. 375
Ковальская Е. Н. 232
Коган-Бернштейн Л. М. 337
Коллонтай А. М. 332, 337
Колодонов А. М. 241—243, 245, 246
Колосов Е. Е. 340
Кольцов Д. (Гинзбург Б. А.) 19, 21, 84, 349, 361, 367
Колтынин 261
Конашевич В. П. 64, 344
Конопницкая М. 331
Конт О. 146, 154, 360, 366
Корба А. П. 52, 78
Корнилов А. А. 46, 201
Коробко 298, 300
Короленко В. Г. 36, 285, 331, 369, 370
Корольчук Э. А. 34, 364, 381
Корсаков П. А. 203
Косиновский А. 24
Косинский (Косиньский А.?) 257
Костанд 293
Костюрин В. Ф. 73
Котляревский М. М. 90, 128, 236
Котляревский Н. А. 368
Кочаровский (Качоровский) К. Р. 315, 318, 367, 375
Кравчинская (Личкус) Ф. М. 52, 341
Крайнева Н. И. 370
Красиков П. А. 28
Красин Г. Б. 28, 259, 282, 285, 291—294, 298, 300, 379—381
Красин Л. Б. 25, 34, 179, 193, 194, 196, 259, 261, 263, 266, 267, 297, 298, 300, 335, 336, 368, 376, 378, 379, 381, 384
Красный 214
Кржижановский Г. М. 294, 380
Кривенко С. Н. 30, 48, 66, 340, 342, 343
Крикунов В. П. 347, 349, 355, 363
Критский Ю. М. 32
Кропоткин П. А. 372
Крупская Н. К. 28, 333, 337, 376, 379, 385
Крутов И. И. 188—191, 241, 243, 245, 251, 311
Крутов П. В. 188
Крутова О. Л. 189
Крутовские 76
Крыжановский С. Е. 47
Кубалов Б. Г. 341, 344
Кугушев В. А. 15, 42, 46, 83, 84
Кудряшов В. 244
Кузин С. Е. 244
Кузюткин В. К. 252
Кулябко М. П. 64
Куницкий М. 341
Куницкий С. Ч. 46, 50, 51, 62—65, 341
Кучкин Н. 317
Лавров 13
Лавров Е. Н. 310
Лавров П. Л. (Миртов) 8, 14, 16, 60, 81, 163, 170, 230, 238, 271—273, 307, 338, 342, 343, 348, 355, 356, 361, 367, 372, 383
Лаврова С. 227
Лагербек 210
Лазарев Д. В. 22, 227, 228, 230, 231, 233, 235, 236
Лазарева В. В. 22
Лаппо-Данилевский А. С. 200, 327, 385
Лапченок С. Ф. 214, 216
Лассаль Ф. 16, 372
Латкин В. Н. 201
Латышев В. А. 42
Латышев П. А. 15, 42, 78, 83, 86, 88, 91, 337, 348, 349
Лафарг П. 27, 361, 375
Лебедев А. Н. («Лазарь») 244
Лейбович А. 127
Лелевель Б. 24
Лелевели 257
Лемке М. К. 344
Ленин В. И. 5, 9, 10, 12, 14, 15, 17, 25—28, 30—32, 34, 183, 287, 294, 328, 332, 333, 365, 367, 368, 373, 376, 379, 380, 383—386
Лепешинский П. Н. 29
Лесгафт П. Ф. 176, 366
Лесевич В. В. 205, 369
Либкнехт В. 333
Ливадин В. В. 244
Лийв 250, 251
Липкин Ф. А. 166

Липперт Ю. 327
Лисовский Н. К. 371
Лозинский М. А. 203
Лозинский С. 176
Лопатин Г. А. 7—9, 33, 40, 53, 54, 56, 61, 63, 65, 67, 69—78, 230, 240, 244, 335, 337, 342, 343, 345, 346, 349, 350
Лукашевич И. Д. 20, 125, 126, 171, 184, 356, 357, 359—361, 364
Луначарский А. В. 337
Лушникова В. А. 75
Льюис Д. Г. 216
Маклаков 298, 303, 305
Маклакова М. 298
Максимов Н. 189
Малченко А. Л. 380
Мальтус Т. Р. 170
Мандель С. З. 339
Мандельштам М. Н. 100, 108, 110—112
Мануилов П. Н. («Дед») 46, 50, 66, 68, 245
Марат Ж. П. 45
Марин 172, 179
Маркс К. 7, 9—14, 21, 30, 31, 39, 50, 85, 98, 105, 115, 132, 136, 149, 154, 163, 173, 195, 219, 238, 255, 271, 273, 275, 288, 297, 307, 310, 328, 332, 349, 355, 362, 365, 372, 380
Мартов Ю. О. 294
Мачтет Г. А. 353
Медведев 303, 305
Мезенцов Н. В. 103, 352
Мелье 132
Мельников Ю. Д. 266, 377
Менделеев Д. И. 271
Мендельсон 216
Мережковский Д. С. 200
Мерринг Ф. 330, 380
Меркулов В. А. 55
Меркулов С. В. 333
Мефодиев Г. А. 245, 246, 249, 251, 260—265, 267, 297—302, 305, 318, 323, 373
Мефодиев, брат Г. А. 251
Мещеряков Н. Л. 28, 242, 246
Миллер О. Ф. 47, 199, 200, 339
Милль Д. С. 163, 170, 216, 219, 238, 255, 272, 273, 327
Миловидова (Красина) Л. В. 288, 289, 291, 293, 298
Милюков Н. К. 200, 203
Миртов см. Лавров П. Л.
Михайлов А. Д. 297
Михайлов М. Л. 383
Михайловский Н. К. 30, 36, 48, 49, 72—74, 196, 205, 223, 229, 238, 250, 251, 262, 271, 272, 307, 328, 340, 341, 345, 347, 368—370
Михмандров 72
Мицкевич С. И. 30
Мищуров В. В. 32
Моложавый 175, 179
Морозов П. А. 247
Московский 216
Москопуло (Никонова) А. В. 100, 169
Мошкович Г. Г. 340
Мошковцев И. А. 89—91
Муромцев С. А. 287
Мусоргский М. П. 331
Мякотин В. А. 200
Мясникова А. 160, 161, 364
Нагорный О. И. 78
Нагоров 176
Надсон С. Я. 342
Наливкин 179
Наполеон III 209
Натансон М. А. 207, 369
Невзорова З. П. 333
Некрасов Н. А. 137, 296, 371, 385
Некрасов С. Н. 333
Некрасова 227
Неустроев К. Г. 43
Нечаев 179
Никвист А. А. 57, 72
Никитин И. 362
Никитинский А. Н. 246
Николаев 221
Николаев П. Ф. 268, 378
Николаева В. 304, 305
Николаевский Б. И. 338
Николай I 45, 209
Николай II 294
Николай Николаевич, вел. кн. 353
Никольский Б. В. 176, 203, 366
Никонов А. А. 169, 170, 172, 200
Никонов С. А. 20, 117, 161, 169, 170, 172, 216, 347, 352, 356, 360, 361
Никулина А. В. 82, 91
Новиков 201, 202
Новорусский М. В. 356, 360
Норинский К. М. 25, 28, 247, 298, 305
Норинская Ф. Н. 298
Оболенский Л. Е. 48

Обольянинов Л. А. 338
Обуховская С. Л. 43—46, 50
Овсянникова С. А. 19, 348
Овчинников М. П. («Дед») 67, 68, 75, 341, 344
Огарков 179
Окулич К. 28
Олесинов Ф. В. 50, 55, 66, 70, 238
Ольденбург С. Ф. 47, 200, 338, 339
Ольденбург Ф. Ф. 47, 200, 338
Ольминский (Александров) М. С. («Петр Петрович») 26, 28, 34, 188, 196, 238, 263, 264, 298, 304, 320, 323—325, 335, 350, 367, 368, 373—375, 381, 384
Ольхин А. А. 352
Ону А. М. 166, 200, 201
Онуфрович 50
Опульская Л. Д. 370
Орехов А. М. 24, 28
Оржих Б. Д. 19
Орлов М. 239
Орлов С. К. 91
Орлов С. 239
Орловский 99
Осипанов В. С. 20, 22, 147, 171, 184, 270, 357, 360, 361
Островский А. Н. 385
Островский С. А. 375
Остроумов А. 243, 244
Оуэн Р. 311, 383
Ошанина М. Н. 6—8, 54, 61, 65, 67, 72, 342, 343
Павлинов 216
Паль К. Я. 297
Панина С. В. 332, 386
Панов 241
Паршуков Н. П. 377, 384
Паули Н. К. 57, 72
Пашков В. А. 247
Первушин 213
Переляев Н. Н. 76
Пермяков К. М. 361
Перовская С. Л. 78, 82, 270, 335, 348, 373
Перфильев А. О. 173, 179
Песковский М. Л. 129, 130
Петровский Г. В. 24, 179, 255, 310, 377
Петровский (Окладский) И. Ф. 261
Петропавловская А. И. 231
Петрусинский Я. 341
Печаткин 301, 305
Пиккерсиль 216
Пилсудский Б. И. 106
Пирожков М. В. 168
Пирумова Н. М. 368
Писарев Д. И. 97, 296
Пихтин А. В. 43, 46, 72
Плеве В. К. 64, 344
Плеханов Г. В. (Бельтов) 10—14, 16—18, 20, 22, 26, 30—32, 42, 86, 88, 90, 139, 156, 183, 230, 240, 248, 249, 251, 253, 256, 268, 269, 275, 276, 294, 350, 354, 358, 366, 367, 372, 375, 378, 380—384
Плосский Э. 51, 58
Побегайло Э. Ф. 354
Победоносцев К. П. 5, 6
Погребов Н. И. 170
Подбельский А. В. 44, 50
Подбельский П. П. 36, 80, 337, 347
Подсосова 76, 77
Познанский 289
Познер Д. И. 82, 88
Полевой Ю. З. 15, 350
Поленов Е. 223
Полонский П. Я. 60, 343
Поляков А. С. 348, 349, 356, 357, 360
Поляков С. Л. 81, 339
Пономарева В. 334
Попов В. 232
Попов И. И. 33, 35, 42, 50, 52—54, 67, 335, 337, 341, 345, 347, 348, 352, 356, 358, 363, 365, 366, 368, 369, 374, 379, 383, 385
Попов Илья И. 37
Попов Н. И. 49
Поссе В. А. 166, 201, 355, 364
Потресов А. Н. 28, 183, 294, 367
Потулов 236
Прейс Е. А. 29
Прибылев А. В. 52, 78
Прибылева Р. Л. 52
Прозоровский И. А. 44, 46, 78
Протопопов Д. Д. 201, 203, 339
Протопопов М. Д. (Горшков) 57
Прошин В. И. 26, 28, 247, 265, 305
Пугачев Е. И. 157, 241
Пушкин А. С. 35, 58, 78, 343
Пятницкий 201
Радченко И. И. («Касьян») 294, 380
Радченко С. И. 28, 294, 380, 381

Разин С. Т. 157, 305
Разуева Т. 298
Разумовская А. 112, 179, 364
Райчин С. Г. (Ляхович Ф.) 27, 268, 269, 378
Ракитников Н. 217, 218
Раппопорт Х. Л. 356
Раппопорт Ю. Г. 383
Растеряев И. С. 301, 302, 304
Ратцель Ф. 327
Ревенский Г. П. 285
Рейтлингер Н. А. 201
Решетников Ф. М. 296
Рехневский Ф. Ю. («Круль») 50, 51, 54, 63, 65, 71
Римчайло 179
Робеспьер М. 45
Родзевич 51
Родзевич Г. М. 24, 257, 311
Родзевич Ю. И. 24, 311, 364
Родичев Ф. И. 203, 369
Рошфор А. 209
Рубакин Н. А. 302, 332, 382
Рубакина Л. Т. 382
Рудевич Н. П. 356, 359, 360, 369
Руделев Н. 265, 266, 267, 269
Руднев С. 244
Румянцев П. П. 175, 179
Русанов Н. С. 155, 362, 383
Сабунаев М. В. 367, 374, 375
Сабуров А. А. 80, 337
Сазонов Г. П. 46, 206
Сазонов Е. С. 344
Сажин В. Н. 370
Сайкин С. О. 345
Салазкин С. С. 40
Салова Н. М. 50, 52, 53, 71—73, 75, 78, 79, 346
Салтыков-Щедрин М. Е. 99, 100, 101, 106, 134, 175, 223, 229, 312, 313, 325, 340, 345, 364, 370
Самойлович Я. 238, 239
Свешников М. М. 203, 204, 205, 369
Святловский В. В. 301, 303, 381
Секеринский П. В. 168
Семевский В. И. 20, 83, 102, 197, 205, 328, 347, 348
Семенов (Семка, Семеныч) 231
Семенов Н. И. 46
Сен-Симон К. А. 181, 273, 366
Сенчакова Л. Т. 342, 344, 345, 371
Серафимович А. С. 362
Серебряков Э. А. 78, 383
Серебряков Я. 238
Серебряковы 227
Серебрянникова Е. П. 304, 382
Серебряный 332
Сергиевский Н. Л. 350, 371
Сибилева В. В. 333
Сильвин М. А. 380
Синявский А. Л. 165
Скабичевский А. М. 370
Скалон В. Ю. 203, 369
Скворцов 44
Скворцов П. Н. 286, 287, 380
Скобелев М. Д. 215
Слепцова 227
Смирнов Н. Е. 29
Соколов Н. Д. 177, 217, 272, 379
Соколов П. 201
Соловьев В. С. 205, 369
Соловьев С. М. 369
Сосновский М. И. 360
Спасович В. Д. 51, 341
Спенсер Г. 136, 163, 219, 296
Спиридович А. И. 367
Станюкович К. М. 368
Старков В. В. 380
Стародворский Н. П. 64, 344
Старынкевич Д. Ю. 46
Старынкевич И. Ю. 46
Стасов В. В. 331, 384, 386
Стасов Д. В. 329, 384
Стасова Е. Д. 34, 327, 337, 384, 385, 386
Стасова Н. В. 99, 100
Стасова П. С. 328
Стасова 304
Стасюлевич М. М. 60, 343
Степанов В. Л. 201
Степанов 46
Степняк-Кравчинский С. М. 52, 341, 350, 365, 368
Степурин К. А. 54—56, 62, 65, 67, 69, 71, 78, 342
Страхова М. И. 332
Струве П. Б. 28, 31, 108, 183, 193, 248, 253, 272, 354, 366, 375, 376, 379, 384
Суворин А. С. 367
Судакова 46
Судаковы 78
Судейкин Г. П. 6—8, 46, 53, 61—67, 79, 240, 341, 344, 346
Судковский 64
Сузюмова П. 91
Сутырин В. А. 358
Сухомлин В. И. 345, 346
Сущинский М. Я. 28, 246

Сыромятников С. 201
Таганцева Л. С. 327
Тан см. Богораз-Тан В. Г.
Таратута Е. А. 341
Твардовская В. А. 343
Телалов П. А. 78
Тележинский 203, 204
Тенишев А. 103
Тенишев 191
Теселкин М. М. 42, 90—92, 350
Тименков-Фролов 49
Тимофеев И. И. 22, 25
Тимофеев М. М. 166, 174—179
Тиханович 232
Тихомиров Л. А. 6—8, 14, 54, 61, 65, 67, 72, 230, 342, 343, 348, 361, 372
Толстой Д. А. 74, 339, 345, 346, 347, 357
Толстой Л. Н. 35, 101, 106, 163, 210—213, 229, 230, 365, 366, 370, 385
Томсоньян 298
Торнтон 261, 333, 377
Точисская М. В. 22, 222, 223, 226, 228, 231, 233, 235
Точисский П. В. 22, 23, 24, 33, 34, 222—231, 233—237, 350, 363, 371, 372, 373, 377
Точисский Ф. В. 222
Трепов Ф. Ф. 10, 343, 367
Троицкая 203
Троицкий Н. А. 341, 342, 344, 346, 350, 370, 381
Трофимов А. 244
Трофимов Ж. 357
Трубниковы 46
Туган-Барановский М. И. 108, 110, 111, 112, 114, 183, 354, 355, 366
Тулинов 131
Тулуповы М. Е. и Г. Е. 29
Туманов Е. Ф. 301
Тун А. 71, 192, 290, 349, 367
Тургенев И. С. 35, 58—61, 95, 137, 341, 343, 385
Турковский В. С. 375
Тэннер И. Э. 174, 179
Тютчев Н. С. 369
Ульянов А. И. («Иннокентий Васильевич») 20—22, 32—34, 94—132, 134—143, 145—152, 159, 161, 170, 171, 184, 186, 201, 270, 339, 347—349, 351—364, 366, 368, 369, 374, 376
Ульянов И. Н. 135
Ульянова М. А. 128—133, 135
Ульянова-Елизарова А. И. 33, 34, 94, 135, 351, 352, 357, 359, 360, 364—366, 384
Умов В. 127
Усова С. Е. 44, 48, 66
Успенский Г. И. 72, 73, 75, 296, 328
Устругова (Плаксина) Е. Д. 333
Ушинский Н. Г. 73, 338
Фалеев 213
Фанюкова Н. 203
Федоров (Петро) П. М. 232
Федоров 140, 359
Федосеев Н. Е. 13, 380
Федотова А. И. 239
Федулов А. А. 28, 29, 174, 176, 179, 188, 246
Фейдин 179
Фейербах Л. 12
Фейт А. Ю. 28, 179, 246
Фетисов 245
Фигнер В. Н. 6, 33, 54—56, 74, 78, 332, 337, 341—343
Фигнер О. Н. 46, 79
Филимонов А. С. 302, 373
Филиппов Н. С. 337
Фишер Г. М. 247, 265, 301, 304, 305
Фламмарион К. 302
Флексер (Волынский) А. Л. 201
Флеров Н. М. 33, 36, 37, 43, 45, 48, 50—53, 55, 63, 65—67, 68, 70—72, 74, 77, 78, 335, 336, 345
Флеровский см. Берви-Флеровский В. В.
Флоровский С. Н. 75, 78, 79, 174
Фойницкий С. Я. 169, 187, 318, 367, 375
Фомин В. В. 25, 257, 377, 384
Франжоли А. А. 36
Франк Р. Ф. 59, 75
Францов К. Э. 330
Фрей (Гейнс) В. К. 170, 366
Фрейфельд Л. В. 367
Фрелих Н. Н. 246
Фунтиков С. И. 263
Хаит Г. Е. 365
Халтурин С. Н. 276, 297
Хардин А. Н. 122
Харитонов В. Г. 15, 18, 33, 42, 80, 346, 347, 349, 350, 352, 358, 360—362, 365, 379
Хлебников С. А. 374
Хлодовский 218

Хлопин Г. В. 83, 347
Хлопов В. Ф. 297, 298, 300
Хлопова Т. 298
Храповицкий А. П. 166
Хренов Е. 265, 266
Цебрикова М. К. 301, 381
Цветков А. А. 214
Цивильков 366
Цивиньский В. С. 25, 179, 193, 196, 246, 257, 263, 265, 266, 275—278, 297—299, 302—304, 382
Чеботарев И. Н. 20, 98, 104—106, 112, 116, 117, 127, 132, 170, 201, 352—355, 365
Чекулаев С. И. 43, 44, 46
Черепанов 213
Чермак Л. К. 246
Чернышев П. Ф. 353
Чернышевский Н. Г. 7, 39, 56, 163, 170, 219, 238, 255, 271—273, 296, 313, 314, 325, 327, 360, 385
Черняевский Г. 218
Черняк А. Я. 355
Чехов Н. В. 203
Чечулин 201
Чешер 302
Чупров А. И. 328
Шалаевский И. А. 226, 228, 231
Шагеев 77
Шаповалов А. С. 29
Шапошников 239
Шатько П. П. 15, 42, 83, 84, 87
Шаховской Д. И. 46, 201, 338, 339
Шаховской Ф. П. 338
Шебалин М. П. 54, 57, 61, 69, 71, 342—344
Шевченко Т. Г. 175
Шевырев П. Я. 20, 22, 33, 116, 117, 119—122, 128, 134, 139—153, 156, 171, 184, 201, 270, 348, 355—357, 359—362, 369, 374, 376
Шевырев 121
Шейдевандт 220
Шелгунов В. А. 22, 25, 305
Шелгунов Н. В. 19, 26, 27, 30, 48, 49, 196, 210, 249, 251, 262, 263, 281, 299, 307—309, 319, 324, 325, 341, 368, 377, 383, 384
Шелгунов Н. Н. 19, 218
Шелгунова Л. П. 383
Шеффле А. 230, 372
Шиллер Ф. 306
Шипицын А. Н. 44, 46, 60
Шипов 167
Широкова В. В. 369
Ширяев 174, 179
Шкряба Ф. 240
Шмидова (Клюге) Р. А. 107, 112, 117, 126, 127, 354, 374
Шопенгауэр А. 292
Шпильгаген Ф. 330
Шрамек 214
Штанге А. Г. 170, 208
Штернберг Л. Я. 336
Штрипан Г. С. 252
Штритер 226
Штромберг А. П. 74
Шувалов П. А. 343
Шувалов П. П. 62, 343
Шулепникова В. В. 78
Щапов А. П. 331, 385, 386
Щербо 232
Щетинина Г. И. 337, 340, 350
Энгельс Ф. 7, 9—12, 14, 17, 31, 251, 288, 327, 361, 362, 372, 375, 379, 380, 385
Югилевич М. И. 238
Южаков С. Н. 20, 30, 196, 197, 205, 207, 210, 368
Юзов (Каблиц И. И.) 206
Юньев С. И. 179
Якобсон Я. 192, 193
Яковенко Е. И. 359, 360
Яковлев И. 305
Яковлев П. 232
Яковлев 301, 319
Якубова А. А. 333
Якубович П. Ф. (Мельшин Л.) 7, 33, 35, 36, 48—50, 52—54, 56—60, 61, 62, 63—65, 67—76, 78, 79, 113, 331, 335, 336, 342, 344—346, 374
Ямщикова Е. А. 339, 344
Янжул И. И. 155, 205, 279, 362
Янкулио 236
Яроцкий А. И. 293
Ястржембский Ф. 46

ПЕРЕЧЕНЬ ПЕРЕИМЕНОВАННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ЛЕНИНГРАДА

Александровский чугунолитейный завод — Ленинградское объединение «Пролетарский завод»
Арсенал — «Арсенал» им. М. Фрунзе
Балтийский судостроительный и механический завод морского министерства — Балтийский судостроительный завод им. Серго Орджоникидзе
Берда Д. завод — см. Франко-Русского т-ва машиностроительный завод
Богданова и К° табачная фабрика — 1-я государственная фабрика Ленинградского производственного объединения им. М. С. Урицкого
Варгунина-Кочубея завод — Невский химический завод
Воронина-Лютш-Чешер фабрика — см. Резвоостровская бумаготкацкая мануфактура И. А. Воронина
Екатерингофская бумагопрядильная фабрика — см. Резвоостровская бумаготкацкая мануфактура И. А. Воронина
«Лаферма» табачная фабрика (тов-во) — Табачная № 2 фабрика им. М. С. Урицкого
Невская бумаготкацкая и красильнонабивная фабрика — Прядильно-ткацкий комбинат им. В. П. Ногина
Николаевская железная дорога — Октябрьская железная дорога
Новая Бумагопрядильная мануфактура (тов-во) — Фабрика им. П. Анисимова
Обуховский сталелитейный завод Морского министерства — завод «Большевик»
Паля К. Я. фабрика — см. Невская бумаготкацкая и красильнонабивная фабрика
Печаткина писчебумажная фабрика — Бумажная фабрика № 1 им. М. Горького
Пороховой завод — Охтенский химический завод
Путиловский машиностроительный и металлургический завод — Кировский завод
Резвоостровская бумаготкацкая мануфактура И. А. Воронина — Резвоостровская прядильно-ткацкая фабрика объединения «Возрождение»
Резиновая мануфактура — объединение «Красный треугольник»
Сан-Галли завод — Научно-производственное объединение «Бумаш»
«Сименс и Гальске», электротехнический завод — Ленинградское производственное объединение им. Н. Г. Козицкого
Торнтона (тов-во) шерстяных изделий фабрика — Комбинат тонких и технических сукон им. Э. Тельмана
Франко-Русского т-ва машиностроительный завод (быв. Берда) — завод по производству алюминиевой фольги им. К. Е. Ворошилова
Чешера фабрика — см. Воронина-Лютш-Чешер фабрика
Штритера водочный и ликерный завод — Винодельческий завод Азербайджанской ССР
Экспедиция заготовления государственных бумаг — «Монетный двор» Гознака

ПЕРЕЧЕНЬ ПЕРЕИМЕНОВАННЫХ УЛИЦ ЛЕНИНГРАДА

Александровский пр. — пр. Добролюбова
Воскресенский пр. — пр. Чернышевского
Гесслеровский пр. — Чкаловский пр.
Глазовая (Глазовская) ул. — ул. Константина Заслонова
Екатерингофский пр. — пр. Римского-Корсакова
Забалканский пр. — Московский пр.
Знаменская ул. — ул. Восстания
Казанская ул. — ул. Плеханова
Морская ул. — Большая Морская ул. — ул. Герцена, Малая Морская ул. — ул. Гоголя
Ново-Петергофский пр. — Лермонтовский пр.
Пески — 1—10-я Советские ул.
Полюстровская наб. — Свердловская наб.
Рижский пр. — пр. Огородникова
Рождественская ул. — Советская ул.
Сергиевская ул. — ул. Чайковского
Симеоновская ул. — ул. Белинского
Столярный пер. — пер. Пржевальского
Шпалерная ул. — ул. Воинова

СОДЕРЖАНИЕ

	Текст	Примечания
На переломе	5	
И. И. Попов. МИНУВШЕЕ И ПЕРЕЖИТОЕ	35	335
В. Г. Харитонов. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ УЧАСТНИКА ГРУППЫ БЛАГОЕВА	80	346
А. И. Ульянова-Елизарова. ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АЛЕКСАНДРЕ ИЛЬИЧЕ УЛЬЯНОВЕ	94	351
О. М. Говорухин. ВОСПОМИНАНИЯ ОБ А. И. УЛЬЯНОВЕ, П. Я. ШЕВЫРЕВЕ, В. Д. ГЕНЕРАЛОВЕ И П. И. АНДРЕЮШКИНЕ	134	358
А. Л. Брейтфус. [ВОСПОМИНАНИЯ О ВСТРЕЧАХ С А. И. УЛЬЯНОВЫМ]	159	363
В. В. Бартенев. ВОСПОМИНАНИЯ ПЕТЕРБУРЖЦА О ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1880-х ГОДОВ	162	364
А. Л. Брейтфус. ТОЧИССКИЙ И ЕГО КРУЖОК	222	371
М. С. Ольминский. ДАВНИЕ СВЯЗИ	238	373
М. И. Бруснев. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПЕРВЫХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ	254	376
Л. Б. Красин. ДЕЛА ДАВНО МИНУВШИХ ДНЕЙ (1887—1892)	270	378
В. М. Карелина. НА ЗАРЕ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В С.-ПЕТЕРБУРГЕ	296	380
В. С. Голубев. СТРАНИЧКА ИЗ ИСТОРИИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ (Памяти Н. В. Шелгунова)	307	382
Е. Д. Стасова. ПУТЬ ВЫБРАН	327	384
Примечания	335	
Указатель имен	387	
Перечень переименованных предприятий	397	
Перечень переименованных улиц Ленинграда	398	

От народничества — к марксизму: Воспоминания О-80 участников революционного движения в Петербурге (1883—1894 гг.)/Сост. И. Н. Курбатова, Т. А. Аркушенко. — Л.: Лениздат, 1987. — 399 с., ил. — (Б-ка революционных мемуаров «Из искры возгорится пламя»).

Книга посвящена революционному движению в Петербурге в 1883—1894 гг. Это были первые шаги по пути соединения марксизма с рабочим движением. Авторы воспоминаний рассказывают о деятельности первых социал-демократических организаций, а также революционных народников, в частности группы А. И. Ульянова. В сборник включены воспоминания И. И. Попова, В. Г. Харитонова, А. И. Ульяновой-Елизаровой, М. С. Ольминского, Л. Б. Красина и др.

Рассчитана на массового читателя.

$\text{О}\ \frac{0505020000-195}{\text{М171(03)}-87}\ 103-87$ 63.3(2)51

ОТ НАРОДНИЧЕСТВА — К МАРКСИЗМУ

Воспоминания участников революционного движения в Петербурге (1883—1894 гг.)

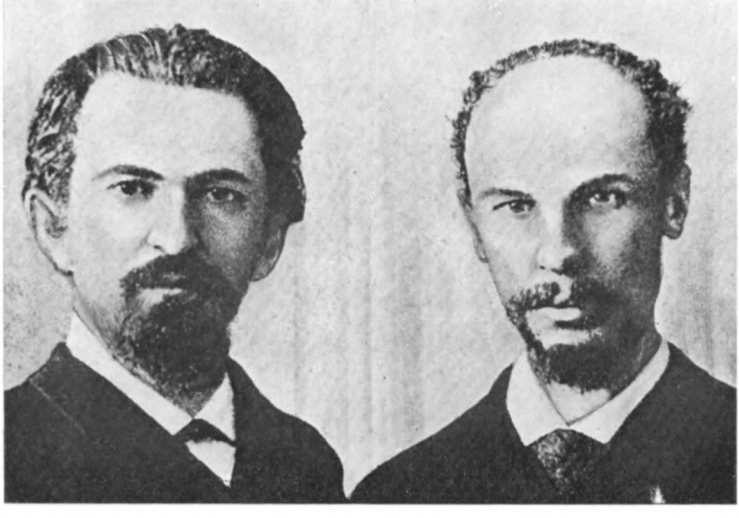
Составители:
Ирина Николаевна Курбатова, Татьяна Александровна Аркушенко

Заведующий редакцией Ю. А. Васильев. Редактор Е. Б. Никанорова. Художник Л. А. Яценко. Художественный редактор А. К. Тимошевский. Технические редакторы И. Г. Сидорова, И. В. Буздалева. Корректор Н. Р. Качалова

ИБ № 4185

Сдано в набор 23.03.87. Подписано к печати 23.09.87. М-38383. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарн. литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 21 + вкл. 0,84. Усл. кр.-отт. 22,26. Уч.-изд. л. 24,34 + вкл. 0,60 = 24,94. Тираж 50 000 экз. Заказ № 105. Цена 1 р. 40 к.

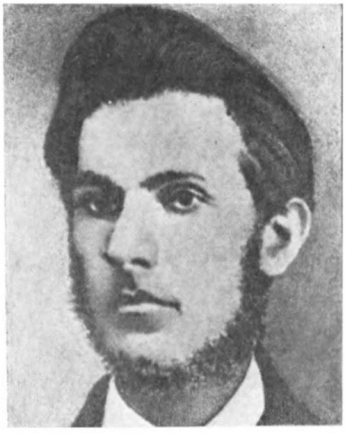
Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

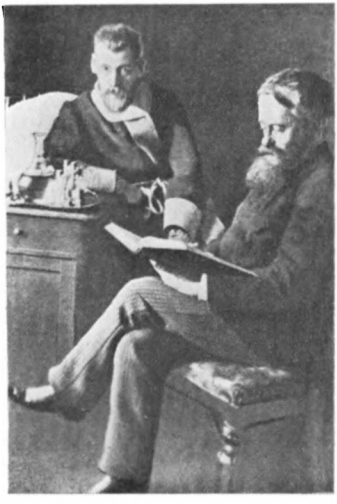


Г. А. Лопатин

П. Ф. Якубович

В. А. Бодаев и Н. М. Флеров





И. И. Попов

А. Н. Бах

С. И. Чекулаев, А. Н. Шипицын, А. В. Пихтин

Н. К. Михайловский и Н. В. Шелгунов

В. И. Семевский

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ОТСТАВНОЙ ШТАБСЪ-КАПИТАНЪ

СЕРГѢЙ ПЕТРОВЪ ДЕГАЕВЪ

обвиняется въ убійствѣ 16-го Декабря 1883 года Подполковника Судейкина

5,000 РУБЛЕЙ

назначено за сообщеніе полиціи свѣдѣній, которыя, дадутъ возможность опредѣлить мѣстонахожденіе Дегаева, поведутъ къ его задержанію

10,000 РУБЛЕЙ

будутъ выданы тому, кто, указавъ полиціи мѣстопребываніе Дегаева, окажетъ содѣйствіе къ задержанію преступника.

Розыскное объявление департамента полиции на С. П. Дегаева

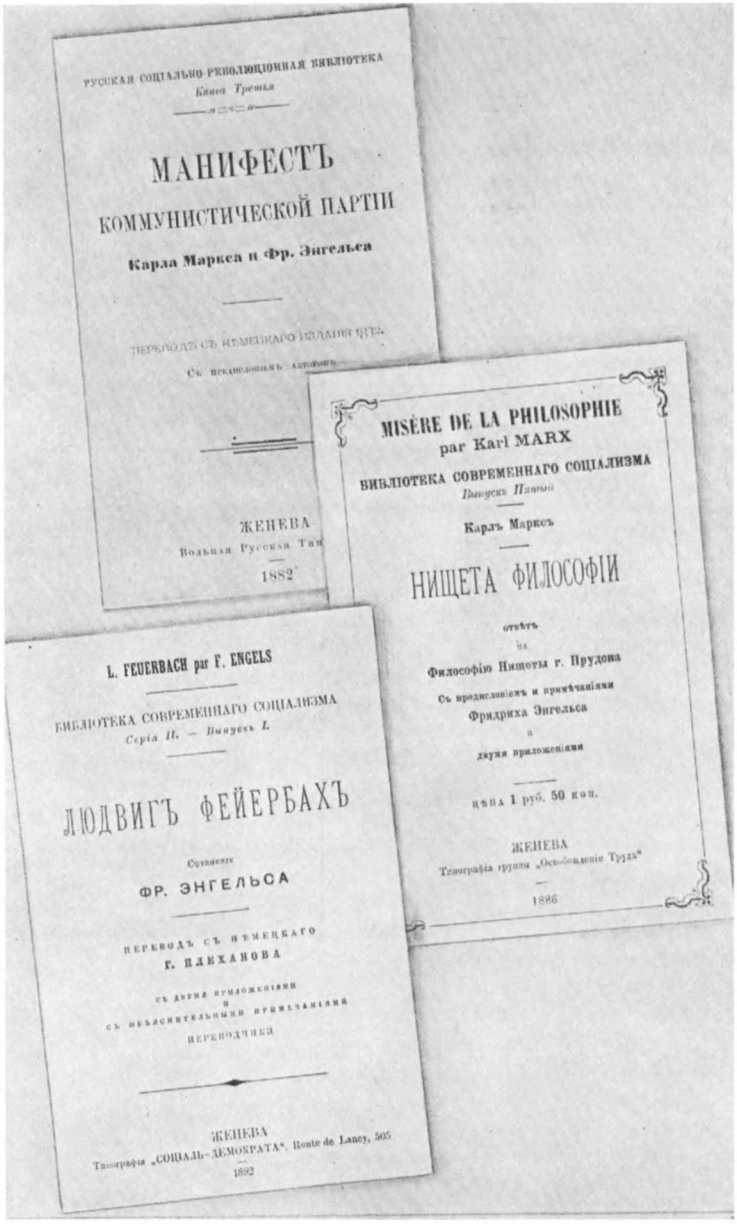
Г. В. Плеханов

В. И. Засулич

П. Б. Аксельрод

Л. Г. Дейч

В. И. Игнатов

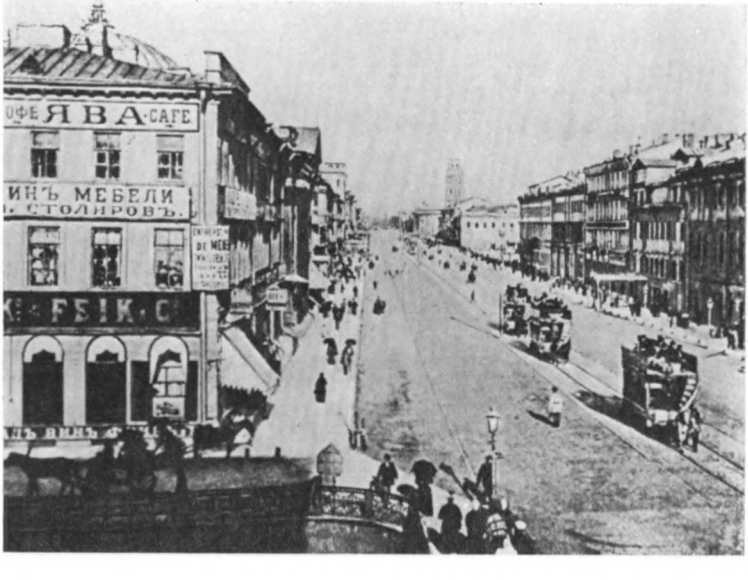


Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса, изданные группой «Освобождение труда»

Произведения Г. В. Плеханова

Д. Благоев

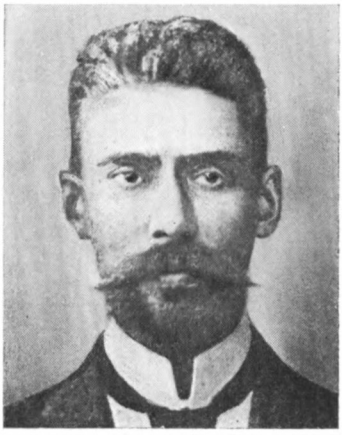
Члены «Партии русских социал-демократов». Слева направо: **Г. В. Хлопин, В. Г. Харитонов, Н. А. Бородин,** внизу **В. А. Кугушев**



П. В. Точисский

А. Л. Брейтфус

Невский проспект в конце XIX в.



В. В. Бартенев

М. С. Ольминский

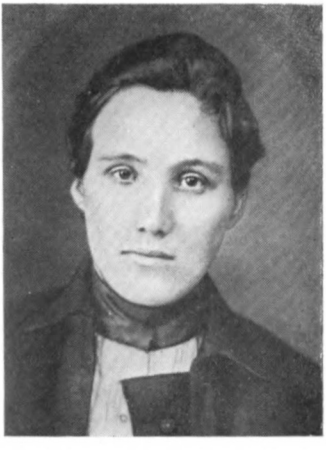
Тучков переулок, 20. В этом доме последний раз собирались члены группы А. И. Ульянова

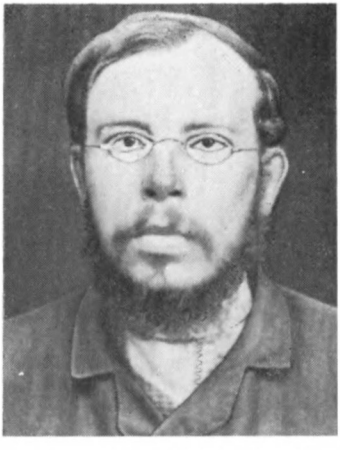
Члены «Террористической фракции „Народной воли"»: **А. И. Ульянов, П. Я. Шевырев, П. А. Андреюшкин, В. Д. Генералов, В. С. Осипанов.**

А. И. Ульянова-Елизарова

О. М. Говорухин

М. В. Новорусский



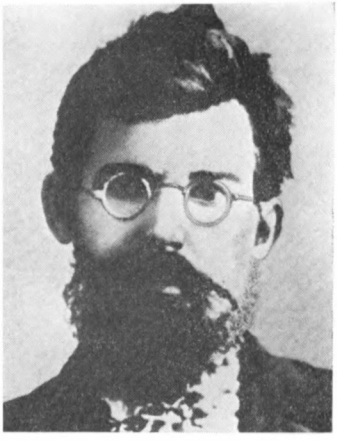


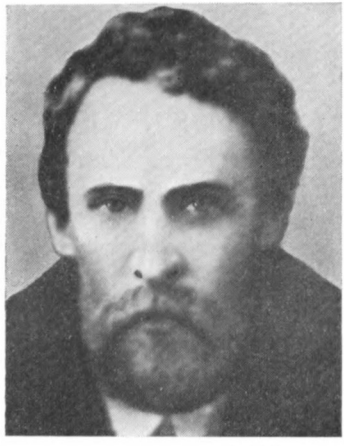
М. И. Бруснев

В. М. Карелина

Л. Б. Красин

В. С. Голубев

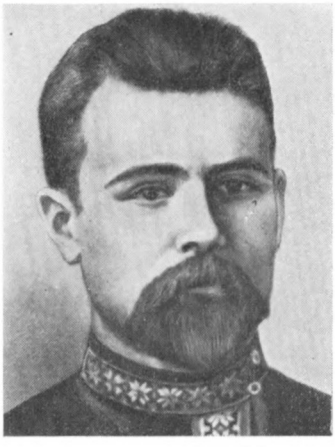




Ф. А. Афанасьев

Н. Д. Богданов

К. М. Норинский



В. А. Шелгунов

В. В. Фомин

Прогулка заключенных в тюремном дворе

Члены «Рабочего союза» в начале 1900-х гг. Слева направо сидят: **В. А. Князев, Н. Д. Богданов, Н. Кейзер, В. М. Карелина, А. Ильин, Е. А. Климанов (Афанасьев), Ф. А. Афанасьев, П. Иванова** (?), стоят: **И. И. Яковлев, А. Е. Карелин.**

Е. Д. Стасова